

**Миколаївський
літературно-художній журнал
«СОБОРНА ВУЛИЦЯ»
№ 3-4 (14-15) 2016 р.**

Головний редактор:
Дмитро КРЕМІНЬ

Редакційна колегія:
Євген МІРОШНИЧЕНКО
Володимир ПУЧКОВ
Ілля СТАРИКОВ
Олексій ТОРХОВ
(випусковий редактор)

Редакційна рада:
Таміла БУГАЄНКО
Олександр ГЛУШКО
В'ячеслав КАЧУРІН
Тарас КРЕМІНЬ
Станіслав МАРТИРОСОВ
Сергій ПІСКУРЬОВ
Олександр ПРОНКЕВИЧ
Сергій РОСЛЯКОВ
Олександр СИЗОНЕНКО
Тетяна ТВЕРДА
Тетяна ФАБРИКОВА

Художник:
Юрій КОРНЮКОВ

Засновник і видавець:
Редакція газети «Рідне Прибужжя»

Свідоцтво про реєстрацію:
серія МК № 846-342/Р від 4 травня 2012 р.

Адреса редакції та видавця:
54001, м. Миколаїв, вул. Нікольська, 46

E-mail: s-street.red@yandex.ru

Журнал видається з червня 2012 р.
російською та українською мовами
за участю обласних організацій
Національної спілки письменників України,
Конгресу літераторів України,
Спілки письменників Росії

Періодичність – один раз на квартал
Розповсюджується безкоштовно

Віддруковано:
СПД Румянцева Г. В.
54001, м. Миколаїв, вул. Бузника, 5/1.
Свідоцтво суб'єкта видавничої справи
МК № 11 від 26.01.2007 р.

Формат 60x841/8
Умовн. друк. арк. 20,93
Замовлення № 2212-2
Тираж 500 прим.

**Видано в рамках обласної
Програми підтримки
вітчизняного книговидання,
книгорозповсюдження та популяризації
української книги в Миколаївській
області на 2011-2015 роки
(термін дії Програми подовжено на
період до 2017 р. рішенням Обласної
ради від 25.12.2015 р.).**

СОБОРНАЯ УЛИЦА СОБОРНА ВУЛИЦЯ

**Николаевский
литературно-художественный
журнал**

**3-4
2016**

СОДЕРЖАНИЕ

КОЛОНКА РЕДАКТОРА

Дмитро КРЕМІНЬ: Над берегами вічності 3

БУГСКАЯ ОЙКУМЕНА

Лариса ЯНИШЕВСКАЯ: Объект всемирного наследия 4

Евгений МИРОШНИЧЕНКО: Западный берег 8

ПОЭЗИЯ

Степан КРИЖАНІВСЬКИЙ: Сльозою пройняті пісні 18

Екатерина ГОЛУБКОВА: Я – ваша сестра! 23

Сергей Гаврилов: Осенняя ностальгия Екатерины Голубковой 29

Олексій ТОРХОВ: Людина поезії 42

Александр ИВАНОВ: Колокол небес 46

Юлія НАБОК-БАБЕНКО: Прозріння в дитячій кімнаті 61

Аркадий СУРОВ: Птица в груди 64

Артем БЕБИК: В окояні одиноких акаунтів 83

Юрий ГРОСМАН: Я жил в этом мире 86

Ангелина Крихели. Когда мы теряем... *Памяти Юрия Мееровича* 90

Валерий ФАЛЁВ: След от дилижанса 97

Анна ШЕРЕДЬКО: Ніби немає зупинок 101

ПРОЗА

Микола ВІНГРАНОВСЬКИЙ: Рік з Довженком. *Спогад. Наш батько. Оповідання* 32

Василь НІКІТІН: Баба з вусами. *Бувальщина* 39

Евгений КУЦЕВ: Кондитер Фессер. Ракушка. *Рассказы* 50

Илья СТАРИКОВ: Либида Вильгейма Райха. Небо Натальи Малышевой.

Миссия Давида Айзмана. Историко-психологические новеллы 69

Юрій ДЕМЧЕНКО: Німецька вівчарка. *Оповідання* 91

Вадим ШПИЛЕВОЙ: Агитбригада. *Рассказ* 105

ПУБЛИЦИСТИКА

Дмитро КРЕМІНЬ: «Я встав з колін і небо взяв за зорі...» 111

Александр МИТРОФАНОВ: Говорит «Радио Николаев» 122

Інна БЕРЕЗА: Повернення Спиридона Черкасенка 127

Александр КАРМАНОВ: Опять над пропастью во лжи 131

МАСТЕРСКАЯ

Александр ТОПЧИЙ: Две жизни Владимира Зебека. *Документальная повесть* 138

Любовь ОМЕЛЬЧЕНКО: Живописные симфонии 150

Наталья САПАК: Грани его таланта 152

Андрей СЛИВА: Паруса Юрия Першина 156

АРХИВ

Яков БУТОВИЧ: Лошади моего сердца. *Мемуары* 159

Адриан ТОПОРОВ: Фарт. *Рассказ* 165

НИКОЛАЕВСКАЯ КНИГА

Станислав Козлов. Елена Иваненко: «Задача – поддержать николаевских авторов» 169

Издательский перекрёсток.

Обзор с Евгением Мирошниченко (С. Галушкин «Рассказы и повести»; З. Шаталова «За далью – Даль»;
Н. Кухар-Онышко «Корифеї українського театру на Миколаївщині») 171

Владимир Пучков. История – языком оригинала. *О книге Владимира Шукина* 173

Поэтическая полка с Алексеем Торховым (К. Коваленко «Книга ангелов и стрекоз»;
А. Куцолабский «Эволюция») 174

ЭКСЛИБРИС

Татьяна СЕРЕБРЯКОВА: Корабли мысли 178

ОБЛОЖКА

Володимир ЩУКІН: Миколаївська обсерваторія 180

НАД БЕРЕГАМИ ВІЧНОСТІ

Ще день, ще два – і міняйте календар: і Миколаїв, і весь глобалізований світ осяє чергове планетарне свято – Новий рік, Різдво...

Кожне свято тепер планетарне – дороге для миколаївців Свято Миколая Чудотворця, самі розумієте, відзначаємо як свято покровителя моряків і чарівника, що приносить подарунки дітям. У сучасному буремному, справді ураганному, штормовому світі хочеться доброї, людяної казки, а не демагогічних обіцянок од політиків, од фарисеїв Судного дня...

Вічний порив до Едему, Елізіуму, Раю не покинув людство й тепер, і тепер ми віримо в золотий берег...

На чорноморських берегах і на берегах наших рік – у добрій надії на вічний мир о часі війни – ми творимо наш літературно-мистецький журнал-білінгва. Своєю творчістю наші уславлені та молоді автори засвідчують: у цьому духовному просторі чужинців нема!

Тільки талант, оприявлений у мові твору, приводить поета, прозаїка, драматурга, есеїста, критика, краєзнавця на той омріяний берег, з якого видно ріку вічності. Не Лету – ріку забуття, в якій потонули анонімні автори ще з еллінських часів, а видно ріку пам'яті. Древні сувої та палімпсести, книги та інкунабули – все це є в наших лібереях-бібліотеках, і ми з мертвих воскрешаємо рапсодів минулих літ і століть, публікуючи їх твори та друкуючи спогади про них. А цих людей на миколаївських просторах – невпрогорт, досить погортати сторінки нашого журналу.

Особливо рясним на ювілеї наших видатних краян виявився 2016 рік, а відтак із номера в номер ми писали про них. Символічно, що найстарішим у віртуальній «Миколаївській Вікіпедії» виявився легендарний мічман Даль – він народився в 1801 році, на 12-му році буття самого міста корабелів, мореплавців, ув істинно адміралтейському місті! Уславлений письменник і лікар, лексикограф, друг О. С. Пушкіна і Т. Г. Шевченка, він зібрав у Миколаєві грандіозний масив української лексики, яку заповідав майбутньому творцю словника української мови. Так із легкої руки творця «Толкового словаря живого великорусского языка» за століття постав «Словарь української мови» Бориса Грінченка. Попри Валувеський циркуляр, Емський указ Олександра II, рідна мова звучала в школах, організованих Миколою Аркасом, сином адмірала і видатним істориком та композитором, засновником «Просвіти» в Миколаєві. Берегли наші предки і попередники «вогонь в одежі слова», хоча палили книги на вогні варвари ХХ століття! Всім воздалося!

Малоосвічені, а то й просто малописьменні наші краяни-нігілісти скептично ставляться до тих духовних вершин, які видно не тільки з чиновницького кабінету чи філістерського офісу. Буває, що гинуть коштовні раритети літератури і мистецтва. Так мало не загинув архів уславленого поета-земляка Марка Лисянського в Москві, і тільки зусиллями нашого земляка Олександра Павлова безцінні рукописи, книги і фотографії знайшли притулок у м. Подольську. А колишній студент-історик із Миколаєва і киянин тепер Вахтанг Кіпіані вберіг од знищення архів геніального співака Дмитра Гнатюка: його архів на смітник викинула хатня робітниця, як каже нині син Андрій...

У нас немало приватних бібліотек, які треба зберегти для нащадків. Але треба зберегти для вічності твори наших земляків, імена яких складають велику ціну для всієї України, для цивілізованого світу. Про це нещодавно глибоко і переконливо говорили учасники Всеукраїнської науково-практичної конференції «Літературний дивосвіт краян-ювілярів» – учене зібрання проходило 22–23 вересня в Миколаївському обласному інституті післядипломної педагогічної освіти. На фасаді увічнили нашого видатного краянина Валерія Бойченка (1941–2011), поета і перекладача, публіциста і громадського діяча.

У нашому журналі вже опубліковано чимало есеїв про видатних земляків, а в цьому числі ми складаємо шану пам'яті Миколі Вінграновському, місячник якого проходив з 7 жовтня по 7 листопада 2016 року.

Далеко-далеко, та видніються і наші береги, звідки нам ступити у вічність...

Николаевской астрономической обсерватории – 195 лет

Лариса ЯНИШЕВСКАЯ

ОБЪЕКТ ВСЕМИРНОГО НАСЛЕДИЯ

Николаевская астрономическая обсерватория, одна из старейших обсерваторий Юго-Восточной Европы, была основана как морская в 1821 году. Сейчас это ведущая научная организация Украины в области позиционной астрономии. В 2007 году она была занесена в Предварительный список объектов Всемирного наследия ЮНЕСКО.

Как любая научная организация, Николаевская обсерватория имеет большую научно-техническую библиотеку, её специальный фонд представляет собой наиболее полное собрание изданий по астрономии в Украине (70 тыс. книг). Помимо печатных трудов XX столетия, наше книгохранилище включает несколько тысяч редких и ценных изданий на немецком, французском, итальянском, латинском, английском языках XVII–XIX веков. Периодические издания по астрономии – это уникальное собрание опубликованных материалов со всех стран Европы, Азии, Америки.

Рассказывая о Николаевской астрономической обсерватории – ровеснице нашего города, нельзя не сказать о людях, которые создавали научное учреждение и сберегли его в бурные исторические времена. Крёстным отцом обсерватории нашего тогда ещё юного города стал легендарный А. С. Грейг (1775–1845), главный командир Черноморского флота и портов и военный губернатор Николаева и Севастополя. Не многие знают, что это был не только известный мореплаватель, флотоводец, но и большой знаток практической (мореходной) и общей астрономии; учёный в области морского дела, кораблестроения, гидрографии, экономики, инженерии, человек с широким научным кругозором и поистине энциклопедической эрудицией. За заслуги в развитии науки А. С. Грейг был удостоен высоких научных званий и наград, а также состоял почётным членом научных обществ ряда европейских стран.

А. С. Грейг обладал личной обсерваторией, а в 1819 г. приказал построить в бывшем загородном имении князя Г. А. Потёмкина в Спасском урочище (на окраине города) «деревянный обсервационный домик». Это была первая попытка Грейга создать морскую обсерваторию для Черноморского флота. В письме к морскому министру он обосновал необходимость создания астрономической обсерватории, на что в 1820 году последовало разрешение Александра I. Задачей такой обсерватории в южном городе было создание мореходных карт с подробным описанием берегов морей и впадающих в них

рек. А. С. Грейг лично контролировал строительство обсерватории и обеспечение её качественным оборудованием.

Первый директор Николаевской морской обсерватории Карл Христофорович Кнорре (1801–1883) также был неординарной личностью. Он получил назначение на эту должность, ещё будучи студентом Дерптского университета. Ему было только девятнадцать лет. С десяти лет работал, чтобы оплачивать своё обучение, помочь матери, у которой,

Колонный зал обсерватории

кроме него, было ещё двое детей. Карл зарабатывал уроками математики, латыни. Это был высокообразованный, трудолюбивый молодой человек. Прекрасно знал физику, астрономию, свободно говорил и читал на европейских языках. Его страстным увлечением были шахматы. Первый городской шахматный кружок был в обсерватории, а Николаев стал первым шахматным центром в Украине благодаря К. Х. Кнорре.

К своим обязанностям он приступил ещё до строительства обсерватории в 1820 году, и первое, что сделал, – начал

Библиотека

совершенствовать свой русский язык (родной его – немецкий) и комплектовать книги для библиотеки. Вот как Кнорре описывал возможности своего научного центра: «Прелестное небо юга некоторым образом вознаграждает ограниченности способов обсерватории; так, например, комета 1823 года и третья комета 1827 года наблюдались ещё в Николаеве, когда исчезли уже для всех прочих обсерваторий; Галлеева комета во время появления её в 1835 году была наблюдаема в Николаеве в ту же ночь, которую открыли её на Дерптской обсерватории, несмотря на чрезвычайную разность в оптических силах Дерптского и Николаевского рефракторов».

Он привёз в обсерваторию свои личные книги, в том числе и доставшиеся от отца. На некоторых изданиях нашего фонда есть пометки и автографы Х. Кнорре. Много литературы Карл Христофорович приобрёл в поездке по Европе, куда с целью обмена опытом отправился сразу после назначения его директором.

Большое значение он придавал приобретению отечественной и иностранной научной и технической литературы. Больше половины годового бюджета обсерватории шло на приобретение научных трудов. По архивным документам можно проследить, кто был поставщиком книг (Одесское Черноморское ведомство, Министерство народного просвещения, Учёный комитет Морского министерства и др.), как они доставлялись в обсерваторию, как учитывались. Сохранился архив обсерватории – замечательное собрание исторических документов, которое формировалось и росло фактически с нашим городом. Библиотека, архив и музей обсерватории – это единый научно-исторический комплекс, их нельзя рассматривать отдельно, потому что многие библиотечные издания давно стали музейными экспонатами, а по архивным документам мы можем проследить и поступление каждой партии книг, и перемещение самой библиотеки на территории научного учреждения.

Должности библиотекаря не было до 1954 года. Эти обязанности выполняли сами директора обсерватории. К. Х. Кнорре заполнял инвентарные книги и составлял библиотечные каталоги. Сохранились библиографические карточки, заполненные его рукой. Лично им составленный каталог включал около 8,5 тыс. наименований. Нам остаётся только удивляться, как при всей своей интенсивной научной работе, хозяйственной деятельности Карл Христофорович находил время для кропотливой работы с книгами. Благодаря его усилиям была сформирована великолепная библиотека, позволявшая удовлетворять естественнонаучные запросы морских офицеров Черноморского флота.

К. Х. Кнорре возглавлял Николаевскую морскую обсерваторию 50 лет, до 1871 года. Затем на этом посту его заменил Иван Егорович Кортацци (1837–1903) – достойный преемник своего предшественника, талантливый, блестяще образованный человек. Из Пулковской обсерватории академик Отто Струве писал: «В прошлом году наша обсерватория понесла очень большую потерю в связи с переходом астронома И. Кортацци на пост директора Николаевской астрономической обсерватории. С глубоким сожалением мы распрощались с нашим дорогим коллегой, который самоотверженно участвовал во всех работах обсерватории, имея исключительные педагогические способности, занимал должность профессора высшей геодезии и практической астрономии в Военной академии и заслужил у своих коллег глубокое уважение».

Библиотека систематически пополнялась новыми книгами по астрономии, математике, физике, сюда поступали все выходящие в свет астрономические журналы, здесь тщательно велись каталоги, они хранятся и по сей день. На протяжении XVIII–XIX вв. периодическая печать прочно вошла в жизнь европейских стран как средство просвещения, развития науки, литературы и искусства. Хочется назвать основные профильные журналы по астрономии, которыми располагает наша обсерватория.

«Astronomical Journal» – рецензируемый американский научный ежемесячник, выпускаемый с 1849 года. Принадлежит Американскому астрономическому обществу. «The Observatory» (английский). «Astronomische Nachrichten» – один из первых международных журналов по астрономии, был основан в 1821 году немецким астрономом Генрихом Христианом Шумахером. Утверждается, что это самый старый астрономический журнал, который продолжает выпускаться, у нас имеется 250 томов. «Berliner Astronomisches Jahrbuch» – берлинский астрономический ежегодник.

Продолжающиеся издания: Морской сборник с 1854 г. по 1903 г. (173 сборника), Новороссийский календарь (1841–1867 гг., 83 тома), Кавказский календарь (с 1848 по 1870 гг.), Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона (Санкт-Петербург, 86 томов), Атлас Чёрного моря, составленный капитан-лейтенантом Е. И. Манганари, 1841 г., 23 карты).

Среди старопечатных изданий и рукописных документов можно отметить «Геометрию» Рене Декарта (1683 г., Амстердам), Трактат об арифметическом треугольнике Паскаля (1665 г., Париж), юбилейное факсимильное издание манускрипта «Об обращениях небесных сфер» Николая Коперника (Лондон – Варшава – Краков, 1929 г.) и другие. Не многие астрономические обсерватории располагают таким богато укомплектованным фондом.

Для быстро формирующейся библиотеки специальной литературы необходимо было соответствующее помещение. Иван Егорович Кортацци решил использовать для этого круглую ротонду на крыше главного здания обсерватории. Изначально она создавалась для астрономических наблюдений, там находились астрономические инструменты, открывался купол, было прорублено 16 высоких окон, 4 двери. В 1874 г. это помещение было приспособлено под библиотеку: заложены наглухо 3 двери, 8 окон, отверстие сверху. Была заказана мебель из хорошего дерева – 10 книжных шкафов, они исправно служат до сих пор. В таком виде библиотека просуществовала 116 лет (до 1980 г.).

Начало XX века в стране было бурным, начались революционные волнения, а с ними и разруха. К тому времени астрономическая обсерватория как морская себя исчерпала и встал вопрос: быть или не быть...

В 1910 г. Николаевская обсерватория по приказу Морского министерства была передана в ведомство Главной Пулковской астрономической обсерватории. К сожалению, почти всё ценное оборудование было вывезено, только библиотека осталась в полном объёме. Для нашей обсерватории, как и для всей страны, начались тяжёлые времена. Разруха, гражданская война, а потом и Вторая мировая.

Руководить обсерваторией в этот самый сложный период выпало на долю Леонида Ивановича Семёнова (1878–1965). Это был человек невероятной работоспособности с высокими профессиональными знаниями. В своё время он закончил университет в немецком городе Страсбург. В 1904–1908 годах учился на физико-математическом факультете Страсбургского университета. В 1923–1951 годах заведовал Николаевским отделением Главной Астрономической Обсерватории АН СССР.

О состоянии Николаевского отделения ГАО в первые дни своего управления Л. И. Семёнов пишет следующее: «Из-за полного отсутствия кредитов на ремонт и чрезвычайно скудного ассигнования на научную и хозяйственную части Николаевское отделение пришло в сильный упадок. Здания стоят ободранными, потолок в библиотеке совсем провалился, и через широкие щели в нём видно небо; исковерканные бурей в 1921 году люки в башне рефрактора не закрывались; в зале Главного здания потолок во многих местах протекал, из-за чего от сырости обои отставали от стен, а провода электрического освещения часто давали короткие замыкания; купол малой башни был совсем сорван бурей в 1921 г. и лежал разбитый вдребезги; общее финансирование отделения было настолько расстроено, что накопился крупный долг за воду и электричество, топливо не на что было купить...» (Архив обсерватории). Жители города в связи с нехваткой топлива совершали набеги на прекрасный парк обсерватории, который садил ещё А. Грейг, вырубали деревья... Л. И. Семёнов все свои силы направил на возрождение научного учреждения и, несмотря на весьма скудные ассигнования, немало в этом преуспел.

А во время Отечественной войны из-за проблем с транспортом сотрудники не смогли эвакуировать оборудование и всё осталось на расхищение вандалам. Оккупанты бесцеремонно хозяйничали на

Л. Н. Янишевская с посетителями библиотеки Николаевской астрономической обсерватории

территории обсерватории, вполне могли уничтожить всё, что с таким усердием накапливалось, если бы не забота Леонида Ивановича по спасению имущества. Он прекрасно владел немецким языком и сумел убедить немецкое командование в том, что научная работа в обсерватории г. Николаева вносит заметный вклад в сокровищницу общечеловеческих знаний. В результате на воротах обсерватории появилась табличка: «Объект находится под особой охраной Верховного командования военных сил Германии». Но в марте 1944 года при отступлении немцы собирались взорвать и обсерваторию. Л. И. Семёнов снова бросается на защиту, и ему удалось предотвратить, казалось, неминуемое. Так выстояла Николаевская обсерватория в критическое время, почти полностью сохранилось и её книжное хранилище.

Только в 1954 г. библиотека была официально зарегистрирована в отделении культуры, получила паспорт и штатную единицу библиотекаря. Никаких ограничений в комплектовании литературы не было, и книжный фонд стал быстро расти. И тут начались проблемы с расширением помещений для библиотеки. Пришлось много списывать, передавать в другие библиотечные фонды (в областную библиотеку, музею судостроения и флота и т.д.). А с 1991 г. все финансовые вопросы комплектования легли на плечи самой обсерватории и приобретение книг, журналов резко сократилось. Сейчас пополнение библиотечного фонда осуществляется в основном за счёт подарков авторов, мы располагаем большой коллекцией книг с дарственными надписями и автографами.

В 2007 году сотрудники НИИ НАО начали создавать электронный каталог научно-технической библиотеки, в этом принимали участие научные сотрудники и программисты института. С целью предоставления удалённого доступа к полному электронному каталогу через Интернет была осуществлена ретроконверсия карточных каталогов. Наш электронный каталог имеет такую схему: основной фонд, раритетная литература, периодика и продолжающиеся издания, авторефераты, буклеты и брошюры, публикации сотрудников.

С особой тщательностью обрабатывались книги раритетного фонда для достойного представления их в электронной международной сети. Было проведено сканирование и создан image-каталог титульных листов ценных изданий. Осуществлялся поиск аналогичных изданий в Интернете, многие из которых уже отсканированы полностью другими библиотеками разных стран. Все годы совершенствуется справочно-библиографический аппарат библиотеки, а также продолжается формирование коллекции книг первых директоров НАО.

Собрание старопечатных и редких изданий в старейшей библиотеке города, в Николаевской астрономической обсерватории, специальных сочинений и трудов, которые были опубликованы в разных странах мира и хранятся у нас несколько веков, стали ценностью не только отечественной культуры, но и общеевропейской. Наша задача – сохранить их для последующих поколений.

Лариса Янишевская, заведующая научно-технической библиотекой НИИ «Николаевская астрономическая обсерватория».

Евгений МИРОШНИЧЕНКО**ЗАПАДНЫЙ БЕРЕГ**

Земля везде тверда, рекомендую США.

Иосиф Бродский

Ещё неделю назад я внимательно всматривался в лица первопроходцев. Новый центр украинской народной культуры – «Музей Ивана Гончара» (Киев) – разместил в своей экспозиции групповую фотографию. Конечно, это были украинские переселенцы, которые в начале XX века в большом количестве осваивали Новый Свет. Увеличенная в человеческий рост фотография хорошо передавала этнические приметы. Они угадывались по выбеленным сермяжным рубашкам, шароварам из коломянки и одинаковым поясам, блестящим смазанным сапогам, по некоей общей настороженности лиц. Съёмка, вероятно, происходила в несколько приёмов, потребовалось вновь напряжённо смотреть в объектив фотографического аппарата – популярного изобретения наступавшего технического прогресса.

Сразу вспомнились персонажи В. Г. Короленко из его американских рассказов, я имею в виду широко известный рассказ «Без языка». Земляки писателя пускались в трудные вояжи не в Сибирь по столыпинскому маршруту, а на Запад. На родине писателя, где-нибудь в глухом местечке Волынской губернии, получив весточку из-за океана, а порой и оплаченный билет на пароход, как это происходит с Матвеем Дышло, люди собирались в группы и отправлялись в неизвестность.

– Вернулся бы назад к прежней беде, – размышляет крестьянин, – но зовут земляки.

У Короленко его герои, мужчины и женщины, и на посиделках в шинке, и во время чтения старой библии, и у ночных пастушечьих костров часто повторяют малознакомое слово – свобода. Ступив на американский берег, земляк внимательно оглядывал странные, чужие лица, пытаясь найти ответ на мучивший вопрос: добрые эти люди или злые?

Вероятно, я тоже был похож на выходца с Житомирщины, Ровенщины или Волыни, того типичного полищука, когда в аэропорту Сан-Франциско оглядывался на незнакомые лица людей с западного берега Тихого океана – белых и темнокожих, лица китайцев, индусов, мексиканцев, пытаясь понять: какие они – американцы?

С именем Теслы

Талантливый шестидесятник Василий Аксёнов после вынужденной эмиграции из СССР до конца жизни оставался благодарным Америке, она дала оригинальный материал для создания новых художественных повестей и романов. США позволили бывшему советскому стилисте увидеть героя

ушедшей эпохи и сказать о ней честные и искренние слова. Писатель ощущал себя в самом центре современной технологической цивилизации. «Может продрать лошадиная оторопь, – признавался он, – каждый твой шаг, малейшее движение сопряжено с размахом технологии» («Американская кириллица»). А далее следовали страницы с перечислением спиральных коммуникаций его американского дома: персонального компьютера с принтером, двух телевизоров, оборудования ваннных комнат, фуд-процессора, копировальной машины, фотоаппарата «Полароид», тренажёра-велосипеда, видеорекордера, собственных автомобилей «бэби-бенц» и «омеги», запаркованных на улице. Само существование в подобной среде порой казалось ему технологической акцией.

Есть ли предел этому развитию, «всей этой роскоши, всему этому буйству»? – задавал он вопрос себе и своему читателю. Аксёнову была известна концепция русского учёного Бориса Раушенберга о том, что технологическая цивилизация сама по себе не может продолжаться более 120 лет и самоуничтожается. Он не стал далее развивать эту мысль, перешёл к характеристике американской литературной среды, ведь знаменитый русский диссидент получил статус приглашённого университетского профессора.

Как бы он описал модернизированную Америку сегодня, ведь раушенберговский срок конца, если отсчитывать его от изобретения парового котла, истёк уже дважды. И вспомнил ли этапы стремительной эпохи, когда вместо мануфактурной промышленности полуфеодальной Европы с преобладанием ручного труда США создали самое передовое машинное производство. Янки изобрели и ввели в широкий обиход новые методы организации производства, на основе конкуренции сумели монополизировать бизнес, обеспечить высокую заработную плату и таким образом застраховать страну от социальных потрясений. Эксперты говорят: высокие социальные стандарты стали главным стимулом блестящего развития американской промышленности, культуры, они привели к изменению образа жизни. Аксёнов не углубляется в историю американского Запада XX века, не пишет о том, что основные элементы новой цивилизации – мосты, дороги, электростанции, плотины, каналы, «точечная ирригация» орошения фермерских полей – были созданы в самые тяжёлые и неблагоприятные для страны времена. «Бесплатных обедов не бывает», – любят повторять в Калифорнии. Требовались огромные капиталовложения, экстраординарные усилия всего общества, чтобы модернизировать и создать новые технологии.

В 1893 году ректор Харьковского технологического института В. Л. Кирпичёв сумел побывать на открытии Всемирной выставки в Чикаго. То, что он увидел, превосходило привычную реальность. Профессор посетил зал с неоновым табло, который освещался 200 тысячами электроламп Эдисона, они питались генераторами Николы Теслы. Разработки гениального инженера открывали дорогу строительству электростанций и линий передач однофазного тока, стали широко использоваться в промышленности и для бытового электроосвещения. За несколько лет до изобретения Попова и Маркони Тесла реализовал идею беспроводной передачи радиоволн. В 1931 году он снял бензиновый двигатель с нового автомобиля фирмы Pierce-Arrow и заменил его стандартным электромотором переменного тока мощностью в 80 л. с. без каких бы то ни было традиционных внешних источников питания. Очевидцы сообщали: укрепив устройство из электроламп и резисторов сзади за сиденьем водителя, он выдвинул антенну и объявил: «Теперь у нас есть энергия». После этого неделю гонял электромобиль по улицам Нью-Йорка. Сегодня «Тесла» третьей модели калифорнийской сборки паркуется возле крыльца американцев и, похоже, становится самым популярным автомобилем для тех, кого заботят беспоплинные технологии и чистота среды обитания. Производитель получил почти 400 тысяч предварительных заявок на покупку электрокара. Кстати, контролировать состояние нового автомобиля можно со своего смартфона.

Калифорнийские IT-гиганты Apple и Google чутко реагируют, здесь понимают, что производство экономичных гибридов, рост инвестиций в инфраструктуру – это прорыв, который непременно скажется на энергоэффективности и безопасности машин. Творцы современного электронного мира наступают на пятки автоконцернам. Утверждают: через несколько десятков лет электромобили станут доступными, как домашние животные, их можно будет почти бесплатно взять в аренду и зарабатывать на перевозках. В Амстердаме и Осло «Теслу» уже сегодня используют в качестве городского такси. Похоже, эпоха личного автотранспорта подходит к концу, к 2020 году 15 миллионов европейцев откажутся от личных машин в пользу онлайн-заказа такси, делают прогноз исследователи.

В июне в Сан-Франциско состоялся форум «Code Conference 2016», посвящённый влиянию технологии на современную жизнь. Я летел в самолёте вместе с молодым москвичом-программистом, который получил приглашение участвовать в конференции. «У меня с Гуглом пара проектов», –

говорил он, не отрываясь от ноутбука. Известнейший предприниматель, миллиардер, основатель компании «Тесла» Илон Маск пообещал на конференции уже в ближайшие годы наводнить мир самоуправляемыми автомобилями и посылать рядовых граждан на Марс. «То, что мы принимаем за действительность, является симулятором, созданным другой расой или людьми будущего», – предположил он. Другими словами, Маск хочет сказать, что происходящее на земле является продуктом эксперимента над нами других, значительно более развитых цивилизаций. Что же остаётся делать землянам: спокойно наблюдать за экспериментом и не беспокоиться о том, насколько удачно он завершится? А если всё-таки предположить, что у инопланетян может произойти сбой в программе...

Однако оставим в стороне футуристические заявления, стоит помнить, что подобные высказывания происходят в условиях политической кампании выборов президента США. На этой волне звучит множество популистских и откровенно примитивных характеристик сложной американской реальности. В любом случае Кремниевая долина сегодня остаётся самым привлекательным местом по возможности трудоустройства, доступности рабочего места, удовлетворённости работой и устройству личной жизни.

Откуда появилось современное название округа, прилегающего к Сан-Хосе, признанного столицей внедрения новейших технологий, где обсчитывают годовой бюджет Сан-Франциско? Дело в том, что в этом регионе получила необычно бурное развитие индустрия полупроводников, транзисторов на кремнии. Во второй половине 60-х годов на юго-западе Калифорнии работали свыше 50 таких компаний, ориентированных на военные заказы. Именно здесь трудились энтузиасты, молодые талантливые инженеры и бизнесмены, которые смогли наладить производство микросхем и хорошо просчитать затраты на их производство. Их имена хорошо известны: Стив Джобс, его друг Стив Возняк, Билл Гейтс и другие.

В Сан-Хосе удалось побывать в Музее новых технологий. Здесь можно узнать, как юный Джобс самостоятельно собирал радиоприёмник, потом попал в клуб, куда приходили любители электроники. Потом устроился на завод, а по выходным работал на складе, тогда же в 17 лет самостоятельно выучил фортран – первый реализованный язык программирования. Приёмный отец постоянно внушал ему: нужно трудиться, он не говорил ему: нужно любить трудиться. Возняк и Джобс спали на чертежах, микросхемах и однажды сконструировали коробочку, позволявшую бесплатно звонить по междугородной и международной связи. Собранная ими монтажная плата позволяла контролировать инфраструктуру стоимостью миллиарды долларов. Возможно, это и послужило возникновению персонального компьютера, рождению Apple?

Следовало бы говорить и о личности Стива Джобса (1955–2011) – гения современности. Одно время он был фрукторианцем, вёл богемный образ жизни, посещал бесплатные обеды в Храме Кришны, увлекался самопознанием, каллиграфией и при этом оставался необычайно цельной натурой. В 23 года заработал свой первый миллион долларов.

Возвращаясь к современной Калифорнии, хочется процитировать американца Уолтера Айзексона, он первым откликнулся на смерть Джобса и попытался связать технологический прогресс Кремниевой долины не только с военными заказами, но и наукой, культурой, молодёжным движением, бунтом молодых американцев против войны во Вьетнаме, существующего социального устройства, образа жизни. На мой взгляд, журналист не ошибался, когда писал: «XXI век придумали хиппи с Западного побережья, которые, как Стив Джобс, ходили в сандалиях и курили траву. Они сумели взглянуть на мир иначе... Строгая иерархия, царящая на Восточном побережье, в Англии, Германии и Японии, не поощряет инакомыслия. 1960-е годы породили анархический склад ума, позволивший вообразить мир, которого нет».

Сегодня корпорация Apple продолжает оставаться лидером в индустрии высокотехнологичных товаров массового спроса и за Айфоном-7 в магазинах вновь выстраиваются длинные очереди. По данным Forbes, три компании района Залива Сан-Франциско попали в пятёрку самых дорогих, зарплата специалистов IT здесь составляет не менее 100 тысяч долларов в год. Бренд поисковика Google вновь подорожал. Благодаря этому ему удалось обогнать Microsoft, занимавшего вторую строку в прошлогоднем рейтинге. Местные газеты много пишут о «Гугломобиле», бывшем инженере Google Энтони Левандовски, одном из ключевых разработчиков проекта самоуправляемых автомобилей. С помощью своей команды он намерен автоматизировать коммерческие грузоперевозки за счёт технологий «искусственного интеллекта». Скоростные магистрали Америки очень приспособлены для автономного вождения. Гугл намерен подарить велосипедистам и «умную» куртку. Совместно с фирмой Levis, производящей джинсовую одежду, планируется в рукав куртки вшить специальное

Морской вокзал Сан-Франциско

Мост Золотые ворота

устройство, которое, синхронизируясь со смартфоном, позволит слушать музыку или получать информацию о маршруте. Обещаны скорые продажи. В Сан-Хосе уже действует виртуальный магазин шопинга. Туда можно попасть с помощью очков 3D. Разработчики обещают, что алгоритм позволит предлагать покупателям товары, ориентируясь на их предыдущие покупки.

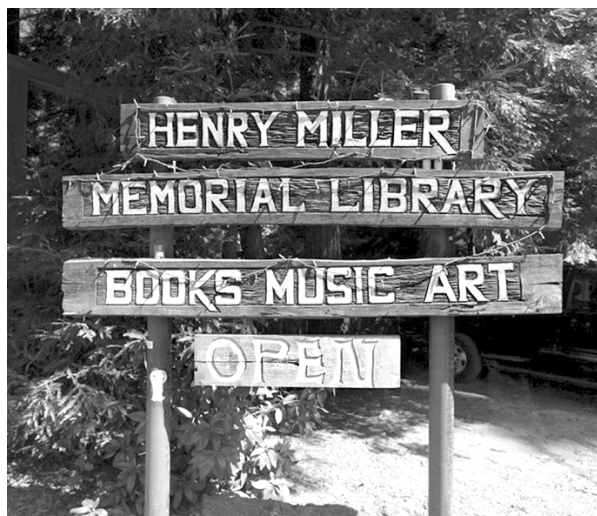
Ещё несколько слов о Музее новых технологий в Сан-Хосе. Таких необычных учреждений в мире мало, а в Украине, пожалуй, нет. Описать музей вряд ли удастся, ибо посетителю выставочных экспозиций необходимо знание элементарных технических понятий и тенденций развития разных отраслей науки, IT-бизнеса, рынка, взрывающих наши привычные представления реального бытия. По-моему, просвещённый обыватель должен испытывать здесь ощущение какого-то инновационного шока. Он связан с пониманием нового этапа развития высоких технологий.

Существует необратимая связь процесса взаимодействия между Сетью, мобильными устройствами и Интернет-вещами. «Развитие технологий, соединяющих общество», – так обозначают этот процесс. Суть его в том, что к Сети подключается всё, что может выиграть от этого подключения, даже то, что раньше было очень далеко от технологий. Мы проводим в Сети дорогое время. Помогают гаджеты. Всё больше людей покупают умные телефоны, выходят через них в Интернет и используют для связи с другими устройствами. Динамика этого процесса очень убедительная. К 2018 году прогнозируется продажа порядка десяти миллиардов устройств. Американцы ходят со смартфоном по магазинам, используют как справочник, навигатор, им нужно смотреть видео везде, всегда и на любом устройстве. Я наблюдал за школьниками, их приводят в залы музея почти бесплатно небольшими группами. Вооружённые мобильниками, дети замирают перед стендом, студентом-волонтером, а после рассказа-демонстрации восхищённо и уважительно выдыхают: «Вау!!!»

Изучая влияние огромного количества информации на человека, его сознание и психику, мы должны присмотреться к детям. При встрече с электронной читалкой они не испытывают дискомфорта, у них другое восприятие. И здесь, пожалуй, уже нужно говорить об эволюции человека и его психики. Новому поколению важно быть подключённым и находиться на связи. Это уже часть их культуры.

Из дневника. 12 июня

Впервые увидел колибри. Здесь они очень подвижны и смелы, чертят в воздухе какую-то свою схему, снуют от одного куста к другому, зависают над распустившимся цветком, способны летать назад, мгновенно тормозить. Ни одна другая птица в мире не может так маневрировать. Люди создали копию, научив свои новейшие самолёты летать, как колибри. Уникальная, типично южная, американская птичка. С огромной частотой она делает столько движений своими острыми крылышками, что становится маленьким облачком, загадочным пушком, мелькающим под окном, при этом может жужжать, словно шмель. Мне любопытно: может ли колибри жить рядом с человеком, любителем птиц, как щеглы или попугайчики? Думаю, нет, ибо не умеет ходить. Птичка полезная, добросовестно опыляет растения. Попытался изобразить её контуры на бумаге, и получилось нечто напоминающее ангелочка. Не случайно колибри представлены на гербах Тринидада и Тобаго.

*Колибри**Дом-музей писателя Генри Миллера в Биг-Суре*

Колибри занимает меня и по другой причине. Я давно знал, что в Калифорнии жил и писал свои удивительные истории-исповеди (и акварели) Генри Миллер, наш современник, уже канонизированный читателями и критиками как мастер прозы XX века. Лишь недавно перечитал его мемуарно-автобиографические очерки, публицистику, и в их числе эссе «Замри, как колибри», переведённое на русский язык впервые. Оно дало название целой книге. Перечитал и понял смысл неистовой дерзости этого американца из местечка Биг-Сур, где сейчас находится дом-музей и мемориальная библиотека Г. Миллера. Это в пяти часах езды от Сан-Франциско на береговых вершинах горного хребта. Я несколько раз проезжал мимо Биг-Сура, пустынного и живописного района, где поселились общины художников, писателей и йогов.

«Ни одно из наших изобретений не привносит в наше пустопорожнее бытие ни капельки радости», – внушал Миллер. Он не разделял восторгов по поводу торжества технологий, презирал скорости, грохот и шум машин, мир вещей, желание власти, славы, потому что они закрепощают, не делают человека счастливым. Человек достигнет дальнего космоса, выражал уверенность писатель, но самое важное в этом достижении будет то, что мы больше начнём понимать себя. Веру и радость дают дикая природа, сама жизнь. Совершеннее радаров – диалог человеческих душ. Он видел за окном мелькающее существо и призывал замереть на миг, как колибри, и перемениться, оценить «чудо своего бытия». Птицы не оставляют после себя памятников, но могут научить людей быть свободными. Г. Миллер умел мыслить афоризмами.

Из-за сетки окна слышу множество птичьих голосов. Вызывающе кричат вороны, они чуть меньше наших и черны, как сажа. А вот калифорнийские воробьи, пожалуй, больше николаевских, причём имеют какой-то цветной окрас на брюшке. Видел птиц с жёлтеньким горлышком и усиками, точно наши садовые овсянки, вот домашних голубей в моём уютном жилом комплексе The Plaza не встречал. Рядом с летним плавательным бассейном, окружённым олеандрами, пальмами и густыми калифорнийскими елями, множество белок, они встречаются на дорожках и газонах, как кошки в наших дворах. Очень часто районный ландшафт украшают одиночные берёзы с белоснежной корой. Причём это всё та же наша славянская красавица с биологической номинацией «берёза повислая или бородавчатая». Думаю, дыхание океана очищает и её, делает очень выразительной и поэтичной.

Устремляются к людям бурундучки, а в парках у водоёмов обитают стаи черепах и полудиких гусей. Собак видел только на поводке, они не лают, потому что сыты, дети здесь необычно спокойны рядом со взрослыми, а пышные тропические цветы на высоких кустах благоухают, не источая запаха. Кстати, для европейца они порой опасны, могут обжечь кожу.

Уже в первый день пребывания на Западном берегу меня угостили кашей. Не рисовой или нашей привычной из гречки, а из тыквы. Это один из самых обожаемых американцами продуктов ещё потому, что является неизменным атрибутом праздника Хэллоуин. Существует десятки сортов тыквы, причём многие имеют декоративный характер и служат украшением фермерских выставок, своего рода шоу, без которых невозможно представить местную жизнь. Производители убеждают, что в тыкве сосредоточена энергия земли, солнца и воды, в ней больше минералов и железа, чем в яблоках.

Меня угощали тыквенно-пшённой кашей. Для любопытных сообщаю рецепт от бывшей одеситки, ныне мигрантки Полины Торган. Нужно всыпать немного пшена в кипящую воду, дать прокипеть этой массе 1–2 минуты, а затем слить воду. Оставшееся в кастрюле пшено заливается кипятком и варится 15–20 минут, после чего добавляется молоко, горячее, чтобы не свернулось. После нескольких минут кипения добавляется мелко нарезанная тыква и варится ещё 3–5 минут. Каша должна ещё «доходить» под плотно закрытой крышкой. Соль – по вкусу. Сахар и масло почти не используется. Пшено – разваристая крупа, добавлять жидкость следует в 2–2,5 раза больше по объёму, чем пшена.

Такая вот каша. Полагаю, американский рецепт мало чем отличается от украинского, во всём южном полушарии Земли обожают тыкву, этих жёлтых и зелёных пузатых монстров. Есть 1000 рецептов приготовления тыквы. Её варят, маринуют, тушат, жарят, фаршируют, запекают в мультиварке. Однажды на завтрак меня потчевали панкейками, такими пышными блинчиками из тыквы, а вечером в кафетерии мы ужинали с тыквенным пирогом. Интересны сопоставления, рецепты могут быть одинаковыми, но нужно ещё уметь приготовить вкусную еду. Столько литературы издаётся на эту тему, а актёры-повара с телевизионной кухни становятся звёздами массовой культуры.читающим рекомендую взять в руки книгу Петра Вайля и Александра Гениса «Русская кухня в изгнании», опубликованную в 80-х годах в Нью-Йорке и несколько раз переизданную у нас. Авторы утверждают: существует своеобразная поэтика национальной кухни, и величайшими её знатоками были Гоголь, Пушкин, Чехов и Гончаров, М. Булгаков, И. Эренбург. Меня же интересует южная кухня на Западном берегу американского материка.

Украинцы из Сакраменто

В 1839 году на Западном берегу в 130 км от Сан-Франциско был учреждён форт и первая торговая колония Америки, ещё через десять лет в местной округе нашли золото. Форт получил особый административный статус и стал столицей штата Калифорния. Сегодня это почти полумиллионный город, население которого составляют белые американцы (35 %), латиноамериканцы мексиканского происхождения (26,8 %), афроазиаты и индейцы.

Я был в Сакраменто и запомнил его по нескольким туристическим впечатлениям, которые позже обрели вполне объяснимую характеристику закономерностей и стали обоснованным знанием новой действительности. О чём, собственно, идёт речь?

Мы с друзьями искали городской общественный центр и на автозаправке спросили об этом, но, как ни странно, мексиканец ничего не объяснил, не знал, где располагается резиденция губернатора штата. Для большей убедительности называли и фамилию киношного терминатора – Арнольд Шварценеггер! (Сегодня губернатор Калифорнии Джерри Браун). Наконец, отыскали величественный Капитолий, припарковались и стали знакомиться с чудесным парком, садом с золотыми апельсиновыми плодами в густой зелени летней эстрады. А рядом сновали разноликие люди, среди которых выделялись белые сорочки с характерным национальным узором, нарядные девушки и слышалась знакомая украинская речь. Неожиданно почти столкнулся с девушкой в фате, женихом и понял: мы невольно оказались среди свадебных гостей.

– Поздравляю вас, – искренне приветствовал я молодых и в ответ услышал совершенно непредсказуемое:

– Пошёл ты!..

Позже выяснилась причина столь откровенной неприязни. Так украинцы Сакраменто реагируют на русскоязычную речь.

По последним данным, в столичном округе штата Калифорния сегодня проживает около 300 тысяч выходцев из Российской империи и СССР. Примерно 20 тысяч всей русскоязычной общины Сакраменто – выходцы из Украины, на третьем месте – молдаване. Большая часть украинских эмигрантов четвёртой волны приехала в Америку после 1988 года со статусом легальных беженцев, «гонимых на родине за веру». Этот фактор имел большие последствия для всей американской диаспоры. В Сакраменто появилось множество христиано-протестантских, миссионерских общин (более 80 церквей), собирающих тысячи прихожан на богослужения. Собственно, по количеству зарегистрированных верующих и получают сведения о национальной принадлежности населения. Представители четвёртой волны эмиграции из Украины, в отличие от трёх предыдущих, не теряют постоянной связи с родственниками, хорошо осведомлены о событиях на родине из трансляции киевских телевизионных программ, местных СМИ. После бегства Януковича они практически

ки единодушно поддержали украинскую революцию, стали собираться у резиденции губернатора Калифорнии. Между тем взаимоотношения украинцев Сакраменто и русскоязычных мигрантов приобрели характер конфликта, украинцы пытаются «мстить русским оккупантам», призывают не обслуживать русскоговорящих в магазинах, на автозаправках, дело доходит до потасовок, что не может не тревожить власти. 7 июля калифорнийский «Курьер» сообщил о стычке местных радикально настроенных националистов с антифашистами. В ход пошли бейсбольные биты, пять человек были доставлены в больницы с ножевыми ранениями. На встрече с лидерами славянской диаспоры города шериф Сакраменто призвал жителей соблюдать толерантность и в жёсткой форме заявил, что не потерпит насилия, агрессивные действия мигрантов будут решительно пресекаться.

Первопоселенцы из Западной Украины появились в Америке около 150 лет назад. Они создали украинские общины в США и Канаде, свои кредитные организации, банк, научное общество им. Т. Шевченко, союз украинок Америки, здесь появились молодёжные объединения, лагеря для юношества. Расселены украинцы преимущественно на северо-востоке Америки, в Калифорнии, в Вашингтоне, Чикаго и Детройте. Сегодня их – до миллиона человек. В 1964 году, в столетний юбилей Кобзаря, в столице США был открыт памятник Т. Шевченко, а с 1968 года (50-летия провозглашения УНР) над мэрией Сан-Франциско вывешивается жёлто-голубой флаг.

Как свидетельствует американский социолог и демограф украинского происхождения, профессор Олег Воловина, директор Центра славистических, евразийских и восточноевропейских исследований Университета Северной Каролины, представители четвёртой волны эмиграции оживили атмосферу в украинских общинах. Хотя за последние 10 лет количество украинских мигрантов в Америку и уменьшилось, Украина продолжает «рассеивать по миру» своих людей, пополнила диаспору учителями, дирижёрами хоров, руководителями танцевальных коллективов, журналистами. Они стали издавать газеты, вести радио- и телевизионные программы. Олег Воловина прочитал в Киеве лекцию «Эмиграция специалистов из Украины в США: имеем ли дело с утечкой мозгов?»

Отвечал гость и на вопросы, касающиеся национальной идентичности. Какой процент украинских мигрантов принимает американское гражданство? Согласно законодательству легально приезжающие в США получают разрешение на работу и через пять лет имеют право подать документ с просьбой американского гражданства. Существует социологический феномен, утверждает профессор. Почти полностью ассимилировались представители второй и третьей генерации эмигрантов. Среди приехавших из Украины за последние 5–6 лет уже 7 % имеют американское гражданство, из приехавших 10 лет назад – 56 %, из находящихся в Америке 15 лет – 74 %, а из тех, кто живёт и работает 20 лет, – 92 %. Очень мало, менее 5 %, отказываются от гражданства США.

Статистика говорит о том, что у наших специалистов здесь есть серьёзный шанс проявить себя. Как правило, востребованы профессора, физики, химики, специалисты компьютерной индустрии, люди с полным высшим образованием – магистры и выше. 63 тысячи украинцев, т.е. 20,5 % всех украинцев в США, имеют высшее образование. Эта цифра среди мигрантов четвёртой волны значительно превосходит число людей с высшим образованием среди всех американцев. Социологи давно проследили зависимость количества заявок на патенты и изобретения в США от числа выданных виз и видов на жительство для высококвалифицированных специалистов. Только в 2010 году американские инженеры индийского и китайского происхождения руководили более четвертью всех проектов в калифорнийской Кремниевой долине, продажи их продукции составили 20 млрд. долларов. После лекции для студентов Киевского университета им. Т. Шевченко Олег Воловина задал вопрос: «Когда вы завершите учёбу, сколько из вас захочет выехать из Украины?» 60 % присутствующих подняли руки (ZN.UA, № 45, 2014). Основная причина такой ситуации, разумеется, экономическая, привлекает оплата труда.

Данные социолога можно дополнить и собственными наблюдениями. Николаевские газеты не раз рассказывали своим читателям о жизни земляков в США. Из Лос-Анджелеса всякий раз передаёт приветы бывшим коллегам журналист В. А. Гефт, ветеран Второй мировой войны, выехавший в Америку вслед за детьми ещё в 70-е годы. С дипломом кандидата наук трудится в Чикаго Ксения Солдатова, выпускница Николаевского пединститута. Посетил родной город известный деятель культуры, художник-график М. М. Петренко, живущий в Сан-Франциско. Его книжную графику представлял в экспозиции Николаевский областной художественный музей. Много раз я встречал в русскоязычных газетах Большого залива рекламные объявления доктора медицинских наук Виктора Ляписа, представителя нескольких поколений николаевских врачей. Его частная клиника в Сан-Франциско популярна не только у русскоязычного населения. Американский период жизни доктора

Сакраменто

весьма поучителен. Как известно, наши соотечественники с профессиональным дипломом врачей, юристов, инженеров вынуждены в Америке заново сдавать экзамены, усваивать специальную терминологию. Доктору Ляпису понадобились годы упорного труда, чтобы подтвердить свою профессиональную пригодность, получить право открыть клинику.

Есть смысл сегодня вспомнить популярного в своё время баскетболиста США и сенатора Билла Бредли, он выдвигал свою кандидатуру в президенты США на выборах 2000 года. На протяжении нескольких десятков лет как общественный деятель, писатель и бизнесмен он находился в центре внимания американцев, а в 90-е годы о нём узнали и школьники, студенты новых независимых государств бывшего СССР, те, кто в течение года жил в семьях, учился в американских школах, познавая особенности культуры и традиций страны звёздно-полосатого флага. По предложению Бредли Конгресс США в 1992 году утвердил грандиозный проект, большую и долгосрочную программу молодёжных обменов для сближения народов, взаимопонимания и дружбы между людьми разных стран. Уникальной формой такого сближения Бредли считал проживание в иноязычной семье, причём не в качестве гостя, а её члена. Программа получила название «Акт в поддержку свободы». С 1997 года она уже называлась «Акт в поддержку свободы – Программа обмена будущих лидеров». Её внедрением в жизнь занимались более 10 некоммерческих организаций.

К началу 2000-го в стране Бредли побывали более 8 тысяч учащихся старших классов из России, Беларуси, Украины, Казахстана, Армении, Азербайджана, Киргизии; все они были обеспечены стипендиями. Более тысячи украинских школьников жили и учились во всех штатах Америки, а Светлана Михайличенко из средней школы № 50 г. Николаева стала настоящей пионеркой: в 1998 году выезжала учиться на Аляску! В столичном Бориспольском аэропорту родители николаевских школьников ежегодно провожали своих детей, их встречали и узнавали в Америке по форменным синим футболкам. Более 50 николаевских школьников побывали за океаном. Какова их судьба? После года учёбы и жизни в американских семьях они возвращались совершенно повзрослевшими, прекрасно владея английским языком. Но не это, пожалуй, главное в их характеристике. Они возвращались со знанием традиций многоязычных американцев, их культурных приоритетов, с широким спектром собственных суждений по вопросам истории, религии, науки. Такой опыт неоценим для самовоспитания и становления личности.

Участники программ международного молодёжного обмена стали студентами лучших отечественных вузов. Валентина Голобородько поступила в Одесский медицинский институт, окончили Одесский национальный университет Павел Глазов и Юлия Литвинова, а Светлана Михайличенко завершала образование в николаевской Могилянке. Повезло Косте Русанову из нашей школы-гимназии № 2, он заработал стипендию, окончил аспирантуру Амхерст-колледжа, одного из престижных вузов США. Должен заметить, что среди моих тридцатилетних американских друзей тоже были участники обменных программ. Только обмена, как я понимаю, не было. Наши ребята

На фоне небоскрёбов

отправлялись в США, хотя и украинские школы могли многому научить юных американцев. Система среднего образования у нас была очень достойной.

Как живут молодые соотечественники на Западном берегу, среди которых много творческих, талантливых людей? Коротко скажу: напряжённо трудятся. Не пьют горькую, если из-за временных обстоятельств не удаётся найти высокооплачиваемую работу, продолжают учиться. Вообще отказываются от алкоголя, ибо сразу садятся за руль автомобиля. Мне попался на глаза русскоязычный «Справочник водителя штата Калифорния». Там были такие строки: «Помните, что знание правил вождения автомобиля имеет первостепенное значение для безопасности водителей и дорог нашего «золото-

го штата», для всех калифорнийцев. Если вы находитесь за рулём, будьте особо внимательны, не пишите СМС-сообщения, проявляйте вежливость на дороге и ни в коем случае не садитесь за руль в состоянии алкогольного опьянения.

С уважением Арнольд Шварценеггер».

Из дневника. 25 июня

Снова хочу вернуться к теме еды. Никто не станет спорить по поводу близости гастрономических вкусов литературных героев к их социальному, национальному и психологическому портрету. Это касается и пушкинского Онегина, Пастернака и харьковчанина Бориса Чичибабина. Вспомним, к примеру, его лирическое описание приготовления борща:

*Ты только крышку отвали,
И грянет в нос багряный бархат,
Куда картошку как бабахнут
Ладони ловкие твои.*

.....
*Капуста валится, плеща,
И зелень сыплется до кучи,
И реет пряно и могуче
Благоухание борща.*

*Теперь с огня его снимай
И дай бальзаму настояться.
И зацветёт волишебный май
В седой пустыне постоянства.*

*Владыка, баловень, Кощей,
Герой, закованный в медали,
И гений – сроду не едали
Таких породистых борщей.*

*Лишь добрый будет угощён,
Лишь друг оценит это блюдо,
А если есть меж нас Иуда, –
Пусть он подавится борщом!..*

*Клубится пар духмяней роц,
Лоснится соль, звенит посуда...
Творится благодное чудо –
Моя подруга варит борщ.*

Согласимся, один только запах украинского борща способен вызвать физиологическую реакцию, а это значит, может торжествовать автор, национальная литература, она пробуждает вкус к жизни, таким мелочам бытия, которые на самом деле составляют её смысл и радость. Я невольно осознал это, когда уложил в чемодан для подарка американским друзьям книгу «Кремлёвская кухня». Не везти же в Америку московский детектив «Воспоминания о вкусной и здоровой пище». Кулинарные

книги, в отличие от романов, читают; редкий, но талантливый посетитель кухни может внести поправки в вычитанный рецепт, испытать творческое вдохновение и создать нечто авторское, оставить миру «чекан своей души», как писал Нобелевский лауреат Иван Бунин. Не в этом ли назначение искусства кулинара и труженика на поприще литературы.

Ещё несколько абзацев по поводу «русской кухни в изгнании». Разумеется, славяне всех поколений увозили и увозят в Америку свой образ жизни, привычки и гастрономические пристрастия. Не могут наши юные программисты, вчерашние студенты Киевского политеха, бежать завтракать в учреждение фастфуда, они крошат на сковородку помидоры, сладкий перец, бросают туда кусочек сала, разбивают пару яиц – и завтрак готов. Желудки наши исправно работают, усваивая соленья, каши, пельмени, вареники, квашеную капустку, окрошку из кваса «Монастырский». Всё это доступно украинскому мигранту в «Русском магазине». Я нёс оттуда всякий раз кильки пряные таллинские, йогурты, молочные продукты из Прибалтики, сыры мои американские друзья предпочитают греческого производства, прихватывал и торт «Киевский». Не думаю, что его доставляют на Западный берег США из Украины.

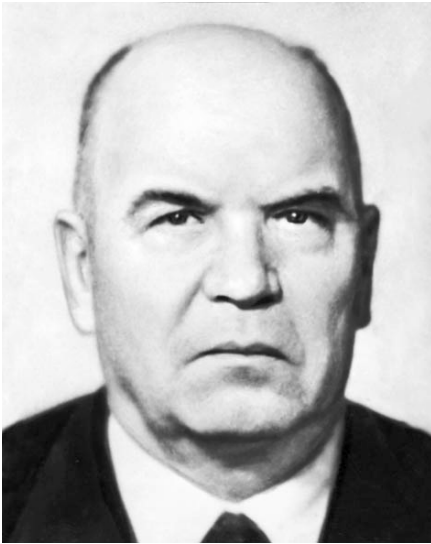
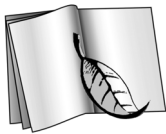
Точно так же, как сладкий картофель (батат), в любом ресторане, исключая, разумеется, китайский, японский и проч., вам предложат классический салат мясной – «русский салат». Существует много версий его происхождения, но вот что я узнал из воспоминаний херсонского помещика Якова Бутовича («Лошади моего сердца»). Он был одним из лучших иппологов, специалистов старой России по разведению лошадей, владел обширными землями, недвижимостью в Николаеве и Одессе, приглашал в касперовское имение художников из Киева и Москвы, которые писали для его галереи портреты племенных рысаков.

Меня заинтересовали московские страницы жизни Бутовича. Это были 80-е годы, группа заведующих конных забегов провела на ипподроме долгие часы и, проголодавшись, отправилась к знакомому ресторатору Оливье. Извинившись, он признался, что ему нечего предложить дорогим гостям, все запасы съедены, а провизию подвезут нескоро. Тогда Я. И. Бутович, сам великий гурман, отправился на кухню и действительно обнаружил там лишь остатки дичи и мяса. Тут-то у него возникла гениальная мысль приготовить из этих остатков салат, заправить его прованским маслом и в таком виде подать... Через несколько дней весть о случае на ипподроме и новом салате распространилась по всей Москве, блюдо обрело международную известность. Яков Иванович дал согласие на его название – салат Оливье.

Знаточи утверждают, что современная версия салата представляет собой полную противоположность оригиналу, ибо, не зная всех компонентов, невозможно воспроизвести первоначальный вкус этого произведения кулинарного искусства. Дело в том, что вкус салата в немалой степени определялся авторским рецептом майонеза господина Оливье, этот майонез был специально предназначен для дичи. В его состав входили проваренные филе рябчиков и куропаток, переложённые пластами желе из бульона. Края блюда обкладывали вареными раковыми шейками и небольшими кусочками телячьего языка, всё это сдабривалось небольшим количеством соуса Провансаль собственного изготовления. Конструкция украшалась горкой картофеля с корнишонами, солёными или маринованными в винном уксусе бутонами ягод каперсового куста, мелкими огурчиками и ломтиками вареных яиц. Секрет классического вкуса салата Оливье заключался и в добавлении неких французских специй. Специалисты говорят и о существовавших секретах приготовления знаменитого блюда. Кто их сегодня может раскрыть?

А вот приближённый к оригиналу рецепт современного салата «Оливье» можно вычитать в советских кулинарных книгах начала XX века. Его ингредиенты: 6 картофелин, 2 головки репчатого лука, 3 моркови среднего размера, 2 маринованных огурца, яблоко, 200 граммов вареного мяса птицы, стакан зелёного горошка, 3 вареных яйца, полстакана оливкового майонеза, соль, перец по вкусу. В книге «О вкусной и здоровой пище» 1939 года издания этот салат носит название «Столичный».

Мы живём в глобальном интеграционном мире, и его национальные черты со всей очевидностью сказываются во всех уголках планеты. О какой кухне в изгнании может идти речь?! Американцы обожают комфортную среду, говорят так: «Там, где моя шляпа, там моя родина». Славяне везут на Западный берег свой духовный скарб не в виде шляпы, они стремятся сохранить в новой семье язык родителей, знакомые с детства песни, обычаи, рецепты привычной еды.

Крижанівський Степан Андрійович. Український поет, перекладач, теоретик літератури, доктор філологічних наук (1962), професор (1963). Народився 8 січня 1911 року в м. Новий Буг Миколаївської обл. Закінчив Одеську професійну школу (1929). Цього ж року дебютував у одеському журналі «Блиски». Закінчив Харківський інститут професійної освіти (1933) та аспірантуру при Харківському університеті (1940). Працював у Інституті літератури ім. Т. Шевченка АН УРСР. Брав участь у Великій Вітчизняній війні, закінчив її майором. Нагороджений орденами Вітчизняної війни II ступеня та Червоної Зірки. Протягом 47 років працював у Інституті літератури Академії наук УРСР. Автор поетичних збірок: «Енергія» (1930), «Вугілля – на-гора!» (1931), «Моїм ровесникам» (1932), «Країна майстрів» (1932), «Дні, дороги, друзі» (1934), «Повноліття» (1935), «Південь» (1937), «Золоті ключі» (1938), «Калиновий міст» (1940), «Гори і долини» (1946), «Під зорями радянськими» (1950), «Весна людства» (1951), «Срібне весілля» (1957), «Ще не вечір» (1961), «Вічнозелене дерево життя» (1967), «Формула щастя» (1970), «Берізка» (1971), «Виднокруг» (1980), «Хвала життю» (1981), «Літопис» (1991). Створив низку праць з питань теорії та історії літератури. Член НСПУ (1934). Лауреат республіканської премії ім. О. Білецького в галузі літературно-художньої критики (1980). Помер 19 липня 2002 року в Києві.

Степан КРИЖАНІВСЬКИЙ

СЛЪОЗОЮ ПРОЙНЯТИ ПІСНІ

ВМИРУЩЕ РЕМЕСЛО

Блукаючи знічев'я по містечку,
Де цвіт акацій та півсонний спокій,
Де люди, дерева, повітря в млості,
Я заблукав у будочку шевця.
Швець нагадав мені старого батька –
Ті ж сірі очі, довгий ніс орлиний,
Та ж, зігнута професією, спина,
Русявий, з сивиною в скронях, чуб.
І доки він латав мої ботинки,
Розповідаючи життя немудру повість,
З дитинства із майстернею знайомий,
Я думав про вмируще ремесло.
Мені згадалась наша темна хата,
Низький верстак із шевським інструментом
І навкруги розкидані недбало
Старих фасонів різні колодки.
Мені згадалась смола і дратва,
Лубок і клейстер, копили й правила,
Рулетки, фумилі, ремінний шпандир, –
Ним часом батько частував мене...
Ці дивні пахощі сирої шкіри,
Смоли і воску, клейстера і сажі...
Й мелодія сапожницької пісні
Стоять ще й досі в пам'яті моїй.
Вони пов'язані – з зігнутим батьком
Над чобітьми пудовими, міцними,
Із горілчанним духом неодмінним,
З суботнім урочистим шабашем.
Вони пов'язані – з глибин дитинства –
З суворим духом віковичних злиднів,
Із дідом Юдкою, що мав шкіряну лавку,
З Волошкою – місцевим глитаєм.
Для них мій батько гнув щоденно спину,
Для них шив хромові, юхтові і шеврові
Дебелі чоботи. І мав злиденні гроші
І чорний та черствий щоденний хліб.
А щонеділі випивав по кварти
В компанії з сапожником Корнієм
І Транським – заготовщиком і другом,
З замовцями з багатих хуторів.
Додому п'яного я вів з базару тата,
А випивши, він був надміру добрий,
Він обіцяв віддати сина в школу
І вивчити його «на вчителі»...

До діда Юдки, в синій понеділок,
Я біг позичити полтиник на похмілля,
І батько знов в такому одвічному крузі
Сідав за чорне й кляте ремесло.

Містечко вмерло! Вмер і непман Юдка,
Глитай Волошка одійшов в минуле,
Дух власності, дух тупості й дурману,
Коли не зовсім вмер, то помира!
Воскресли ж тіні містечкових злиднів
І лобода міщанського спокою, –
Вони принесені з глибин дитинства,
Зі смертю батька в будочці шевця.

1934

КРИНИЦЯ

В моїй уяві виринають лица
З глибин дитинства, що давно було.
І часом сниться степова криниця,
Її холодне й чисте джерело.

Ріка Інгул під місяцем сріблиться.
Сумні могили. Степове село.
І над баштаном гостра блискавиця
І тиші неосяжної крило.

О краю мій, о стороно південна,
Моя криниця чиста і студена,
Мої сльозою пройняті пісні!

Я воду пив з криниці не одної,
Але такої чистої, ясної
Вже більше не траплялося мені!

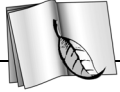
1939

КАРТИНА

Війни початок. У вогні
Палала Україна.
У пам'ять врізалась мені
Тоді одна картина.

Тікали натовпи на схід
І шляху не шукали,
А «месери» за ними вслід
Ганяли, як шакали.

Шумів, гримів залізний град,
Свистів над головою,
І трупом крився шлях уряд,
Немовби поле бою.

Той біженець стоїть в очах
Живий переді мною:
Він ніс дитину на плечах
І скрипку під пахвою...

Ні кусня хліба, ні речей,
Ні вузлика малого.
А що дорожчого іще
Він міг узять в дорогу?

Солдатську путь я всю пройшов,
Стоптав немало підошов
Дорогою важкою.
І згадувавсь не раз в боях
Втікач з дитятком на руках,
З футляром під пахвою.

1944

ЛАДА

Це було напровесні, ще земля не дихала,
Ще весна каретою царською не їхала,
Ще безмовні праліси не дзвеніли птицями,
Ще верхів'я хмурились тіннявими лицами,

Ще дівчата гнулися день і ніч над кроснами,
Ще коханці-голуби не гули під соснами,
Як мені ти білою Ладодою явилася
І, проста, не квітчана, міцно полюбилася:

Синіми озерами, гомінкими ріками,
Сивими легендами, горами стовікими,
Всім була відмінною, лиш в однім незмінною –
Що і за Карпатами звалась Україною...

1946

СТЕПОВІ

Кавуни і дині на баштані,
Безгоміння степове моє.
Знову, як в рожевому тумані,
Золоте дитинство постає.
Пахли далі чебрецем манливим,
Трави піднімалися в росі,
І таким принадним та щасливим
Нам життя з'являлося в красі.
І чуття майбутнього тривожне
В блискавицях і в грозі жило,
Кожне почуття, бажання кожне
Било, як гаряче джерело.
Ой ті обрії, якими марив,
Ой ті далі, до яких летів!

Я вернувся. Трохи вже постарів,
 Але, степе, ти помолодів.
 По тобі прослались лісосмуги,
 Перетнули грейдери чебрець,
 Лінії високої напруги
 По тобі прямують навпростець.
 Був я скрізь. Багато світу бачив.
 В серце увійшов безмежний світ.
 Степе мій, любов моя дитяча,
 Я тобі складаю нині звіт.
 Я тобі сказати хочу, друже,
 Як я вгору східцями ступав
 І що мрій своїх дитячих, дужих
 Я не розгубив, не розплескав...
 Хочеш? Приведу синів за руку.
 Хочеш? Книги покладу до ніг.
 Невимовну я твою науку
 Намагався справдити, як міг.
 Тільки ти не думай, що із фронту
 Я у тил зібрався перейти.
 Свіжим вітром пахнуть горизонти,
 Знову на початку я путі.
 То нічого, що в рахунку сорок,
 Тільки б дух не гаснув, не марнів,
 Тільки б був в порохівницях порох –
 Для людей, для людства, для синів.
 ...А коли впаду тобі на груди,
 На зелену плетеницю трав,
 Я хотів би, щоб сказали люди:
 «Чесно він своє відпрацював!»

1952

* * *

Мамо моя, мужицька мамо!

Народила ти коваля Івана,
 Народила учителя Степана,
 Народила обліковця Данила,

Тільки жодного хлібороба, мамо,
 Жодного ратая не народила.

Як же нам жити, мамо, достоту,
 Хто ж нам зготує хліба до столу?
 Як же нам бути, мамо?

1968

ЛЮБОВНЕ

Ти будь моєю веснянкою. Я
Ще вартий твого кохання,
Не тільки тому, що старість-змія
Мене не вкусила зарані.
Я хочу кохати до забуття,
Щоб у драмі тривали діалог і дія,
Щоб повно я пив з джерела життя,
Ім'я якому – надія!
Щоб кремінь іскри кресав снопом,
А я в тобі бачив усе, що приємлю,
Щоб плуга леміш вгрузав без утом
В м'яку чи тверду життєдайну землю.
Чому я тверджу – усе я та я,
Що добре з тобою, погано без тебе,
Бо десь ти існуєш, плането моя,
І кличеш до себе, як море, як небо!
Так будь моєю зорянкою. Ти –
Любов, жадання, поезія, мрія.
Далекий маяк близької мети,
Єдина душа, що мене розуміє!

* * *

Ти гадаєш – веселий я?
Задоволений? Маска!
За містами, за селами
Десь блука моя казка.

Скільки мрій розтривожених
Посріблило волосся,
Скільки замірів зможених
У житті не збулося!

І заблуди, й невірності,
І невидимі драми...
Не було тільки підлості
Між моїми літами.

Що, ікони повержено,
Істин мало відкрито?
Але світ мій утверджено,
Ідеали не вбито!

І літалось, і мріялось,
І збувалось – не гірше.
Ну, полова відсіялась,
Добрі ж зерна – у вірші!

1978

Екатерина ГОЛУБКОВА

Я – ВАША СЕСТРА!**ПОСЛЕДНИЙ РАБОЧИЙ ДЕНЬ**

Мой последний корабль,
ты ещё стапелями спелёнут,
и стальной пуповиной
ты ещё прирастаешь к земле,
и шагают ещё по земле,
молодой и зелёной,
те, кто плавать уйдёт
на последнем моём корабле.
Я с особой любовью
тебя своей кистью касаюсь.
Ватерлинию вытяну, тронь –
и она зазвенит.

Ты стоишь неподвижно,
величавый и гордый красавец,
упираясь надстройкой
в невидимый снизу зенит.

Вон какой ты большой!
Я борта твои тёплые глажу.
Нет ракушек на них,
нет следов от подводных камней,
нет ещё ничего.
Ты ещё не родился.
Ты даже
и не нюхал воды,
хоть уже отражаешься в ней!

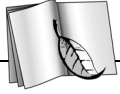
Без меня ты рванёшься
к своему отражению в купели
и уйдёшь из завода
ослепительней, чем облака.
И не мне протрубишь ты,
прощаясь с родной колыбелью:
– Я пошёл! Всё в порядке!
Спасибо, ребята! Пока!

Ну а я вот с тобою
досрочно прощаюсь. Сегодня.
– Ничего, – говорю, –
всё пройдет хорошо. Не робей!

И бреду не спеша
по лесам твоим,
трапам и сходням...
Вот уже и земля.
– Ну, счастливо!
Семь футов тебе!

Голубкова Екатерина Александровна. Родилась 5.11.1946 года в пгт «Памяти 13 борцов» («Стеклозавод») Емельяновского района Красноярского края Российской Федерации. В 1953 году вместе с семьёй переехала в Николаев, где и живёт по настоящее время. Окончила факультет психологии Ленинградского государственного университета (1975). Работала старшей пионервожатой, матросом, маляром на судостроительном заводе, социологом, занималась проблемами профориентации и профотбора в отраслевом Центре НОТ (Центр по работе с кадрами). Руководила литобъединением «Стапель», а также детской студией «Секрет» при областной библиотеке для детей им. В. Лягина. Была заведующей кабинетом молодого автора, заместителем главного редактора областной студии телевидения. С 1994 г. работает в Центре по изучению общественного мнения «Наваль-Эксперт». Публиковалась: в журналах «Звезда», «Аврора», «Радуга»; в альманахах «День поэзии», «Истоки», «Молодой Ленинград», «Письмена»; в сборниках «Вдохновение», «Горизонт», «Вітер з лиману», «Крила нашої весни», «Квітти, земле моя!»; на страницах областной прессы. Представлена в поэтических антологиях: «Русские советские поэты Украины» (Киев, 1987); «Миколаївський оберіг» (Николаев, 2004), «Украина. Русская поэзия. XX век» (Киев, 2008). Автор пяти поэтических сборников: «Акварели» (1973), «Звёздный корабль» (1980), «По праву любви» (1984), «День летящий» (1987), «Звезда в колодце» (2006). Член Союза писателей СССР (а затем – Национального союза писателей Украины) с 1979 года. Член Союза писателей России (1999). Лауреат звания «Горожанин года» (2006).

...До свиданья, коллеги
и наставники Дима и Сеня!
Кисти, краски, кандейки,
трафареты в углу мастерской.
Выхожу я на пирс,
и бесчинствует в небе весеннем
ослепительный март
над пронзительно-синей рекой.

До свиданья, завод,
и взыскательный цех мой малярный,
и заросшие склоны,
и уютный домашний Ингул!
Вы мне многое дали,
и я вам за всё благодарна.
Я в долгу перед вами.
Но я не останусь в долгу!

ВОЗВРАЩЕНИЕ

Владимиру Топчому

Во дворе, за забором,
абрикосы, как прежде, висят,
и, как прежде, пестры и копейчаты
тени акаций...
Здесь мы бегали в детстве
от мамы тайком в Дикий Сад,
чтоб, дрожа и ликуя,
в запретной воде искупаться!
А потом мы росли.
Грохотали в ночи поезда.
Уводила нас даль,
и пускай нам бывало несладко,
но над далью любою
горела всё та же звезда,
что из нашего детства
за нами следила украдкой.
Стали твёрже ладони,
прямей и взыскательней взгляд.
Стала строже душа
и, быть может, – немножечко суше.
Но когда мы устанем
и вернёмся в свой город назад –
от любви и от нежности
непривычно смущаются души.
Как любимая песня,
которую редко поём,
как единственный друг
и как памяти строгой соседство,
ты навек, Николаев,
останешься в сердце моём
поцелуем солёным
в таинственном шёпоте детства!

* * *

Друзья отбывают. Им время часы отбивают,
играя при этом привычную песню часов.
Друзья отбывают. И значит – у нас убывает...
И что уж тут класть на убогие чаши весов!

Друзья отбывают не в нети – в чужие столицы.
А может, и просто в местах оседают иных...
И время смывает с сетчатки их чудные лица –
родные для нас, и чужие – для всех остальных.

Друзья отбывают... Ну что ж, и такое бывает.
Им скудные рамки – увы! – оказались малы.
И – Господу слава! – за это их не убивают.
...Вот только душа – как обиженный взрослым малыш...

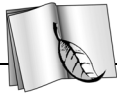
* * *

Под осень травы наденут траур,
пожухнут листья.
Но кто здесь прежде творил и правил
резцом и кистью?
На чём замешаны краски эти?
На чудедействе?
На родниковом, на лунном свете?
На снах, на детстве?
Кто отпечатал все эти тени?
Кто в эти выси
живую, сильную плоть растений
воздвиг, возвысил?
Кто эту нежность копил веками
с таким секретом,
чтобы не делать нас должниками,
даря нам это?

* * *

Как в детстве боялся
случайно остаться во мраке –
боюсь белизны
настороженной белой бумаги.
Но там было проще:
тогда одного поворота
хватало, чтоб вспыхнула лампа,
привычный мирок осветя...

Но там было проще –
тогда я боялась кого-то.
А ныне...
Как это страшнее –
бояться себя.

ЛОШАДКА

Вот в страну весёлых беспорядков,
к шлёпанью по лужам босиком,
скачет деревянная лошадка
за своим отважным седоком.
Вот она примчится утром рано,
застучит у запертых ворот...
Ах, откуда знать ей, деревянной,
что никто тут больше не живёт?
Что уж все состарились порядком
и не слышат топота копыт...
Ах, напрасно верная лошадка
бьёт копытом каменную пыль!

* * *

Анатолию Завгороднему

Природа без меня осиротеет,
утратит назначение своё –
лес замолчит, и птица опустеет,
как будто небо вынут из неё.
И встанет день, да так и не проснётся,
пойдёт, недоуменья не тая...
И вдруг земля
о пустоту споткнётся –
где я.

* * *

Я стану тенью, и в смятенье,
в сплетенье света на стене,
поверю я,
что не смертельно
быть только тенью среди теней.
Что так покойно быть покоем,
пока им полночь полнит сны.
Быть тихим небом над рекою,
звездой, прозрачной от весны.
Что так не страшно
ночью летней,
пока земля
луной бела,
и тише стать,
и неприметней,
чем даже в жизни я была...

* * *

Опять на нас идут снега
густою белою толпою,
и очень просто нам с тобою
в них потеряться в двух шагах.
Такое воет и свистит,
что стоит чуть разжать ладони –
и тотчас оба мы потонем,
и не догнать, и не спасти.
И разбери поди теперь
в ревущей бешено метели –
был кто-то рядом, в самом деле,
или почудился тебе...

* * *

Осенний город отсырел,
утратил лёгкость и прозрачность,
он весь обмяк и постарел –
был забияка и пострел,
а стал ворчун и неудачник.
Осенний город сам не свой,
в нём воробьи – и те притихли,
и дымно тлеет в тёмном тигле
закат под ветошью сырой.
А где-то рядом, наготове –
зима, быть может, от ворот
лишь в полуметре, в полуслове,
и варежкой снежинку ловит,
и улыбается.
И ждёт.

* * *

И ни о чём, что будет, – не жалею,
и ни о чём, что было, – не грущу,
и если ты войдёшь сейчас в аллею,
я всё тебе,
как мальчику, прошу.
Но если с нами что-нибудь случится
и мы проснёмся в середине сна,
то это значит –
улетела птица,
которая любила
только нас...

* * *

Татьяне Карнаух

Осенние боги грустны и рассеянны,
зато их улыбка светла и добра.
Бредущие вдаль листопады осенние,
я – ваша сестра!
В прилежной, в прибрежной осиновой рощице,
впервые увидевшей – речка быстра,
заблудшая музыка в душу к нам просится:
я – ваша сестра!
И рощица эта, познавшая таинство,
сквозь неуловимую дымку утра
вослед журавлям улетающим тянется:
я – ваша сестра!
Я знаю, что в мире тепла не убавится,
какая бы там ни стояла пора!
И осень застенчиво нам улыбается:
я – ваша сестра!

* * *

Анжеле Прудкой

Ясны мои осенние леса,
недвижны их отчётливые тени,
и небо, опустившись на колени,
целует землю в строгие глаза.
Ясна моя недолгая судьба,
как лист янтарный ясен против света,
когда его разглядывает лето,
откинув пряди с выпуклого лба.
Ясны во мне слова и голоса,
прозрачен час вечернего отлива...
Как просто, оказалось, быть счастливой!
Ясны мои осенние леса.

АВГУСТ

Созревшая до срока,
огромная на вид,
звезда над водостоком
на волоске висит.
Уж ей упасть бы надо,
пора уже давно.
Да только страшно падать –
темно внизу,
темно!

ОСЕННЯЯ НОСТАЛЬГИЯ ЕКАТЕРИНЫ ГОЛУБКОВОЙ

5 ноября у замечательной николаевской поэтессы Екатерины Александровны Голубковой День рождения. В этом году она отмечает юбилей. Сколько ей исполнилось? – Ровно столько, сколько исполнилось.

Возраст человека – его мироощущение, возраст поэта – рефлексия окружающего бытия.

В предисловии к одному из антологических сборников поэтесса сказала о себе: *«Писать стихи я начала довольно рано, но никогда даже не задумывалась о том, чтобы стать профессиональным писателем. Я мечтала быть кем угодно, начиная от лётчика и геолога и кончая химиком-органиком, а стихи – это было нечто, как бы само собой разумеющееся.»*

В результате перманентно «осваивала» профессии то пионервожатой, то матроса, то маляра на судостроительном заводе имени 61 Коммунара, затем окончила факультет психологии Ленинградского университета, занималась проблемами профориентации в Центре по работе с кадрами, руководила литобъединением «Стапель», была заведующей кабинетом молодого автора, потом социологом в Центре по изучению общественного мнения «Наваль-Эксперт».

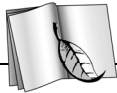
Года три-четыре перед этим я, так сказать, находилась на «творческой работе» (т.е. попросту сидела дома), но никаких особых успехов это сидение не принесло. Дело в том, что я не очень-то люблю сам процесс писания, т.е. возведения пером по бумаге, поэтому даже стихи я предпочитаю записывать только тогда, когда они уже сложились в голове окончательно, и их осталось просто перенести на бумагу. С появлением компьютера в моей жизни я, пожалуй, разучусь писать «вручную» вообще...»

Поэт не может существовать вне поэзии, и «творческое безвременье» Екатерины Голубковой время от времени выплескивалось на бумагу.

*«Из сожаленья музыка рождалась,
И, отражаясь в старых зеркалах,
Она едва не превратилась в жалость,
Но, покружась, на грани удержалась,
И было всё. И только жизнь прошла.
Она прошла, нигде не задержалась
И даже не присела у стола.
Уже рука незримая разжалась,
Уже я от всего освобождалась...
Но было – всё! И музыка – была!»*

Ритмически упорядоченная речь, как в теории называют поэзию, не есть признак особого дара (таланта, гениальности). Освоить стихотворные размеры может каждый мало-мальски грамотный человек. Рифма? – Тоже не проблема. Сегодняшняя теле- и радиореклама на девяносто процентов состоит из рифмованного текста, лишённого поэтичности.

Екатерина Голубкова многие годы руководила литобъединениями («Стапель», детская студия «Секрет») – как бы учила писать стихи совершенно разных людей: детей и взрослых, гуманитариев и технарей, пэтэушников и профессоров. Учила честно, прекрасно сознавая, что *«поэта научить нельзя через томительную мудрость правил».*

*«В конце концов –
не в рифмах же всё дело!
Не в том, какой размер
шагать велит!
Всё дело в том,
чтобы строка – запела,
а дудочка откликнулась вдали!»*

Стихи, по мнению самой поэтессы, «рождаются спонтанно», и проникнуть в эту лабораторию, чтобы посмотреть содержимое тигля, где варятся будущие строчки, невозможно. Действительно, из каких файлов позвоночной памяти рождается, например, такое:

*«О, дымная шерсть полуночного юга!
Пронзительный запах цветущих растений,
И ртутные волны (Ингула ли? Буга?),
И чёрных деревьев хвостатые тени...*

*.....
...Листвы лепетанье и всплеск разговора,
Таинственный запах прохладного ила...
Таким я впервые увидела город,
В который судьба меня накрепко вбила».*

«...Я родилась поздней осенью первого послевоенного года в небольшом посёлке под Красноярском... – говорит о своём детстве Екатерина Александровна. – Тогда его окружала дремучая, ещё не искалеченная человеком тайга, и однажды на прогулке наша детсадовская группа нос к носу встретилась с медведем-подростком. Дело было летом, и обе стороны при встрече отделались лёгким испугом. Юный медведь, пожалуй, нашего дружного визга испугался гораздо больше.

Первые впечатления детства – деревья, настолько высокие, что как ни задирай голову, вершину всё равно не увидишь; белые прямые столбы дыма из труб; сугробы чуть ли не до крыши, и в этих белых слоистых стенах прорублены траншеи-тропинки...

В шесть лет я с мамой переехала в Николаев. Здесь поражало уже совсем другое. Чёрные, бархатные ночи, напоённые пронзительными ароматами цветущих растений; тротуары, мощённые гладкими, то светлыми, то чёрно-синими, слегка неровными плитами, такими приятными на вид, что их хотелось если не лизнуть, то хотя бы погладить; вечерние гуляния на бульваре с духовым оркестром и множеством весёлых морячков в белых бескозырках и нарядных, смеющихся барышень... Так Николаев стал моей второй родиной, и я полагаю – уже навсегда».

Маленькая девочка «прикипела» к суровому краю, повзрослев в нашем городе. Сначала она работала пионервожатой в школе, затем матросом, красила корабли на верфи, и потом, окончив Ленинградский университет, «подалась в социологию».

Поэзия сопровождала её всегда. Екатерина Голубкова – автор 5 сборников стихов: «Акварели» (1973), «Звёздный корабль» (1980), «По праву любви» (1984), «День летящий» (1987) и «Звезда в колодце» (2006). Произведения поэтессы опубликованы в известных альманахах и журналах.

Поэзия пишется не для высокопоставленных критиков. Обыкновенный читатель, открывший книжку стихов Екатерины Голубковой, начинает сразу погружаться в осеннюю ностальгию поэтессы:

Литературная студия «Секрет» при областной библиотеке для детей им. В. Лягина

*«И этот день был титульным листом.
К нему потом, страница за страницей,
припишется разнообразный том
всего, чему положено случиться...»*

*...И будет пуст простор, и воздух – чист,
и будет даль в резьбе чёрных веток...
Но это всё – потом.
А ныне, жёлт и светел,
ещё летит и медлит
первый лист».*

Осень – особое мистическое время. Стихи Екатерины Александровны, написанные в любое время года, маркируются осенней ностальгией. Уходящий мир лета оставляет место неповторимому запаху опавшей листвы и мокрого асфальта. У осени особое очарование, и царство багряных красок навевает мысль о бренности всего живого. Осень – для поэтессы – время чувственной философии.

Екатерина Александровна Голубкова создала романтический образ нашего города. Она пошла против «модного течения» в краеведческой литературе, где Николаев изначально предстаёт военной казармой, «застёгнутой на все пуговицы».

Для поэтессы столица корабельного края – целый мир, где всё и все родные. Её не раздражает николаевский народ, убитые дороги и вечный потоп на Мещанской канаве. Не раздражает грязь и грубость, детский мат и бомжи у мусорников. В конце концов, таков наш «обжитой мир», который переживает трудное время.

*«Вот мир наш, нами обжитой
И тёплый, если
В нём кот, свернувшись запятой,
Спит в старом кресле.
И пусть провисли потолки
И ждут ремонта,
И пусть по стенам науки
Плетут тенёта,
И мебель пусть – не суперкласс,
И ветхи платья,
Но это место держит нас
В своих объётах!
И нужен ли иной уют,
Сказать по чести,
Когда все вместе мы – вот тут!
Пока – все вместе...»*

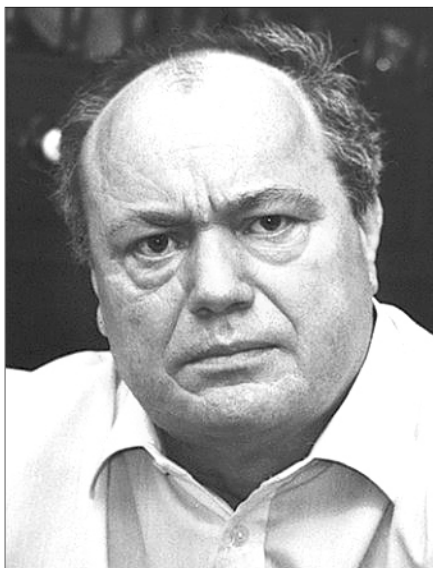
Этот эмоциональный посыл пронизывает лирику Кати Голубковой, являясь тем цементным раствором, что объединяет городскую общину в лихую годину и в праздники. Её поэзия делает нас лучше и помогает жить.

5 ноября 2016 года у Екатерины Александровны юбилей. Она отмечает круглую дату. Хочется пожелать ей здоровья и хорошей усталости от напряжённого труда.

*На церемонии награждения
«Горожанин года» (2006)*

Сергей Гаврилов

Вінграновський Микола Степанович. Поет, прозаїк, кіносценарист, актор. Народився 7.11.1936 року в місті Первомайську на Миколаївщині. Закінчив Всесоюзний інститут кінематографії (1960). Працював на Київській кіностудії ім. О. Довженка як кіносценарист, режисер, актор. Автор книг «Атомні прелюдії» (1962), «Сто поезій» (1967), «На срібнім березі» (1978), «Губами теплими і оком золотим» (1984); збірок для дітей «Андрійко-говорійко» (1970), «Мак» (1973), «Літній ранок» (1976), «Літній вечір» (1979), «Ластівка біля вікна» (1983), «На добраніч» (1983); повістей «Первінка», «Сіроманець» (1977), «У глибині дощів» (1985), роману «Северин Наливайко» (1996), історичних нарисів «Чотирнадцять столиць України» (2002). За збірки творів для дітей удостоєний Державної премії ім. Т. Г. Шевченка (1984). Його твори перекладено російською, естонською, литовською, чеською, англійською та іншими мовами. Член Національної спілки письменників України (1962). Помер 26.05.2004 року.

Микола ВІНГРАНОВСЬКИЙ

РІК З ДОВЖЕНКОМ

Спогад

Того літа я вперше побачив Київ і Дніпро.

Дорога від нашої хати до Київського театрального інституту пролягає між скіфськими могилами по старому чумацькому шляху з Криму на Чернігів. З новим коричневим магазинним чемоданом я вийшов на ту дорогу, на її сухий світланковий асфальт...

У Києві стало страшнуvато: на рядових вулицях людей було більше, ніж недільними днями на базарі в Умані і навіть у Саврані... Та що найбільше мучило – сам інститут: затиснута несміла будова в три поверхи сиділа на овочевому магазині. З магазину пахло, чим і належить пахнути з овочевого магазину, а в коридорах інституту пахтіли духи і пудра солідних батьків, чії діти за нумерованими дверима аудиторій відстоювали своє право служити Мельпомені. Жаль було тих, що не пройшли на перших турах. Вони нагадували глушену рибу.

Під кінець складання екзаменів моє економічне становище впало нижче рівня слаборозвинутих країн. Гроші на дорогу додому недоторканно лежали в кишені і обпалювали мою душу.

До того ж я соромився обідати в їдальнях: людей багато, – здавалось, усі дивляться на тебе.

Жили ми в розхитаному дерев'яному гуртожитку на Сталінці. У дворі чорніла колонка з водою. Вранці я напивався води на цілий день і – бігом по Червоноармійській на Хрещатик, у майбутні рідні пенати. Від щоденного пиття з колонки хлорованої води мої кістки і тіло пропахли хлоркою так, що на мене боялись сідати мухи. Та перед останнім екзаменом я був порятований: у прибиральниці нарвав на руці палець, і мити підлогу в гуртожитку взявся я. За це одержав «гонорар»: кавун, оселедець, а хліб – скільки з'їси.

Одне слово, на останній екзамен я прийшов у бойовій поготові. Викликають. За столами знайомі обличчя викладачів, які, здавалось, нічим поганим не загрожували. Складали ми етюд. В коридорах було чути: «найнайнай-найважливіший екзамен». Мені випав Чарлі Чаплін. Треба було зіграти глядача, який дивиться в кінотеатрі фільм Чапліна. Якось я чув від своєї мами, що до війни був такий дуже смішний артист Чаплін. Якщо смішний, то мені, глядачеві, належно сміятися. Та по очах приймальної комісії я побачив, що цей етюд давали уже не одному абітурієнту. Роздумувати було ніколи, я сів на стілець, покліпав очима перед уявним кіноекраном і «заснув». З кожною хвилиною сон мого персонажа міцнів, в уявному залі знімалась буря,

на неї я, не розплющуючи очей, намагався відповідно реагувати і разом з тим дивився і далі свій сон натовленої людини.

Отже, поставили мені п'ятірку, і в той день 1955 року я став студентом акторського факультету Київського театрального інституту.

Нас відпустили на короткі канікули додому. В садах стояла пізня серпнева темнота, і дорога від вокзалу до нашої хати лежала холодна... Щось кінчилося, погасло в мені. Інше, нове, ще не почалося: радості чогось не було.

У темному вишневому дворі, напроти чорно-білої літньої печі, на низенькій табуретці сиділа мати. Вона тільки-но посадила хліб у піч і підгортала вуглину. Бузкові жарини освітлювали її лице. Те світло од печі нагадувало мені вечірній Київ. Я поставив чемодан. Мати глянула на мене й ні про що не спитала. Тільки сказала:

– Тато в хаті, – у матиному голосі було те, до чого вона давно приготувалася.

Батько сидів за столом. Перед ним лежала розрізана диня. Він ложкою вибирав з неї насіння. В хаті нічого не змінилося: та ж сама велика гасова лампа на стіні, мій саморобний детекторний приймач із чорними навушниками на етажерці, свіжа, як завжди, ясна чистота скрізь, той же високий лисий батько з чорними очима й тонким прямим носом, і тільки я – новоспечений київський студент. Батько не повірив:

– Покажи бумажку.

Я показав. Батько довго читав. У тій «бумажці» він довго читав не те, що треба. Батька вразило надруковане на машинці «державними літерами» його прізвище. Уперше в житті він побачив своє прізвище, надруковане такими літерами. Батько всміхнувся. Він відсунув диню, встав, підніс повідку до лампи, прочитав своє прізвище тихо, по складах ще раз, подумав і запитав:

– Як там Київ?

А Київ першого студентського вересня став для мене столицею світу, захоплюючих лекцій, репетицій, футболу, кавунів і віршів.

Десь у середині вересня мені зненацька запропонували, крім занять з акторської майстерності, відвідувати заняття ще й з режисури. Хто те придумав, я й досі не знаю. Надалі я став навчатися і там, і там. На режисерському курсі студенти були значно старші за мене, я їх спочатку боявся, а тоді звик. Мені одразу сподобалось, що вони говорять не так голосно, як мої однокурсники. А те, що вони кидали на мою персону свої надто зневажливі й зверхні погляди, – це не турбувало мене: вони без п'яти хвилин режисери, а я хто?

Почалися всякі режисерські розробки, аналізи п'єс, креслення мізансцен – я накинувся на цю роботу, як вогонь на суху соломку...

Була друга половина вересня. Мене викликали з лекції. В коридорі секретарка дивним, як на секретарку, голосом сказала, щоб я йшов прямо до кабінету ректора і що там зо мною хоче говорити Довженко. Хто такий Довженко – я не знав. «Хто ж це такий, – думав я, – і чого такий тихий голос у секретарки?»

Підходжу до дверей кабінету ректора. Відповідного кольору дверей, оббиті по краях мідними кнопками, не те щоб лякали собою, а ніби від чогось застерігали. Заходжу. Зупиняюсь біля порога. За красивим блідо-горіховим столом сидить наш ректор, а на дивані в голубу сосенку, навпроти вікна з призахідним сонцем, – сивий, широкоплечий, міцний чоловік. М'яким, уважним поглядом дивиться на мене. Це був Довженко.

Враз його погляд упав на мої балетки... Кілька днів тому в моїй тій взуванці відклеїлись підметки. Я підібрав мідну дротину якраз під колір балеток і зшив нею підметки з передами, так що в інституті, а тим паче на вулицях, ніхто того не помічав і не помітив би зроду... Довженко усміхнувся. Я почервонів... Ректор назвав моє прізвище. Довженко – своє. Настала пауза. Довженко весело розглядав мене. Мені стало ніяково під його поглядом, плечі мої в синій безрукавці піднялись, зсутулились, як у древнього єгиптянина. Так я стояв, похиливши голову на ключиці.

Тоді Довженко спитав, звідки я, з якої сім'ї, скільки у нас дітей, яка в нас річка, чи багато з нашого села молоді поїхали піднімати цілину, чи є в нашому колгоспі коні і скільки. Я відповідав і дивувався тим запитанням. Якби таких запитань та побільше мені на екзаменах!

Потім Довженко запитав, чи не болять у мене п'яти. Ректор якось особливо запитливо поглянув на Довженка. П'яти у мене справді боліли. Балетки ж були без каблуків. Коли ходиш у них на ґрунтовій дорозі – п'яти не болять, а як походиш по асфальту – ниють.

– Болять, – відповів я, і враз мені стало легко, і тоді я, вже в свою чергу, глянув, у що взутий і одягнутий Довженко. Він помітив це, відкинув голову на голубі сосенки дивана і засміявся. У призахідному вересневому сонці його засмагле обличчя світилось темним житнім золотом.

Довженко запитав, що я читав на екзаменах. Я читав «Гонта в Умані» – трагічний розділ з поеми Шевченка «Гайдамаки». Він попросив прочитати. Я прочитав. І коли закінчив читати, Довженко раптом рвучко встав, упала на підлогу з дивана його палиця, встав і враз зміненим, різким, беззаперечним, владним голосом сказав, що забирає мене з собою в Москву, в кіноінститут.

Ще гарячий від «Гонти в Умані», я подивився на ректора. Поволі підвівся й ректор. Та я вже знав: хто б і що б зараз мені не сказав, заборонив, не пустив – я вже належу цій людині. Він – мій.

Так воно й вийшло: ректор тихо сказав Олександрові Петровичу, що я ще молодий, що мене ж тільки прийняли до театрального інституту, тепер відвідую й режисуру, і що в Москві мені буде важко...

Та Довженко, не мовлячи й слова, рвучко вийняв записник, швидко щось у ньому записав, відірвав аркуш, подав мені й сказав, щоб за тією адресою я прийшов до нього завтра о сьомій вечора. То була адреса й телефон його сестри Поліни Петрівни по вулиці Горького.

Вечір і всю ніч наша кімната в новому гуртожитку була блокована студентами, особливо старших курсів. Усі, хто бачив, слухав, читав Довженка, говорили про нього. Мене вчили, як поводитися з Довженком, яким голосом з ним взагалі говорити, в яких випадках з ним взагалі мовчати. Коротше кажучи, молоді «довженкознавці» надресировали мене так, що весь наступний день я ходив як сновида, забув навіть уранці помитися.

О сьомій вечора холодною, не своєю рукою натиснув кнопку дзвінка.

Двері відчинила Поліна Петрівна і запросила увійти. З кімнати, крайньої від дверей, вийшов Олександр Петрович: в окулярах, блідо-голубій сорочці, молодий і чимось задоволений. Він замовив Поліні Петрівні чаю й повів мене в кімнату, посадовив, узяв зі столу аркуш паперу і почав читати із «Зачарованої Десни» те місце, де він, маленький Сашко, іде з батьком на сінокіс... Довженко вів слова по єдино відомій йому дорозі, попереду якої йшли його очі: все було винятково видиме, чітке і ясне – навіть повітря можна було брати руками.

Довженко читав довго, в голосі його не було суєти. Інколи він поглядав на мене. Я запам'ятовував і запам'ятав усе з першого і до останнього слова – так воно мені все припало до душі. Легка моя пам'ять вбирала в себе одразу все, що їй подобалося.

Закінчивши читання, Довженко поцікавився, скільки мені років. Я сказав і запитав:

– А хто це написав?

У школі і вже в інституті всі мої вчителі читали і говорили з книг і по книгах письменників. Письменник для мене – було і є щось на зразок всесвіту. І коли я знову запитав:

– Ви письменник? – Довженко поклав аркуш на стіл, сів, про щось подумав, і йому стало сумно.

Поліна Петрівна принесла чай. Довженко мовчав. Поліна Петрівна подивилася на Олександра Петровича, а тоді на мене. Мені стало холодно. Поліна Петрівна вийшла, Довженко продовжував думати про щось своє... Я хотів тікати. Мені стало страшно, що я міг образити чи сказати щось не те цій людині... В коридорі задзвонив телефон. Довженко підвівся і вийшов до телефону. На столі, списаний дрібними, як зерня яблука, літерами, лежав аркуш, а з-за скла в шафі мені світила кольорова листівка з Довженка. З листівки очі Довженка дивилися спокійно і строго.

У кімнату після телефонної розмови Довженко увійшов так, ніби він щойно біг. Він підійшов до столу, зібрав списані аркуші й сам собі сказав, що буде нехайно їхати. Він був знервований і похмурий, і краї його губ опустилися в печаль.

Довженко знову сів. Дихав він важко і голосно, на щоках і надбрів'ї виступали червоні плями. Я підвівся, щоб іти. Довженко подивився на мене, і в сіро-зелених очах його були біль і образа, що впали на нього під час телефонної розмови.

Вже на сходах мене гукнула Поліна Петрівна і дала мені п'ятдесят карбованців на нові балетки, як вона сказала, від Олександра Петровича.

У той вечір в гуртожиток я не пішов, а пішов у Ботанічний сад за околицею Києва і там у кущах переночував. У Ботанічному саду стояв пригасаючий запах флоксів. У ту ніч я, мабуть, не спав, тому що мені нічого не снилося. Перед очима був аркуш, списаний яблуневим насінням, і у вухах гримів недобрый телефон.

Минали дні. Лекції спливали як вода. Була субота. В одну з перерв до мене підійшла секретарка і тасмничим, підпільним голосом звеліла зайти до бібліотеки. У бібліотеці на столі лежала телеграма:

мій Довженко кликав мене до себе в Москву... Попливли по небу непорушні хмари! «Ой, – сказала секретарка, – якби в цю хвилину бачив тебе твій Довженко!»

Біле осіннє повітря на пероні тремтіло. Майбутні розповнілі заслужені і народні артисти, а поки що мої однокурсники проводжали мене з виноградом у руках і сміялися на диво голосно, ніби я їхав на міжнародний фестиваль.

У Москві падав лист. Молода осінь поспішала. У вестибюлі мого нового інституту пахло свіжими огірками – так завжди пахне свіжа фарба. Я зайшов до деканату і сказав, що я – до Довженка. В деканаті звели брови й відповіли, що Довженко буває в інституті по середах і п'ятницях. Ага. Ясно. Сьогодні був понеділок. Мій улюблений чемодан у руці враз став важким. Я зібрався йти на вокзал: переночую ці дві ночі там.

– А вы, случайно, не тот ли?

– Той...

– Да-а-а?

Деканат приготувався, очевидно, зустріти привезеного самим Довженком з України ну принаймні Тараса Бульбу...

Через кілька хвилин я вже сидів у аудиторії серед своїх майбутніх товаришів і друзів. Тільки що таке? Що за обличчя? Як на плакаті «Миру – мир»... Так воно й вийшло: Іспанія і Корея, Грузія і НДР, Іран, Естонія, Росія, Татарія, Польща, Узбекистан. Усе це – майстерня Довженка. Наш Майстер зібрав таких ось нас з усього світу під свої, відомі світові, художні знамена вчитись. Як усе чудово починається!

Але увечері того дня трапилось таке: до мене підбіг якийсь студент і приречено запитав:

– У футбол граєш?

Я зрозумів, що футбольна честь нашого інституту того вечора залежить і від моїх ніг.

Коли в другому таймі я вривався головою в штангу, хтось із трибуни жіночим голосом захоплююче закричав: «Отел-ло!!!» З голови «Отелло» дзюркотіла кров, і після матчу довелося постригтися... Багато було пролито рятівної зеленки.

Та – наближалась середа. Середа... Довженко... Якби в мене був глузд, я б з нього зійшов: стрижений, з синім, як виноградне гроно, синцем під оком, я повинен був стати перед очі Довженка. У таких випадках з сорому й ганьби краще всього провалитися крізь землю. Та земля в Москві тверда, асфальт, і провалитися крізь нього було важкувато.

Вранішнє сонце розлилося на стерильній чистоті аудиторії. Всі ждали Довженка. Ждав його і я, зашившись у куток під стіною, нагнувши голову, як перед ешафотом.

І ось о дев'ятій нуль-нуль в аудиторію увійшов Довженко зі своїми асистентами. Всі встали. Одним оком з-за спини виглянув і я. Довженко розглядав кожного свого учня окремо. І коли всі сіли, я зігнувся іще нижче: слава Богу, Довженко мене не помітив. Довженко підійшов до вікна і, ніби охоплюючи щось руками, сказав, що на тому тижні приїхав з України: тихими осінніми рухами він став нам показувати каховські береги і саму Каховку. Довженко говорив про будівельників і птахів, бульдозери і велику воду. Довженко говорив про комунізм. Комунізм був його любов'ю й надією.

Довженко говорив про світогляд. Про науку мислення, про почуття, народи, час. Він був зачарований. Він був у полоні Каховки, її людей, повітря, Дніпра, грандіозного наступу на посушливі степи. Його душа, його талант, фантазія належали великому перетворенню півдня України. Каховка повернула Довженкові молодість.

Минула година, друга. Облич своїх однокурсників я не бачив, та бачив обличчя асистентів Довженка: мимоволі забувши, що вони наші викладачі, вони, слово честі, нагадували мені людей, що вперше сіли за шкільну парту. Крім новизни думок, несподіваної і стрімкої образності, чарівності, Довженко володів іще якимсь чудодійним гіпнозом оповідача...

Всі підвелись і підійшли до Довженка. Я тихенько попід стіною хотів прослизнути до дверей, але хтось із викладачів гукнув мене. Я зупинився. Од вікна на мене дивився Довженко. Ноги мої ніби хтось прибав до підлоги цвяхами.

Прикривши рукою виноградне око, другим я дивився туди, де пахло зворотною, залізною дорогою додому. Довженко підійшов, узяв рукою мою стрижену голову, повернув її туди-сюди, ніби хотів відгвинтити, і сказав:

– Товкач! Який товкач!

Усі засміялись...

Увечері того ж дня я вперше переступив поріг квартири Довженка. У ясному маленькому коридорі стояла Юлія Іполитівна. Вона була в той вечір схвильовано-урочиста, красива, її краса вразила, потрясла мене.

Довженко був не сам. У кімнаті сиділи люди. У вікні на кватирці висіла фіранка з марлі, і за тією марлевою фіранкою гув унизу машинами проспект. Довженко познайомив мене з своїми гостями: Шостакович, Шкловський, Ліванов, Козловський, Хікмет. Але що найголовніше мені сподобалось у квартирі Довженка – це телевізор! Біля телевізора Довженко мене й посадив. Йшла розмова про нашумілий роман Дудінцева «Не хлібом єдиним». Потім Довженко почав розповідати про якусь нову українську повість (то була «Рідна сторона» Василя Земляка), про уявну дамбу через Берінгову протоку. Враз запитав мене, чи не пишу я віршів.

Після того вечора Довженко наказав мені засісти для початку за греків і римлян. Ох ці бородаті стародавні греки і свіжовиголені стародавні римляни!.. Я окопався в золотій землі давніх часів, але ноги мої і вві сні бігли до дівчат: не міг же я допустити, щоб з нашого інституту наших дівчат переманювали на концертні вечори в інші вузи, ну, скажімо, типу МДУ.

За це мені й перепало. Вчився я легко, з нальоту, спав на голій сітці, без матраца і ковдри, але хтось доніс, і Олександр Петрович «узяв мене в роботу»: і за дівчат, і за куріння, тільки про футбол нічого не казав.

Після цієї розмови найстрашнішим місцем для мене стала сцена, де ми, студенти, грали всякі уривки з п'єс: як на зло, я грав у цих уривках усі любовні ролі! Господи, як мені було! Олександр Петрович дивився із залу!.. Я зненавидів кожне любовне слово, написане Лєсковим, Гауптманом, Вишневським. Але треба було грати, заробляти оцінку, а заодно й стипендію. Тільки ж горе – стипендію мені перестали платити, з фізкультури «двійка». В нашій футбольній інститутській команді грати було нецікаво, я грав за іншу, клубну команду, за це мені, зраднику, – «двійка».

Олександр Петрович дізнався про це. Нічого не казав. А коли пізніми вечорами я виходив від нього, Юлія Іполитівна в кишеню мого піджака клала гроші.

У журналі «Дніпро» вийшла «Зачарована Десна». Олександр Петрович, дивлячись на той номер журналу, здавалося, не вірив, що так воно й є.

– Миколо, – «л» у нього було м'яке, полтавське, – сідайте і кадруйте мою Десну.

Як він любив цей журнальний номер! Любив тією любов'ю, ім'я якій – страждання.

Завжди з ним була його любов. Як уважно вона оберігала його від суєти і неправди, як стрімко створила для єдиного в світі – для людської спільності, народу...

В його очах пролітав сніг.

У Будинку літераторів Довженко читав «Поему про море». Я там був. Пробрався на антресолі, сидів у пальті і слухав свого вчителя три години. Народу там було повно.

Увечері, коли сказав Довженкові, що я там був, Олександр Петрович якось щасливо, тихо подивився на мене і попросив розповісти, як він читав і що було потім.

...Йшла пізня осінь 1955 року.

1975

НАШ БАТЬКО

Оповідання

Оце він і є. Нашому батькові, як мені здається, ще немає вісімдесяти. Здоров'ям він, слава Богу, нівроку: і зварить сам, і попере, і роботу яку коло хати зробить, і взагалі...

Він уже сам забув, коли базарював на цьому базарі, але сьогодні, як бачите, приїхав і тиняється від машин до возів, від возів до лавки і так далі. Очевидно, батько вибрався зі своїм інтересом: побачити, що люди продають, по яких цінах, послухати, про що говорять, яка городська мода пішла на харчі та на одягу, або ж і самому купити що.

Я пригадую, як одного разу до війни, ще наша мати була жива, привезли ми з батьком на цей базар шість мішків огірків. Простояли з тими огірками мало не до вечора, потім батько розсердився, здав огірки оптом Райспоживспілці, випив в чайній сто грам, купив півкіло тульки – і по тих грошах за шість мішків огірків...

Візьме чи не візьме? Гляньте, як довго він прицінюється до цих чобіт. Мабуть, візьме, бо по тому, як колупає нігтем підошву – чи добре вичинена – як обмацує голенища, передки, ранти, залазить рукою всередину – чи рубчика якого нема, чи цвях не виліз із підошви, – дістає гроші. Купує. Перев'язує мотузком, перекидає через плече і зараз піде купувати морозиво. Точно: бачите, підходить до лотка... Батька нашого хлібом не годуй, але дай йому морозива або тульки. Він любить морозиво і любить тульку. Купує. Тепер він буде його їсти. Він не буде його їсти, ходячи по базару. Він зараз стане ось під цим деревом, де менше людей, і тут почне. Нехай їсть на здоров'я. Ми зачекаємо, доки він досмакує, обгорточку зімне в кулаці, покладе у кишеню, бо нікуди кинути, потім ще раз подивиться на лоток та й піде собі з чобітьми через плече по базару далі...

Кури, гуси, качки, підсвинки і поросята, а кабани які! Питає, по чому? Не купить, але питає. Гроші, правда, у нього є і на кабана, але навіщо він йому здався: хто того кабана буде їсти? Глечика, може б, і взяв, але як і в чому ти будеш везти по такій дорозі?

Не треба ні кабана, ні глечика – підемо собі по базару далі. Коли б ще випивав, то можна було б і випити: ось молдавани вино продають. Недороге, можна було б і випити. Але все одно випивати не будемо, та і морозиво тільки що з'їли, та й спека – ну його к чорту.

Чоботи. Батько знімає з плеча і знову починає, як бачите, їх розглядати, нюхати, обмацувати і знову нюхати: чоботи добрячі і знову ж не дуже такі вже і дорогі. На дві зими стачить. А може, й на три.

Може б, іще морозива з'їсти? Чоботи є, тульки – хоч греблю гати: чого б то я її ще зранку купував та носив, щоб текла? – не треба, встигну з козами на торг.

Заждїть, батько щось помітив. Що ж це він помітив? Ага, за тим оно возом іде корова на продаж: і роги, і вим'я, і нога під нею, як під доброю дівкою... Гляньте, як батько назирці диває за цією коровою.

Наш батько – пастух. Скільки він себе пам'ятає, і скільки ми його пам'ятаємо – наш батько пасе череду. Пасе колгоспних і людських корів, живе в достатку, телевізора має, має пасіку, сад, криницю викопав біля хати, щоб під гору воду не носить. Про нашу хату вам розкаже мій менший брат, бо мені нашої хати не видно, а братові видно, бо цей наш менший брат живе при нашій хаті.

Отож, поки ми говорили про батькову професію та розглядали базарних корів на базарі, як уже наш батько веде сменталку по дорозі від райцентру в наше село додому, оберемок сіна під рукою. Навіщо вона йому? Молоко і сметана, масло і сир у погребі годами у нього глєвіють. Але – купив. Купив та й купив, може, йому веселіше буде, бо як не є, а худобина в хліві біля ясел зимою дихає парко, як двері відчиниш – то все-таки клопїт. А клопїт – діло велике.

Оце бачите братську могилу? Біля цієї могили батько пустить корову попасом, а сам сяде і закурить. Так воно і є. Корова пасеться, наш батько курить, вітер, сонце, а в цій братській могилі лежу я, його старший син. Я лежу в цій могилі, нагороджений посмертно разом зі своїми товаришами. Ми бились, як нам здається, на совість, і хоча перемогли уже мертвими, так би мовити, смертю смерть поправши, але справа зараз не в цьому: сонце, вітер, корова пасеться, наш батько курить. Нехай собі курить на здоров'я. Колись малим я любив кришити тютюнові корінці. Але тепер наш батько тютюну не сіє, та й мене давно вже нема, а курить папіроси лавочні «Север» Одеської тютюнової фабрики. Міг би курити папіроси й дорожчі, але звичка є звичка, а він до «Севера» звик.

Тепер, по тому, як батько рушає з коровою далі, уже до села, я передаю слово нашому меншому братові, бо він цю дорогу знає краще за мене, бо вона, ця дорога, і село, і хата, так би мовити, це вже його володіння.

...Ця дорога колись була стежкою. Вона була стежкою, і я ходив по споришу у райцентр до школи сім кілометрів десять літ. Тепер тут дорога. По цій дорозі, як бачите, веде наш батько корову, а наша хата крайня від села, оце вона і є. Фундамент і стіни уже старі, бо хату ставив ще наш дід. Всі часи вона була під соломою, а недавно, років зо три тому, батько вкрив її шифером.

Зараз батько прив'яже корову до береста на причілку хати. Потім витягне з криниці відро води, нап'ється і дасть напитися корові. Так і є: бачите, батько прив'язує корову до береста.

Берест – це я, його середній син. В одному з боїв я впав на міну і виріс оце коло нашої хати берестом. Батько не знає, що цей берест – це я, його середній син. Мені й самому дивно, чого це раптом я став берестом і чому саме берестом, а не іншою деревиною. Убило мене на Одері, і було б не так обидно, якби хто-небудь бачив, як мене вбило. Бо навіть батько до сих пір думає, що я живий, що, може, я десь є і не хочу до нього признаватися, – от що мені обидно! Сказати батькові, що я – це я, берест, я вже не можу, бо листя моє не говорить по-людському, з вітром хїба чи дощем – то інше діло.

Якось посідали з сусідом отут на рядні піді мною, про се, про те говорили, де чії діти, на шахтах чи в гóроді, а батько візьми та й скажи: немає у мене, крім череди, нікого, оце допасу до зими та спляю оцього береста, та витешу собі домовину із нього, помру, а хату передам у колгосп. Страшно стало мені від тих батькових слів: я подумав собі, як це батько лежатиме у мені, у своєму синові, у землі? Хотілось мені тої ночі усохнути чи зникнути десь від хати подалі в степи, але куди його зникнеш?

А чоботи батько купив справді добрячі. Оце заносить він їх у хату. Відкриває скриню, обмотує чоботи газетами і кладе до осені. В цій скрині на дні лежать наші фотокартки. Батько не чіпляє наші фотокартки на стіну, щоб не відцвітали під сонцем та щоб мухи не гидили їх.

Батько виходить з хати, дає собаці і курям їсти, бере косу, вкосує трави, підкидає на ніч корові, сонце заходить. Спати батько лягає рано, бо рано треба вставати. Це ліжко, яке він поставив піді мною і на якому він спить, – це ще наше хлоп'яче ліжко.

Ніч. Батько спить. Лежить і глибоко дихає прив'язана до мене корова.

З тієї миті, як я став берестом, я почуваю себе прекрасно. Земля піді мною така, що коріння у ній аж співає, – така ця земля благодатна. Повітря як мед. Єдине, що заважає мені, – це безсоння. Відколи я таким став, я не можу заснути. Завжди в моєму листі вітер якийсь ночує, взимку то сніг, то мороз – гніздечко тремтить на мені одинокє, весною бруньки і листя росте, аж гуде, потім цвіту, опадаю, і знову усе спочатку. Птахи люблять мене. Гілками і листям видався я нівроку, і то найкраща для мене пора, коли на мені у гнізді яка птаха сидить на яечках, а потім уже й пташенята почнуть щебетати, та літати, та комах добувати, та мене молодого прославляти.

Скоро зійде сонце. Батько вже вмився. Доїть корову.

А – ось він уже й в колгоспі. Доярки зливають молоко у бідони, батько вітається, настрій у нього чудовий – корову, чоботи купив, тульку дівчатам роздає – хто хоче. В кишені батькового плаща транзистор музику грає, а як селом буде череду гнати – транзистор заграє гімн, потім розкаже, що на світі робиться. Вижене батько череду якраз за село – транзистор зробить фіззарядку.

Так воно і є. Тепер, коли мені вже батька за селом не видно, то вам про нього розкаже наш останній, найменший брат.

...Мене нема. Тобто оце поле, на якому наш батько випасає череду, це я і є. Мій літак вибухнув у повітрі, і я осипався на землю вже попелом, так що ні могили у мене нема, нічого. Ходять по мені оце зараз корівки, травичку пасуть, а наш батько сідає на камені і починає снідати. Сніданок у нього як сніданок: тулька, картопля в шкаралупі, цибулина, пляшка води, заткнута качаном, та півбуханки житнього хліба. Батько любить житній хліб. Для цього він навіть і сіє біля хати персональне жито, бо колгосп жита не сіє...

Наді мною, якраз саме над цим моїм вибалком, пролягає міжконтинентальна повітряна траса. Взимку літакового сліду не видно, а зараз видно: білим слідом своїм літак наче прострочує небо, ділить його на дві половини. Отак під цим переполовиненим небом наш батько і пасє свою череду. Іноді припадає, що цей білий літаковий слід переполовинює батькову череду. Іноді ж буває і так, якщо подивитися знизу, то цей реактивний слід пролягає якраз між рогами корови, наче і корову ділить наполовину: половина – сюди, половина – туди. Але своє я вже відлітав, і в цих полях я став пшеницею, гречкою, кукурудзою, навіть сам вже не знаю чим... Хоча це не зовсім точно: у цих полях лежать цілі покоління нашого народу, і так ми усі родимо, і так ми усі цвітемо...

Батько поснідав, обдивляється свою череду і закурює. Ну, то хай собі й курить, аби на здоров'я.

1980

Василь НІКІТІН

БАБА З ВУСАМИ

Бувальщина

Ця історія, яка була насправді, заснована на розповіді найстаршого миколаївського археолога і краєзнавця Ф. Т. Камінського (1888–1978), який і повідав колись, про що йдеться нижче, авторові.

Вона лежала в бур'янах. Її голова, втягнута в плечі, ледь виступала, а кам'яними очима вона байдуже дивилася на блакитне небо з розмазаними вітром хмарами, на археологів, що схилилися над нею. Під її вирізьбленими вусами захолинула усмішка; здавалось, що вона усміхається всьому метушливому, що тисячоліттями проходило повз неї. Кам'яними руками вона тримала висічену на животі посудину і, якби була живою істотою, можливо, охоче поїла б з цієї посудини. Та їй не дано було ніг і, мабуть, тому вона лежала тут, неподалік від степового шляху.

Чому ж осторонь, де рідко проїде із ледащим стадом пастух та свисне йому навздогін ховрах?

– Хочете, я вам розкажу про оцю бабу з вусами?

Археологи побачили пастуха з батога, що звисав із плеча.

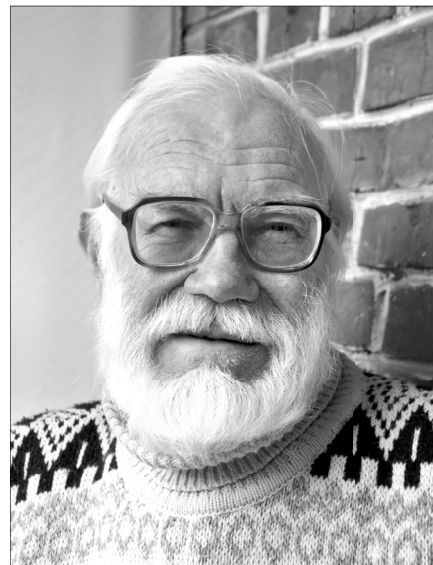
– Куди, клята?! – замахнувся він на одну з корів, що наблизилися. – Мене на селі називають дідом Петром. Та який я там дід? От подивіться на мене. Хіба ж мені шістдесят вісім років?

В його карих очах промайнуло щось пустотливе, грубі загорілі руки стягнули батога з плеча, кинули на землю сірого піджака. Дід Петро усівся на нього. Його цегляного кольору обличчя майже не було зрите зморшками, хіба що біля очей, у рота та під козирком запотілого картуза. Можливо, лише сиве волосся та трохи звислі щоки казали про його старість.

– От послушайте. Колись розповідав мені дід мій, що його сусід, такий собі парубок Грицько, жив у нашому селі. Ото, бачите, там, у долині, наше село. Зовсім неподалік. Таким смуглявим був Грицько, наче той циган. Завжди усміхався. Шуткують – усміхається, лають – усміхається. Добрий був. Та трапилось йому оженитися. Ну – весілля там, веселощі й таке інше... Однак йому не було де жити. Спочатку, кажуть, жив у теці. Завжди похмурий ходив, майже ні з ким не розмовляв, тільки якось розсіяно усміхався. А жіночка в нього була! Боже ж мій! Справжнісінька тобі пустотлива дитина. То ганяє себе як заведена, то раптово ні сіло ні впало – починає плакати.

– Чого ти плачеш? – питає він її.

– Сама не знаю... – відповідь.

Нікітін Василь Іванович. Археолог і краєзнавець. Народився 1938 року. Закінчив факультет журналістики МДУ (1968). Працював науковим співробітником Миколаївського краєзнавчого музею (1964-1988). Був співробітником експедицій на території Одеської, Миколаївської та Херсонської областей. З 1972 року отримав офіційний дозвіл на проведення самостійних розвідок і розкопок. Дослідив низку курганів області, поселення епохи ранньої бронзи у с. Матвіївка і кілька стійбищ-літовок того самого періоду. Опублікував понад 100 наукових статей з археології та краєзнавства. Працював викладачем кафедри історії факультету політичних наук Миколаївського державного гуманітарного університету ім. П. Могили. Автор книжок: «Николаевская хлебная биржа. Прошлое и настоящее» (1993), «...На круги своя. История прихода евангелическо-лютеранской церкви Христа Спасителя г. Николаева. К 150-летию основания» (2006), «Ожившая память поколений» (2010), «Богдан Александрович фон Глазенап» (2010).

Та от почав Грицько потихесеньку збирати каміння й будувати свою домівку. Допомогали йому сусіди. Як там було, не знаю, але якось побудувався... Та не в цьому річ... Ворота йому були потрібні, як усякому доброму господареві. Привіз одного разу довгий камінь, кинув біля порога. А потім щез кудись на кілька днів. Жіночка тільки вискочить з хати, подивиться на дорогу своїми очима, ніби щось стрягне з себе, і знов до хати. Та тільки привозить ще один камінь Грицько на підводі. Вибігла жіночка з хати, кинулась до нього на шию, почала цілувати його й тихенько лаяти за те, що довго його не було. А він її пестує та й каже:

– А ти подивись, що я привіз на ворота.

Подивилась жінка на дно підводи, смикнула мішковину і відскочила:

– Що це?!

На солomé лежав блідно-сірий камінь, мабуть, два метри завдовжки, переважкий. А на ньому, на цьому камені, було висічено зображення людини з великими висячими вусами і очима-кружками. Руки – на погрудді з розтопиреними пальцями. А тримає він неначе посудину, а на поясі у нього – меч. А збоку – сагайдак із стрілами.

– Баба з вусами, – каже Грицько і гукає сусідів, щоб згрузити цю кам'яну бабу.

Вчепилася в нього жінка. Не відпускає, заглядає в очі.

– Не треба, – каже, – відвези її назад, бабу цю... Лякаюсь я...

– Тю! Якого біса? – і сплюнув.

Відштовхнув жінку. З сусідами звалив цю бабу з підводи, а потім закопав її наполовину у землю. Поставив другий камінь. Ворота отримав. Живе Грицько, ходить, усміхається собі, по пузу бабу з вусами ляпає.

А жінку Грицька з того часу сусіди почали бачити дуже рідко. Вийде на подвір'я з сірим лицем і синіми кругами під очима, дивиться додолу і десь зникає. Добрі люди знаходили її в степу. Не дивилась вона в очі людям. Тільки іноді у глибині цих очей можна було знайти зачасний переляк та нестерпну тугу. Змарніла дівчина. Питає Грицько:

– Що з тобою, любя?

Тільки плаче вона і шепоче:

– Не кохаєш ти мене...

Зарегоче Грицько, ляпне її по спині так, що захитається бідолаха, і усміхнеться:

– Дурна ти, чи що?..

А от одного разу Грицько щось робив на подвір'ї і раптом зупинився, відчувши, що хтось на нього дивиться. Обернувся. Нікого. Знову взявся за роботу. Та щось не йде робота. Відчуває, що немовби хтось дивиться. Спересердя кинув роботу, пішов до хати, питає жінку:

– Люба, і чого це ти дивишся на мене весь час, коли я працюю?

А жінка до нього:

– Та ні, любий, я не дивлюсь...

Тоді хто ж це? Пішов до сусідів:

– Не бачили, як я працюю, чи що?

Переглянулися сусіди, знизали плечима, нічого не зрозуміли... Тільки після цього стали поводити себе насторожено. А Грицько не вгамовувався.

– І що це ви весь час підглядаєте, і що це ви весь час заздрите?.. – ледве не кожен день вибігав він за ворота і охриплим голосом лаявся з сусідами. А вони тільки здивовано хитали головами і все намагалися йому пояснити, що вони цього не роблять...

Що далі, то більше.

– І що ви хочете від мене? – дерся якимось до сусідів Грицько.

Тремтіло скло на вікнах від його кулаків. Піною заходився хазяйський собака. Але байдуже дивились на нього вікна будинку і ніхто не відчиняв дверей.

– Ховаєтесь? Я ще вам покажу!.. – погрожував комусь...

Щоразу, коли відчував, що хтось дивиться на нього, заходився метушитися на подвір'ї, заглядати у кути, оббігав навкруги будинку, бігав по городу, ретельно оглядав огорожі. Все намагався знайти того, хто його непокоїть. Та все марно. Не було його...

Не на жарт розсердився Грицько. Все частіше почав грозитися сусідам. Все частіше почали роздаватися крики жінки. Бити її почав. Город почав бур'яном заростати. Рослини в'янули. Посипався тиньк зі стін. На подвір'ї – брудота. А колись було чисто, жінка на кожні свята мазала та вибілювала хату. Ехе-хе... Збісився парубок вкінець. Жінка не витримала тортур такого життя і збігла від нього. Невідомо куди...

Шкода на хлопця було дивитися. Оброслий, у волоссі – солома, очі блищать, брудний рваний одяг, спертим запахом несе від нього. Почали Грицька сторонитися. А хлопчачи, народ чіпкий, почали слідкувати за ним. І одного разу...

Сидить Грицько біля воріт, щось бурмоче. І раптом зиркне на цю бабу з вусами. Та як підскоче! Як заволає:

– Так це ти?!

І вдарив її дрючком так, що той розлетівся. Тоді застріг коней, відкопав бабу, підштовхнув її на підводу та й погнав до степу. Кажуть люди, що бачили, як він гнав коней. Та раптом почув: за спиною хтось регоче. Обернувся – нікого! Тільки миготять крупі коней, виблискують колеса та несеться назустріч дорога... Знову роздався сміх. Ударив батоном коней. Рвонули вони й понесли. Зойкнув Грицько та й зіскочив з підводи. Підвівся, а підводи вже майже не видно. Тільки зачепилася вона колесом за куц та зламалася. Вилетіла баба з вусами з підводи і, як жива, перевернулася та так і залишилася отут лежати.

– Ну ти, діду, даєш!..

– Казки розказуєш...

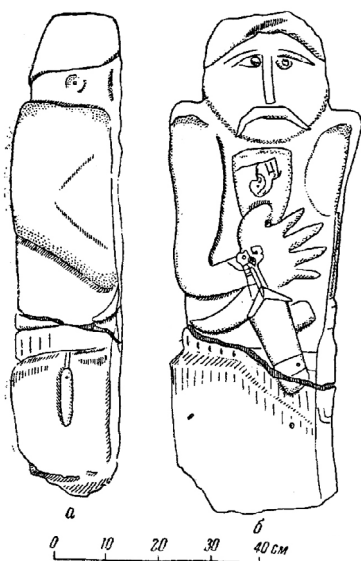
– Казка – брехня, але ж із неї користь...

– А як Грицько?

– Кажуть старі, що пішов геть з села...

– Дивна історія...

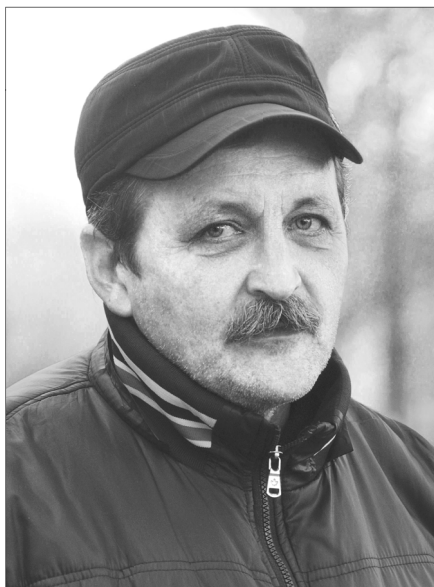
– Отак, хлопці, було раніше... Ну, закуримо табачку тертого, пом'янемо діда мертвого...

Прорис тернівської стели

Від автора:

На малюнку, який ілюструє оповідання, зображено кам'яну постать скіфського воїна, озброєного коротким мечем акінаком і луком зі стрілами, сагайдак з якими він прикриває лівою рукою. Правою рукою він держить ритон – посудину, з якої пили вино задля побратимства. Свого часу цю кам'яну скульптуру було знайдено в стіні паркану одного з помешкань Тернівки. Знайшов і передав її до Миколаївського краєзнавчого музею тернівський мешканець Іван Гаврилович Божко. На цю стелу звернули увагу науковці, дослідники скіфських часів, і тепер її зображення міститься в статтях та монографіях щодо скіфського мистецтва або озброєння. Копія цієї тернівської скіфської стели, зроблена із пенопласту, експонується в одному із залів Ермітажу (м. Санкт-Петербург).

Олексій ТОРХОВ

ЛЮДИНА ПОЕЗІЇ

Анна Арно

Зібгане простирадло твого шепоту, що переходить у шурхіт. Повітря, що його зім'яли тіла, намагаючись ліпити одне одного на свій кшталт. Озимий дощ просочується калюжками крізь мостини. Кортить посіяти на їхній поверхні брижі дихання, довго спостерігати, як злаками ростуть угору тисячі тоненьких струменів, як половіють бризками, тягнуться до стелі. Недоладна парасолька погойдується, як човен, удаючи, що стримує зародження зливи. Пам'ять запитує як повія: «Будете продовжувати?», ступає, не дочекавшись відповіді... Що залишається від тебе, так і не вивченої до найменших дрібниць? Безіменне почуття. Не поміщається всередині шафи, де все зготоване на смерть старого світу, де ще можна розпізнати видряпаний напис «Аннет дурепа». Оголені слова, що втратили голос і слух, повзуть титрами: *«Плотолюбна моя любов...»* Безпритульна пристрасть виходить у сад, походжає між дерев, як перед військом, що обложило це місто. Останній, дивом уцілілий соловей, ховається від неї серед гілок груші. Ховає в своєму кволі тільці мелодію, яку неможливо згадати. *«Анна, – плаче вночі Марія, – Анна...»*

Торхов Олексій Валентинович. Поет, візуальний поет, прозаїк, публіцист. Поетичний псевдонім: «А.В.Тор...». Народився 28 лютого 1961 року в селі Олінськ Нерчинського району Читинської області (РРФСР). Закінчив Дніпропетровський технікум залізничного транспорту, факультет «Енергопостачання залізниць» (1981). Служив у прикордонних військах СРСР: 105-й прикордонний полк у Берліні (1981–1983). Працював у структурних підрозділах МВС трьох областей – Дніпропетровської, Запорізької та Миколаївської. Закінчив юридичний факультет Одеського державного університету ім. І. І. Мечникова (1992). Проїшов шлях від експерта-криміналіста райвідділу до заступника начальника Науково-дослідного експертно-криміналістичного центру. Автор шести поетичних книжок: «Чайная пауза перед блюзом» (2002), «Языческий месяц Ересень» (2004), «Сь» (2007), «ЮкрейNзи» (2009), «Безвыдыханно» (2013), «Элюа» (2015); книжки короткої прози «Северны сказы про Максимку бога» (2012). Співатор поетичної книжки «Частная жизнь почтовых ящиков» (спільно з Максимом Бородіним, 2015). Автор об'єктів бук-арта: «Отверстое», «Введение в кобуру», «Кот, исписанный лишь наполовину». Лауреат Міжнародної Відмітини імені Давида Бурлюка (Міжнародна академія мудрагельства, Німеччина, 2010); літературної премії «Слов'янські традиції» (2010). Співорганізатор відкритого Всеукраїнського фестивалю поезії «Ватерлінія». Член ВТС «Конгрес літераторів України» (КЛУ) (2006), голова Правління Миколаївської обласної організації КЛУ.

Остап Сливинський

Бачу його нечітко, постукує пальцями в такт чутній лише йому музиці, та зрідка поблискують скельця окулярів, в які стиглою осою тикається жовто-чорний промінь проектора. У кінотеатрі повторного фільму задушно, на екрані геніальна стрічка про химерне життя, похапцем знята на засвіченій півці. Тіні, що дримають часто-густо, впівока дивляться на простирадло, напнуте між двох дерев, на *однорідне світло, крізь яке не проступила ще жодна, навіть найменша у світі, річ*. Дивляться кожен про своє. Світло тремтить, немов пальці тапера, що витискують музику з поручнів крісла. Чую його голос. Пошепки розповідає все, що спресоване на світлому екрані:

«Батько ніколи не казав число зірок на небі. Не казав число своєї спраги, просто пив великими ковтками, не рахуючи крапель. Ще трохи – і він би повідав. Але перетерлася нитка, голос відірвався і полетів луною. Потім намагався жити мовчки, перебудував себе і будинок. Обклеїв стіни шпалерами зовні, будку з собакою сховав у найзатишнішій спальні, щоб не підкралися зсередини. Ліжко поставив біля південної стіни, в заростях малини. Але спав на землі...»

«Душа і поезія – ніколи не знаєш, де саме вони в тобі містяться. Мабуть, річ в інстинкті самороздвоєння...», – кортить мені відповісти.

Андрій Тавров

Вдих – і вершник з пташиним поглядом вдячно нахльостує коня за старанність, розтягує його невідання про недосконалість. Зволікає, не випростується на повний зріст на сідлі, не злітає вгору. І млявий час спогадів дедалі міцніше його з конем зшиває, щоб накласти кентаврб.

І черемха опуклим веслом загрибає повітря, і коливається в коханцях червоне полум'я.

Вдих – і сліпа людина, що відпустила очі, куди вони хотіли дивитися, прикладає до мене руку, дихає на всю долоню. Дихає в мене і мною, поки все тіло не стає долонню-відповіддю.

Як зріють речі повільно, досягнувши, йдуть від пальців.

Вдих – і ангел, що смиряє ликом, – зелений, як гігантський богомол, розгойдується в голосі поета, як незнайома літера-маятник, згладжує хвилі мови, і здобує мовчання мені говорить мене. Вдихаю, щоб знайти в кімнаті без жодної стіни.

Ось воно, мовлення, якого ми не відаємо, як вітер не чує себе.

Одного дня він надішле мені посилку з книжкою замість крил, з кисневою подушкою замість книжки, із собою замість кисню, зі мною замість себе.

Тепер немає ззаду і спереду, є скрізь...

Ян Твардовський

«Серця йще не досить, аби любити»... – скуйовджений горобчик на моєму плечі цвірінькає про Бога, якому вірить як дитина. Десь там, куди постійно кортить дійти, досягла черемха й язик мій терпне завчасно. Стає фіолетовим і неслухняним, як у дитинстві. Вимовляє слова, ніби вчить їх наново.

«Трава»... «Низенька потоптана / без жодних плодів і колосся / моя сестре – травице / кармелітко боса».

«Мама»... «Пришиває гудзика, що постійно губиться... скільки треба пройти неба, щоб її відшукати». Ясні блакитні очі Богородиці – наді мною, без берегів. Вітражі хмар і мовчання вітру. Його голос: *«Поки Тобі, Матусю, куплять корону велику, Тобі краще в блузі у зелений горошок і старих черевиках».*

Свята дівчинка простягає порожню коробку від сірників. Грію диханням її змерзлі пальці, вкладаю їх у «коробку» своїх долонь. Необжите. Неназване. Неприкрашене. Це все – у мені. Як останні сірники.

«Часом просто кілька гілочок тернових / шепіт рук / Мамині черевики порвані аж до крові / більше розкажуть про Нього».

Босоногий хлопчик Ісус іде коридором людського гуртожитку, по хвилях обшарпаного лінолеуму. Чіпляє на кожні замкнені двері платіжки за «комуналку». Осіняє хрестом. І мобілки розносять благу СМС-ть: *«Я знову на зв'язку, зателефонуйте Мені, будь ласка!»...*

Жучок-сонечко неквапно підіймається по мені. Я – випадкова людина по дорозі на небо.

З останнім метеликом на плечі тікає літо...

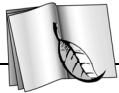
Сергій Жадан

«Вони нічого не зможуть вдіяти, якщо ти повернешся і все пригадаєш».

Уранці – жайворонок. У степовому камуфляжі Слобожанщини. Увечері – дикий голуб. Сірий горлик передмість і спальних районів. Уночі – сич. Який опускається до плачу. Решта часу – голос. Який присвоює собі час. Або навпаки. Непомітний. Негучний. Незабутній. *«Ти маєш жити там, де ти маєш жити, і не питай чому»...*

Говорить-говорить. Набуває забарвлення, гріхів і долі. Поступово й надсвітлово стає Одисеем Анти-Троянської-Операції. Уліссом без Джойса і джойстика. Увібравши в себе оплаканий життям час, канонічні блок-пости й окуповані території Ітаки.

«Голос сильним дається для співу, слабким для молитов. Мова зникає, коли нею не говорять про любов»...

Говорить. Поки серце, це вертке сонце, щоранку злітає, щовечора сідає вздовж лінії обрїю, як винищувач, що завзято відпрацьовує посадку на рокадну автостраду. Поки воно щохвилини б'ється за можливість цих злетів. Поки несуть його двоє крил. Одне чорне, списане білими літерами. Інше – суспіль у чорних літерах – біле. Через те строкаті обидва. Поки лунає голос: *«Батьківщина для кожного з нас починається там, куди нас виганяють із райського саду»*. Поки приходить у твій дім. Поки галузиться. Відриває від себе листок. Вирощує як фіалку і ставить на твоє підвіконня. Тепер і від тебе залежить, *«доки буде битись останнє серце за відчиненим в ніч вікном, /доки можна почути щасливий жіночий стогін, /від якого діти вві сні посміхаються /і просипають ранкові сеанси кіно»*.

І навіть якщо одного разу він сповільниться настільки, що пауза між словами уподібниться вічності, – заговорять кам'яні плити, вибивши запалі фрази на собі. Як татуювання. Як хештег «незабудуматирідну».

І коли він ущухне – захочеться мовчати замість нього. Про головне.

Не треба рятувати світ, спробуй урятувати хоча б когось.

Роберто Хуаррос

Навіть буття – це пісня, сповнена туги за тим, чого нема, за тим, що є у тім, чого нема, за тим, чого нема у тім, що є.

Йому хочеться дотикатися до недоторканих як вогонь речей. Словами. Диханням. Поглядом. Хочеться мовчати питання-дзеркала і проступати у відповідь силуетом без обличчя: *«Як увійти у час і йти по ньому, неначе берегом, море якого висохло уже?»*

Мовчання можна сказати тільки поглядом. Або написати літерами, схожими на розплющені очі. І – рухатися, зменшуючись, по писаному. Силует людини, яка поринає в себе, тоншає, а простір усередині – гущішає. Так вечір снить про ніч і ховає в собі зірки, що не прокинулися.

Одна самотність усередині. Інша самотність зовні. А двері здригаються від стукоту. Найбільша самотність у дверях.

Він міг би стати закладкою між сторінками великої книги, написаної не про нього. І розділяти написане, не торкаючись сказаного не йому.

Міг би стати закладкою в ненаписаній книзі про нього, переміщатися з кожною прожитою сторінкою невисловленим нагадуванням.

Міг би стати закладкою у книзі смерті, яку ніхто не читає. І зростися з протилежними сторінками у маленьку книжку життя.

Але він зволів стати книгою, написаною на закладці у вигляді людського силуету, вкладеній між незрими сторінками мовчання. З вікном, намальованим у ділянці серця. Із заанімілою луною, що служила як вірний пес, до самої смерті:

«Птахи, котрих не існує, знайшли своє гніздо. Тіні, що, може, й існують, відшукали свої тіла. Слова, які існують, свою відновили тишу».

Шота Іаташвілі

Я побачу, як ти мене зорям розкажеш і високим деревам, як ти станеш складати іспит з предмета, який називається «шота», кожному зустрічному.

Його обличчя – лише очі та усмішка.

«Дівчинка-усмішка розгублено блукає обличчям, шукає тата. Смикає пелену сукенки. Розглядає незнайомих людей як дерева, що натовпом увійшли в місто. Торкається пеньків щетини на щоках, скрушно хитає головою. І раптом! – зриває одєжинку і пірнає в озера очей. Хлюпається у товаристві хмар, які пірнули туди раніше. Фиркає і сміється.

Жінка-усмішка виходить з озера. Млосно потягується. Запрошує обличчя на білий танець. Торкається вії, мочки вуха. Вповзає. Чаклує.

Бабуся-усмішка витягує на губах своє втомлене тіло. Як у шезлонгу. Ловить відблиски чужих поглядів. Мерехтливе світло облич, які віддаляються. Засинає. Бачить себе зникаючою дівчинкою-загублянкою...»

Сни посіяні в наші очі, іноді розривають замкнуті повіки, як трави асфальт, і тоді їх бачать чужі.

Коли усмішка засинає, а очі замовкають – обличчя тане. Тоді зсередини проступає замислений двійник, що дозволяє собі крайність – вірші. Називає себе, ніби запитусь: «Що там?» Хоча цілком упевнений: там – скрізь, за межами обличчя, що розчинилося завчасно, – поезія. Там зароджується повітря, яке назвуть вітром.

Троянди і вітер – вітер і троянди... поезія більше нічого не потребує.

Хіба що білий аркуш серця. Тріпоче. Пульсує. Проступають, як шрами, силуети літер. Змиває їх новий день. *На цьому білому аркуші / перш ніж що-небудь написати / повір що в повітрі / поміж летючим сім'ям і / розвіяним попелом / золотий перетин / пройде через цей віри.*

Він іде як зникає. Але це не страшно як життя. Як спогад про біль. Не страшно, як сніжинки, що падають на голе тіло. Як ненаписаний вірш.

Завтра триперстия повториться безліч разів – щоб узяти ручку а чи перехреститися.

Влад Клен

Ти навчи мене діяти, ключ дай вись відімкнись. Я – дитя понеділка, це і є моя суть.

Добрий і щедрий домовик особняка поезії. Будинку, що живе і стоїть осібно. Приходить сам. Зненацька. Розкладає себе, частує, загортає «на гостинець».

Розчісує пальцями довгі пасма. Впускає у свої очі: «Заходь, почувайся як удома!»

Рухливий, як ртуть у градуснику дитинства, коли хочеться нагріти і підвищити градус, і вигадати хворобу, і не піти до школи. І він охоче в цьому бере участь. Як і в багатьох авантюрах, головна з яких – саме життя.

І хоч що казав його голос:

Нам лишиться присвята – сніг станційний, Чумацький Віз. Йї недолугого серця дверцята, зірвані із завіс...

або:

Плітки це йї наклепи таємні. Кров. Бруд. Плювки. Поет – співбесідник приємний, мовчить поки.

У мені звучить саме те, що він мовчав:

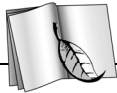
«Донеси. Так далеко, наскільки зумієш. Хоч на трохи ближче до обрїю. Покладеш на пагорку. Поруч із собою. Обов'язково на пагорку... Щоб ближче до неба. І щоб доступно всім. І щоб дихалося. І обов'язково поруч із собою. Просто. Тому, що незрозуміло – кому потрібніше...»

А потім, як у дитячій грі в «Каблучку», він підносить до кожного з нас свої зімкнуті човником долоні. І прикладає, як приміряє, зверху – до наших «човників». І відчуваю: щось кругле відчутне і прохолодне – каблучка?! – падає, обрушується, вкочується, вповзає. У вузьку прочинену (як зазор у дверях для смужки світла!) щілинку між моїми долонями.

Я не кажу, що я – обраний і каблучка дісталася саме мені. Навіть упевнений – такі каблучки він вклав у кожену пару долонь, яких торкався. Не знаю, що зробили з ними інші. А я – несу...

Богдан Задура

Вітряний серпень ятрить натовп, як листя акацій. Їду по миколаївських вулицях і рейках у польському трамваї. У ньому, бувалому в бувальцях, замість компостера встановлено лічильник від таксі. Їду, по черзі дивлюся на те, як стрибають числа лічильника, і на жменьо монет на своїй долоні. Чекаю, коли вони зрівняються, щоб вийти... Рівновага настає на фразі: «Одначе нах*** мені дві нові краватки, якщо краватки ношу надзвичайно рідко...» Кризь відчинене вікно влітає нічний метелик. В очах вагоновода, переповнених жахом, пурхає його відображення. Він зсипає у свою кишеню мої монети і квапливо виходить замість мене...

Иванов Александр Кузьмич. Поэт, прозаик, композитор, публицист, научный работник. Зав. кафедрой Николаевского филиала Киевского национального университета культуры и искусств, профессор. Родился 06.11.1946 г. в Александрии Кировоградской обл. Автор 9 книг прозы, поэзии и песен. Лауреат премий: им. Ю. Яновского (1984), им. Л. Крохмального (1985), им. Н. Аркаса (2010). Член Союза писателей России (2010), Национального союза журналистов Украины (1990), президиума Ассоциации деятелей эстрадного искусства Украины (1997). Заслуженный работник культуры Украины (1996).

Александр ИВАНОВ

КОЛОКОЛ НЕБЕС

МОЙ ДРУГ

Ушёл мой друг по зову свыше
И, ни прощая, ни виня,
Оставил на промозглой крыше
Готового взлететь меня.

Мой друг, магистр познаний тайных,
Открыл неведомый портал,
И среди нас, небесталанных,
Он гениальностью блистал.

Ему легко давались ноты
И непокорные стихи,
И с высоты солнцеворота
Казались мелкими грехи.

Он был в манерах безупречен
И по-мужски неукротим,
И легче покорял он женщин,
Чем я, лысеющий блондин.

Ещё вчера над зеброй клавиш
Своей игрой мне душу рвал.
Как будто бы уже прощаясь,
Он скорбный реквием играл.

И неземное вдохновенье
Его неистовой игры,
Как шаг в иные измерения
И параллельные миры.

А мой хорал звучит всё тише.
Мой друг ушёл. И потому
Жду не дождусь я зова свыше
И так завидую ему.

НА УЛИЦАХ КИЕВА

На улицах Киева снова бои.
Но где же враги? Все как будто свои.
О, Боже, за что нам такая напасть! –
На улицах Киева делится власть.

Здесь проклята всеу святая судьба,
А в дьявольской пляске безумствует рок.
Здесь только и слов, что позор да ганьба,
Здесь каждый себе и судья, и пророк.

А нам всё не время взлететь в небеси,
И лень прошептать – Сохрани и Спаси!
И всё недосуг нам познать с высоты –
Зачем не к добру покосились кресты.

И в Киеве что-то с погодой не так.
Не свежие ветры, а жуткий сквозняк.
И проданы оптом благие дожди,
И куплены в розницу горе-вожди.

Им каждому дай только главную роль,
Хотя что ни образ, то голый король.
Театром абсурда натешимся всласть! –
На улицах Киева делится власть.

ЛЕПЯТ ЛАСТОЧКИ ГНЕЗДО

Суждено ль проснуться рано
С тёплым чувством – мой здесь дом, –
И смотреть, как неустанно,
Без сомнений и обмана
Лепят ласточки гнездо.

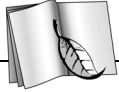
Словно по наитью свыше
Прутики кладут крестом,
И растёт под зыбкой крышей
В уголке укромной ниши
Невесомый птичий дом.

И они, птенцов пугливых
Ограждая от невзгод,
Не в пример нам терпеливо,
С простотою прозорливой
Будут сохранять свой род.

В этом – суть предназначенья
И гарантия от зла.
Их не гложет отчужденье,
И не им сулит крушенье
Трижды проклятый разлад.

Отчего в сплошном надколе
Наши гнёзда-этажи?
Переполненные болью,
Как хранилища бездоля
На развалинах души.

И пока беда за гранью
И есть шанс один на сто,
Посмотри, как ранней ранью
Обречённым в назиданье
Лепят ласточки гнездо.

СКАЛОЛАЗ

Груда камней на вершине –
Памятник мрачен и груб.
Это достойно мужчины –
Вместо креста ледоруб.

Не зазвонят колокольни,
Только угаснет звезда.
Это мужчины достойно
Гордо уйти в никуда.

И по сей день Витус Беринг
В милях от датской земли
Ищет затерянный берег
И неоткрытый пролив.

Мы бы не знали америк,
Если б Колумб сплеховал.
«Два капитана». Каверин.
Старый скрипящий штурвал.

Есть в озаренье последнем
Высший божественный смысл –
Каждый наш вздох не бесследен
И нескончаема мысль.

Боги с Олимпа вершили,
Музы избрали Парнас.
Каждому есть по вершине,
Каждый из нас скалолаз.

В ЦЫГАНСКОМ СТИЛЕ

Всё острее в себе замечал я
Будоражащий цокот копыт,
Хоть в крови этот ритм не случаен,
Он от предков ещё не забыт.

А любви затаённое пламя
Не согрело меня. А потом
Обожгла вдруг далёкая память,
Как щелчок взгорячённым кнутом.

И тогда, оседлав самолёты
И взнуздав, как коней, поезда,
Мчал к тебе, в наши юные годы...
Виноват я.
Прости.
Опоздал.

В НОЧНОЙ ТИШИ

В ночной тиши не каждый замечает,
Как времени идя наперерез,
Вдруг исподволь биение легчает
И умолкает колокол небес.

Он отзвучит хрустальным перезвоном
С невиданными россыпями нот,
И этот звон печальным унисоном
С последним стуком сердца совпадёт.

Лишь Южный Крест замрёт оцепенело,
Бессменный страж на траурном посту,
И Козерог уложит неумело
Спать вечным сном упавшую звезду.

А в мире всё останется как прежде,
Урочный час ещё не вышел весь.
Давайте жить! Пока звонит надежду
Качающийся колокол небес.

* * *

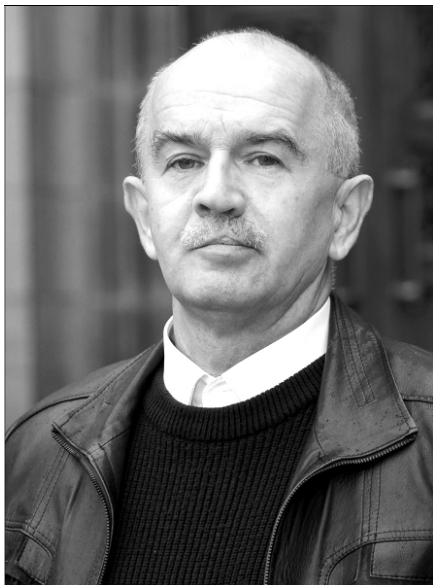
Ещё всё безоблачно слишком
и очень душевно пока.
Несут осторожно под мышкой
живую игрушку – щенка.

Он будет желанным покуда,
но если всё искренне так,
я думаю: Боже, откуда
так много бездомных собак?

Друзей человека... И вскоре,
как злого предательства сглаз,
их участь – сачок живодёра,
будь проклят рождения час.

Пал на душу грех не прощённый,
и как-то в тревожной ночи
вдруг сердце замрёт обречённо
и совесть спросонок вскричит.

Куцев Евгений Альбертович. Родился в 1958 г. в Николаеве. Окончил Херсонское мореходное училище им. П. Шмидта (1977), судоводитель. Работал матросом, штурманом на судах Черноморского морского пароходства. Окончил исторический факультет Николаевского педагогического института (1988). Сегодня – преподаватель, заместитель директора Николаевской мореходной школы. Публиковался в газетно-журнальной периодике Украины, России. Автор книг для детей: «Сказки новогодней ёлки» (2012), «Сказки про триседьмое царство» (2014).

Евгений КУЦЕВ

КОНДИТЕР ФЕССЕР

Рассказ

Он был кондитер. Он был просто кондитер. В Одессе их было много, но он был один. Он умел делать так, чтобы было не просто сладко, а чтобы было вкусно. Поэтому его знали.

Когда он шёл по улице на работу и с работы, с ним здоровались. Вы будете здороваться с кем попало на улице? Нет. Фессер это понимал. И ему было приятно. Он сам желал здоровья всем людям. И пусть будут счастливы.

Был ли счастлив сам Фессер? Пожалуй, да. Хотя бы потому, что сам себе он этот вопрос никогда не задавал. Если бы спросили его об этом вы, то наверняка поставили бы в затруднительное положение. Конечно, он бы вам ответил, и ответил именно так, как вы сами ответили бы за него, но для этого требуется время. Нужно задуматься. Нужно задуматься: а что такое, собственно, счастье? Это же как здоровье – оно есть, а ты его не замечаешь. К тому же все счастливы, когда в детстве. Мелкое уходит, забываются неприятности, забывается и холод, и голод. Да, была гражданская война, и в ней прошло детство маленького Миши Фессера. Но та война была делом взрослых. Боялась мама. Боялась и пряталась вместе с Мишей в подвал, когда стреляли. У Миши страха не было. Всё тогда было интересно и увлекательно. В комнату, разбив форточку, залетела пуля. Удивительно, но и это воспоминание было радостным: выковырять пулю из стенки, показывать мальчишкам, хвастаясь и привирая, как она летела совсем рядом и чуть-чуть не убила, а потом долго-долго хранить её в спичечном коробке вместе с осколком радужного стёклышка и расплюснутым под вагонным колесом гвоздиком... Хорошо! Помнится, хотелось есть. Хотелось сладкого. Но и в гражданскую войну было лето, были сады и были вишни, были абрикосы и яблоки. Лето кормило. Летом была рыбалка. Летом был Привоз, где за помощь в перетаскивании и разгрузке можно было честно заработать те же яблоки или даже арбуз. А гордость добытчика, когда получалось притащить домой, маме, замотанный в перепачканную рубашку этот самый арбуз. Это чудесно. Это лето. Вот и детство, – детство в памяти Фессера осталось сплошным тёплым летом. Детство было счастливым – ответил бы Фессер. Мечтой оставались торты и пирожные. Может быть, поэтому он и стал кондитером. Все вокруг хотели стать моряками и лётчиками, непременно стать героями, а Мише хотелось стать кондитером. И что сказать? – своего он добился, он занимался тем, чем хотел заниматься, и был доволен тем, как складывается его жизнь. Фессер не женился. Фессер был, как бы это сказать, медлительным, что ли. Нет, работать он умел и быстро, и ладно. Но избыточная, как многие полагали, мягкость и доброта отпугивали от него тех барышень, которым он во всём

остальном был и привлекателен, и симпатичен. Вдобавок у Фессера было прозвище – «Франзолька». Как оно приклеилось, когда и почему – Фессера не волновало. Ничего обидного в этом слове он для себя не усматривал. Но! Маленькое «но» всё-таки было. Если у человека есть прозвище, значит, какое-никакое, а чудачество за ним водится. Молодых девушек это явно смущало. К вопросу женитьбы у самого Фессера был иронично-философский подход: «Неужели для того, чтобы быть счастливым, непременно нужно быть женатым?»

Житейские наблюдения Миши, и опыт его знакомых, которым те щедро и откровенно делились, показывал, что это, мягко говоря, не совсем так. Фессер не торопился. Если что-то и заставляло его волноваться и даже расстраиваться, то это мелкие недоразумения и упрёки, касающиеся исключительно его работы.

– Есть нормы, – говорили ему, – не надо нарушать нормы.

– Почему нормы? – недоумевал Фессер. – Какие нормы? Я делаю крем, а крем должен быть крем, а не кисель!

Замечания сыпались регулярно, но с такою же регулярностью сходили Фессеру с рук. Фессера любили. Подшучивали, поругивали, но всё же любили. И он любил. Любил всех. И был по-своему счастлив. Единственное, к чему он не испытывал ни любви, ни романтической привязанности, как ни странно, было море. Море, море, то самое море, без которого нет и быть не может Одессы. Море – душа, суть и визитная карточка каждого человека, родившегося в этом городе, для Фессера было чужим и настораживающим. Было ли это связано как-то с избранной им профессией, было ли это реальным предчувствием беды – кто знает? Но что-то недоброе таилось в глубине моря, подстерегало, хмурилось, выжидало и, в конце концов, дождалось.

Море обиделось на Мишу. И отомстило. Море позвало его к себе в самый неподходящий момент.

Началась война. Большая и нехорошая. На улице люди продолжали здороваться с Фессером, но с лиц знакомых стёрлись, исчезли улыбки. Торты и пирожные стали не нужны. Война с клювом стервятника принялась методично рвать, глотать и расшвыривать желания, планы и мечты. Войне был не нужен кондитер. Война была делом взрослых, и ей понадобился взрослый Миша Фессер. В толкотне и гаме призывного пункта Миша дождался своей очереди и сказал: «Я кондитер. Но я могу быть поваром». На него посмотрели долгим и недружелюбным взглядом и ответили: «Ну, да. Повара тоже нужны», – и отправили изучать пулемёт.

После нескольких дней, прокатившихся в грохоте и угаре, швырявших его то в одно, то в другое место, дней сумбурных, похожих на дурной сон, из которого хочется, но не получается вынырнуть, Фессер неожиданно очутился в порту. Последние сутки его передавали из рук в руки и, наконец, привели к старому грязноватому буксиру, пришвартованному у карантинного мола.

– Эй, на буксире! Миныч! – крикнул сопровождавший Фессера человек. – Вот вам матрос и пулемётчик.

Сопровождавший тут же удалился, и Фессер остался один перед деревянной сходней, двумя-тремя шагами окончательно отделявшей всю его прошедшую жизнь от той, в которую предстояло окунуться, и привыкнуть, и быть в ней, веря и ожидая, что когда-нибудь всё снова изменится, и изменится непременно к лучшему.

– Ну, что стоишь, боец? – сверху на Мишу, облокотившись на поручни, глядел сухощавый пожилой человек, очевидно, главный на этой посудине. – Проходи, знакомиться будем.

Фессер шагнул на истёртые, пружинящие под ногами доски. Земля закончилась.

Человек, позвавший Мишу, точно оказался тут старшим.

– Василий Минаевич, капитан, – представился он.

То, что встречающий его человек какой-то начальник, Фессер предположил правильно, но, тем не менее, удивился. Капитанов он видел. Капитаны были не такими. Мужественное лицо, волевой взгляд, фуражка и всё такое прочее – тут этого не было. Из морской формы на капитане буксира Миша отметил только треугольник тельняшки, выглядывающий на груди из-под обычной, совсем не форменной, с длинными рукавами рубашки.

– Фессер, Миша. Я кон... – Фессер запнулся, – я к вам направлен, – и протянул бумаги.

Капитан, просмотрев документы, коротко спросил:

– Немец, что ли?

Миша вздрогнул. Нынешним летом фамилия не раз доставляла ему неприятности.

– Нет, я не немец. Я кондитер.

Лицо Фессера выражало настолько неподдельное огорчение, что старик-капитан улыбнулся.

– Ты не обижайся. Это я так. Фамилия всё-таки... Вот насчёт кондитера – это ты лихо сказал. Ага... Матросом направлен. Ты одессит?

Фессер кивнул.

– Вот, одессит. Значит, моряк. Пошли, поговорим.

От капитана Фессер узнал, что буксир теперь на военном положении и не сегодня-завтра на него должны установить пулемёт, что троих человек из команды не должны были, но в общей неразберихе и нестыковке распоряжений всё же забрали в краснофлотцы, и что за разукомплектованность экипажа досталось именно ему, капитану.

То, что вновь прибывший до этого не имел никакого отношения к морским профессиям, капитана не смутило.

– Ничего. Время такое. Не боги горшки обжигают. Освоишься, поможем.

И Фессер стал осваиваться. Незнакомое и непознанное довольно быстро становилось понятным. Бак, корма, палуба, трапы, тросы, гаки – теперь всё это было не в книжках, не в красивых, но далёких и отвлечённых разговорах и рассказах о море, а было близко, было осязаемо, ко всему и можно и должно было прикоснуться, и подчинить себе, и заставить работать.

Война скоро кончится, вот-вот, и начнём гнать врага, – слышалось отовсюду. Но «вот-вот» упрямо и необъяснимо двигалось в противоположную сторону. Сначала оно сползло на осень, затем быстрым прыжком перескочило на будущую весну. Военная туча подкатывалась к Фессеру всё ближе. Одессу уже бомбили. Порт опутали маскировочные сети. На буксире в целях секретности покрасили название и, наконец, установили глядящий в небо пулемёт. Вместе с ним, к радости и облегчению Фессера, на буксир прибыл и настоящий, в обмундировании и каске, стрелок. Нового члена команды звали Борей, был он ровесником Фессера, но, как выяснилось, в отличие от Миши, за плечами имел и службу в РККА, и даже прыжки с парашютом. Крепкий широкоплечий парень с первого взгляда вызывал уважение. Капитан Миныч с появлением в своём хозяйстве стрелка и пулемёта ходил в приподнятом настроении, почувствовав защищённость. Боря же назначением был недоволен. Он рассчитывал и рвался попасть на передовую, но, по выражению самого Бори, «не та карта выпала...»

Из Одессы на Крым уходили первые конвои. Буксир метался по порту, помогая швартовать корабли и транспорты, затем выводил их, загруженные до отказа, за маяк на рейд. Миша Фессер вместе с Борей исправно таскали тросы, как заправские моряки, точными движениями накидывая их «восьмёркой» на массивные кнехты.

По окончании очередной работы Миша с грустью смотрел на свои руки – руки перестали отмываться. Привыкшие к нежным и аппетитным ароматам, руки его приобретали стойкий запах металла, пакли и оружейной смазки. В последнем отчасти был виноват Боря, взявшийся в свободное время обучать Мишу тонкостям устройства пулемёта.

– Тебя учили, но недоучили. Женщина любит ласку, а пулемёт смазку, – приговаривал тот с ухмылкой, наблюдая, как Миша перепачканными руками возится с затвором, заряжает ленту и готовится к стрельбе.

Фессеру такое сопоставление, при всей его фактической и очевидной бесспорности, было почему-то не симпатично. Но он не возражал. Он, как и выдавший виды Миныч, доверился Боре, как доверяется ребёнок более опытному, сильному и великодушному товарищу, который и может случайно толкнуть, но умышленно никогда не обидит и не бросит, а, напротив, и подсобит, и поддержит, и вытащит из любой передраги. Миша прощал ему и колкости, и лёгкие насмешки, и даже то, что необъяснимым образом в одно время с появлением Бори на буксир коварно просочилось оставшееся было на берегу прозвище – «Франзолька». Вряд ли Боря, ранее и не подозревавший о существовании Миши Фессера, был непосредственно к этому причастен, но до него ни капитан, ни державшиеся особняком механик с машинистами к Мише так ни разу не обращались.

– Не дрейфь, Франзолька, будем ещё твои тортики кушать. Угостишь? – спрашивал Боря.

В ответ Миша кивал головой и улыбался. Он отметил, что рассказы о его настоящей, береговой и мирной профессии никогда не встречали у тех, кто по воле судьбы находился сейчас рядом, ни иронии, ни пренебрежения. То, что было у каждого до начала войны, что было само собой разумеющимся, повседневным, подчас скучноватым и незаметным, теперь виделось абсолютно в ином свете, переосмысливалось, приобретало значимость, а если вспоминалось, то вспоминалось с теплом, неж-

ностью и грустью. С лёгкой руки Миныча вошло в обыкновение, что часто после обеда либо ужина, меню которых составляли преимущественно каши, консервы и чай, Мишу просили рассказать что-нибудь «на сладкое». И Миша рассказывал. Рассказывал подробно, увлекаясь и жестикулируя, рассказывал так, как рассказывал бы, стараясь передать ученику все премудрости и особенности конкретного кулинарного рецепта. Под рукой у Фессера не было ни сметаны, ни ванили, ни взбитых сливок, но, тем не менее, судя по реакции слушателей, каждый раз они получали нечто большее, чем просто рассказ. Это трудно было объяснить, но Миша чувствовал, что происходило именно так.

– ...Получается очень вкусно, – всегда одной и той же фразой завершал он своё повествование.

– Да-а, Мишаня, ты таки кондитер. Ладно. За угощение спасибо, – от имени всех говорил капитан, не спеша поднимаясь из-за стола. – Топаем дальше. Напоминаю – на палубе быть в касках.

Напоминание касалось всех, но относилось в основном к Мише. Со стальной, предназначенной для защиты от ударов и осколков каской Фессер, что называется, «не подружился». Каска то сползала ему на глаза, когда он нагибался, то перетянутым ремешком передавливала дыхание, а однажды во время швартовки вообще слетела с головы и едва не упрыгала за борт. Кинувшись ловить её, Миша упустил только что поданный швартовый трос, в результате чего трос уполз с палубы обратно в воду, и работу пришлось начинать заново. Наверху, на большом транспорте, корма которого нависала над буксиром, смеялись матросы. А Боря не засмеялся. Покраснел, покачал головой, но не засмеялся. И ничего Мише не сказал.

К осени стало совсем плохо. Город боролся, город жил, но война, несмотря на сопротивление, на гибель, на усилия тысяч и тысяч людей, гангреной ползла и ползла на восток, на юг, кровавым гнойным кольцом охватывая Одессу.

Приказ о включении буксира в конвой и об уходе Василий Минаевич огласил подчёркнуто официально, собрав команду в рулевой рубке.

– Что примолкли? – капитан оглядел подчинённых. – Готовимся, стало быть, к бою и походу. На всё про всё полдня...

В открытое море выходили ночью, не зажигая ходовых огней. Когда с правого борта медленно проплыл, уходя назад во мглу, конец мола с взорванным красавцем-маяком, Миша заметил, что по щекам Миныча, стоящего за штурвалом и пристально всматривающегося в темноту рейда, катятся слёзы.

– Мы вернёмся, – не стесняясь Фессера, старик-капитан зло, как при насморке, шмыгал носом. – Вернёмся. Иначе и быть не может...

Миша стоял сбоку от Минаевича и так же напряжённо глядел в окружающую его ночь. Мише было жутковато.

А ночь, – ночь была повсюду, со всех сторон: и сверху, в беззвёздном, затянутом дымкой небе, и спереди, и справа, и слева, и даже под самим буксиром была не вода, а ночь – чёрной бесконечной пропастью. Чёрным был и влажный липковатый воздух, упругими ударами залетающий в открытые двери рубки. В какой-то момент Фессеру показалось, что буксир не движется, а висит в темноте.

«Мы пройдем через ночь, мы обязательно пройдем, – отталкивая навалившийся на него страх, думал Фессер. – А иначе... Иначе – это как? Что означает «иначе»? Что за этим словом? А ничего за ним нет – сплошная ночь, и сплошная темнота без конца и края. Значит, пройдем. Даже долгие ночи, и те когда-нибудь заканчиваются... Утро...»

Последнее слово Миша, очевидно, произнёс вслух, потому что, кашлянув, отозвался Миныч:

– Утро? До утра ещё о-ё-ёй. Оно, конечно, рассветёт, полегче будет, но там свои «прелести». Ох, проскочить бы... Мы ж днём с воздуха, как на ладошке... Рыбёшка мы мелкая... Поглядим. Будут нас рвать, будем и мы кусаться.

«Как у него всё получается? – слушая Минаевича, продолжал думать Фессер. – Как он видит в темноте? Он же видит. А я нет. Ночь закончится, закончится, закончится...»

И ночь начала отступать. Вначале медленно, неохотно, затем всё быстрее и быстрее. Прямо по курсу над горизонтом появилась светлеющая полоса, обозначив на своём фоне силуэты идущих в сторону рассвета кораблей. Полоса ширилась, росла вверх, наполняя начинающийся Мишин день лёгкостью и ясностью.

А капитан Миныч, который всю ночь простоял у штурвала, переминался с ноги на ногу и заметно нервничал.

– Ох, не тянем, не тя-янем... – кряхтел он, морщась и вздрагивая от утренней прохлады.

Тут Миша Василия Минаевича понимал. Буксир, начавший движение примерно в центре конвоя, теперь плёлся в конце, всё дальше отставая от основной группы. Отставание заметили и на одном из замыкающих конвой кораблей охранения. Остроносый шустрый сторожевик подлетел почти вплотную к буксиру, с него красными флажками просигналили: «Следовать самым полным». Не сбавляя ход и рассекая, будто лезвием ножа, зеркальную, не тронутую ветром поверхность воды, сторожевик ушёл вперёд.

– Миша, спустись-ка, разогрей чайку, а? И для Бори сообрази, а то, глянь, – он уже с дымарём обнимается. – Минаевич, не оборачиваясь, ткнул большим пальцем назад, где Боря, нёсший вахту у пулемёта, грел руки о тёплый кожух дымовой трубы.

Миша отправился делать чай. В каюте, в замкнутом пространстве, рядом с шумящим медным чайником Фессер ощущал себя несравненно уютнее, чем на открытой палубе. Сюда тоже доносился шум работающего двигателя, но тут, в каюте, был дом. Вернее, кусочек, отголосок дома, того самого, далёкого, в котором когда-то вместе с мамой жил Миша и в котором рядышком, бок о бок с ними, всегда жил мир.

Приготовив чай, Миша окончательно успокоился, отнёс одну кружку Боре, вернулся за двумя другими и, зажав их рукавами телогрейки, аккуратно поднялся наверх к капитану.

– Та-ак, порядочек. Смотри, берег показался. Видишь? Можно чаёвничать, – Минаевич, одной рукой продолжая держать рукоятку штурвала, потянулся за кружкой.

И тут случилось то, чего никто, абсолютно никто не хотел и чего так сильно опасался капитан буксира.

Снаружи раздался громкий, перекрывший прочие звуки крик. Кричал Боря. В первую секунду Миша ничего не понял, но когда Минаевич, на мгновение оставив штурвал, бросился к левой двери и глазами впился в небо, Фессер похолодел, сообразив, почему и что кричит им Борис.

– Ну, кранты, мать их перетак! – Миныч, оттолкнув Фессера, проскочил обратно в рубку. – Каску надень!

Куда-то сунув расплескавшиеся кружки, Миша нахлобучил каску и, торопливо поправляя мокрыми пальцами непослушный ремешок, выглянул за дверь. Сзади, с той стороны, куда Боря рывками разворачивал пулемёт, к буксиру над самой водой неслись, быстро увеличиваясь в размерах, самолёты. Не отводя взора, Миша, как замороженный, застыл в распахнутой двери.

– Назад! Ложись! – Минаевич за шиворот втащил Фессера внутрь.

Когда первая тройка самолётов поравнялась с буксиром, пулемёт загрохотал.

Но и эта группа, и следующие, обдавая рёвом, летели мимо, к конвою, не отвлекаясь и не обращая никакого внимания на одинокий буксир.

– Не стреляй! Боря! Не стреляй! – кричал из-за стекла рубки Миныч и делал отчаянные жесты руками. – Боря, не надо!

Зачем это вдруг – «не стреляй», Боря услышать не мог. Он делал то, что положено было делать, и сам, стреляя, что-то выкрикивал, не слыша собственного голоса.

К великому Бороному огорчению, стрельба его по вражеским самолётам ни вреда, ни видимого урона тем не причинила. Но и незамеченной не осталась. Похоже, Минаевич запаниковал не случайно. От удаляющихся машин, которые резко набирали высоту и веером разворачивались над конвоем, отделилась одна и, уйдя в сторону, устремилась обратно на осмелившееся атаковать их стаю судёнышко.

– Ё-маё... Ах, т-тварюга... Во-оздух! Воздух! – теперь уже уверенно, зная, что стрелок его непременно услышит, снова закричал Минаевич. – Ну, держись теперь!.. Пескарёв на сковородке... – капитан то приседал на корточки, чтобы что-то высмотреть наверху, то поднимался, выкручивая колесо штурвала, и буксир стал выворачивать вправо, открывая для пулемёта ту часть неба, откуда валился на него самолёт.

У Миши Фессера бешено колотилось сердце. Он растерялся и, не представляя, как нужно вести себя, что делать, глядел на капитана и, повторяя его движения, машинально тоже то привставал, то приседал, чувствуя противную и предательскую дрожь под коленками.

Дальше, как впоследствии вспоминалось Мише, всё произошло в одну секунду. Рёв мотора прямо над головой, взметнувшиеся у борта фонтаны брызг, стрельба, град ударов по металлу,

посыпавшиеся осколки стёкол и близко, глаза в глаза, лицо Минаевича. Тот тряс Фессера и куда-то тянул.

– ...мёту, Миша, быстро! К пулемёту! – Миша скорее догадался, чем расслышал голос капитана, и с открытым беззвучным ртом, суетливо и невпопад хватаясь руками за переборку и поручни, метнулся из рубки на палубу.

У пулемёта, на верхней палубе, усыпанной кусками отколовшейся краски и стреляными гильзами, корчился, зажимая окровавленную ногу и громко матерясь, здоровяк Боря.

– Щас, Борь, щас.

Миша нагнулся к нему, намереваясь куда-то тащить, прятать, помогать, но тот, не давая себя схватить, отталкивал Мишины ладони:

– Стреляй! Пулемёт! Потом, потом!.. – и Фессер, распрямившись, вцепился в рукоятки пулемёта, подчиняясь не своей и даже не Бориной, а какой-то чуждой, непонятной воле, управляющей, не спрашивая согласия, всеми его действиями.

– Стреляй, Мишаня, стреляй!.. Стреляй же...

Поворачивая пулемёт, никого и ничего уже не слушая, Фессер шептал сам себе:

– Прицелиться... Я должен прицелиться...

Когда выходящий из виража самолёт попал наконец в перекрестие прицела и стал падать, разрастаясь, прямо в него, Миша нажал на гашетку.

«Дуэль... Пушкин... конец...» – как огонь выстрелов, блеснули в мозгу обрывки мыслей. Под ногами у Миши и где-то сзади вздрогнул и затрясся от страшных ударов металл. Тот, кто находился в самолёте, стрелял в кондитера Фессера. Он хотел его убить. Но не убил.

Злобная громадная машина с крестами на крыльях, продолжая падение и едва не задев мачту, с шумом вонзилась в море, подняв ввысь целую стену воды. Буксир мотануло так, что Борис, завопив от боли, накатился Фессеру на ноги.

– Сейчас, сейчас, – оторвав от пулемёта ещё звенящие от вибрации пальцы, Миша упал на четвереньки в красную, похожую на густой кисель лужу рядом с Борей и, бормоча какие-то утешительные слова, поволок его по раскачивающейся палубе к каютам.

– Мишаня... Мойша, родненький... – Боря, тяжёлый и беспомощный, пытался разговаривать с Фессером и тянулся к нему свободной рукой.

Из рубки по ступенькам трапа на помощь скатился Миньч:

– Ай, сынок! Ай, франзолька ж ты моя любимая! – старик первым делом почему-то схватил Мишу за щёки и чмокнул его в нос. – Ай, умница!

И только потом, позже, когда Борю уложили и перевязали, когда, плеснув из ведра, смыли с палубы кровавые разводы, а Миша занял место стрелка и стоял, прислонившись спиной к бубнящей дымовой трубе, до него вдруг дошло, отчего Минаевич кинулся к нему целоваться и почему он упоминал то ли орден, то ли медаль, которые полагаются за геройство и сбитый вражеский самолёт.

«Я сбил самолёт?.. Да нет же... Нет, он... Он, наверно, сам... – мысли Фессера путались. – Или поломался... Боря герой. Он стрелял, он ранен... Я стрелял... А море забрало того... Того... Нет, что-то не так. Или так?..»

У Миши ёкнуло сердце: он поймал себя на том, что, задумавшись, совершенно перестал следить за воздухом. Но самолётов уже не было. Нигде – ни вблизи, ни вдали. Некоторые из них, страшные, но уже невидимые, лежали теперь под водой. Остальные умчались за горизонт, оставив после себя единственный разрушительный след короткого налёта – окутанный по всей длине густым чёрным дымом тонущий транспорт. Именно к нему и приближался, следуя указанным курсом и не снижая оборотов, Мишин буксир.

Сильно накренившись на левый борт, грузовой пароход горел.

Поблизости, слева и справа от него, стояли, спустив на воду спасательные шлюпки, два сторожевых корабля. Шлюпки двигались, на них спешно поднимали тех, кто сумел спастись и ещё держался на плаву. Кроме шлюпок, людских голов, каких-то плавающих обломков, на поверхности находились три или четыре плоты, сброшенных, видимо, с тонущего транспорта. То, что происходило на одном из них, привлекло внимание Фессера.

В отличие от соседних, переполненных, на этом, размахивая чем-то красным, металась одинокая мужская фигура. Всмотревшись, Фессер увидел, как человек, скорее всего обезумевший, потерявший рассудок от того, что произошло с паромом, с пассажирами, с ним самим, вертится и, не позволяя плывущим приблизиться к занятому им одним плоту, размахивает коротким пожарным

топориком, время от времени попадая по рукам, тянувшись из воды к свободному плоту. Человек кричал. Кричали покалеченные им и тонущие люди. С ближайшей к плоту шлюпки, поднявшись над сидящими, в морской форме человек с винтовкой в руках тоже что-то кричал в направлении плота. Затем человек вскинул винтовку.

Миша услышал и увидел выстрел. Мечущаяся фигура деревянно сломилась пополам и вслед за топориком медленно перевалилась в воду через невысокий бортик. На плот начали забираться люди.

Тут же со стороны задымленного транспорта до буксира стал доноситься пронзительный, слышимый на большое расстояние, непрекращающийся женский визг. В разрывах между клубами дыма Фессер заметил высоко над водой застрявшее в бортовом отверстии ещё живое человеческое тело. Из соседних с ним иллюминаторов изнутри парохода выбивались языки пламени. Человек горел. Ни подняться к нему, ни дотянуться, чтобы освободить, вытащить, хоть как-то, хоть что-то сделать, было невозможно. Стоящий в шлюпке человек поднял, опустил, затем снова поднял к плечу винтовку. Фессер резко отвернулся, зажав ладонями уши...

Сколько он так простоял, зажмурившись и не опуская рук, Миша не помнил.

Спросить, – зачем вот это всё, почему так происходит, кто это всё затеял, кому, в конце концов, понадобилось, чтобы всё происходило так, а не иначе, – было не у кого.

То, что случилось с Мишей и вокруг него за последний час, было реальностью. Реальностью извращённой, абсурдной, дьявольской, но, тем не менее, реальностью. Ему и до этого, совсем недавно, приходилось видеть разрушенные дома и людей, погибших во время бомбёжек, и видеть это было больно, было тяжело, но тогда это был итог, конечный результат страшного действия, которое, пускай на время, но всё же остановилось.

Внутри этого действия Миша оказался впервые. Его поразила простота и обыденность происходящего. Боря не испугался самолёта. Он герой. Горела живьём женщина. Её пожалели и застрелили. Застрелили сумасшедшего на плоту. Потому что пожалели других. Утонул хороший красивый пароход. Утонули люди. И всё это правильно? И всё это не понарошку.

– Вот и «тот», – шептал Фессер, – тот, который был в самолёте, – он теперь не живой... Он на дне, в море. И он хотел туда? Нет, а получилось так, как получилось...

Фессер открыл глаза и смотрел в небо, ясное и безоблачное небо. Он чувствовал, как внутри его головы нарастает и пульсирует болезненный скрежет. Хотелось, мучительно хотелось думать не о взрывах, не о пожарах и страданиях, а о чём-то ласковом и тихом. Миша внезапно осознал, что если он сейчас же, немедленно, сию секунду не избавится от разъедающего его мозг шума, случится нечто жуткое и непоправимое.

И выручила память. В ней спасительным солнечным зайчиком возник сон. Сон этот приснился Фессеру накануне выхода из Одессы, посреди войны, но был совсем не военный. Сон был добрый и несурзанный: Миша купался. Между ним и песчаным пляжем, подъехав прямо по воде, остановился трамвай. Пышная вожатая высунулась из окошка и что-то долго и радостно рассказывала Фессеру. А на берегу, на пляже нервничали отдыхающие. Им не нравилось, что между ними и морем остановился трамвай. «Мы не счастливы, – шумели они и, взывая к справедливости, возносили к небу руки. – Мы не счастливы! Трамвай мешает нам купаться!..»

Вагоновожатая, которая не закончила свою речь, от Миши обернулась к ним.

«А шо такое? – горячилась и возмущалась она. – Шо такое? Я встретила знакомого. Я имею право с ним поговорить?..»

И Миша тоже силился успокоить, объяснить людям на берегу, что всё будет хорошо. Но его голос был никому не слышен. Никому. Так часто бывает во сне. Миша стоял по пояс в воде и, виновато улыбаясь, ладонью гладил тёплое море...

Буксир вслед за конвоем бежал к берегу. За кормой его вились чайки, выхватывая мелких рыб из закрученной винтами воды. Им не было никакого дела ни до Миши Фессера, ни до тех, кто остался позади, на поверхности, ни до тех, кто навсегда погрузился в тёмные глубины. Чаек интересовала рыба.

«Так будет всегда, – подумалось Фессеру, – всегда. Чайки будут летать над морем. Будет светить солнце. Всё пройдёт, рано или поздно всё вернётся на свои места. Ночь закончится. И я буду кондитером. Ведь я же не моряк, я не пулемётчик. Это правда. Я не хочу быть ни тем, ни тем. Я хочу быть самим собой. Я – кондитер Миша Фессер. По-другому нельзя. Мы вернёмся. Мы обязательно вернёмся. И пусть все будут счастливы».

РАКУШКА

Рассказ

Если кто-то с серьёзным видом, да ещё торопливо, сбиваясь и захлёбываясь от волнения, начнёт рассказывать вам нечто совершенно неправдоподобное, то вряд ли у вас хватит терпения дослушать рассказчика до конца. А если и дослушаете, то в конце махнёте рукой, скажете: сказки всё это! – и пойдёте по своим делам. Другие, послушав, ответят: ерунда, не верю. Или так: ой, кому угодно рассказывайте, только не мне. Знакомая ситуация. И настолько всем и повсюду знакомая, что у англичан даже поговорка появилась – «расскажи это моряку». А моряки-то тут при чём? – спросите вы. Они что – самые доверчивые? Или фантазёры несусветные? Ни то и ни другое, – отвечу я. Дело в том, что, пожалуй, никому, кроме моряков, за долгие годы работы и плавания по дальним морям не приходится так часто сталкиваться с удивительными и порой необъяснимыми вещами и обстоятельствами. Отсюда и множество рассказов: рассказов достоверных и не очень, рассказов, похожих на вымысел, на сказку, рассказов явно приукрашенных или заведомо фантастических.

Но, чтобы не подталкивать вас к полному недоверию и не восприятию подобных рассказов, приведу всего лишь один любопытный факт: знаменитый кардинал Ришелье, имея на то основания, в беседах любил повторять фразу «не судите опрометчиво». Совет исключительно разумный. Последуем же ему и в нашем повествовании.

История, предлагаемая вашему вниманию, родом из порта Лас-Пальмас, что на Канарских островах, а точнее – из небольшого уютного кафе с прилегающей к нему открытой верандой и тентом над тремя-четырьмя обдуваемыми морским бризом столиками. Кафе располагалось в одном из самых последних домиков перед входом на территорию порта, и, возвращаясь на судно после прогулки по знойным городским улицам, многие моряки делали тут остановку, заказывали прохладное пиво или чашечку кофе, позволяли расслабиться ногам, да и не только ногам, а, пожалуй, и душе, и мыслям, перед тем как подняться по трапу на борт и окунуться в знакомую, не позволяющую шагнуть за пределы палубы работу.

Точно так же поступили и мы. Сидя втроем за столиком с откупоренными бутылками пива и блюдечками с мелкими кусочками пряной рыбёшки, мы наслаждались тенью, разглядывали колыхающиеся края тента, стойку бара, которая витриной глядела на улицу, выставку бутылок и коллекцию морских ракушек вперемешку со всевозможной морской атрибутикой, выставленную на полках за самой стойкой. Осознание того, что завтра и этот столик, и кафе вместе с портом, городом и самим островом останется позади, далеко-далеко, на громадном от нас расстоянии, придавало последним минуткам нашего отдыха особую, с налётом лёгкой мечтательности и грусти, мягкость.

В этот полуденный час, кроме нашей компании и хозяина-бармена, одновременно исполняющего и обязанности официанта, в кафе за соседним столиком веранды находился единственный посетитель – старик в причудливой одежде, сосредоточившийся над какой-то снедью на широкой тарелке. Старик был в светлых шортах и молодёжной, не по возрасту, футболке навывпуск, новых сандалиях на босу ногу, с чисто выбритым опрятным морщинистым лицом, тёмно-коричневым, как и всё тело от долгого пребывания под палящим солнцем. Сверху на плечи у него был небрежно брошен казавшийся абсолютно неуместным в сочетании с прочей одеждой потрёпанный и полинявший, но чистенький морской китель без погон с тусклыми медными пуговицами, на которых едва можно было разглядеть якоря. Пара пуговиц на кителе отсутствовала, как не было и остатков ниток, некогда державших те самые утраченные пуговицы.

В центре столика, за которым сидел старик, за тарелкой, стояла крупная, вычурной формы морская раковина. Старик ел, неспешно поднося ко рту ложку за ложкой, и при этом неотрывно, не моргая и не наклоняя головы, глядел на ракушку.

Мы также не особенно были ограничены во времени, поэтому лениво перебрасывались ничего не значащими репликами и главели по сторонам.

- Ракушка красивая. Не встречал такой, – заметил один из моих спутников.
- Которая? – мы сделали движение, поворачиваясь к стойке бара.
- Нет, не там. У старика на столе.

Все морские раковины красивы. Многие формой и окраской напоминают дивные тропические цветы. Встретить их можно бессчётное количество по всему миру: в южных морях, в сувенирных

лавках, в магазинчиках, в частных или серьёзных научных коллекциях. Но та, что лежала на соседнем столике у старика, при внимательном рассмотрении, действительно, была выдающейся во всех отношениях. Плавные, словно вылепленные по какой-то сложной математической формуле завитки спирали, выступы, напоминающие нежные лепестки, не хищные, а, напротив, подчёркивающие нежность и хрупкость творения, и цвет – цвет непрерывно меняющихся красок перламутрового вечернего неба, когда солнце у горизонта, перед тем как завершить день, в последний раз проглядывает сквозь разрывы дальней пелены облаков.

Крайне необычным был и цвет гладкой поверхности внутри верхнего отворота раковины – золотистый, густой и почти осязаемый, будто наполнявший раковину до краёв изысканным и дорогим вином.

Хозяин-бармен, заметив, куда обращены наши взоры, вышел из-за стойки и, положив перед нами книжечку-счёт, произнёс вполголоса:

– Извините, будьте аккуратнее. Старик немного не в себе.

– Нет проблем, – ответили мы. – Мы ракушкой любимеся. Восхитительный экземпляр!

– О, да, – кивнул головой бармен. – Понимаю. – Он ещё ниже наклонился к нам и добавил: – Этот старый человек влюблён в свою ракушку. Сильно любит её, понимаете? – он замаялся, подбирая слова, – как любовь к женщине. – Бармен многозначительно поднял палец. При этих словах ни в голосе, ни в глазах хозяина кафе не промелькнул даже намёк на иронию либо снисходительную усмешку.

Получив сумму, полагающуюся по счёту, хозяин одарил нас на прощание лёгким поклоном и улыбкой и возвратился внутрь бара. Мы поднялись, а я, желая сделать пожилому господину приятное, шагнул к нему и произнёс:

– Прекрасная ракушка! Разрешите взглянуть?

Старик, к этому моменту закончивший есть, резко протянул левую руку, прикрыв ладонью свою любимицу, и отрицательно поводит указательным пальцем. Затем перевёл взгляд на нас и, поправив китель на плечах, спросил:

– Вы моряки?

– Да.

– Америка? Англия?

– Россия. Русские моряки.

– А-а, – протянул старик, – знаю. Россия. Там у вас холодно и медведи. Мы воевали вместе.

Выложив, таким образом, основной багаж своих географических, исторических и климатологических познаний об упомянутой стране, старик поочерёдно обвёл каждого из нас изучающим взглядом и сделал пригласительный жест к своему столику.

– Присаживайтесь. Я расскажу вам интересную вещь. Это не долго.

Свободного времени до возвращения на судно, повторюсь, у нас было предостаточно – час, а то и больше; причал был буквально в двух-трёх сотнях метров от входа в порт, поэтому мы переглянулись, пододвинули стулья, с удобством разместились напротив старика и окликнули бармена, попросив его принести ещё по бутылочке пива, в том числе и владельцу замечательной раковины.

Хозяин-бармен, с улыбкой выставляя на столик новую партию бутылок, побряхтел, шутя погрозил нам пальцем и, не стесняясь того, что его слова услышит и пожилой джентльмен, сообщил:

– Вот вы и попались. А я вас предупреждал.

Старик на замечание хозяина заведения никак не отреагировал.

– Красивая раковина, – произнёс он, обращаясь к нам, но не отводя глаз от своей любимицы, – она мне жизнь спасла. Вы знаете, где Филиппины? Бывали там?

Мы утвердительно закивали головами, а один из моих друзей достал сигареты и закурил, настроившись выслушать историю старого моряка с максимальным для себя комфортом.

– Да, – продолжил старик отрывисто, резко отделяя слово от слова, – это Филиппины. Острова, – он немного помедлил и неожиданно изменил направление своей мысли, – а у него такой раковины нет, – старик недовольно скосил глаза по направлению к стойке. – Он её купить хочет. А я не продам. А это в Индонезии было. Острова.

Мы невольно отметили, что, вернувшись к основной теме, рассказчик несколько переместил на глобусе место событий.

Между тем старик продолжал свой рассказ всё оживлённее, иногда на короткое время замолкая и делая руками при этом произвольные движения, как бы выживая из времени и воспоминаний молодости кадр за кадром.

– Тогда война была, да, – старик небрежно, без суеты отпил глоток из бутылки. – А у нас пароход. «Салли». Нет... «Долли», – он задумался. – Я помню. Но это не важно. Дрянной был пароход. Старый. Ржавый. А я матрос молодой был, самый молодой в команде. Первый мой рейс. Долго. И жарко очень. Плохо, когда всё время жарко. Ползали между островами, загружали с лодок тюки. Большие такие, что-то растительное. Да. А потом в Индию пошли, догружаться. Ночью ничего не видно, вы знаете, вот ночью натолкнулись на мину. Их тогда много было, и там, и там. Она взорвалась: бум! – старик взмахнул руками, – но тогда никто не погиб, это потом случилось. Нас семнадцать человек команды. И шлюпка, и радиостанция переносная. Вам сейчас хорошо: космос, спутники, да? А мина была не простая, а секретная. Она много раз взрывается. Ночью, – старик обвёл нас многозначительным взглядом. – Никто этого не знает, а я знаю, – добавил он шёпотом, – секретная. Вот тут, – слегка постучав пальцем по виску, уточнил он. – Секретная мина. Бум! Каждую ночь.

Мы слушали его правдоподобный монолог всё внимательнее, постепенно проникаясь доброжелательной заинтересованностью и сочувствием к пожилому чудаковатому собеседнику.

– Утром остров увидели. Совсем близко. Погребли туда. Картинка. Пальмы, пляж, песок. Плоский берег, одна только скала рядом, у воды – футов пятьдесят высотой. И в ней грот небольшой, до половины в воде, – старик всё более оживлялся, входя во вкус и получая сам удовольствие от произносимой речи, которая становилась всё более связной и пространной.

Старику явно нужна была благодарная аудитория. Безусловно (я вспомнил предупреждение бармена), мы стали очередными, кто попался на крючок исключительной по красоте морской раковины. К тому же рассказчик не мог не заметить нашей заинтересованности и расположенности к нему как к бывшему коллеге по профессии, поэтому и речь свою продолжал, как нам подумалось, с некоторой излишней доверительностью, в такой манере, будто знакомы мы с ним давно, не первый день.

– Да, – говорил он с наслаждением. – Грот. Это самое интересное. Но потом. Подошли, вытащили шлюпку на берег, кто под пальмами, кто на пляже, лежали, загорали, купались. По радиостанции ещё раньше связались, знали, что нас через день, не позже, заберут. Так часа три прошло. А потом отлив начался. Ох, не понравился мне этот отлив, – старик напряжённо прищурился и поджал губы. – И не мне одному. Уж слишком быстро вода от берега уходила. За несколько минут на четверть мили дно обнажилось. Может, мы бы и сделали выводы разумные, но отвлекла нас одна вещь, и заранее скажу, на погибель отвлекла. Ушла вода, а один наш около скалы стоял, – кричит, машет: сюда давайте! Подошли, видим – дырка в скале, а вниз ступени идут. Детское любопытство, да. Если кто-то и кричал, что уходить надо, его не слышали. Полезли внутрь. Ступени скользкие, грязные, все в тине. А когда спустились, такие крики подняли, что даже те, кто лезть не хотел, вмиг к нам поскатывались. Помещение внутри было, как комната. Посередине – что-то вроде стола, кубик каменный. Да, это я хорошо помню, вот такой... – тут старик привстал и показал, раздвинув руки, какого размера был камень. – И на нём, и у стен, в нишах, на полу – полным-полно всякой утвари древней, посуды, вазы, горшки какие-то, все в водорослях, с потолка вода капает, а под ногами в лужах рыбёшки прыгают мелкие. Всё скользкое, мокрое... ну, вы себе ажиотаж представляете? – сокровища, сокровища!

– Золото? – прозвучал с нашей стороны вопрос. А у меня мелькнула мысль: «Так, приплыли. Дальше откровенный трёп пойдёт...»

Но изложение событий по ожидаемой колее не покатилося.

– Нет, – спокойно ответил старик, – слово «золото», нет, никто не кричал, может, и было оно там, так ведь всё в грязи, в тине. Ну, всё равно, пошла тут толкотня, хватание... Я говорил, что я в команде самый молодой был, разница в весовых категориях тоже заметная, не в мою пользу. Так вот, я тоже взял один горшок, и ещё, но после того как у меня пару раз вещи из рук вырвали, а потом двинули крепко, упал, потом поднялся с мокрого пола, одежда мокрая насквозь, грязная, но вот, как будто проснулся. Спал, а теперь проснулся. Понимаете? Стою у самых ступеней, нижняя ступенька, да, и смотрю. Бегают, шумят... И остро вдруг почувствовал, что добром вся эта история не закончится. Плохо закончится. А всё жадность, будь она неладна. А выше на ступеньках красивая раковина лежала, да, эта самая. Я вверх полез, к ней, к выходу, и её-то и успел поднять, перед тем как земля дрогнула. Толчок был такой, что я снова свалился, на этот раз на ступени. И последнее, что заметить успел перед тем, как наружу выскочил, – стена боковая рухнула, а за ней, внезапно, – громадная статуя сидит, каменная, ноги вот так, – старик показал, – под себя поджаты. Самое страшное – при-

подниматься статуя начала. Встаёт, как живая. Каменная; и живая. Вы не верите, да? А я это видел. Видел...

В этот момент (я оценил его гораздо позже) мы стали слушать рассказ настолько внимательно, что едва не позабыли и о пиве, и о времени. Но старый рассказчик сам напомнил нам об этом, сделал паузу и несколько раз приложившись к бутылке с прохладным пивом.

Мы терпеливо ждали, не тревожа старика вопросами.

– Так вот, – заговорил он снова, положив обе руки на стол и бережно обняв ладонями раковину, – выскочить я выскочил, а на песке стоять не могу, на колени упал, плохо мне, тошнит, пальмы шатаются, половина скалы обрушилась... Как земля под ногами дёргаться перестала, полез я наверх, на ту самую скалу. Карабкаюсь, а ракушка в руках, не бросил, нет, не выпускаю. Хотя карабкался наверх вполне сознательно, голова... я уже всё понимал, всё, и Богу молился, чтобы и в третий раз за день в живых оставил. Пришла волна, и очень быстро пришла. Зрелище завораживающее, доложу я вам, не приведи Господь. Много пальм переломала, продукты наши, вещи, шлюпку, – всё на обратном пути в море забрала. А я так и торчал на скале, пока, ближе к вечеру, пароход не увидел. За нами шли, – голос рассказчика дрогнул. – За мной...

Вниз по щекам старика поползли две слезинки.

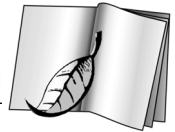
– Вот так, ребятки. Спасла она меня. Сохранила. А теперь я её берегу. Она меня хранит, а я её.

Больше старик не произнёс ни слова. Что в его рассказе было правдой, что выдумкой, – кто знает? Выговорившись, он застыл в неподвижной позе, внезапно потеряв всякий интерес к слушателям, и продолжал, как и до общения с нами, с нежностью и любовью, не отрываясь, глядеть только на ракушку. Похоже, он продолжал беседовать с ней, только теперь уже наедине, без посторонних. Пальцы его подрагивали. Он словно отключился и от нас, и от внешнего мира, сосредоточив взгляд, мысли, чувства на вечно юной, чистой, не потускневшей и не изменившейся с годами прекрасной раковине, спутнице всей его жизни – дочери далёких южных морей.

Нам ничего не оставалось, как подняться и окончательно раскланяться. В ответ на прощальные слова и пожелания старик в потрёпанном морском кителе не удостоил нас ни кивком, ни даже поворотом головы.

Мы не обиделись.

Юлія НАБОК-БАБЕНКО

ПРОЗРІННЯ В ДИТЯЧІЙ КІМНАТІ

* * *

Богові

Щоб Ти мені дав – я маю віддати.
Розплата, як тінь, біжить навздогін.
Шляхом до здобутків – витрати і втрати.
Вернутись? Але й вороття – лише тлін.

Щоб Ти мені дав – я маю прийняти.
І ляпас. І нежить. І сльози війни.
Даруєш прозріння в дитячій кімнаті:
Усе найцінніше не має ціни...

* * *

перебери свій мотлох
все про що забуто
потребою життя не постає
удосталь і того що в тебе є
що послане реальністю як бруто

перебери свій мотлох
звуть старому простір
що важко нести кинь не надірвись
нове без звісток завітає в гості
а в тебе в мотлосі
вже миші завелись

* * *

Коли твій літак розтинає, мов кесар,
зажурене небо, зажмурене хмарами,
незнані молитви стають усезнаними –
і Бог траєкторію летива креслить.

Твій сон – то безсоння моє до притоми,
і коле неспокій – іду поміж тернями...
Ніщо так не тішить, як звістка приземлення
і рипання хвіртки: я тут, я вже дома...

Народилася 5 грудня 1985 року в с. Новокостянтинівка Братського району Миколаївської області. Закінчила з відзнакою бакалаврат Миколаївського національного університету ім. В. Сухолинського і магістратуру Київського національного університету ім. Т. Шевченка. Учасниця міжнародного молодіжного форуму EUSTORY в Естонії (2002) та всеукраїнської наради молодих літераторів у Коктебелі (2005), стипендіатка Президента України (2005-2006). Поезії друкувалися в газеті «Літературна Україна», журналі «Дивослово», альманахах «Сві-й-танок», «Золота арфа», «Сполучник», «Ліра», «Освітнянські вітрила», «Коктебель: зорі над морем», «Мова неба» та інших. Працювала головним редактором університетської газети «Педагог» (Миколаїв, 2005-2006), літературним редактором, коректором, журналістом у тижневику «Аграрная неделя» та журналі «Агро Перспектива» (Київ, 2007-2013). З січня 2011 року мешкає в с. Нові Петрівці Вишгородського р-ну Київської області.

СПРОБА САМОВДОСКОНАЛЕННЯ

ти хочеш бути кращою
ти хо...
слова відтяти пів- чи безголові
закутані у димові сувої
ця осінь вуглекисла – до нудоти
сумління багатом періщить: «Хто ти?»
ніхто...

ти будеш, може, кращою,
ти бу...
слова по буквах ніби в першій класі
незнанні й незбагненні бідоласі
потерта форма діромахи в ранці
ще годні для зшивань і реставрацій
мабуть

ти маєш бути кращою
ти ма...
учинки б тішили твою гординю
якби ж ця осінь без сувоїв диму
якби ж слова не падали водою
якби ж була тут і тепер собою
сама...

ЦЕ ЛІТО

Це літо давить, як малих мурах,
що втрапили без дозволу до меду.
Ошпарений під променями птах
лягає долу і не хоче злету.

Це літо тисне, наче черевик,
що менший на два розміри за ногу.
Ти прагнеш мандрів і шляхів нових,
та підвестися вже не маєш змоги.

Це літо душить, як меткий аркан,
піймавши в зашморг не тебе – півсвіту.
Зайчатко сонячне – скок на диван:
«Вставай, матусю, бо прогавиш літо!»

* * *

Досмажую день на останній олії –
шкварчать голоси подієвого фузу.
Мій дух над пательнею світу ширіє,
та хронос воліє всі прагнення звужити.

Досмажую день на шпариночці масла:
не масло – вода, тільки лопають бульби.
Плітки повтікали, розмови погасли;
теперішнє свято постало минулим.

Досмажую день на захмарених зорях,
 замазую снами розчакнуті рани.
 Думки, як кухарки, насмажене солять,
 а завтра умиють незайманим ранком.

АВІТАМІНОЗ

Ці дні – як валізи, важкі від ваги і розлуки,
 А часом пусті, як дерева – без плоду і листя.
 І хочеться впасти, та скрізь незачинені люки,
 І хочеться вити, та зграї вовків ходять близько.

Годинник – мов тесляр, цвяхи забиває у скроні,
 Сумління – учитель, нагадує: мусиш, повинна.
 І хочеться світла, та промені сонця ще сонні,
 І хочеться тверді, та ґрунт по снігах – трясовиння.

Приходиш у банки, та ніц вітамінових позик,
 А ліпше у погріб, там банки – свої, без почину...
 І хочеться істин від тих, що спочили у Бозі,
 І хочеться знати, чи є на землі цій спочинок.

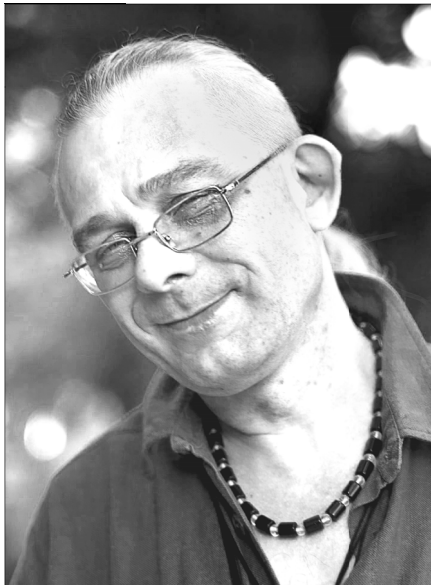
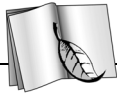
* * *

Щодня навігатор тобі прокладає маршрут –
 гарчиш у старому авто до нової роботи,
 минаючи натовп, де люди нагадують шпроти,
 міняєш життя за сьогоднішнім курсом валют.

«Мігруймо, кохана», – як мантру із завчених слів
 проказуєш вперто роками і ввечері, й вранці.
 У помислах-планах про спроби нових еміграцій
 ти дбаєш про долю дітей, а я – про батьків.

Коріння старіє і гілля, що пнулося ввись,
 ламається вітром, приречено впавши додолу...
 Мігруймо, коханий, заради дитячої долі,
 в старому авто, що не в силах уже завестись...

Суров Аркадий Геннадиевич. Родился 16.04.1964 г. в Перми (Российская Федерация). Окончил филологический факультет Николаевского государственного педагогического университета (2002). Призёр поэтического конкурса международного ПЕН-центра России (2000). В 2001 году был признан лучшим поэтом года журнала «Радуга». Автор поэтических книг: «Производитель впечатлений» (1996), «Ближнее плавание» (1998), «Голоса над морем» (2000), «Стихи» (2003), «Внутреннее пространство» (2008), «Колесо Футарка» (2011). Член Союза писателей России. Член Национального союза писателей Украины.

Аркадий СУРОВ

ПТИЦА В ГРУДИ

* * *

Таврическая степь, унылое херсонье,
И – спрятанный в степях, и – полуостровной,
Непобеждённый штаб, по-воински бессонный,
Имперский гарнизон, любимый город мой!
Таврическая степь – камыш, фарватер, косы.
Мы – живы от реки, мы – степью крещены.
Земля и небеса, солдаты и матросы,
Пенька и полотно империи нужны.
Таврическая степь, ударь меня ветрами,
И летом обожги, и заморозь зимой.
И только ты и я, и только Бог над нами,
И – корабли в степи, и чайка за кормой.

ДЕВЯТЬ ДНЕЙ

Я живу сегодняшним днём, я всё время пьяный,
Мне уже не хватает то воздуха, то воды...

...Там девчонка явится, ты меня слышишь, мама,
Так ты встреть её, покажи ей свои сады.
Посади её в поле, пускай она не горюет,
Пусть над нею плывут облака, и птицы плывут,
Поцелуй её своим слепым поцелуем.

А зовут её Викой, мама.
Викой зовут.

* * *

На такси и маршрутках, в троллейбусах, да и в трамваях,
Через ветер вечерний, пробивая его головой,
По нетвёрдой земле осторожно, но крепко ступая,
Завернувшись в себя, алкоголики едут домой.

На привычный пейзаж, с догоревшим окурком заката,
Опускаются мысли, горчащие, как зверобой,
Как бессмертник горчащие. Жизнь, как всегда, виновата –
Она слишком длинна. Алкоголики едут домой.

Впереди остановка, знакомая тропочка к дому,
Впереди – ничего, впереди только вечный покой.
(Постелите мне степь, занавесьте мне окна балконом)
Впрочем, вечный покой – до утра. Алкоголики едут домой.

АНАХАРСИС

Мои братья, в навозе и саже, в коросте и цыпках,
 Ваши чёрные губы промолвили имя моё,
 Значит, вместе нам быть на земле этой суетно-зыбкой,
 И один у нас общий котёл, и седло, и копьё,

И одно у нас небо – то чёрное, то голубое.
 Так за небо и степь, за нездешнюю морду коня,
 За сандалии да за накидку с весёлым подбоем
 Вы когда-нибудь, братья лихие, убьёте меня.

ЧУМА И ПТИЦА

*Н. Р. (Н. З.)
 Неизвестному ребёнку*

I.

Чума и птица, девочка моя,
 Чума и птица.
 Всё остальное – бред, галиматья,
 Всё только снится.

II. Чума

Они появляются на рассвете, стоят толпой,
 Их руки оттянуты, пальцы их узловаты,
 И один, с обожжённой грудью и вытянутой головой,
 Говорит: «Ребята тебя спросить хотели. Ребята
 Интересуются – вот жизнь, а зачем живёшь?
 Может, смысл-то и есть, только прячется он, петляет...»

Я стою и плачу, и слёзы мои, как дождь,
 Только мне не легче, а им уж точно не полегчает.

III. Птица

Птица в груди мотает длительный срок,
 Долгий срок, без свиданий и передач.
 Что она видит в окна? Неба кусок,
 Это в лучшем случае, чаще – сырой кирзач.

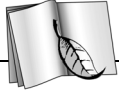
Потому-то она и не смотрит (что там смотреть?!),
 Больше слушает, а и поёт, если ляжет масть.
 (И сгореть не пытайся, не удастся дотла сгореть,
 И упасть не пробуй, куда тут вообще упасть!)

Птица в груди расправляет свои крыла,
 Белые, как вдохновенье, перо к перу.

Чей-то голос ей шепчет: «Моя птица, ну как дела?
 Ничего не бойся, я всё равно тебя заберу».

IV.

И чума и птица в тебе, мой ребёнок дня.
 Если хочешь – вини,
 Если можешь, прости меня.

SIM-КАРТА**I**

Я опять упираюсь руками в дождливую сеть –
В этот сумрачный Лайф, в этот злой полумесяц турецкий.
Моя память не спит, и колбасит меня не по-детски,
И мой крест намокает, и мне неудобно висеть.

Это крест – между злом и добром, между силой и нет,
Я распят посредине, и мне уже поздно за парту.
Я устану от Лайфа, и я поменяю sim-карту,
Мне звезда Киев-Стара уронит спасительный свет.

II

Когда я умру, то мой старый Siemens
Сорвёт блокировку и выйдет в сеть.
И все, кого я считал своими,
Узнают, что я переехал.
В смерть.

Ни боль, ни ненависть, ни интриги –
С собой не возьму – ни шубу, ни зонт.
И только моя телефонная книга
Со мною отчалит.
За горизонт.

III

А мой номер всё тот же: Киев-Стар шестьдесят седьмой,
Восемь, девять и девятнадцать, ноль, две шестёрки.
Жизнь пуста и плохо понятна себе самой,
И карман мой протёрт, и сам я весьма потёртый.

Когда свет покидает тебя, остаётся тьма,
И приходится жить на звук, а то и на ощупь.
Создаётся какая-то внутренняя тюрьма,
Одиночная злая камера. Вместо общей.

Я сижу на полу, привалившись к стене спиной,
И один только голос мой до сих пор не мёртвый.

А мой номер по-прежнему – ноль шестьдесят седьмой,
Восемь, девять и девятнадцать, ноль, две шестёрки.

АПОСТОЛ ВОЛКОВ

Ты и сам некрасивый, и дети твои без штанов,
И под небом холодным горит пересошенная степь.
Этот мир, он, конечно, не нов – бесконечно не нов! –
Умереть в нём, увы, вероятнее, чем постареть.

Дровяным колуном отобьёшься от давних друзей,
Соберёшь самых близких врагов и отправишься в путь.
То ли пьяно молчи, то ли трезво-стеклянно борзей,
Но от стаи смотри не отстань, в одиночку не будь.

Не болтай языком, не позволяй, чтоб тебя развели –
 Повсеместно, с начала времён и до края земли,
 Исключительно так формируется клан дураков,
 Да и всякого мяса: солдат и героев, и проч.

Ожидай же, не далее – в ночь через ночь, через ночь,
 Он придёт,
 Он успеет родиться –
 Апостол волков.

* * *

*«Табак седеет,
 Превращаясь в пепел...»*
 А. Марковский

В полночь седеет табак, превращаясь в пепел.
 Всё, что случится, лежит у детей в карманах.
 Думаешь, я не помню костёр и ветер,
 То, как я стал евреем, а был цыганом.

То, как я стал цыганом, а был евреем.
 Избранность и изгнание, табор и гетто.
 То, что положено сделать, делай быстрее,
 Старая кровь заката и боль рассвета.

Милуешь ли, караешь – разницы нету,
 Я всё равно свободен, я всё равно мешаю.

Дуэт гитары и скрипки, дуэт огня и кларнета –
 Моё еврейское счастье покрыто цыганской шалью.

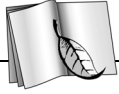
ДЕТИ БРЕМЕНСКИХ МУЗЫКАНТОВ

«Ничего на свете лучше нету...»
 Песня

Мы всё ещё верим, что большего счастья нету,
 Чем побродить по белу свету с друзьями,
 Мы всё ещё пополам кусаем конфету,
 Не то, чтобы полностью, но – своими зубами.

А осень пахнет рекой, а костёр – картошкой,
 И в стеблях травы подпевают сверчки гитаре.
 Когда мы теряем девчонку – теряем ложку,
 Теряется нож, когда нас покидает парень.

Всё так же по нашим следам – гениальный сыщик,
 Всё так же нас укрывают леса и степи,
 А деньги – до фени нам, как на солнце прыщик,
 И наши седые хаеры треплет ветер.

* * *

Oз

Это опиум, сердце моё, и его пелена
При большом приближенье не значит уже ни хрена.
Это просто стена в никуда уходящего сна.
Это голубь почтовый –

Клювик, бусинки-глазки, стучат в монитор коготки,
Покорми его с левой руки или с правой руки,
Можешь ставить силки, можешь даже не ставить силки,
Демиург беспонтовый.

Это опиум, сердце моё, и его горькота
На восьмом обороте не значит уже ни черта,
Это боль и тщета уходящего в небо моста,
Уходящего в небо.

Зажигалки, стаканы, старьё, вороньё и ворьё.
Она будет с тобою, а после не будет её –
Эта глупая жизнь. Это опиум, сердце моё,
Вместо хлеба.

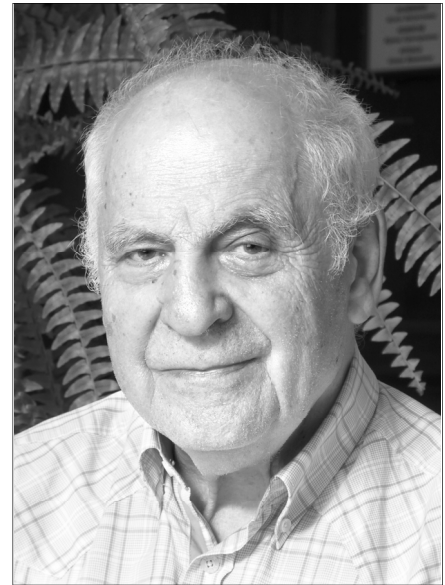
Илья СТАРИКОВ

ЛИБИДО ВИЛЬГЕЙМА РАЙХА

Историко-психологическая новелла

*Любовь, труд и познание –
вот источники нашей жизни.
Они должны определять её ход.*

Вильгейм Райх

Водоворот страсти, который недавно бешено крутил их супружеские тела, постель и, казалось, всю комнату тоже, постепенно утих. Изумлённый Вильгейм Райх лежал рядом с притихшей Ильзой. В который раз пытался разобраться и осмыслить таинство чуда человеческой плоти.

Можно сказать, его научное увлечение оргонной энергией началось именно с этого. Замечталось постичь силу опьяняющей мощи либидо и оргазма, упрятанных в человеке природой.

В молодости Вильгейму казалось: всё дело в чувстве восторга, поднимавшемся в нём красотой первой его жены. На Анни заглядывались многие мужчины Венского университета. До сих пор помнится, как задрожал он от бешенства нетерпения, заметив выглянувшие в разрезе ночной рубашки груди Анни с ягодами сосков, когда она впервые начала раздеваться в их спальне...

Те частые и неожиданные извержения страсти в первые годы их супружества даже огорчали его. Сидящий в нём исследователь старался разобраться и понять, что чувствует жена в самые блаженные моменты соития. Но накатывавшиеся волны оргазма мешали точно осмыслить, что испытывает любимая Анни на вершинах совместной страсти. А всё, что случается преждевременно, лишено радости полноты. Только с накоплением опыта он научился управлять этими бурями...

Теперь-то он знает: оргазмы – это взрывы энергии в живом организме от накапливаемой в нём чувственности. Подобно электричеству в неживой природе: чем выше напряжение чувства удовольствия, тем мощнее либидо и сила взрыва от его извержения...

Именно тогда, в первые годы первого супружества, стала прорастать у него идея накопления и использования для блага людей жизненной энергии, которую он назвал позднее Orgone. Оргон – организм – оргазм – такая словесная и логическая цепочка не случайны.

В мудрой природе учтена и предусмотрена каждая мелочь. Если в ней есть разрушающие силы, всякие болячки, значит, где-то упрятано и то, что может противодействовать им, излечивать человека. Главное – научиться понимать суть этих сил и закономерности, которым они подчиняются.

Стариков Илья Мойсеевич. Доктор педагогических наук, профессор факультета психологии ННУ им. В. А. Сухомлинского, зарубежный член Российской академии образования. Родился 3.08.1934 года в г. Николаеве. Окончил Николаевский судостроительный техникум (1954) и филологическое отделение госуниверситета в Ростове-на-Дону (1964). За создание и внедрение прогрессивных педагогических технологий и методов обучения отмечен 9 медалями ВДНХ СССР, награждён шестью государственными медалями Украины и России. Горожанин года в номинации «Наука и высшая школа» (2004). Научно-педагогическую работу совмещает с литературной деятельностью. Автор сборников коротких рассказов и лирических миниатюр «Общение с небом» и «В ожидании клёва», повести «Дом, построенный на песке», сборников историко-психологических новелл «Таинства истории» и «Таинства судеб и личностей». Составитель книги коллективного авторства «Володимир Васляев: Лідер, Менеджер, Людина». Член Всеукраинского творческого союза «Конгресс літераторів України».

Вот и в человеке – самом совершенном создании природы – не может быть ничего лишнего и случайного. Задача учёных в том, чтобы научиться измерять, накапливать и использовать колоссальные запасы его биологической энергии, заложенные в каждой личности и в любом живом существе.

Не всеми сразу воспринимаются эти новые истины. Даже его ближайший и главный учитель в психоанализе, Фрейд, с ним не согласен. Зигмунд утверждает, что человеком движет желание получать удовольствия, в первую очередь сексуальные, которые он отнёс к животному началу, упрятанному в малопонятном Оно. А он убеждён, что и плоть с заложенными в ней взрывами оргазма – лишь наглядное проявление бесконечной мощи оргонной энергии, обитающей в мироздании. Когда он опубликовал тезис: «Нет сомнения в существовании энергии, обладающей чрезвычайно высокой биологической активностью. Осталось только обнаружить, какова её природа и как это можно измерить», – даже Фрейд обозвал его романтиком и научным авантюристом. Сейчас же, после успешных экспериментов в созданном им здесь, в Америке, институте «Orgone», он сможет доказать существование такой энергии, убедить людей в её пользе.

Эта скрытая энергия жизни рассеяна в нашем мире, в каждом человеке и чётче всего проявляется в либидо. Казалось бы, какая разница в том, что происходит между каждым мужчиной и женщиной, оставшимися наедине в постели? Но сколько неповторимых особенностей в этом однообразии. Для постижения тайн, происходящих между ними, он и потянулся в медицинский университет, потом добавил последипломное образование по внутренним болезням, закончил аспирантуру по нейропсихиатрии, освоил гипноз и суггестивную терапию, окончил курсы по биологии и психоанализу у самого Фрейда. Но всё равно не перестаёт удивляться этому водовороту страсти, удовольствия и благодарности, который затягивает человека. Ему скоро шестой десяток исполнится, больше семнадцати лет вместе с Ильзой, а каждый раз, как сегодня, радостно удивляется происходящему между ними...

Скосив глаза, он тихонько наблюдает, как синенькая ленточка вены пульсирует на шее притихшей жены. Ильза любит, чтобы ночной светильник оставался включённым во время их близости. Как-то он поинтересовался, почему. Она ответила: чтобы наблюдать, как проясняется его лицо.

– Как проясняется? – не понял он сразу.

– Ну, – пояснила жена, – обычно на твоём лице видно, что ты всегда возле своих приборов, занят опытами... Витаешь где-то там, среди облаков, или пишешь в уме очередную статью... А когда тебе становится хорошо от меня, – она улыбнулась, – твоё лицо проясняется...

Видно, либидо подпитывается взаимопониманием. В этом он убедился на горьком опыте своих отношений с первыми двумя жёнами. Восторженной тяги к соблазнительному молодому телу Анни ему хватило на двенадцать лет их супружеской жизни. Но постепенно стала обижать тоскливая поволока равнодушия, которая появлялась в красивых глазах жены, как только он поворачивал разговор на тему открытой им оргон-энергии. Хотя Анни не глупая женщина, в университете не последней студенткой была. Тоже психоаналитиком стала. Всё же жизненные стержни, оказалось, у них не

совпадали. Он с исследовательской тщательностью подмечал и фиксировал, как испаряется его тяга к близости с телом, которое так волновало прежде...

С эмпатией, свойственной умным женщинам, Анни это тоже улавливала и отвечала тем же. Как с электричеством, в их отношениях сработал закон отторжения, когда одноимённые заряды отталкиваются... Их либидо угасло, и брак потерял свой смысл...

А в глазах Ильзы, ставшей его ассистенткой и женой, всегда отчётливо пробивается восторг восхищения, когда он вслух разбирает результаты проведённых опытов или рассказывает о задуманных им новых экспериментах. Пусть его критикуют отупевшие учёные, ничего, что исключили из европейских психологических обществ. Его и Ильзу это мало волнует. Придёт время – и открытые им истины взломают лёд научного недоверия и непонимания. Трудолюбия и познаний для такой цели у него хватит. Сколько тысяч берлинских рабочих он излечил в своих клиниках сексуальной гигиены, когда понял значимость этой проблемы.

Это же он первым в мире заговорил о необходимости сексуальной революции. Доказал, что постоянное подавление либидо облегчает манипулирование личностью. Что половая неудовлетворённость толкает политиков в фюреры и вожди. Не случайно его книгу «Психология масс и фашизм» с приходом к власти Гитлера немцы отправили на костёр, а берлинские коммунисты ещё раньше исключили автора из партии.

Но у человека есть право не только на труд, но и на знание. И если ты открыл людям что-то новое, сделал что-то доброе для других, рано или поздно такое будет замечено и оценено. Другой вопрос, что чаще всего происходит это довольно поздно. Для понимания и принятия научной новизны необходимо время. Только в отношениях с женщиной новизна радует и восхищает...

Вот почему ему не забывается особая ласковость объятий Ильзы в ту ночь, когда после осмотра анализов подопытных мышей, которые они проводили вместе, результаты зафиксировали, что раковые клетки у грызунов исчезли. Эти существа несколько суток просидели в оргонном аккумуляторе, который он создал для накопления позитивной энергии. Значит, подтверждаются его утверждения, что живая энергия обладает такой мощной биологической активностью, которой под силу излечивать не только стенокардию, астму, эпилепсию, но даже онкологические заболевания...

Ему помнится, как в прошлом, когда они только начали жить вместе, Ильза откликнулась на его мысль о наличии неиссякаемых источников оргон-энергии в атмосфере. Он вдохновенно ей пояснил: нужно научиться её использовать. И люди смогут разгонять или собирать тучи, управлять погодой... Даже Альберт Эйнштейн заинтересовался его опытами...

– Ты у меня, как Прометей... Стараешься добыть свет для людей, – он увидел тогда в глазах жены горделивый блеск собственности, который поразил его ещё в детстве. Так смотрела на него любимая мать, когда заставляла его склонённого над приборами в лаборатории, которую дома оборудовал десятилетний сын... В такие минуты голос матери начинал звучать ласкающе. Менялись даже её привычные движения. Они становились не быстрыми, а какими-то обнимающими...

Именно не слова, а то, как могла выражать молчаливыми колебаниями рук, туловища или взмахом удивительных ног профессиональная балерина Берлинского оперного театра Эльза Линдербер самые скрытые чувства, и разбудило в нём неожиданную вспышку либидо к женщине, ставшей его второй женой.

Как учёный, он привык иметь дело с приборами. Даже лёгкие подрагивания их стрелок фиксируют и рассказывают ему многое о тех незаметных процессах, которые происходят вокруг и недоступны другим.

Как писатель, он тонко чувствует слово. Его звучание, цвет, даже размер. Помнится, несколько дней удивлялся длине страшного слова, о которое споткнулся неожиданно в одной статье, – человеконенавистничество. Хотя с явлением этим в Европе встречался по жизни не раз до переезда в Америку. Хотя и здесь ему нелегко...

А Эльза тогда открыла ему мир танцевального искусства. Она могла всю мешанину человеческих чувств передавать движениями своего тела. У каждого вида творчества есть свой завораживающий язык. Новый мир танца и вскружил ему голову. Они поженились. Но уже через два года красота тела балерины и все таинства исполнявшихся ею движений оказались исчерпанными...

Чтобы костёр страсти разгорелся и давал тепло, нужно в него вовремя подбрасывать хворост понимания и восторга от чуда встречи с тем, кто лежит в постели рядом с тобой.

Его же главной женой, видно, всё-таки была и остаётся наука. Она заполняет большую часть его времени. И это либидо с каждым годом усиливается... Особенно вот в такие минуты, когда отдох-

нущее тело и голова переполняются жизненной энергией, продолжая выбрасывать оргазмы самых неожиданных мыслей и идей.

Есть две характеристики мужчины, дающие глубокое, исчерпывающее представление о его личности. Это – работа, которой он отдаёт своё главное время. И то, как ведёт он себя в постели с женщиной...

Теперь с возрастом и благодаря Ильзе ему приоткрылось, что мужчина чаще всего стремится овладеть телом женщины. Но это лишь частица того, чем она может осчастливить его. Ведь каждая женщина подобна небу. На первый взгляд, оно везде одинаковое, усыпанное однообразными звёздами. Но тот бездонный небосвод, который он рассматривал в детстве на Буковине в родных Добрянчицах, оказался неповторимым. Здесь, в Америке, тот же таинственный зеленоватый цвет звёзд над головой... Только всё – по-другому... Так у него получилось и с жёнами...

Сейчас почему-то часто ему вспоминаются потрясения, пережитые в детстве. Когда он, двенадцатилетний мальчишка, увидел любимую мать, сидящую на коленях в объятиях молодого репетитора, нанятого родителями для занятий с ним и младшим братом. Несколько дней он разрывался между привязанностью к любимой матери и чувством долга перед отцом, мужской солидарностью с ним. Пока не поделился с отцом подсмотренным...

А через несколько дней узнал, что мама повесилась.

От горя и страха он выбежал ночью из дома, затаился в саду. Чёрное украинское небо со своими блестящими звёздами, похожими на выступившие слёзы, словно припало к карпатским склонам, чтобы тихонько выплакаться...

Наверное, поэтому всё его существо так обострённо отзывалось на каждое проявление женской верности и понимания. Вот и сегодня, чтобы как-то снять груз напряжений, накопившихся за день, он поделился с Ильзой известием, что лекарственно-пищевое управление США поднимает вопрос о запрете его исследований. Что в нескольких американских газетах появились пасквильные статьи, в которых его обзывают шарлатаном и проходимцем.

– Пусть они говорят и пишут всё что им вздумается, – отзвалась Ильза. – Трусливые фармацевты боятся остаться без работы, поэтому и затюкивают тебя... Но я же знаю, какой ты у меня...

Глаза у жены заблестели, как у матери, когда она заставляла его в детской лаборатории... Для верности он всё же переспросил:

– Какой?

Ильза одной рукой обхватила его шею, притянула к себе:

– Самый-самый великий и умный учёный!

Обнявшись, они повалились вдвоём в кровать...

Поэтому он не успел поделиться с Ильзой и радостной вестью, которую ему передали утром из института «Orgonon».

Оказывается, в СССР возле Чёрного моря есть засекреченный город Николаев. Там несколько психологов педагогического института, начитавшись его работ, создали вместе с военными лабораторию по использованию оргонной энергии в атмосфере. И повторили описанный им опыт по её концентрации с целью создания облаков и туч при длительной засухе. Их опыт удался. С помощью живой энергии они вызвали осадки. После нескольких засушливых месяцев на поля и город хлынул дождь.

Нужно будет рассказать об этом Ильзе, как только она проснётся, подумалось Райху.

Но, как часто у них случалось, жене передались его мысли. Она открыла глаза, повернулась к нему. Из-под простыни красным поплавком выплыл сосок. Вильгейм потянулся к нему губами. И опять охмелел от ласковой податливости груди любимой.

То ли опыт двух первых не очень удачных женитьб, то ли случай с матерью, но и в отношениях с третьей женой он почему-то, несмотря ни на что, не мог избавиться от тревожного ощущения непостоянства чувств Ильзы. В глубине подсознания промелькнуло: а надолго ли хватит ей его величия. Но сейчас это только разогрело влечение к ней.

И он уже не мог разобраться толком, какой водоворот потянул и закружил его. Возможно, тёплая рука обнявшей его жены или ожившее неподвластное либидо...

НЕБО НАТАЛЬИ МАЛЫШЕВОЙ

Историко-психологическая новелла

*В цветном разноголосом хороводе,
в мелькании различий и примет
есть люди, от которых свет исходит,
и люди, поглощающие свет.*

Игорь Губерман

Почему-то в последнее время Наталья чаще всего вспоминала события фронтовых лет. Нет чтобы что-то радостное или торжественное. Ведь и такого в её жизни случилось немало. Слава богу, вниманием мужчин и начальства обделена не была никогда. Когда по случаю надевает праздничный пиджак – вся грудь в чешуе орденов и медалей...

Прежде в таких случаях ловила на себе взгляды встречаемых мужчин, их удивление, перемешанное с какой-то уважительной робостью. И радовалась возможности лишней раз убедиться в своём равенстве с сильным полом...

Но есть чувства, которые никак не поддаются постижению аналитическим умом Натальи Малышевой, много лет проработавшей после войны старшим инженером в НИИ по проектированию ракетно-космических двигателей в громадном хозяйстве Королёва. В группе по приёму и испытаниям их секретной продукции Наталья была единственным специалистом женского пола. Однако сакральные состояния последних лет так и не может охватить её рациональный мозг даже теперь, в преддверии старости. Хотя сейчас она хорошо понимает, что главными такими непостижимыми чувствами в её жизни навсегда остались – тяга к небу и первая любовь. Их божественная беспредельность и таинство с возрастом приоткрываются ей всё чётче и острее.

Её юность совпала со временем, когда в мире и в родной стране поднялся всплеск интереса к авиации. Слава первых женщин-лётчиц Валентины Грызодубовой, Полины Осипенко, Марины Расковой, совершивших героический беспосадочный перелёт из Москвы на Дальний Восток, кружила головы многим девчонкам. Вот и Наталья видела себя в будущем только пилотом. Часто завороченно осматривала бездонную голубизну неба и думала, что именно там можно найти ответы на все самые сложные вопросы, которые начинали беспокоить её молодое сознание.

Когда при московском ОСОАВИАХИМ¹ начал работать аэроклуб, она тоже записалась в него, прыгала с парашютной вышки, научилась хорошо стрелять, сдала все нормы на значок ГТО². Призыв готовится к труду и обороне, как и всё в своей жизни, Наталья восприняла всерьёз, он осел в её душе глубоко. Окончила курсы медсестёр, даже на дополнительные занятия по немецкому языку записалась. Всё это было ей интересно и давалось легко. Ведь отец до революции служил земским врачом, несколько иностранных языков хорошо знал ещё с гимназии.

В аэроклубе она и увидела в первый раз Мишу. Высокий, стройный, он, казалось ей, даже ходил не так, как остальные ребята. Как-то смелее и увереннее. Хотя он был чуточку старше других, но уже учил новичков лётному делу.

Она всегда считала, что их встреча произошла не случайно. Что она была предназначена им свыше. Совпадений, подтверждающих это, было немало. Миша оказался сыном знаменитого Михаила Бабушкина, Героя Советского Союза, который первым в мире посадил самолёт на льдине Северного полюса. В их семье мальчика с рождения видели тоже только лётчиком, поэтому даже имя ему дали в честь отца.

Строгую медицинскую комиссию, отбиравшую на учёбу лётному делу выпускников школы, Наталье не удалось преодолеть. Не прошла по здоровью. Пришлось в 1937 году нести документы в Московский авиационный институт. Всё-таки ближе к небу. Оказалось, и Миша учился там же. Только уже на четвёртом курсе...

С первого свидания их охватила радость осознания удивительного родства. Нет, это была не та упрощённая быстрота отношений между женщиной и мужчиной, которую Наталья часто наблюдала

¹ ОСОАВИАХИМ – Общество содействия обороне, авиационному и химическому строительству. Общественно-политическая оборонная организация, существовавшая в 1927–1948 годы.

² ГТО – готов к труду и обороне. Значок выдавался после успешной сдачи программы физкультурной подготовки, впервые введённой в 1931 году.

позднее на фронте. Там она прощалась и объяснялась постоянным соседством со смертью. Их с Мишей ещё в институте сблизило совсем другое – хмельное счастье созвучия душ. Оно проявлялось во всём. В том, как они подробно могли говорить об одних и тех же книгах, которые, оказывается, прочли совсем в разное время. В том, как он вслух восхищался её красотой. И восторженно целовал в ямочку на подбородке, которую Наталья почему-то стеснялась, считая, что она портит ей лицо. А он, радуя её своим несогласием, утверждал – украшает. В том, как одинаково они видели своё будущее после окончания института.

Даже небо Михаил сумел как-то очеловечить для неё. Бездонность небосвода с детства влекла Наталью своей таинственностью. Её мама была верующей, хотя и работала учительницей. На службы в церковь они ходили вечерами, чтобы меньше встречать знакомых. Такие посещения в советских школах не приветствовались. Проходили по ночной Москве мимо Страстного девичьего монастыря, который из-за начавшегося строительства рядом многоэтажного здания редакционно-издательского корпуса газеты «Известия» как-то сник, потерял своё величие. В зимние вечера звёзды, мерцающие на небе, казались маленькой Наталье многочисленными глазами таинственного Бога, и становилось понятно, почему мама говорила, что Господь видит всё происходящее на Земле...

Главное помещение монастыря снесли за одну ночь. Проходя с молебна по площади, Наталья видела, как к зданию одна за другой суетливо подъезжали грузовые машины. В ночной спешке проступало что-то греховное, и мама вслух сказала:

– Чуют, нелюди, что творят неладное... Да Господа не обманешь...

А то, что в школе Наталья ни с кем не могла поделиться увиденным ночью, заложило и в ней чувство греховного соучастия, которое теперь с годами обострилось и беспокоило.

Когда в московском парке культуры и отдыха возвели тридцатиметровую парашютную вышку, Наталья быстро освоилась с её высотой. Ей нравилось подниматься на самый верх, чтобы с поднебесья по-новому осматривать город. Но настоящее чудо высоты и неба ей открыл Михаил. Он предложил полетать с ним на новеньком У-2, который поступил в аэроклуб для подготовки курсантов. Усадил на заднем месте, сам проверил, надёжно ли она пристегнулась ремнями. На голову, как пилоту, напялил ей лётный шлем. После разбега под крылом самолёта поплыли крыши знакомых высоких зданий, голова слегка закружилась. Не от страха, а от восторга: с набором высоты удивительно быстро расширился горизонт. Город виделся по-другому, на глазах приобретал бесконечность. И неожиданно подумалось: если подняться высоко-высоко, можно подсмотреть завтрашний день.

Потом Миша начал вытворять развороты, бочки, мёртвые петли. Наталья то становилась невесомой и сказочно парила на выросших за плечами крыльях. То её тело каменело, и неожиданная нагрузка вдавливала в кресло. От переполнивших чувств и впечатлений она даже не заметила, что

самолёт уже катится по земле. И не знала, что ответить Михаилу, когда он, улыбаясь, обернулся к ней с вопросом:

– Ну, как?..

То недолгое пребывание в небе отпечаталось в сознании навсегда. Свою первую близость с Мишей, сделавшую её женщиной, Наталья тоже теперь вспоминает как сказочный полёт. Тогда тело поднялось высоко-высоко, девичье сердце переполнилось страхом, блаженством и чем-то таким, что невозможно передать словами.

Линия жизни сводила Наталью с такими большими людьми и командирами, как Рокоссовский, Королёв. Великие, видимо, воспринимают жизнь на свой лад, по масштабам своей личности. Через собственные свершения, цели, которые хотят и стараются достигать. А такие, как она, незаметные люди видят происходящее по-другому. Через отдельные мелкие случаи, которые оседают в памяти из повседневных дней. Зато позднее, как сейчас, бередят по ночам сердце, лишают душевного равновесия.

Осенью где-то под Москвой немцы сбили самолёт Михаила. Точная дата его гибели и место захоронения так и остались ей неизвестными. Позднее она часто завидовала горькому счастью вдов, имеющих возможность поплакать у могилы любимого...

Уже зимой сорок первого года Наталья добилась направления на фронт. За отличные показатели по стрельбе ей выделили новенькую винтовку СТВ с оптическим прицелом и направили в группу снайперов. Как-то, замаскировавшись на передовой в засаде, она выследила немецкого офицера, выбежавшего по неотложной надобности из своего блиндажа. В прицеле, который скрадывал расстояние, видела, как после её выстрела фашист неожиданно взмахнул руками, словно собираясь здороваться, и повалился лицом в кусты. А ей несколько дней подряд снилось сумасшедшее приветствие того подстреленного ею немецкого солдата. Не всякое сердце черствеет на фронте.

Наталья напросилась, чтобы перевели санитаркой. Здесь служба показалась ей человечней. Она вытаскивала из-под обстрела раненых, слышала их благодарные слова, перемешанные со стонами и матюками. Если тело раненого оказывалось очень тяжёлым, приходилось перекачивать грузного мужика на плащ-палатку, привязывать её к своей ноге и волоком под свистом пуль и осколков тащить к окопам.

За смелость стала ефрейтором. А когда в штабе узнали о её хорошем знании немецкого языка, летом сорок второго года направили на трёхмесячные курсы армейских разведчиков, после которых она и попала в штаб Рокоссовского. Тот внимательно прочел её документы, задал несколько вопросов и заключил:

– А ты, ефрейтор, оказывается, не только храбрая, но и думающая девчонка.

Заглянул ей в глаза и добавил:

– Смелых в нашей армии хватает. Мыслящими Бог не шибко балует... Будешь прослушкой заниматься. Дело важное, ума требует...

Стали её засылать с диверсионными группами за линию фронта к партизанам. Обжёгшись под Москвой, немцы неторопливо готовились к новым наступлениям. Важно было вовремя выведать их планы. В задачу Натальи входило незаметно подключаться к полевым телефонным линиям немцев, слушать, о чём они говорят, а отфильтрованную информацию, представляющую военную ценность, доставлять в штаб армии.

При выполнении очередного задания и произошло чудесное происшествие, о котором она даже после войны долго никому не рассказывала. Зато теперь тот случай уже несколько раз ей снился. Менялись только детали, а суть оставалась одна и та же...

Тогда в действительности она подключилась к телефонному кабелю какого-то штаба. Сразу поняла, что разговор очень важен, но слышимость была отвратительной. Плотней прижала наушники, сосредоточилась и пришла в себя, только когда почувствовала, что неведомая сила тянет её вверх. Перед глазами возник полированный приклад карабина. Громадный фриц вместе с наушниками и подключённым проводом поднял её над своей головой, заглянул ей в глаза, решая, что делать с неожиданной находкой. И... отбросил в сторону:

– *Hau ab das ist doof... Ich noch mit dem Mädchen schmutzig werde³...*

Она отлетела, вскочила на ноги и, ничего не соображая, кинулась в кустарник. Только через несколько минут остановилась, чтобы проверить, не гонятся ли за ней. И нет ли свидетелей случившегося.

³ Пошла вон, дурочка... Я ещё с девчонкой стану пачкаться... (нем.)

Ночью уже в партизанской землянке перед сном начала восстанавливать происшедшее. Видно, немцу, служившему телефонистом, приказали выяснить причину плохой слышимости. И, прихватив личное оружие, тот пошёл вдоль провода. Коричневый приклад его карабина Наталья и видела у своих глаз, когда солдат поднял её в воздух. Опьянённая неожиданной концовкой случившегося, она ни в партизанской землянке, ни позднее не спрашивала себя: отчего же здоровенный немец не сбросил со спины оружие, не погнался за ней? Зато теперь, когда в снах всплывала та сцена, она почему-то отчётливо слышала за собой частые выстрелы. И просыпалась...

Видно, всё, что человек, стесняясь, загоняет в себя, при всяком удобном случае прорывается. Одни и те же поступки с годами поворачиваются другой неожиданной стороной, высвечиваются по-новому. Теперь, перед уходом на пенсию, высветилось скрытое понимание того случая.

Очевидно, как говорила мама, именно так проявляется промысел Божий. Ведь вера в Бога чем-то подобна музыкальному слуху. Одному, как матери, такой дар природы открывается с детства. Другому – только в конце жизни. А многие вообще лишены возможности обрести благо веры до конца своих дней. Вот и она жизнь свою прожила вроде правильно, а праведностью в ней и не пахнет. Не случайно теперь припомнилось и такое.

В штабе её часто привлекали к участию в допросах пленных. Если командир, который вёл допрос, по привычке обращался к приведённому на «ты», она всегда употребляла только «вы». Хорошо владея разговорной речью, с женской непринуждённостью, неожиданной для немцев, расспрашивала их не только о служебных, воинских делах, но и о мелочах житейского плана. Допрос незаметно превращался в беседу, которая позднее оказывалась пропитанной ценной информацией.

Но однажды в штаб привели совсем молодого эсэсовского лейтенанта. С перебинтованной головой и проступавшими пятнами крови. На гимнастёрке – два орденских креста с паучками свастики. Держался и отвечал на вопросы с воинственной злобой и превосходством, твердил, что ничего не знает, а если бы и знал – всё равно никогда бы не рассказал. Несколько раз повторил: мы всё равно прикончим ваше рабоче-жидовское государство...

Допрашивавший капитан не выдержал и бросил охране:

– В расход эту мразь...

Лейтенант, видно, понял смысл команды. Вскочил, вытянулся, вскинул руку выше перевязанной головы:

– Heil Hitler!.. Zig хайль!⁴

Его вывели из землянки. Через несколько минут донеслось три выстрела. Судорожные, как всхлипы.

Ночью после того допроса Наталья размышляла над тем, как удалось Гитлеру за каких-нибудь пять лет протоптать дорогу к таким юным сердцам. А сейчас, вспоминая тот случай, она корит себя за то, что не догадалась переводить слова молодого немца не точно, а как-то помягче. Возможно, его судьба сложилась бы по-другому. Нам ведь только кажется, что от нас ничего не зависит...

Осевшая горечь беспочвенной вины перемешивается с отчётливой чисто женской её греховностью. Войну Наталья закончила в чине капитана. Нашлось бы ей место и в армии с её знанием иностранного языка. Только тяга к небу пересилила интерес и к военному делу, и к лингвистике. Опять в авиационный институт вернулась. Хотелось закончить то, о чём ещё с Мишей мечтали. А то, чем занимались у Королёва, увлекло. Работа тоже была связана с небом. Её женскую прилежность и старательность в творческом коллективе, в котором преобладали мужчины, заметили и оценили быстро. Ей же тогда ещё мечталось о маленьком Мише. Поэтому и дала согласие на брак с самым настойчивым ухажёром. За свою женскую вину перед недолгим мужем, с которым у них так и не получилось ребёнка, теперь и мучается...

То опрометчивое бабье решение она и сейчас считает своим главным грехом в этой жизни. Не сложилась у них семья. Не заладилось с первой же ночи. Только стеснялась признаться в таком перед мужем. Не было того полёта, который запомнился ей от первой близости с Мишей. Да и вообще, всё вроде было так, как когда-то в молодости, и в то же время совсем не так... Видно, оттого и с ребёнком у них ничего не вышло. И брак потерял всякий смысл.

Однажды в постели она даже мужа назвала Мишей. Тот всё понял. Оба согласились расстаться. Нет, были ещё другие мужчины, которые тянулись к ней. Только она так и не смогла дать им того, что они ожидали... Но обманывать себя и другого – после неудачного замужества уже не хотела больше.

⁴ Слава Гитлеру!.. Да здравствует победа! (нем.)

Поняла: враньё себе оборачивается горем и для других. Да мало ли каких грехов накапливается у женщины за годы жизни. Тем более такой необычной, как у неё.

Скоро на пенсию, и приходится думать, как мостить своё бытие дальше. Нет, с работы её не гонят. Но в инженерном деле она исчерпала себя. Да, на их двигателях летал и Гагарин, и других космонавтов они поднимали в небо. Но, как шутят сами старожилы её НИИ, до «вечного двигателя» им ещё далеко. А ведь ей всегда хотелось именно большому делу служить. Поэтому и одолевает сейчас необходимость в покаянии и всепрощении. Она ещё не понимает, за что и перед кем. Но с каждым годом всё отчётливее чувствует какую-то вину за то, что суэта повседневных дел заслонила ей то главное, ради чего и появляются люди на этой Земле. Душе отчётливо хочется покоя и очищения...

Наталья неторопливо осматривает свою московскую квартиру, обустроенную с разумной инженерной логичностью. В который раз думает, в какую сторону ей свою жизненную тропинку теперь протаптывать. Нелегко принимать такое решение. Видно, всё зависит ещё от того, куда и к кому человек идти собирается...

* * *

Уйдя на пенсию, Наталья Владимировна Малышева помогала обустраивать подворье Свято-Успенского Пюхтицкого женского монастыря в Москве, потом стала послушницей и осталась здесь служить простой монахиней, приняв постриг под именем Адриана. Весной из окна своей небольшой уютной кельи она наблюдала, как за зиму заметно потянулись к небу высаженные ею берёзки. Перевела взгляд на свои книжные полки, где теперь вместо толстых справочников по техническим дисциплинам и словарей тесно прижались друг к другу худенькие книжечки поэтических сборников. Подросшие деревья подсказали ей знакомые с детства пушкинские строчки. Но только сейчас её поразила божественная суть слов, прочувствованных поэтом: «Здравствуй, племя младое, незнакомое! Не я увижу твой могучий поздний возраст, когда перерастёшь моих знакомцев и старую главу их заслонишь от глаз прохожего...»

Через несколько лет матушка Адриана стала лауреатом международной премии «За веру и верность», учреждённой Фондом Андрея Первозванного. Поистине, к Богу каждый приходит своей дорогой.

МИССИЯ ДАВИДА АЙЗМАНА

Историко-психологическая новелла

Анатолию Малярову

Фундаментом любого мира, в том числе и потустороннего, является продуманность и порядок. Вот почему когда у Давида Яковлевича Айзмана, в соответствии с датой кончины пребывания на Земле, подошёл черёд его миссии, апостолы, решавшие, нужно ли свершать такое, не сразу пришли к единому мнению. Вначале спорили о том, следует ли одарить писателя этой милостью и за какие заслуги. Один из проповедников напомнил, что избранное, которое литератор успел опубликовать при жизни, содержит всего восемь томов. А у многих написано гораздо больше, и их на Землю не возвращали.

Довод оказался серьёзным. Ученики Христа приумолкли в тягостном раздумье. Тогда апостол Пётр напомнил:

– Писать можно по-разному... Давид не только писал. Он и поступок свершил по сказанному... Слово порой как туча без дождя. Может скрыть даже солнце на время, но пройдёт по небу, а следа после себя на Земле не оставит. А свершённый поступок помнится людям долго... Один они поминуют добрым словом, другой – проклянуть на века могут... Поступки как камни: из них и дома, и дороги мостятся. Дома – для семейного очага. А дорога и в ад завести может...

Его поддержал Андрей Первозванный. Мол, Айзман свой народ и родной город славил. Он по божьему завету писал... Не только ради заработка на пропитание. Старался сотворить из человек ловцов на дела добрые. Первым среди литераторов и политиков важный закон для любого государства описал. И в пример другим действовал в соответствии с этим правилом...

После таких доводов обсуждали уже по мелочам: на сколько дней возвращать в прошлое, к какому возрасту и месту...

Решили, что достаточно и недели ему на пребывание в городе, где родился... А лет пусть будет столько, в которых писал он рассказ, подсказавший ему тот закон, что подтолкнул его на главный поступок своей жизни.

* * *

Айзман так и не понял толком, почему и за какие заслуги ему привалило счастье почти через сто лет ещё раз побывать в родном Николаеве. И какой закон, описанный им, имели в виду проповедники. Он не стал об этом допытываться у тех, кто отпустил его сюда. Знал: есть вопросы, ответы на которые человеку нужно искать самому. А как писателю, такое стало ему даже вроде интриги. Завязался сюжет по выяснению заслуг и причин его возвращения на Землю...

Теперь, как захмелевший, он медленно бродил по улицам, где прошло детство, и вдыхал своё полузабытое прошлое. Оказывается, у города, как и у женщины, свой неповторимый аромат.

Ему казалось, стоит вздохнуть поглубже, и он отчётливо ощутит сладковатый запах цветущих акаций, который затапливал город прежде к началу июня. Хотя сейчас ещё ранний май. Но деревья уже приукрасились листвой, блестящей от новизны. Над заборами домов выглядывают кусты сирени с гроздьями цветов. Вперемешку: чистой подвенечной белизны, а рядом – сиреневые, с дымчатым вечерним оттенком, отчего изгороди похожи на милые вышиванки. А он даже не представлял прежде, что эти признаки малороссийской культуры, окружавшие его с детства, навсегда осели в его еврейской душе.

Прежде их чаще всего на детей надевали. Может быть, поэтому город, в котором Давид Яковлевич не был столько лет, теперь напоминает ему подростка. На некоторых улицах незнакомо потянулись вверх железобетонные стекляшки многоэтажек. А рядом к ним беззащитно, по-детски, жмутся домики совсем маленькие. Некоторые даже со старыми крышами под красную черепицу.

Как писателю, ему было интересно подсматривать эти мостики между прошлым и настоящим в родном городе, чтобы быстрее разобраться в переменах и понять, что ждёт его жителей в будущем.

Айзман вынул из кармана пиджака пластиковую карточку банка «Аваль», которую вручила провожавшая его стражница. Сразу вспомнилось название николаевского завода и подумалось, что неплохо развернулись бельгийцы, раз уже собственный банк заимели в Украине. Но на всякий случай уточнил, есть ли на карточке деньги.

– Не волнуйся, голодать не придётся, – улыбнулась женщина, высветив два больших золотых зуба.

Прежние поездки по городам России и за границей научили писателя, что всякое пребывание в новом месте следует начинать с обустройства ночлега. Он поздоровался с встречным мужчиной, справился, есть ли поблизости приличная гостиница. Спросил на всякий случай, из уважения, по-малороссийски. Прохожий, как голубь, повертел беспомощно головой в разные стороны. Тогда Айзман задал вопрос на русском. Мужчина протянул руку:

– Да вон, вверх три квартала – и на Никольской будет отель «Александровский». Он приметный, не заблудитесь.

Прохожий заторопился дальше, а Давид Яковлевич ещё несколько раз повторил для себя: Никольская... Никольская... Никольская.

Конечно же, это та самая улица, на которой находилось их реальное училище. Он почувствовал, как колотится его сердце. Даже остановился, чтобы оно не так трепыхалось.

Но первым заметил не здание училища, а знакомый двухэтажный дом Мариинской женской гимназии. Он совсем не изменился. Те же двухстворчатые двери со строгой приветливостью глядели в скверик напротив. Казалось, если чуть подождать, сейчас они распахнутся и, как бывало прежде, оттуда выпорхнет шумливая стайка девушек. В белых передниках, в коричневых юбочках, похожих на раскрытые зонтики. Такие загадочные в своей красоте и недоступности. Мальчишки их курса часто наблюдали за ними из окон верхних этажей своего училища, расположенного на другой стороне Никольской.

А в помещении училища теперь действительно размещался отель. Здание подросло: недавно ему добавили целый этаж. Окна на нём уже другого фасона. Зато оно стало ещё внушительней.

Когда-то лучшие дома города строились для учебных заведений, подумалось писателю, сейчас, видно, правила поменялись. Ну, что ж, так происходит всегда. Ещё древние констатировали: *O tempora, o mores!*⁵!.. Главное, чтобы изменения были к лучшему. За отпущенное время он постарается разобраться: так ли это. И что за важный закон, который имели в виду апостолы, необходимо соблюдать при обустройстве любой страны...

Одноместный гостиничный номер, в котором разместился Айзман, оказался небольшим, но удобным. С цветным телевизором и персональным компьютером на столе. Перед отправкой Давид Яковлевич прошёл обучение на курсах, чтобы овладеть этой техникой и не выглядеть дикарём на родине среди земляков.

Прежде всего Айзман решил побродить по зданию и, как сказал сам себе, поискать тени прошлого. Он неторопливо передвигался по длинному коридору своего этажа, сначала в одну сторону, затем – в другую. И размышлял о странностях человеческой жизни на этом свете. Перестроили весь дом так, что ни одного знакомого угла не осталось. А от стен и даже от потолка излучается что-то такое, чего он никогда не ощущал в других зданиях прежде.

Ему казалось, если ещё немного побродить по этому дому, то обязательно вспомнится то хорошее, что он писал о родном городе. И станет понятно, о каком законе, описанном им ещё сто лет тому назад, вели речь учителя, обсуждая необходимость миссии.

Но его хождения дежурной по этажу показали подозрительными. Когда он неторопливо опять прошёл мимо неё, она поинтересовалась:

– Вы кого-то ищете? Может быть, вам что-нибудь нужно?

Давид откликнулся:

– Нет, спасибо... Просто я здесь когда-то учился.

Дежурная ещё внимательней глянула на него. В это время за дверью одной комнаты сочный женский голос затянул песню:

*Віють вітри, віють буйні,
Аж дерева гнуться.
Ой як болить моє серце,
А сльози не ллються!*

Несколько мужских голосов её поддержали. Эту популярную мелодию Айзман слышал часто в отцовском доме, где собиралась николаевская читающая интеллигенция. В их семье любили русскую и украинскую литературу, отец издавал городскую газету, содержал книжную лавку. А когда из Киева приезжал в Николаев знаменитый малороссийский артист Марк Кропивницкий со своей труппой, они часто бывали в их доме. У людей много общего, независимо от того, ходят они в синагогу или в церковь...

Ему вспомнилось, как тот же артист делился с его отцом, что мечтает о времени, когда сможет ставить свои украинские пьесы не только в провинциальных, но и в столичных театрах...

– Как хорошо поют, – сказал он дежурной.

– Что ж тут хорошего, – недовольно буркнула та. – Второй день свою отходную празднуют.

– Как отходную? – не понял Давид.

– Ну, повезло людям... На ПМЖ от нас уезжают.

Хотя Айзман не знал точного значения услышанной аббревиатуры, но догадался, о чём идёт речь. Поэтому уточнил:

– Они что, евреи? На историческую родину собрались?

Дежурная засмеялась:

– У нас евреев почти не осталось... Чистокровные хохлы, но повезло им... В Германию уезжают. Ихний батька по документам – дитём войны числится... Таким визы на выезд в первую очередь открывают. Работой и пенсией человеческой обеспечивают...

– Там что, лучше живётся? – удивился Айзман. – Мы же их победили... – пытался что-то выяснить для себя Давид Яковлевич. И замолчал от неожиданного «мы», которое сорвалось с его языка.

Зато он вспомнил свой рассказ, который, должно быть, имели в виду апостолы Пётр и Андрей Первозванный.

⁵ О времена, о нравы! (лат.)

И его осенило. Ведь в номере есть всезнающий компьютер. Из безграничной памяти этой машины, возможно, он что-нибудь выудит и о своём творчестве...

Включённый компьютер медленно набирался сил. Запустил Windows, вежливо предупредил, чтобы подождали, и высветил на экран монитора заставку с полем цветущих подсолнухов. За это время Давид Яковлевич сообразил: наверняка должен быть сайт, посвящённый творчеству николаевских литераторов. И попросил всезнающий Яндекс отыскать его. Действительно, на экране возникла главная страница электронного журнала «Николаев литературный» со скульптурой Александра Пушкина. Поэт сидел на берегу реки. Даже без надписи Айзман сразу узнал знакомый разлив Буга, которым в детстве любовался с высокого берега городского бульвара.

В левой колонке он увидел рубрику «Забытые имена», подвёл к ней курсор мыши и нажал клавишу. Список начинался с буквы «А». Поэтому он сразу увидел названия шести своих произведений.

Уже немолодой местный литератор неторопливо, с научной обстоятельностью рассказывал про его, Айзмана, творчество. Давид Яковлевич слушал и радовался незатасканной новизне слов, которые подбирал николаевский прозаик. Особенно тот нахваливал его короткий рассказ «Домой». От услышанного названия в памяти Айзмана сразу всплыл сюжет забытого им произведения и причины его появления...

Тогда всплеск революции 1905 года пошёл на убыль, интеллигенцию охватили растерянность и разочарование. По стране покати́лась волна еврейских погромов. Правительство искало виновных, чтобы дать выход негативным эмоциям, которые переполнили обнищавшие русско-украинские массы громадной империи. Рассказывали, по Николаеву ходил пьяный босяк и орал:

– Будем резать жидам животы!

Действительно, резали. И не только в Николаеве. Напуганные еврейские семьи кинулись с Украины за рубеж. Как раз в это время в Палестине задумали строить еврейское государство. Семейство Айзманов раскололось. Многие родственники устремились туда. Рвались самые крепкие семейные узы. Распадались налаживаемые годами конгениальные связи. Ужас и трагедии таких ситуаций и постарался отразить он в коротком рассказе.

Сейчас для восстановления в памяти Айзман вызвал на экран давний текст и прочёл его залпом. Приятно удивила былая писательская умелость, чувство слова. Даже через столько лет написанный рассказ не оставлял равнодушным.

Но захотелось понять, за что же его отметили апостолы, какой закон жизни они в нём усмотрели. И Давид Яковлевич начал пересматривать годами стёртый в памяти текст, не спеша, обдумывая и вникая в каждый кусочек...

По сути дела, он передал историю из жизни двух родных братьев еврейской семьи. Старший, Азриэль, дважды уезжал в Америку и возвращался домой. Посадил фруктовый сад, но из-за случившейся холеры фрукты никто не решался покупать, возвращенец разорился. А младший брат только собрался в ту далёкую страну.

Давид Яковлевич неторопливо смаковал давний забытый текст:

«– На родину?.. Но ты взбесился?.. Дубина ты, на родину?!»

Азриэль отмалчивался. Он был малый простоватый, мысли рождались у него медленно, слова приходили лениво и с трудом, а когда уже и приходили, то оказывались как будто не совсем теми, которые нужны... Переспорить кого-нибудь он не надеялся и оправдаться не был бы в силах.

Он поэтому молчал.

– Ты же сумасшедший! – с негодованием кричали ему. – На родину, туда, где тебя разорили, где убили твоего дядю, где сестру твою сослали на край Сибири, а брата дважды ранили! Там каждый день могут убить и тебя, и всю твою семью!

У Азриэля была широкая спина, большие крепкие руки, тяжёлая голова с густой огненной бородой и круглые, выпуклые, синие как небо глаза. Он задумчиво вперял эти глаза вдаль, когда его бранили, и в них появлялось тогда выражение спокойного упрямства.

Да, очень нехорошо в Ново-Николаевске. Азриэль старался вспомнить всё самое неприглядное и мрачное о родине... Это удаётся ему без особенного труда... Но результат не меняется, и настроение остаётся всё то же: тоска и тоска. Тоска и невольные грёзы о родных местах... «Там Буг... Ведь Буг там!.. Зимой он замерзает. А летом в нём купаешься... Песок на берегу, а местами осока... Около винокурни песок, а где начинается лесочек, там осока... Когда базарный день, то во

всём местечке большое оживление... Съедутся мужики, кто с молоком и яйцами, кто с пшеницей, кто поросят пригонит. Такой гармидер подымается, точно свадьба...

За решение бросить Америку и вернуться домой младший брат кричит Азриэлю:

– Раб ты! Раб по природе!

– Я не раб, – обиженно, но несмело возразил Азриэль.

– «Домой» захотел, – саркастически передразнил Симон брата. – Нового разорения захотел, новой нищеты...

– А кто же знал, что будет холера? – поникнув, процедил Азриэль.

– В этой стране всегда что-нибудь есть! – глаза Симона злобно засверкали. – Не холера, так погром, так военное положение, так голод. Выбор богатый, и всегда что-нибудь на тебя свалится... «Домой»... стосковался!.. Дубина ты синеглазая...»

Сейчас Давид Яковлевич похвалил себя, что сумел всё-таки вставить в русский текст расхожее еврейское словечко «гармидер», что как-то увязал описываемые события с родным городом. Пусть даже через отдалённое название местечка, где проживает главный герой рассказа. Упомянул и название речки, в которой столько раз купался мальчишкой...

Возможно, это и неплохо передано, размышлял за компьютером Айзман. Но где же запрятана главная мысль рассказа? И Давид Яковлевич несколько раз внимательно перечитал дальнейший отрывок из диалога братьев:

«– Ты всё ругаешься... Ты всё сердисься... – с неожиданным волнением заговорил вдруг Азриэль. – Ругаешься... А... а... например... а вот видишь ты... вот это дерево... яблоню?»

– Какую яблоню?

– Яблоню... Вот эту... И у неё корни... Вот, покопай землю – увидишь... Там корни.

– Ну, корни.

– Так вот эти самые корни... например... они же в земле... они же ползут в земле... Значит, и тесно им там... и темно... Сырость тоже... И там бывают же черви...

Видно было, что Азриэль сильно волнуется. Какие-то мысли – для него слишком сложные – тревожно теснились в его голове, он чувствовал потребность их немедленно выразить, а слова по обыкновению приходили с задержкой...

Симон с удивлением посмотрел на брата.

– Ты что-то расфилософствовался сегодня, – насмешливо проговорил он.

– Смейся!.. Смеяться легко... – Азриэль встал и для чего-то взялся рукою за ствол дерева. Точно боялся он, что не устоит в словесной баталии, которую затеял с братом, и искал опоры...

– Таки черви, – сильнее волнуясь, продолжал он. – И теснота, и темнота, и всё... Ну, хорошо... А, например... а выкопай эти корни... Ну-ка, выкопай их! Вытащи их наверх... И скажи им: нате вам, корни, солнце, нате вам свободный воздух, нате вам, корни, небо, а тут вот вам трава... зелёная... И она пахнет... Так что?.. Так корень обрадуется?.. Корень будет жить?.. Я не понимаю... Он же сейчас засохнет!.. Ну и я не могу... Дразнишь... ругаешься... Ты читаешь книги, прокламации... как присяжный поверенный. А я всё-таки не могу... Американское солнце... Я засохну... Мне не надо... Я не могу...

Азриэль возбуждённо зашагал взад и вперёд... Он, видимо, хотел говорить ещё, но волнение мешало. Голос его при последних словах дрожал, и при свете звёзд было видно, что в больших синих глазах парня сверкали слёзы...

– Смейся... Дразни, кричи на меня... – с усилием проговорил он потом. – Кричи... А я вот хочу так... Домой хотел... И всё...»

Тогда, чтобы рассудить споривших, Айзман вставил слова их отца – старого Калмана:

«– Видите ли, дети мои, – тихо начал Калман. – Вот, значит, и выходит так: «домой»... Каждый из вас тянется домой... Ну да... А я вам так скажу, что это значит... Да, я скажу вам.

Он запнулся и умолк. Маленький, тощий, с длинной бородой, весь искривленный, весь покрытый густой тенью толстой старой яблони, он похож был на гнома.

– Да, кажется мне, что оно так: вот ты, Азриэль, говоришь «домой» – и тянешься в Россию. А ты, Симон, тоже говоришь «домой» – и рвёшься в Америку... Каждый хочет домой... И вот оттого, что каждый хочет, и крепко хочет, и очень-очень крепко хочет, оттого всё и слава Богу... Да...»

Теперь Давид Яковлевич догадался, какой закон и поступок поставили ему в заслугу, когда обсуждался вопрос о его миссии.

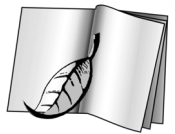
После написания этого рассказа он тоже решил вернуться из Франции в Россию. В тихом уютном Шампани им с женой жилось совсем неплохо. И с работой устроились хорошо. И погромов не нужно было бояться. А всё-таки он уговорил жену уехать домой. Потому, что есть закон жизни, объяснял он жене тогда: без Родины человек действительно превращается в дерево без корней...

Сейчас от информации, которую Айзман выискивал, сидя у компьютера, от того, что случайно узнал от дежурной по коридору, в его голове роем всплывали вопросы. Как могло получиться, что победители за лучшей жизнью едут к поверженным? Почему вопреки здравому смыслу теперь и украинцы покидают родной дом, рвут свои корни и подаются куда-то в приимы, к чёрту на кулички?

И он отчётливо начинал понимать: чтобы отыскать правильные ответы на такие темы, ему вряд ли хватит отпущенных нескольких дней. Даже несмотря на то, что, как говорила о нём когда-то в детстве бабушка: у него таки светлая еврейская голова...

Иллюстрации Александра Кручинина

Артем БЕБИК

В ОКИЯНІ ОДИНОКИХ АКАУНТІВ

* * *

Я щасливий
Коли билля на стінах дихає
Коли звірі співають танго
Зустрічаючи наш світанок

Але моріг закрився струпами
Сни злітають і в стелі тупають
Ніби натяк – всі його краплі
Вже всисалися з грудей матері

* * *

Жовтизна ліхтарів
Насичує вулицю чаром
А дерева – німі й боязкі
Та шляхетні в мундири туману

Північ з'їсть пляму світла умить
Зор нема – я у місті
Вже нічого мені не горить
І не видно тіней падолисту

Тільки легіт гойдає п'їтму
Перелесник сріблястого краю
Поцілує цнотливу листву
Миг – і лоскотом шелех співає

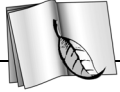
* * *

Дедалі більше пропусків між твоїх слів
Та пам'ятаю твої оклики
Такі пекучі мов морозиво
На смак – що соло зі Sweet Dreams

А ниньки зламом рифи обривають
І тяжко ранять нові спори між тобою й нами
А капшуки мої спотиньга микуляють:
Не кохаю

Бекік Артем Олексійович. Народився 1990 р. в м. Миколаєві. Закінчив Миколаївський національний університет ім. В. Сухомлинського за спеціальністю «переклад» (англійська, німецька). У 2007 році разом з друзями заснував музичний гурт «NoiZeless» (напрямок – альтернативний експериментальний метал), де чотири роки грав на барабанах, виступаючи в різних містах України, а також писав тексти до більшості пісень (українською й англійською). Після запису міні-альбому 2011 року полишив гурт, зосередився на літературній діяльності. Лауреат молодіжного літературного конкурсу Миколаївщини «Золота арфа» (II місце в номінації «проза», 2012). Автор роману кіберфентезі «Тихий Дім» (2016) і циклу сатиричних химерних новел «K'weird» (2016) (ще не опубліковані). Вірші публікувалися в онлайн-часописі «ТекстOver», альманасі миколаївської поезії «Знаку на папері». До жодних літературних угруповань не належить і не належав. Активно публікується в соціальних мережах: Facebook, Twitter, VK, G+, Medium. Фрілансер.

* * *

Чому я люблю тебе, світе?
Ти ж наче такий потворний
Не підмитий від визивів крові
Що цвіркає з усіх пор
Певно, я міг би тебе любити
Навіть якби ти став красивим
Гармонійним щасливим
Утопією

* * *

Банка Рево на столі
Ноут, ебук, аркуші списані
Сприймаю пожарні сторінки онлайн ЗМІ
Тато за дверима кричить:
«Вішайте Раду і москалів!»

А я думаю: «Дайте мир,
Приберіть терористів,
Дай, Боже, душам
Загиблих вояків
Спокою й вічності плід
Ісусе Христе, спаси й сохрани
Душі невинні. Амінь»

* * *

Я так давно не спілкувався з людиною
Начебто я хрестоносець самотности
Начебто я колібрі в окіяні одиноких акаунтів у соцмережі
Пурхаю
Висисаю всотую пучки емоцій
Сублімовані пристрасті
Стоси болю
Штаби пекла
Дари нездар
Що бояться знайти свій талан
Люди, ну скільки можна
(Заганяти себе у вершу?
Скільки можна
Годувати апокаліптичних вершників
Грішним ділом?)
Най усім буде щастя
Всім здоровля
Многая літа
А ні
То стара пісня
А що нове? Що цікаве-нове?
Книга Мертвих тибетців
свідчить про те,
Що не зашкодить тому,
Хто не має качества,
Те,
Що качества не має

* * *

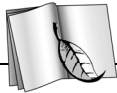
Боже мій Боже
Який же прекрасний світ
Я хочу кричати це всім
Звід неба уतिकаний
Кришталево чистими зірками
Духм'яна шовкошкіра юнка
Ріка тече ріка пливе у невідь інших берегів
І тиша цвіркунів
Я, далєбіг,
Далеко біг
Плигав по плесу
Вгору горі вверх
Зірок торкався
Цілував
Які кричали німизною
Холодним палом пригортались
Ятрили водограй душі в
Оргазмотронній залі
Що вибухала світлом зір
Вир
Сотень тисячів мільйонів
Супер-нова
За хвилю зводилась нінащо
Я гашу горілий вакуум
Я пахну згарищем знемоги
Я – вічне плесо,
Хвилею
Верстаю
Дорогу
Від Бога
До Бога

* * *

Як пилосос засмоктує сам себе
І не може засмоктати.
Так і небо
Лоно, яке вічно родить
І не може уродити
Плід, зачатий
З душ ненароджених
Постмодерністів

* * *

Зорями всіяне небо
Не у мене вдома
А десь там
Де не палають вогні міста
Де намисто смогу не прикрашає
Обрію

Гросман Юрий Меерович. Родился в Ленинграде в 1935 году, где и проживал до октября 1941 года. С началом войны и приближением боевых действий к городу – был эвакуирован на Урал, попал в детский дом, с ним и приехал в Николаев. Учился в ремесленном училище, по окончании его работал на заводе. Отслужив в армии, опять вернулся на завод НПКГ «Заря-Машпроект». Много лет проработал инженером-технологом. По достижении пенсионного возраста с почётом ушёл на заслуженный отдых. Стихи начал писать на службе. С 1960 года посещал литературное объединение «Заря», со временем возглавил его и почти 50 лет являлся бессменным руководителем. Печатался в коллективных сборниках и местной периодике. Автор пяти поэтических сборников: «Маленькое чудо», «Город мечты», «Стена плача», «Знак февраля», «Моя исповедь». Член Пушкинского клуба. Член Всеукраинского творческого союза «Конгресс литераторов Украины» (2007). Умер 6 сентября 2016 года.

Юрий ГРОСМАН

Я ЖИЛ В ЭТОМ МИРЕ

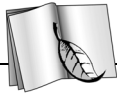
СВИДАНИЕ

Ко мне отец сегодня приходил
В распахнутой шинели не по росту,
Он как-то непонятно говорил,
Что надо жить раскованно и просто.
Что жизнь прекрасна в солнечном свету,
В распахнутом сиянье небосвода,
Что надо очень верить в доброту
Живущего вокруг тебя народа.
Он был так молод, как весенний день,
Сидел на стуле просто и вальяжно,
И нежно пахла белая сирень
В открытое окно многоэтажки.
А я смотрел в знакомое лицо
И просто пожирал его глазами;
Вы – никогда не знавшие отцов –
Тихонечко сидели рядом с нами.
Как хорошо, что он пришёл весной,
Когда приходят павшие солдаты...
Я предложил: «Пойдём, отец, со мной
По городу, где не был никогда ты.
Вот наши реки, словно две руки
Обняли нежно души корабелов –
Здесь издревле рождались чудачки,
И город мчался парусником белым.
Проспект, как мачта, ровный и прямой,
А переулки реями отходят;
Южане – люди с чуткою душой
И с шуткой, что по городу тут бродит.
А вот – святой для сердца уголок –
Здесь спят твои собратия – солдаты...
Там ивы, словно матушкин платок,
А слёзы, как громовые раскаты...
Они нам дали солнце и покой
И теплоту семейного уюта,
Но память извивается змеёй
Ушедшего в предание салюта.
Как хорошо, что ты пришёл сейчас,
Сегодня замечательная дата –
Уже полвека тишина у нас,
Добытая в сражении солдатом.
Ты видишь, в нашем городке живёт
Неунывающее племя корабелов;
Сегодня никому не нужен флот,
Но это только временное дело.

Моря не отменял ещё никто,
 И корабелы славились вовеки,
 А значит – не погибнет ремесло,
 Несущее по волнам человека.
 Он пробыл у меня весь этот день,
 Во всех местах он побывал со мною.
 И вот уже легла косая тень
 И дымка пробежала над водою.
 Уставшие, мы сели у стола
 И выпили, и снова повторили
 За тех, кто не вернётся никогда,
 Кого ещё пока мы не забыли...
 И он исчез, растаяв словно дым
 Далёких, как история, пожарищ;
 Ушёл, как был, таким же молодым.
 Отец...
 Солдат...
 А может быть – товарищ?

ПАМЯТЬ

Что есть память? Шарик из детства,
 Или запах того цветка,
 Что дарил ей так, для кокетства,
 Или первый удар молотка?
 Мы все помним что-то немножко;
 Ветер памяти тучи порвал:
 Детство... дым... эшелон... бомбёжка...
 А потом – пустота, провал...
 Взгляд отца, уходящего в небыль,
 Голос мамы и цвет волос –
 Как давно у неё я не был
 И цветы на могилу не нёс...
 Шелестит листва под ногами –
 Белый танец, кажется, вальс...
 Ходит память за мной кругами,
 Словно фото – в профиль, анфас.
 Ну а что же она такое?
 Почему всю жизнь напролёт
 Не найти от неё покоя?
 Ничего забыть не даёт!
 Шелест шёлка и запах сена,
 Цвет любимых когда-то глаз,
 И какая огромная сцена
 В том театре, где был-то – раз.
 Запах тела и губ любимой,
 Поцелуй на заре в саду...
 С кинолентою этой длинной
 Я по жизни своей иду.
 Может быть, и есть толкованье
 В умных книгах, наверное – есть?
 Только мне неизвестно названье –
 Это то, что со мною – здесь!

СТРЕЛКА

А на Стрелке строили Яхт-клуб –
Было там всего четыре яхты,
Но зато катали мы подруг
В выходные дни и после вахты.
Ветер заполощет паруса
И упрётся, словно бык в ворота, –
Полетит над волнами краса –
Это удивительное что-то!
Вздрогнут удивлённые дома,
С берега крутого наблюдая,
Как швырнёт упрямая волна
Наши души, словно чаек стаю.
Парк Победы не существовал,
Что таить – там было просто мелко.
Это позже начался аврал...
И существовала просто – «Стрелка».
И прекрасный берег, где весной
Разливалось небо под ногами,
А в воронках, сделанных войной,
Мы охотились за коропами.
Брали их руками, без снастей,
Вымазавшись грязью, как те черти,
В бесшабашной юности моей,
Что лежит в потрёпанном конверте.
Широко открытые глаза
Смотрят удивлённо в наши лица...
Отпускает время тормоза –
Та пора уже не повторится...

ТЕЛЬНЯШКА

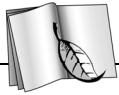
Я тельняшку доносил до дыр,
Да не я один. Мы с детства в море
Были влюблены – таков наш город,
Детства босоногого кумир.
Даже воздух тут волнами вспорот,
И гуляют бризы на просторе,
Смешивая радости и горе, –
Он красив душой и вечно молод.
Прокопчённый солнцем и ветрами,
Пересыпан юмором солёным,
Он печёт асфальтом раскалённым
Или липнет грязью под ногами.
Я тельняшку доносил и – точка.
Хоть теперь их валом на толкучке –
Только дух морской уже в отлучке,
Это просто тёплая сорочка.
Это просто – город весь в тельняшках,
С полосатою судьбой сроднился;
Может, ветер моря заблудился
В красочных обёртках и бумажках?

Может, души ржавчина проела,
Выпала романтика в осадок?
Оседлаем памяти лошадок
И поедем в будущее смело.
Я тельняшку доносил, и всё же
Чёрные полоски – не тельняшка,
Чёрные полоски – значит тяжко;
Синие полоски мне дороже,
Белые – совсем другое дело!
Значит, всё путём у нас с тобою:
Будет день и небо голубое,
Будет всё опять, как ты хотела.

* * *

Мне не в чем себя упрекнуть,
И нечего в жизни стыдиться,
Когда завершится мой путь
И выпадет время проститься.
Я жил в этом мире не зря,
Хоть делал немало ошибок,
Но знак моего февраля
Был полон любви и улыбок.
Судьба уготовила мне
Великую тайну прощенья,
И Лира, на грустной струне,
Звучала в минуты сомненья.
И тихо сбивались слова
В походные звонкие стаи;
Болела слегка голова,
Движения плавными стали.
Но где-то внутри, глубоко,
Ещё бесенята резвятся –
Так значит, мне будет легко
С друзьями своими прощаться.

КОГДА МЫ ТЕРЯЕМ

Памяти Юрия Мееровича

Я долго шла к этому дню. Шла с опаской. Всё копила в себе силы, искала возможности, сомневалась, стоит ли вообще это делать...

В один из таких дней, исполненных сомнений, я вдруг встретила человека, олицетворяющего собой целую веку в литературной жизни моего родного края. Он привычно улыбнулся не только уголками губ, но и глазами, в которых затаилась усмешка. Так всегда бывало, когда его искренне интересовал предмет беседы. Разумеется, говорили о книгах. Он, как всегда, спрашивал, когда же я позову его на презентацию. Ведь он столько моих работ читал и рецензировал, мы часами спорили обо всём на свете, находя в этом удовольствие и делаясь поистине счастливыми от этих литературных споров.

Тогда я уже знала, чётко распланировав (такой уж недостаток – люблю ясность и определённости), что это будет летом. Но не стала загадывать наперёд.

«Слишком рано», – сказала я себе. А внутри что-то ухнуло, и страх не успеть стал гаденько заползать в душу, в то время как сердце во все глаза глядело на учителя, тоскующего по ушедшей из жизни любимой супруге.

Юрий Меерович понимающе улыбнулся, и мы ещё никак не меньше получаса, мешая движению пешеходов, посреди тротуара обсуждали последние работы Старикова, труды классиков и современников.

Через месяц я позвонила ему. Бодрый, но чуть дрожащий голос по ту сторону вызвал тревогу. Он всегда говорил с улыбкой. Даже когда болел или тосковал. Такое чувствуешь и не видя собеседника. Тогда в голосе слышится искорка жизни. А он такими искорками буквально фонтанировал.

Итак, этот день настал. Я пришла к нему сквозь (без преувеличения) долгие годы и трудности. Передо мной лежала всего лишь крошечная карманная книжечка. Моя книжечка. Я смотрела на неё будто со стороны, и даже не верилось, что это, наконец, случилось.

Я знала, что, возможно, не всем придётся по душе мой эксперимент с подачей материала: размер книги – удобный для маленьких ручек юных читателей, отсутствие иллюстраций, вместо которых в книге отведены страницы для изображения полюбившихся героев своими силами... Но была абсолютно уверена в том, что такой взгляд имеет право на жизнь.

В трепетном волнении оглядывала лица прибывающих читателей. Я уже знала, что среди них не будет его по-отечески знакомого лица. Накануне моей презентации он внезапно попал в больницу. Я звонила ему несколько раз, и он, неизменно бодрясь, отвечал, что его окружают заботой близкие люди, что всё наладится. Шутил и звал за чаем спорить о моей новой книге, когда его выпишут. Приходить запретил.

«Вот выздоровею, – говорил он, – тогда да, тогда другое дело»... – смеялся он из последних сил.

И я не приходила. Не знаю, правильно ли это. Но мне казалось, и по-прежнему думается именно так, что стоит уважать желание болящего оставаться всегда таким... улыбающимся.

Не приходила, но периодически звонила. Жизнь неслась потоками: то чистой родниковой воды, то мутной илистой жижи. Дни текли один за другим, словно братья-близнецы, наполненные работой, повседневными заботами, творческими планами... И однажды наступил день, когда мне пришлось признать: «Слишком поздно».

Шестого сентября Юрия Мееровича Гросмана, поэта, литературного наставника многих самостоятельных николаевских авторов, не стало.

Смотрю на его фотографию, вспоминая наши самые последние беседы. Его улыбку в уголках глаз, его мудрость и дружелюбие к робким новичкам и порой зазнающимся «старичкам» литературного объединения «Заря», которое он долгие годы возглавлял.

Иногда, проходя мимо его дома, я по-прежнему нахожу в лицах прохожих сходство с ним. Но теперь в моём сознании его улыбочное лицо неизменно находится рядом с излучающим доброту и свет души лицом его супруги. Будто они никуда не уходили насовсем, а только вышли ненадолго. В библиотеку. За новой книгой...

Ангелина Крихели

Юрій ДЕМЧЕНКО

НІМЕЦЬКА ВІВЧАРКА

Оповідання

З містка шоферові слід би вивертати праворуч, та він ризикнув проскочити баюру навпрямки і посадив «Москвича» на притоплений гребінь колії.

– Ну от і приїхали! – шофер матюкнувся крізь зуби, вишкварив двигуна і схилився розшнуровувати черевики та підкочувати штани. – Така непутяща калюжа, бодай їм напитися з неї...

Мав на увазі, певно, шляховиків, що їх шоферська братія лає і за діло, й даремно: тим аби з асфальтівками упоратися, а в такій глушині про путівець хіба що хтось із місцевих трактористів раз на рік подбає, скине причепчик-другий жорстви в найглибшу яму.

У цю, бачте, не скинув.

– Я ж казав, – бубонів шофер, стягуючи черевика, – сюдою після дощу чортові в зуби втрапиш, а не в «Прогрес». Вигадали ж назву людям на посміховисько! Тут скрізь – як не «Прогрес» чи «Слава», то «Шлях до комунізму». Такий, як оце, шлях! – Він обома ногами поміряв глибину калюжі – майже по коліна було.

Мокрий осінній степ мовчазно співчував нам. Перекособочене авто випиналося з похмурого довкілля ядучо-зеленою насмішкою над попелястими й брудно-жовтими фарбами путівця й узбіч, над сірою смужкою блаженського ставка, обплямованого кущами пожухлого очерету. Втім, хто ще над ким насміхався? Упійманий степом прибулець, попри хвацький колір, здавався жалюгідно безпорадним джэнджигом поряд з трудягою-велетнем.

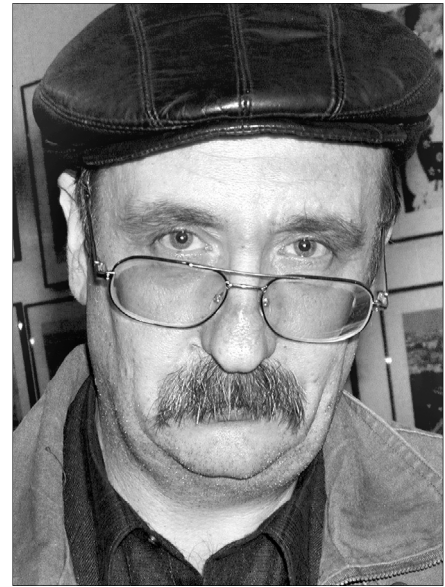
Шофер обійшов калабатину, обклав її лайкою, проголосив невеличку промову щодо кепської шоферської долі, дефіциту бензину, цін на базарі й проклятушого звичаю грати бучні весілля – він якраз мав видавати дочку.

Відколи під'їжджали до містка, який тепер вишкірював зуби прогнилих перилець позаду нас, я не промовив ні слова. Змусив-бо шофера шукати найближчий шлях, а вловивши його погляд: може, повернемо назад, до райцентру? – не кивнув на згоду.

І тепер мовчав, оглядаючи степ і розуміючи, що моя пішоходна душа не здатна підказати, як діяти.

– Тут десь є хутірець, виселок, – шофер відкотив штанини і хотів було те саме вчинити з моїми, але згадавши, що я, власне, не його товстопузий районний шеф і сам спроможний нагнутися, відсмикнув руку. – Може, хтось вдома трактора ставить...

– А то що бовваніє? – спитав я мружачись: забудь-таки окуляри в машині. – Ні, не там, онде, за ставком.

Демченко Юрій Миколайович. Народився 28 лютого 1952 року в с. Лиса Гора Первомайського району Миколаївської області в сім'ї держслужбовця. Закінчив середню школу в м. Вознесенську, де в місцевій районній газеті «Радянська правда» розпочав діяльність журналіста (1969). Служив в армії, закінчив факультет журналістики Київського держуніверситету ім. Шевченка (1978). Працював у обласній молодіжній газеті «Ленінське плем'я» (1973–1988), останні п'ять років – головним редактором, далі одночасно в штаті редакцій газет «Южная правда», «Родной причал», «Эхо недели», «Щотижня», «Очная ставка», «Досуг», останні 19 років очолював обласну газету «Центральный рынок». За радянської доби активно займався краєзнавством. Був учасником першої Всеукраїнської наради-семінару молодих публіцистів та нарисовців. Є автором чотирьох книжок про Миколаївщину, а також пригодницької повісті для дітей «Золотий ріг» (1986), що була відзначена обласною літературною премією імені Івана Григурка. Друкується у місцевій пресі та колективних збірках.

Шофер підвівся навшпиньки, чагарничок на узбіччі обмежував його «світогляд», а заодно доводив перевагу мого зросту:

– Схоже на кошару... І там хтось є!

...Якби суха акація була трохи ближче, я б, їй-богу, здерся на неї, незважаючи на колючки. З дитинства, відколи мене жорстоко покусав сусідський собака, боюся клятих вівчарок, які ладні тебе з'їсти, аби не ступив на дашок хазяйського льоху. Здерся б і шофер. Відчаюга матюкатися, він виявився таким же страхопудом, як і я, перед величезною, з обвислими цицьками сукою, що вигулькнула звідкілясь, тільки-но ми наблизилися до парканчика, складеного з брил ракушняка.

Годі було тікати до машини. Ми заклакли, ні пари з вуст, хіба що шофер виставив перед собою мого «дипломата». Але вівчарка, упершись передніми лапами в каменюку, зупинилася й тільки тепер подала голос. Вона гавкнула тричі, немовби повідомляючи комусь про появу незнайомців, потім загарчала на нас, мені здалося, без належної породи злості: я вас не чіпатиму, поки отам стоїте, якщо ж ступите бодай крок у мої володіння, буду змушена подерти ваші штани...

– Фу, Штірлиць! Стояти! – від кошари чвалав чоловік непевного віку, в куфайці, з кишені якої стирчала згорнута в трубку газета; коли підійшов, я фахово визначив за шрифтом та розташуванням заміток – московські «Аргументы и факты».

– Місце, Штірлиць!

Вівчарка поглянула на господаря, крутнула хвостом і повагом рушила до кошари. Ми ще не отямившись, і я замість привітання спитав чоловіка:

– Слухайте, а чому вона – Штірлиць?

Дядько всміхнувся, у нього виявилися невловимо знайоме обличчя і характерна посмішка, що змусило мене замість належного до випадку казати казна-що, копирсаючись у пам'яті: де ж я його міг бачити...

– Нажахала нас ваша, чи той, ваш...

Чоловік привітався:

– Добри вечір, хлопці. А я ото виглядаю на шум мотора, кого це дідько несе, чи яке начальство, чи знову вєтвращ. Пізенько, гадаю, а як на тих, що красти вівці, – так раненько. То я на всякий випадок Мухтара прив'язав, той би порвав у момент, а Штірлиць... Отвечаю на вопрос: як собачат мамка привела, якраз показували «Мгновенья». Песик з плямкою на лобіку був – його й назвали Штірлицем, і сучка, з плямкою на потилиці, конешно, Кет. Так песик невдовзі здох, а його наш малий онучок дуже любив, сказали, що то Кет здохла... От і вся історія. Хе-хе, – він жестом запросив нас перелазити через паркан, і тут я нарешті втямив, на кого дядько схожий.

Чи то в очах моїх він ту здогадку прочитав, чи то просто вів свою балачку далі, мою цікавість упередив:

– А я, бачте, Мюлер. Як тільки у «Мгновенях» він появився, всі так і ахнули: «Ну, Микита, ти викопаний хвашист. Мюлер, чи то пак, артист Броневой». А воно, знаєте, став ще трохи й підлаштовуватися, хе-хе...

Тут уже й шофер дотумкав, так натурально у дядька виходило те «хе-хе»:

– То ви – Панасюк. Чули у нас про цю кумедію...

– Егеж, на якийсь там Новий рік з району культура пожалувала, пригласили в Дом культури, зіграти, значить, роль... – тут у дядька Микити посмішка спала з лиця. – Та я давно виступати зі сцени зарікся, мав мороку колись один раз... бодай йому! Ото, значить, ваш «москалик» упірнув, – перевів розмову на наш клопіт. – Я ж сто разів казав Мишкові, це мій синок, бригадир тутешній, засипати ту яму. А він: «Наші знають, як об'їжджати, а чужим нехер тут делать, овци воровать!» Да-да, був такий випадок – з'явилися звідкілясь, пов'язали діда-сторожа і три десятка вивезли «Камазом», як тільки той зумів проїхати через місток! Відтоді охороняємо з собаками.

Так балакаючи підійшли до повітки і хижки, що правила за житло вівчарам. З низенької кошари, складеної з такого ж ракушняка, як і парканець, долинали овече бекання-мекання.

– Я щас кормів завдам, – дядько Микита при цьому погрозив пальцем Штірлицю, який, чи то пак, яка підхопилася на ноги при нашій появі, взяв з-під стінки вила й великого кошика, – а тоді щось придумаємо для общего блага.

– А може, навпаки? – втрутився шофер. – Спочатку щось придумаємо?

– Ну, то й ламай собі голову. Все'дно ночувати тутечки доведеться... Та не переживайте, зв'язь з бригадою у нас є, – він кивнув у бік Штірлиця, – вранці трактора пригонять як штик. А на ніч глядя

– не уверен. Так що заходьте до нашого комфорту, про «москалика» свого не турбуйтеся, ніхто його в степені не вжене.

Нахиляючись, ввійшли.

«Мюлер» хитро скосив погляд на мого «дипломата» у шоферовій руці.

– Все, що треба, хе-хе, з собою прихопили?

– Та звісно, – шофер бачив, як ще в райцентрі я брав на запас дві пляшки «Пшеничної», бо в місті тепер купити горілку важче.

...Хижка виявилася дійсно з «комфортом». Оббиті грубою фанерою стіни, розпечена залізна плита, обіч неї – лежаки, застелені повстяними ковдрами. Купа розкладаюк у кутку, два ослони при довгому столі засвідчували капітальність чабанського житла і певний добробут його господарів. У казанку на плиті щось булькало. Шофер зазирнув під кришку – запахло смажениною. На табуретці біля плити стояла миска з начищеною картоплею.

– Коли так, то й нічого! – він подав мені «дипломата», потер долонею об долоню. – Закусь буде царська! Ці Панасюки взагалі куркулюваті, на виселку кодлом живуть, молодий, бригадир, – у пошані... Ще є дід старезний, батько оцього Микити, партизан ще громадянської. Я в школі вчився, то діда привозили, щось він там розказував, але проти кого вони партизанили, я так і не второпав. А сам Микита начебто знався з німцями, так воно, мабуть, і було, бо після війни сидів у лагерьх...

За дверима зашаруділо. Дядько Микита випустив поперед себе Штірлиця. Вівчарка, вочевидь, не привчена до людського приміщення, відразу ж вляглася коло дверей, висолопивши рожевого, чи не на чверть метра, язика.

Дядько Микита зняв з кілочка нашійник, спритно накинув його на суку, яка при цьому й не поворухнулася, дістав з полицки консервну банку, звідкіля витягнув і начепив на носа круглі «фершальські», як говорять у селах, окуляри.

– Конешно, папірець-олівець у вас должен бить, – звернувся до мене. – Напишемо Мишкові депешу, а Штірлиць однесе.

Ми з шофером переглянулися. Он про яку «связь» він казав!

– А що? – «Мюлерівська» усмішечка знову з'явилася на дядьковому обличчі. – Ми завжди, коли треба, так робимо. Правда, Штірлиць?

Ввівчарка кивнула, ніби на знак згоди, і рвучко звелася на ноги.

– Та зачекай-но, – господар порухом руки змусив її знову лягти, а сам, кречучи, поки я виймав з «дипломата» ручку й блокнот, а заодно пляшку «Пшеничної», вмовився на ослоні.

У записці, складеній гуртом, крім вимоги якнайраніше прислати трактора, просили повідомити рацією в «Прогрес» і райцентр про нашу халепу, а відтак затримку до ранку. Дядько Микита підкликав собаку, склав папірця, засунув його кудись за нашійник і скомандував:

– Ну, Штірлиць, давай додому!

Певно, до такої команди вівчарка звикла і радо її виконувала, бо вмить скочила до відхилених дверей і щезла в сутінках.

...Як уже випили по півгранчака, добре закусили заячою смажениною з картоплею і квашеними баклажанами, налили по другій, шофер зауважив:

– Видать, собака вже добігла... Розумна сучка...

Я поглянув на годинника – хвилин сорок минуло:

– За таку «связь» не гріх і тоста піднести!

Дядько Микита настроїв на виделку шматочок м'яса і мало не під ніс тицьнув шоферові:

– Оце їв?! Коли не погналася ще за якимось довговухим, то вже і вдома. Зайців давить за мілую душу... Та поночі – навряд... От уранці точно повернеться із здобиччю! І ружжа не нада.

Ми вкотре подивувалися Штірлицеві й випили, як пропонувалось, за його, тобто її, собаче здоров'я.

– Стара вже, стерва, – продовжив, не закусуючи, дядько Микита. Лайку він вимовив з ніжністю, начебто найщирішу похвалу. – Це, уважайте, пра, а то й праправнучка Кульгавої... Не перевелася порода, хоч і в селі, при вівцях, без усяких там клубів... Дужа німецька кров!

Він замовк, щось видивляючись у порожній склянці зосереджено й похмуро. Я підморгнув шоферові, мовляв, діставай другу пляшку, саме доречно.

Уздівши горілку, господар повеселішав, звично хехекнув. Після третьої склянки він трохи сп'янів, хитрі очі посоловіли, та й ми нівроку: слово по слові – «за політику», тут уже й «Аргументы

и факты» видобулися з кишені ватянки; «за життя» – тут аргументами слугували сільські плітки; дійшло до війни, і дядько Микита сам торкнувся того, про що ми спитати не наважувалися.

– Я, знайте, хлопці, тридцятого року... А в лагерьа попав як враг народа в сорок шостому. Щитайте... Атож. Тільки шістнадцяти мені ще й не було, коли зачинили з трьома такими ж сопляками. Їх, правда, потім випустили, а мені пригадали німецьких собак... П'ятьорку, срок по статті, знаєте, найменший... – дядько Микита зненацька розреготався, аж сльози покотилися по зморшках. – Ну, це анекдот, – сказав, як заспокоївся.

Ми з шофером знітилися. У сталінські табори потрапити – смішного мало.

– Та не думайте, я сповна розуму і не п'яний нітрохи. Хіба то для старого бойца доза? Розповім – ви теж сміятиметесь. Справа давня... Собача справа. Тільки давайте доп'ємо та повкладаємось. Отуто, на більшій лежанці мостіться, а я поки що в кошарах Мухтара погодую і відв'яжу... Ви теж надвір сходіть, а як хто вночі захоче – у відро, чи мене будіть, бо то – натуральний звірь! Хрен у момент одкусить, хе-хе...

...Раніше наше село не було таким захлюстаним, як тепер, у «Прогресі», – почав розповідь вівчар, умостившись. – І при немцях в ньому стояв якийсь важний штаб. Ото завтра в'їжджатимете з цього боку, побачите дом з граніту. Ще панський маєток був, а потім – школа. Погнали німця – оп'ять же семілетка. Я чотири класи провчився до війни, а після вже не пішов. Старшого брата вслед за врагом – під ружйю, таких набрали в селі та по хуторах сотні три, їх майже всіх десь поблизу, на Бузі, й перебило. Похоронка і на брата прийшла, а він вижив і воював ще до Будапешта... А батька з простреленою на гражданській рукою поставили міліціонером. Я робив у колхозі – причепним там, скотарем, старшим куда пошлють, хе-хе.

Якось у школі затіяли спектакль. Кіна надивилися, в якому собака-санітар раненого бойца витягує з позицій, а тоді його в госпіталі провідує генерал і чепляє орден на забинтовану грудь. От цей момент комсомольці й собі рішили розіграти. Так хотіли поставити, щоб з натуральним собакою.

Кому яка роль – це вони швидко, драмкружок був. А на санітара якого бобіка не притягнуть – один тільки скавучить і упирається, другий вовсе укусив актора. Не хочять, хе-хе, бобіки в герої.

Отоді згадали про нас із Кульгавою...

Дядько Микита підвівся з лежанки попити води і нам подав чималу алюмінієву кружку. Вода була смачна, холодна – джерельна, та й після третини літра вже попалювало, випив би одним махом до денця. Однак після двох ковтків я пригадав дядькове застереження про те, як ходити надвір, – вмить пити розхотілося.

– От я й кажу, – продовжив оповідач, лягаючи знову. – Кульгава, та залишилася у нас од немців. Щоб ви мали представленіє – копія Штірлиць, хіба що сива плямка на потилиці трохи більша. У них при отому штабі була псарня. А хата наша недалеко, я занадився ловити витрішки. То були звірі! Мухтарові предки. Час від часу команда кудись їх вивозила, звісно, для хвашиських дел. Тут недалеко лагерь був, конц, то есть. Жидів здовкола зігнали, згодом постріляли... Тиці! А потім пленных держали, по неділях людям дозволяли носити їм попоїсти. Видать, вівчарки були для варти.

Якось я кинув до собак через сітку дохлого щура, аж тут мене хтось хвать ззаду за вухо. Немець! Не боляче щоб так, одразу ж відпустив. Погрозив пальцем, покарвав по-своєму, тоді штовхнув мене до колодязя, мовляв, тягай воду, носи і лий отуди. У них там була така собі система: з цього боку сітки ллеш у барило, вода на той бік тече по жолобу, й собаки з нього хлебчуть.

Я потім ще приходив і сам брався до діла. Той Ганц чи Франц, кашовар собачий, був людиною доброю, давав за роботу то те, то се, показував карточку – він сам, жінка і двоє однаковісіньких хлопців мого десь віку тодішнього. Сини, значить... Добрий-добрий, а таких собак-людоїдів глядів, он як буває. А одного разу я саме взявся напувати – як підскачить другий немец, як дасть у зуби! Я впав, а він чоботом по ребрах і щось кричить, за парабелум хапається. Собачня лементує, я лежу, скоцюрбився, ні живий ні мертвий, мамцю згадую.

Аж тут Ганц-Франц біжить, гелгоче. Той другий немец облишив мене і ну ляяти кашовара, видать, старший по должности. З усього цього я зрозумів, що їм не положено пускати когось наших до собак. Аби не потруїли, чи що.

Тоді мене й прогнали. Старший показав пальцем на колодязь, потім мені межі очі: «Пук, пук». Ганц-Франц розвів руками, дав три грудочки цукру, і я пішов геть.

Отак я «сотрудничал з окупантами». Пришили мені потім у діло собачий водопой. Донесла ж якась курва!

Дядько Микита зітхнув і трохи помовчав, пригадуючи щось важливе.

...Да, Кульгава. Немці драпонули вночі, а вранці за Бугом аж гуло від бомбьожки. Десь там через день іду мимо колодязя, бачу, де була загорожа – немці її не встигли зняти, а село вмить усе розмело, – вовтузиться вівчарка. Помітила мене, загарчала, відповзла на передніх лапах, задні волочаться, почорніли від крові. Видать, команду за Бугом накрило, а поранена сука повернулася на знакове місце.

Я покликав батька, він знав, як управлятися з собаками, на пащу петлю накинув. Словом, віднесли німецьку суку додому, вилізували, привчили до себе, а вона якраз і оценилася шістьома від свого ще німецького кобеля. Всі довколишні вівчарі з того виводку подосі мають сторожу, і ми самі, конешно. Батько сук возив на злучку аж у город, поки я в лагерьх канал копав... А Кульгава, така кличка до неї пристала, бо так і припадала на перебіту лапу, весь час за мною бігала. А вже була розумна! Як на брата прийшла друга похоронка, тепер вже справдішня, дві ночі поперед тим вила вовком. Мама наша потім уже не надіялась, як раніше, на диво. Бо коли собака вис – то верний знак. – Дядько підхопився: – Нумо, хлопці, з мого ензе за Миколину пам'ять!

Ми навстоячки випили по гранчаку самогону, запили водою – закусовати вже не хотілося, я відчув, що доведеться-таки будити господаря, аби потримав свого Мухтара.

– А що, – дядько Микита не лягав, і ми за його прикладом сіли на лежанку, – один у нас і після двох похоронок причалапав на костелях, вся грудь в орденях. Ви в «Прогресі» будете, то не заходьте до нього в парихмахерську, бо стригтимо під свої геройські розповіді суток троє...

...Ото і прибігли зі школи: «Микито, виручай!» Там і години не минуло, як Кульгава насобачилася виповзати до «пораненого» і тягти його за віщмішок, де сховали шмат м'яса, за сцену. Та я скажу, що м'яса можна було й не класти...

Да... а успех був повний. Битком набита школа змусила цей трюк на біс повторити тричі. А потім відразу починалася друга часть, де, значить, генерал... Я завів Кульгаву в якийсь із класів, ламп ніде не горіло – всі винесли світити на сцену; намацав якусь рейку, прив'язав собачку, наказав їй сидіти і не гавкати, а сам повернувся на спектакль... Коли він закінчився, лампи повиносили у двір, поставили патефон, почалися танці...

Оповідач заплющив очі, і обличчя в нього мовби помолоділо. Мовчав довго, я вже хотів спитати, що ж було далі, та він тріпнув майже лисою головою, як наче закидаючи назад чуба, і продовжив:

– Дело молоде, девушка, значить, і прочее. У неї ухажор був старший, і від Германії, і від фронту відкараскався, баба у нас одна могла травичкою якоюсь і з дужого зробити зовсім слабого; вони таки повінчались, коли мене тес... А того вечора я був герой момента, зі мною вона все танцювала і сама потягла до клуні на сіно. Я, понятное дело, геть забув про Кульгаву... Слухайте! – дядько ляснув себе по лобі. – Може, то та цяця й настукала уполномоченому про водопою у немців... Е, бог з нею, чоловік її замолоду помер, дітей, щось із шестеро, сама виростила, а ті тепер її чи забули, чи пропали всі, сидить стара під хатою. Інколи перемовимося словом-другим... Ну, всякому своя судьба...

...Ото прокидаюсь, її вже нема, тільки хустинка з-під сіна біліє. Я хват, за пазуху – буде чим заманити знову. Чи то був її самої намьок? Коло нашої хати – дві дуколки. Зайшов. Батько за столом білий як стіна. Навпроти нього, спиною до входу, хтось шиястий у погонах. Обертається на скрип дверей. Другий – від печі – за мою спину. Отход, значить, перекирив. А я що – пацан! До батька, а він тоді був участковим, не впервой начальство являється. Хіба що на столі порожньо – ні випивки, ні закуски. Я – «здрасте» – і в другу хату. А той незнайомец підхоплюється: «Стоять на месте!» Батько мене батогом по лицу – хвось, і його аж колотить, щось хоче сказати – не може, заціпило.

Дали мені добре, а за що – ніяк не пойму. Повезли в город. Тижнів зо два морочили вокруг та около, чого тільки не думав, може, з тою дівкою щось лихе сталося, бачили ж, як ми удвох пішли. Хустинка та у мене так за пазухою й залишилася. Коли в капезе шманали, витягли. Оце, думав, через неї мені й капець. А тоді – очная ставка. Один, другий актьори зі школи. Вчительку їхню завели: «Почему неучащегося взяли в п'есу? Знали, што сабака немецкая? Кто предложил этот эпизод? Зачем? Чтoб осуществитъ известный вам акт?»

Я і на суді ніхрена не второпав. «Акт вандалізма... в то время, когда ізраненная страна... такіе вот виродкі...» І приговор: учітая несовершеннолетіе подсудимого, героическую гибель его старшего брата на фронтах... пять лет лішенія свободы...

– Сумна історія, – позіхнув шофер і ліг.

– Батько почав писати мені пісьма тільки через рік, коли в голодовку померла наймолодша наша сестричка Маня, – дядько Микита не звернув ніякої уваги на шоферову репліку. – Поводивсь я добре, нового срока не припаяли, як багатьом іншим. Тоді думав, усе життя на канал перевелося,

тепер – один міг... В обшем, повернувся. Всі раді, конешно, батько, мама, сестри. Старша уже заміж вийшла, якраз у той день і народила козачка. Назвали – Миколкою, на честь погибшого дядька, а мене, значить, хрещеним.

Після домашньої вечері я з тиждень слабував. Боялися навіть, що в розумі звихнувся, слухаючи їхню розповідь, за що ж таки я відсидів.

До чого б, ви думали, я Кульгаву тоді прив'язав? До тунби в Червоному кутку, а на тій тунбі стояв бюст Сталіна. З нього на другий день мали торжественно знімати полотно.

Кульгава була розумна тварь, в хаті під себе не сходить і не гавкне, коли заборонено. Рвалася-рвалася, та й перекинула тунбу. Сталін – бах, і на кусочки! З переляку сука й насрала на обломки вождя.

Директор жив при школі, почув грохот – і туди. Якби він і хотів прикрити це дело, все одно не зміг би – медь начищена, знамьона підняті... От він ще затемна застріг коней – і в райцентр доповідати про «теракт».

Кульгаву, коли мене повезли, батько привселюдно розстріляв з нагана, прежде чѐм здати його разом з погонами. З міліції його, понятно, вигнали з тріском і без пособія. А при должності голод у сорок сьомому сім'ї було б легше перебути. І Маня б не померла. За нею, а не за тими п'ятьма роками я жалію...

Епізод з бюстом нас із шофером не розвеселив. Помовчали, сходили до вітру, попередньо вивітавши господаря стерегти свого Мухтара, та й повкладалися остаточно, думаючи кожен про своє.

А вранці Штірлиць таки притягла зайця.

...До нас у редакцію тоді ходив один з «органів», так би мовити, по зв'язках з пресою. Я переповів йому почуте на предмет ймовірності. По кількох днях телефонує: «Так, була справа Панасюка, але він не тридцятого, а двадцять четвертого року народження. Як вияснило слідство, перед мобілізацією симулював гарячку, у німців служив при концтаборі, після окупації досить вдало прикидався дурником. Дали йому не п'ять, а десять років, та підпав під амністію, всього не відсидів. Описувати його побрехеньки керівництво не рекомендує...»

Хто з них брехав? Тепер це в'яснити неважко. Та чи треба? Я зв'язався з «Прогресом».

– Помер наш Мюлер, – повідомив голова сільради, – прямо коло овець, собаки прибігли на хутір і вили. А поховали в селі, обіч батька.

– А що на могилі написано? – спитав я. – Мене рік народження цікавить.

– Тридцятий, який іще? Він з моїм батьком до війни в одному класі вчився, потім, щоправда...

У рурці задеренчало, збилося на короткі гудки. Зв'язок з далекими селами тоді був кепський.

1988 рік

Валерий ФАЛЁВ

СЛЕД ОТ ДИЛИЖАНСА

УЧИТЕЛЬ

А. М. Топорову

В изначальных истоках, журчащих в траве родника,
Несмолкающий говор, струящийся прямо в ладони,
Изумруды капли. Там где-то в низовьях река.
Путь потока туда, он стремителен и неуклонен.

В каждой капле прохлады – Вселенная отражена
С её прошлым и будущим. Это вы тоже учтите.
Тайны дивной долины, гор под снегом – голубизна
В новой теме урока. Сегодня расскажет учитель.

А ещё он откроет значенья изысканных слов
«Почитанье», «учтивость», «чета». Вы их все запишите!
Что первичнее в мире, кто скажет: добро или зло?
Над «Коммуною майскою» солнце давно уж в зените.

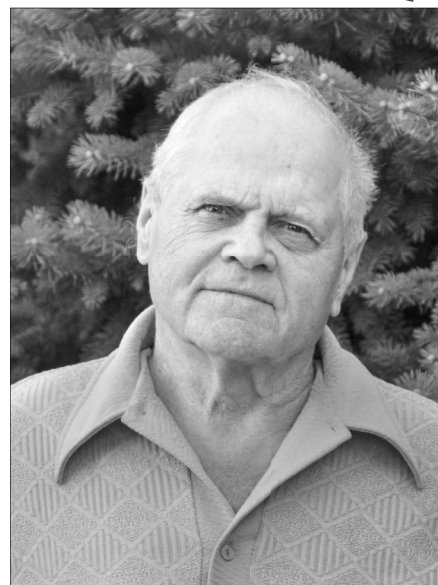
Он, создатель её, на уроки всегда приходил
В сапогах и в посконной рубахе на выпуск.
Каждый раз он в журнале скрипучим пером выводил
Темы новых заданий. В них снова учительский изыск.

Завтра утром узнаем из творчества классиков мы,
Зарубежных писателей. Драйзера. – Пушкина? Тоже.
Край Алтайский! Едва ли потомками сохранены
Брёвна старой избы, на читальню с коптилкой похожей.

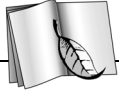
Обветшалый порог, весь до окон заросший травой,
Стал началом тропинки к тернистым космическим далям.
Это там, в той избе, старикам Адриан Топоров
Говорил о словах и о книгах Владимира Даля.

Он учитель. И с ним нам, как прежде, легко и светло,
Голос мудрости вновь раздаётся из радиостудий.
Возрастает число всех поклонников, учеников,
Топорова призыв к просвещению вечно пребудет!

В изначальных истоках, журчащих в траве родника,
Несмолкающий говор, струящийся прямо в ладони.
Изумруды капли. Здесь тоже большая река.
В ней притоки, ручьи. Путь к познанию крут.
Неуклонен.

Фалёв Валерий Фёдорович. Родился 12 октября 1940 года в г. Старая Русса Новгородской области (РСФСР). Среднюю школу окончил в с. Баратовка Снегирёвского района Николаевской области. Работал на Николаевском судостроительном заводе имени 61 Коммунара, затем – слесарем-инструментальщиком Южно-турбинного завода «Заря». Учился заочно в Николаевском педагогическом институте имени В. Г. Белинского на факультете русского языка и литературы (1967–1972). Был редактором областного радио, собственным корреспондентом Украинского радио по Николаевской области. В настоящее время работает корреспондентом Николаевской районной газеты «Маяк». Автор поэтического сборника «Памяти нетленной миражи» (2013). Публиковался в коллективных сборниках ЛИТО «Стапель».

НЕЖНОСТЬ

Послушай, не идёт ли дождь,
Как сжались маленькие плечи...
Твой плащ, повешенный на гвоздь,
Примят, и наступивший вечер
Ладьи небес разводит врозь.
Скажи мне, не идёт ли дождь?

Позволь мне только подойти
И молча разделить усталость
Твоих очей. Нам по пути?
Ведь в этом всё, что мне осталось
От лет былых. Одну лишь малость
Прошу: – Так часто не грусти...

Пусть одиночество твоё
С моим едва соединится.
Такое лишь во сне приснится:
Цветы, луга и окоём
Омыты росами и негой.
Дорогой пыльною в телеге
Мы едем в прошлое. Вдвоём.

СОНАТА МОЦАРТА

Рояль и Космос. Пальцы детских рук
Секунду отдыхают на коленях.
Из клавиш первый вызывают звук,
В оживших нотах возрождают круг
Мелодий, ритмов дивной кантилены.

Переплетенья музыкальных тем –
Интимных, грустных, безмятежных где-то,
Возносят к Небу, и границы стен
Внезапно меркнут. Сколь приятен плен
Адажио, токкаты, менуэта!

За окнами – дыхание весны
И половодье вешних развлечений.
Сюда же в зал прекрасно внесены
Гармонии чарующие сны –
Волнения, порывы, вдохновенья...

И юный Моцарт снова здесь царит,
Сальери где-то там, в тени, в кулисах.
Сонаты до-минор мотив звучит,
Ему навстречу в такт восторг летит,
Возносится в заоблачные выси.

Рояль и Космос. Пальцы детских рук,
Секунду отдохнувших на коленях,
Играют вальс. Но снова – прежний звук,
В оживших нотах возродивший круг
Мелодий, ритмов. Страстных. В кантилене.

КОЛОКОЛЬЧИК ДИЛИЖАНСА

Он по утрам под перестук копыт
Слегка звенит, с морозцем лёгким споря,
Скрипят натруженно упругие рессоры.
Мой дилижанс вновь продолжает путь.
Гнедым не помешало б отдохнуть.
Лёд под колёсами заиндевел, блестит,
Жуя уздечку, пристяжной храпит.

Путь предстоящий в памяти хранится.
А лошадям – ну где бы им напиться?
Быть может, там, у старого колодца,
Где в льдинах тускло матов отблеск солнца?
По ветхим брёвнам старого моста,
Под звуки старого и грустного романса
Тень уплывёт – коней и дилижанса.

Мои вокзалы! Жёсткий ваш уют
Запечатлён в боках и пояснице.
Матрас плацкартный – нет, на нём не спится.
Журналов старые потёртые страницы...
Часы в динамике нам снова полночь бьют.
Всё это в прошлом... Дилижанс спешит,
Мой путь в былое широко открыт.

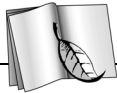
Плывут навстречу хвойные леса.
На иглах веток чуть дрожит роса.
Купавы травные, птиц полевых напевы,
Там, в плавнях, плещутся русалки, нимфы, девы.
А поцелуй – он так горит в устах!
Букет цветов, что летом весь пропах...
Восторги взлётов и падений страх.

Не торопясь, под тихий скрип рессор
Въезжаю в грустный постоялый двор.
Ему название – затяжная осень.
У входа нищий милостыню просит.
Вот мой постой. В мерцании лампад
Всевышнего пытливый, строгий взгляд.
Мосты разрушены. Дороги нет назад.

Последний путь – он узок и тернист.
Взор к небу горнему, там небосвод лучист.
Что в келии осталось для меня?
Пыль и зола угасшего огня?

В каких тонах мой жизни путь окрашен?
Тетрадь стихов, «Моление о чаше»,
Из дневника лишь несколько страниц...

А колокольчик – он звенит, звенит,
Задорный зов его летит в зенит.
Моих колёс оструганные спицы –
В движенье всё, что, может быть, случится –

Слились в прозрачный, чуть дрожащий диск.
Дыханье ветра, птиц летящих писк
Вплелись в звучанье нежного ромansa.
В пыли дорожной – след от дилижанса.

В ЛОДКЕ

Тихо-тихо скрипят уключины,
Плеск случайной шальной волны.
Эх-ма, старость, она раздумчива,
Шибко требует тишины.

Под веслом чешуи мерцание,
За кормой белых чаек взлёт.
Бесконечностью мироздание,
Тайн вселенских – очарование
К их разгадке меня зовёт.

Окоём, как края опаловы
У заката. К нему мне плыть.
Над рекой голубой и алою
Голос колокола звенит...

КРЕДО

Мне удобнее молчаливо
Проходить по дорогам выжженным,
Созерца я неторопливо
Ваших душ убогие хижины.

Мне приемлемей сострадать
Утопающим в пышной роскоши,
Ведь пресыщенным негде взять
Соучастия к бедным брошенным.

Мне труднее – себе не лгать.

Анна ШЕРЕДЬКО

НІБИ НЕМАЄ ЗУПИНОК

* * *

шістнадцять мені і до року,
 так ніби вві сні і в експресі,
 так ніби немає зупинок,
 стоп-крану і вікон цнотливих.
 ногами-руками штовхаюся в темінь,
 а інші – купують печінку.
 тут пахне рудим божевіллям
 на вістрі безсмертному хвої,
 де я без грошей і безгрішна
 нанизую втрачений грудень –
 таких вже п'ятнадцять на шиї,
 поруч з розп'яттям і милом.
 з горища спускають дешевий аргентум
 в трухлявих коробках з-під пилу
 і в домі танцюють відлуння
 тих кращих років,
 тих довших років,
 які збирали в сусніжжя зимою
 яких не було
 не тоді
 не зі мною

многогранне півдерево-півритуал
 симетричне всім сторонам світу
 це під ним ти знаходиш світанок
 під ним хочеться спати і дихать

іди. не спиняйся.
 шістнадцять до року уроків
 аж доки у горлі не зашипить солодким

цей попід, на бажання не схожий,
 допоможе?
 і скільки молитися діду глухому,
 щоб замість книжок і лялькового дому
 приніс хоч би мізер удачі
 і пігулок (від кашлю? від стресу?) на здачу

Шередько Анна Іванівна. Народилася 26 листопада 1999 року в с. Кир'яківка Миколаївського району Миколаївської області. Навчається у Кир'яківській школі. Займається в літературному гуртку «Альтанка» при Миколаївському палаці творчості учнів. Публікації: літературно-художній журнал «Дніпро», альманах соціальної поезії «Синусоїда духу», літературний портал «Літцентр», місцеві видання. Переможниця районних та призер обласних олімпіад з української мови та літератури, конкурсу ім. П. Яцика, переможниця конкурсу есе «Я – європеєць». Учасниця локальних літературних проєктів.

* * *

як риба зарийється в камінь
як лід закоркує двері
як спатимеш вдвічі менше
як ступишся двічі мимо
як день стане викликом-криком
як ніч стане біля каміна
стане коротшим
волосся
і докори сонця
і сухе приземлення змерзлої краплі
вдарить по вухах
відлунням
гармати

як стіни замкнуться колом
як з хлопавок вистрілять круки
як вікна розстеляться долом без стуку
як чаша напіввідсутня
як зійдуться сні і суті
цей світ твій такий
не прийняти
не вийти

у хребцях загниває позавчорашнє літо

як сторінки заклеять і зір, і щілі
як на тарілці зіщуляться крихти цвілі
як в унісон заскрипить кожна грань ліщини
як мати на грудях пригріє чужого сина
тобі здавить горло
не шарф
не сміх
не ангіна

і гарчиш на зиму
і в слові не видно мети
бо знаєш
чужа не зима...

* * *

в кожній зіниці – свій п'єдестал облич
в кожній дзвіниці – свій атеїстський хрип
в божих щоденниках кожна загублена річ
фіксується на кістках мезозойських риб

кити від обурення в арктику б'ють чолом
черепаша луска щоразу димить без вогню
як в штаті Невада за хлібом й домашнім вином
хтось вимагає від бога збільшити зарплатню

в кожній кав'ярні без принципів і адрес
де простір і погляди діляться на обох
свій бог – нерозв'язний, як жести німих стюардес
і такий малослівний, що ледве вміщається в блог

в кожному яблуці – запах солоних травм
в закритих повіках – колода з восьми кольорів
у дні, коли сонце суміжне із присмаком трав,
видно, як бог прикурює від ліхтарів

* * *

імбирні дощі суворі – не пускають гуляти
аби скинути з себе ліжко доводиться умовляти
власного рецидивіста, і без того умовного
в якому нічого святого / нічого святкового

бруд в листопадних трюмах винятково чистий
і хрустять на язиках вафлі тісного листя

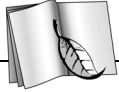
легкозаймисті й відірвані, як з подушок пір'їни
у переходах вимінюють принципи на цитрини
а тоді повертаються до своїх незащитих вікон
де кожне настільки своє, що не можна звикнуть
розкушують запасну скоринку останньої осені
і засинають
з останніми осами

* * *

камені падають натщесерце
з тріском образи
з надривністю перцю
падають догори ногами

хочеться вигребти вишкрябати з кишень
перекрити екрани
перебути мішень
відмовитись від солодошів і від себе
знайти плацебо
дістатись осені

запускаючи зорі в западину неба
ловити камені руками босими

* * *

доки в триповерховому акваріумі хлюпочеться ватра
скіфські дерева
крізь фільтр солоного шуму
підслуховують наші сні
а завтра доїдають за нами кашу
зі згущеним молоком

завжди тримай берег у лівій
воду у когось
маковий брязкіт перед очима
наче вітряки з учорашнього горизонту
навіть якщо діри на п'ятах
і фото з причалу
навіть коли люди просочені чистотою
ставали зеленими блакитними
мовчазними
рахували гальмівні шляхи білобосих слимаків
виміряли життя кроками
і кількістю торгових павільйонів між нагрудними табличками
а надвечір голодні і засмагли спускалися з гір
не розуміючи
що несуть гори за плечима

* * *

рожеві сфінкси, що росли плавники на грудях
і були схожі на першолипневі хмари,
охороняли асфальт, який розтікався в людях,
ніби циганська кров у світлі сільського бару

рум'яні й солодкі, на захід сповзались краби
з мідяними медяниками у паперових клешнях
втомлені і смагляві, наче серця арабів,
падали з піднебесної янголи і черешні

м'якшилися риб'ячі голови в банановому нектарі
від комариних цілунків і південної лихоманки
наді мною іскрили соняхи, ніби весільне сарі
піді мною топтались демони з нафталіном в прозорих банках

абрикоси пірнали в смолу, і ніхто не помітив утечі,
і світляки шикувались за правилом зодіака

ми вигадали той вечір
ми вигубили ті знаки

Вадим ШПИЛЕВОЙ

АГИТБРИГАДА

Рассказ

*Ну а мы – агитбригада
Пионерского отряда!
Школьный стишок*

– Всё! – сказал Мирабчик. – Вчисляют. Кто не сдаст виши матэматыка до первий мая – вчисляют. Деканат слишаль. Секретни информация.

Он горестно поцокал языком.

– Значит, и наше время пришло, – Валера Чекулаев считался самым рассудительным в нашем кругу. – Остаётся уповать на то, что Азарий заболает... или я его грохну...

Все призадумались. Зимнюю сессию второго курса мы успешно сдали, но хвост, тянувшийся с прошлого года, перечёркивал будущее. Каникулы отпадали – их придётся провести в ежедневных консультациях по высшей математике, готовясь к очередному экзамену. Передача «вышки» происходила уже не один раз; не раз объявлялись «последние сроки»...

Быть отчисленным со второго курса? Стыдоба... А решится ли деканат опустошить курс наполовину? Кто знает... Сказал же Мирабчик – «вчисляют». Значит, решили-таки... Из-за одного предмета, который и читался всего каких-то несчастных полгода на первом курсе.

Азарий, он же Азарий Васильевич Середохин, препод высшей математики, решительно и бескомпромиссно добивался от студентов не знания, а понимания своего предмета. Где проходила та тонкая грань, отделяющая первое от второго, никто не мог толком объяснить. Подозревали, что не знает этого и сам Азарий, потому что на робкие вопросы – в чём же отличие, – он презрительно жевал губы и многозначительно молчал или назидательно приговаривал:

– Математика – это вам не фигли-мигли.

Со стороны могло показаться, что мы учимся на физмате. Азарий, пока читался курс, ежедневно, до начала занятий, изводил нас «коллеквиумами», семинарами, практическими занятиями, контрольными работами... Но через густое сито проскальзывали редкие счастливики.

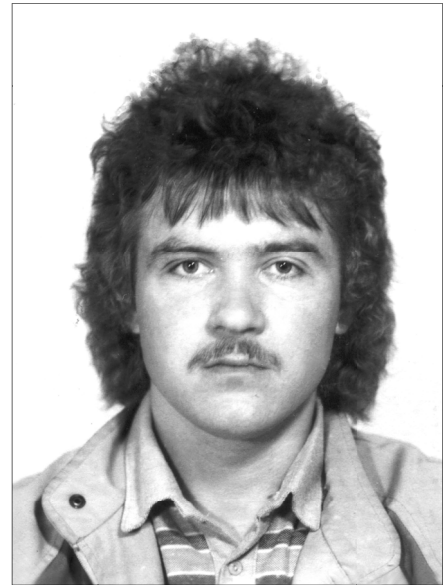
Допризывники особенно не расстраивались – под повестку Азарий всё равно поставит заветный «удов». Витьке, например, по весне в армию – ему можно не переживать. А не поставит до службы в армии – «дембелям» всегда шли на встречу. Сложнее обстояло дело у тех, у кого армия была позади, из них Азарий, что называется, вил верёвки.

Оставалось надеяться, что Валера...

– Да-да, только грохнуть, – поддержал его Витька.

– Витька, не доводи до греха, а то с тебя и начну.

Валера и Витька разошлись по своим комнатам.

Шpileвой Вадим Владимирович. Родился в с. Новооачков Березнеговатского района 8 апреля 1964 года. С 1974 года и по настоящее время проживает в Очакове. Служил в Советской Армии. Окончил Костромской сельскохозяйственный институт «Карававо» (1991). С 1991 года работает в Николаевском предприятии электрических сетей (в настоящее время – ПАО «Николаевоблэнерго»), прошёл путь от инспектора до директора Очаковского филиала. Начал печататься в студенческие годы – в газете «Карававец», областной молодёжной газете «Молодой ленинец». Под псевдонимами публиковал краеведческие статьи в газетах «Чорноморська зірка», «Очаков», «Южная правда», журнале «Морська держава». Автор книги «Творческое наследие Р. Г. Судковского. Опыт составления каталога» (2015). Готовится к выпуску историческая книга «Очаков. Известные страницы» в 2-х томах. Автор цикла рассказов из студенческой жизни (на основе дневниковых записей).

Крутые повороты в судьбе происходят внезапно и ведут к неожиданному успеху путями, совершенно не изведанными, часто – через новые испытания...

В дверь кто-то неуверенно поскрёбся. Свои входили без стука.

– Какова х...?! Захады, пожалюста, аткрита!

Посыльный с вахты протянул записку и промямлил:

– Звонила секретарь, велела срочно зайти к декану... фамилии там...

К декану приглашались «знакомые все лица».

До первого мая оставалось ещё целых четыре месяца, но, видно, «...пробил час». Решили начать с нас? От общежития до учебного корпуса пять минут ходу, размышлять времени не было – дорогой мы с Мирабчиком подавленно молчали.

Под деканатом собралось человек двадцать. Девчонки – статные старшекурсницы: комсомолки, отличницы и активистки, а вот наш брат... Валера Чекулаев, находившийся тут же, точно определил всех как «специалистов по высшей математике». Может, нас на «буксир» будут брать? – мелькнуло в голове. Значит, ещё есть шанс? Или – всё-таки – чудо?

Пригласили войти. Зашли, сгрудившись под дверью, девчонок вытолкнули наперёд. Декан за столом осторожно подбирал слова:

– Вот что, парни... дело деликатное... важное... и ответственное... честь факультета, понимаете?.. мы долго думали-гадали... считаем... без вашей ... помощи... участия... никак не обойтись. Полагали, что конкурсы самостоятельности упразднили, целый год не вспоминали о них, а тут... Перестройка перестройкой, но пришла бумага: недели через две начинается факультетский смотр агитбригад. Будут из Министерства. Надо подготовить программу и... не ударить лицом в грязь. Вот Оля Крутова – она имеет ценный опыт – возглавит общее руководство. Какие будут вопросы?

Мы молчали. Но каждый чувствовал, что мы тут неспроста, за этим кроется что-то более значительное: что именно – объяснить не могли, но интуитивно догадывались. Задание предполагалось высокой важности, поэтому привлекли отличников. Ну а мы? Верная ставка на тех, кому терять нечего. Гладиаторы, идущие ва-банк. Напрашивалась аналогия: не за спасибо же механики прошлой зимой, в мороз, пруд углубляли... Там тоже была, поговаривали (механики – народ немногословный), проблема, но с гидравликой... Требовались нужные слова, и они нашлись у Валеры.

– Николай Николаевич! Мы благодарны Вам за оказанное высокое доверие. Скажу за всех: мы рады ему и считаем Ваше поручение делом первостепенной важности. Мы готовы посвятить ему всё своё свободное время. Честь факультета для нас – превыше всего... Но... ещё в семестре мы твёрдо решили использовать каникулы для консультаций и практических занятий по высшей математике. Мы уговорили (вот завернул!) Азария Васильевича позаниматься с нами. Нам стыдно за свои упущения в учёбе и мы, комсомольцы, должны...

Декан сразу смекнул, куда клонит Чекулаев. Девчонок отпустили, и дальнейший разговор приобрёл деловой оттенок, закамуфлированный намёками и недосказанностями. Стало очевидным, что декан намерен серьёзно «повлиять на процесс» лишь только в случае получения нами первого места в смотре. Этот смотр каким-то образом связывался то ли с карьерным ростом НикНика, то ли с его позициями в институте, но более всего он – был в наших интересах.

– Нам предстоит пережить коллективный акт публичного надругательства, – заключил Валера за вечерним чаем, поблёскивая железным клыкком, – но это не сравнимо с позором отчисления. Не надо забывать, что другие факультеты тоже будут сражаться, и тоже за первое место. Это будет битва гладиаторов. Но игра стоит свеч.

Опустевшее общежитие наполнилось невнятным бормотанием и криками – учили монологи.

– Дадияни, ну куда тебе в агитбригаду с таким акцентом? – ужаснулась Крутова на прослушивании, – тебе разве что кубы перетаскивать, и то – молча.

– А мне и такой рол падайдёт, есьли другой нэт. Я нэ абичиви.

– Мираби, – нашёлся Валера, – мы вдвоём будем обеспечивать техническую поддержку мероприятия. Попросту – таскать буафорский хлам и создавать массовость.

С утра – мы два часа проводили в обществе Азария, после обеда – шли на репетиции.

Примерно на третьем прогоне сыгрались и на следующих репетициях только совершенствовали техническую сторону. Валера вошёл в роль режиссёра и деловито расхаживал с секундомером на шее, постоянно держал сценарий наготове, сосредоточенно заглядывал в него, солидно обсуждал что-то с Крутовой. Мирабчик, сопя, перетаскивал конструкции по сцене, а в массовках только

открывал рот. Валера на сцену вообще не выходил. На генеральную репетицию пожаловал декан. Для него программу прогнали с энтузиазмом. Было видно, что НикНик остался доволен.

Наш факультет выступал последним. Смотр проходил при пустом зале. В день принимали одну бригаду. В жюри, за здоровенным столом, поставленным посреди зала, сидело три человека. Ассистент кафедры философии Шакелина и декан факультета общественных профессий Света Владимировна Беседа (Светка-Беседка – душа-человек) были нам всем хорошо знакомы. Шакелина вела в нашей группе практические занятия по философии и принимала экзамен у всего курса вместо обожаемого нами Юрия Ивановича, внезапно слёгшего с ангиной. В сонном дядьке после некоторых сомнений признали Кипяткова (из кафедры охраны труда). Человек молчаливый и, в общем-то, как оказалось, безвредный. Московских гостей не наблюдалось.

– Играть – уверенно. Забыл текст – смело пори отсебятину. Импровизация – ценится. Главное – не запинаться, – давала последние наставления Крутова. – Светка – моя лучшая подруга. А Шакелина – её лучшая подруга. Кипятков – не в счёт.

Оля была уверена в успехе.

Включили фонограмму. Мирабчик потащил трапецию, выкатил куб; выбежали на сцену мы, зученно приняли позы... и понеслось... Добросовестно откричали в двадцать глоток из Маяковского: «Нет, не те «молодёжь», кто, забившись в лужайку да в лодку»... и т.д.

Из-за кулис зорко следили за реакцией «тройки».

– Начали хорошо. Так держать! – комментировала обстановку Крутова.

Мне предстояло явиться перед взыскательным жюри в паре с Таней Беленькой. Я, по сценарию, изображал молодого человека, влюбившегося в глупую обывательницу, не понимающую высоких чувств и поэзии вообще. Мой герой раздражался длинным монологом, обращённым к «предмету страсти», а дебелый «предмет» на излияния отвечал идиотскими репликами или междометиями.

«Вот, полюбуйся на Луну...» – «Да ну?» и т.п.

И на репетициях Таня работала – не ахти, а тут... Глупо улыбаясь, неотрывно пялилась на меня. Из динамиков трещали кузнечики, выводили умопомрачительные рулады соловьи. Вместо прогулки под Луной, куда её звал романтический юноша, избалованная мещанка затопталась на месте. Со стороны казалось, что она грузно месит глину. Со сценарием в руках (толстый «Справочник сельского электрика», который должен был восприниматься томиком стихов, перед самым выходом уронили за лебёдку) я заегозил вокруг Тани, пытаюсь вовлечь её в игру. Бесплезно... Я почувствовал, как во мне закипает ненависть к этой ограниченной дуре с коровьими глазами. «А, будь что будет!» Размахивая сценарием, дальнейший текст я стал декламировать с раздражением, наливаясь желчью.

Блуждая якобы томными глазами по сторонам, я постоянно сканировал реакцию Шакелиной. Её взгляд, поначалу застывший, выражал неудовольствие (за полгода это мы изучили безошибочно), но по мере моего кривляния её голова несколько раз тяжело качнулась, как вертикальный маятник. Что-то отметила карандашом на листе бумаги. Это придало мне уверенности. По сценарию, мы с Таней должны были удалиться со сцены вместе, но я, увлечшись, с полпути рванул в противоположную сторону. Бросил сценарий на стоявший за кулисами рояль и перевёл дух. У-ух! Моё участие в программе закончилось! Таня растерянно переминалась на крепких ногах там, где я её оставил, и оторопело глядела мне вслед, но на неё зашипели, и она вприпрыжку покинула сцену, раскинув руки.

Крутова показала мне оттопыренный вверх большой палец: номер удался! За кулисами напротив мелькнул декан. «Болеет за команду...» Склонив голову, внимательно слушал Крутову. О чём-то мирно говорили. На сцене ставили миниатюру. Но меня ни она, ни дальнейшее абсолютно не интересовало.

– Так-так-так...

Я оглянулся. Какой-то незнакомый мужик в дохе, точно дед Мазай из детской книжки, наклонившись, просматривал сценарий. В полумраке за высоким воротником не было видно его лица, его почти полностью закрывал высокий воротник, остальное – огромные очки. Мы стали перешёптываться.

– А Вы кто?

– Куратор конкурса агитбригад – ...ов ...ор ...нович. Немного припозднился, видишь, и раздеться вот не успел. Ты готов?

– К чему?

– К труду и обороне... – «к чему...» Готов, спрашиваю, обеспечить звуковое оформление следующего номера?

– А...

– А то, что это стихотворение должно сопровождаться эмоциональным звукорядом.

– Так на репетиции же...

– Так то ж на репетиции. Не будешь же каждый раз орать благим матом...

– А с чего это – матом?

– Короче, сейчас выйдет Крутова и ты – после первой строфы – должен будешь изобразить предсмертный крик!

Доверительно пояснил:

– Держали инновацию в секрете, чтоб конкуренты идею не украли. Сюрприз. Кому положено – Крутова, декан, завклубом, – все в курсе. Можешь уточнить. – И добавил: – Только времени – в обрез. Поспеш!

Я к такому обороту не был готов. Ничего себе номер... Без предупреждения, без подготовки... Бежать к Крутовой за уточнениями? Что ж Валера не предупредил? Друг называется... С противоположной стороны сцены на меня смотрел НикНик. Я вопросительно дёрнул головой снизу вверх. Декан ответил движением сверху вниз.

– Понял? – это мужик. – Объясню систему: звук издавать так, чтобы ни одна молекула воздуха не прошла мимо связок. Выдыхать с максимальной пользой. Когда начинать, дам команду. Ори так, вроде тебя самого режут. От души. Понял?

Медленно вышла Оля, свет притушили, в аппаратной врубили телескоп. Установилась гробовая тишина.

*Убили парня за здорово живёшь.
За просто так. Спокойно. Как в игре...*

Оля декламировала выразительно, с чувством. В голосе улавливалось напряжённое дрожание. Она и на репетициях старалась.

*И было это не за тыщу вёрст
от города. А рядом. Во дворе.*

Её маленькая фигурка колебалась на экране в круге света.

*Ещё пылали окна... Между тем...
он так кричал, прижав ладонь к груди...*

Я получил резкий удар под рёбра, и...

Звук за кадром, по идее, не должен был Крутову смутить, но я, наверное, слишком резко взял... Оля от неожиданности дёрнулась, обернулась. Но всё равно получилось очень естественно. Играла она хорошо: в страхе скользнула по мне широко открытыми глазами, вроде я стоял перед ней голый, а потом – снова медленно повернулась лицом в зал.

В жюри возникло какое-то движение. Я увидел, как Кипятков замотал головой и, упираясь в спинку сиденья, попытался встать.

Оля продолжала:

*...как будто накричаться захотел
за долгое молчанье впереди...*

Я получил ещё раз: «Больше чувства!» Второй вопль вырвался свободнее и громче.

*Крик жил отдельно! Выростал стеной.
Карабкался, обрушивался с крыши.*

Шакелина втянула голову в плечи и замерла. Мужик выражал удовлетворение произведённым эффектом: «Хорошо, хорошо. Молодец. Работай диафрагмой. Зачтётся». Беседа застыла с поднятыми руками и открытым ртом, в том положении, в каком её настиг мой ор, а глаза её, показалось, упёрлись в стёкла очков.

*Растерзанный, отчаянный, больной,
нечеловечески огромный крик!*

Кипятков, оставив затею подняться, стал цепляться руками за передний край стола и тянул шею в сторону сцены, пытаясь заглянуть за кулисы, откуда нёсся вопль.

*Он тѣк по трубам, полз по этажам,
подвалы заполнял и чердаки.*

Получив третий удар, уже по почкам, боль вернула способность рассуждать. Происходящее мне стало казаться каким-то подозрительным. Коль для жюри «звукоряд» явился полной неожиданностью, почему испугалась Крутова? Ладно, уборщица тѣтя Валя крестится по всякому пустяку, но что взволновало хладнокровного НикНика, что он схватился за сердце? Вот он отступил назад, и его поглотил мрак. С чего бы это завклубом Елена Викторовна, стоявшая рядом с деканом, обхватила голову и юркнула за сцену?..

*Он ошалело тыкался в звонки!
Ломился в двери и в замках визжал!..
Он умолял! Он клянчил: «Защити!..»*

На месте Елены Викторовны возник Валера. Его лицо было спокойным, но по плотно сжатым губам и скорбному выражению я понял, что дело складывается прескверно. Рядом с ним неподвижно стоял Мирабчик, молитвенно прижимая к груди «Справочник сельского электрика» (достали-таки...). Таня Беленькая и Нинка, выпучив глаза, рты свои закрыли ладонями... Димка Баклашов, жестикулируя, что-то тараторил на ухо невесть откуда взявшейся медсестре, а та – только брови удивлённо вздымала, косясь на меня...

Издав агонизирующий хрип, я обессиленно замолчал.

– Что тут происходит? – Из-за сцены вынырнул НикНик. Внешне он был спокоен, но тяжело дышал валерьянкой. За ним следом выбежала завклубом и шѣпотом закричала: – Что за бесчинство? Вадик, объяснись немедленно! Я... мы чуть инфаркт не получили!

– Николай Николаевич, Елена... я... мне... это... я ничего такого...

– Соизвольте ответить: что всё это значит? – декан наливался негодованием.

Говорил он тоже шѣпотом, и это придавало его голосу особенно зловещее звучание.

– Я... ничего... Это... куратор... он распоряжался. Инновация, говорит, новаторство... Вы ж его видели, он вот тут стоял...

– Какой такой куратор?

Я показал место за ширмой, откуда его никто, кроме меня, видеть не мог. Таинственный мужик растворился в воздухе, исчез без следа, его как будто и не существовало. Из полуотворѣнной двери чѣрного хода тянуло могильным холодом.

*...И всё. И не остановился век..
...Какая это мерзость – человек!*

Заключительные строки я воспринял на свой счёт.

В голове у меня всё спуталось; к желудку стал подступать необъяснимый ужас, интуитивно ощутил неотвратимое приближение чего-то жуткого! Промелькнуло лёгкой тенью и растворилось в потѣмках подсознания: неужели у меня начались галлюцинации? Вот его шуба... вот она... на стуле... куратор смотрит... и очки... на рояле забыл...

– Ой, вот он где! – Елена обрадованно схватила кураторскую доху в обнимку. – Это ж мы в театре Островского брали реквизит на новогодний утренник, тулуп для деда Мороза. Я за него расписку давала, а он – вот он где. А я смотрю давеча – реквизиторская открыта, а тулупа-то нет... я так распереживалась... уж так распереживалась... я ж за него расписку давала, – причитала, срываясь на голос, Елена. – А что, зябка стоять у двери, шубку накинул? – это ко мне. – А чего это дверь на чѣрный ход открыта?.. И без того холодно... Ой, и очки... это столяр оставил, когда двери подгонял; спрашивал недавно, а я про них и забыла вовсе... а они – вот... почему-то на рояле...

– Разговор продолжим позже.

За роялем просидел я в обречѣнном одиночестве до конца представления. Зашли Валера с Мирабчиком. Вместе помолчали, как на похоронах. Подошла Крутова, покачала головой, ничего не сказала. Медсестра сочувственно всё время оставалась рядом, несколько раз проверяла пульс, потом принесла чашку чая:

– Он с мяткой... попей...

Наши проявили выдержку, доиграли как в ни в чём не бывало. Под занавес агитбригада в полном составе выстроилась на сцене.

Самое поразительное ожидало впереди, и исходило оно от Светки:

– Ребята, вы молодцы! Бесподобно!

Продолжая, каждое предложение она прерывала весёлым, но больше – нервным, смехом:

– Конечно, вы нас немного напугали, заставили понервничать... Это ж надо было додуматься так озвучить Рождественского... разыграли реализм! А я ещё удивилась... мы все удивились – в нашей клубной фонотеке шумов нет человеческого крика, а оказывается – звук-то живой, такой... натуральный, прямо – ужас пробирает! И в сценарии об этом ни слова – решили удивить? – получилось... Мы не должны были вам этого говорить, но сегодня – завершающий тур и все предыдущие оценки известны... Ваша команда набрала максимальное число баллов – вы победители конкурса! Поздравляем!

Выходку мою с «закадровой озвучкой» сочли удачной, хотя и крайне опасной, творческой находкой, а сбивчивые объяснения про «деда Мазая» никто и слушать не стал: мол, с кем не бывает – вдохновение и импровизация – вещи непредсказуемые...

...Настал апрель. За неделю до экзамена Азарий попал в больницу. Упал на прогулке, получил сотрясение мозга и сломал ногу. Какое редкое и – главное – удачное сочетание!

– Бог не фраер – шельму метит, – кратко прокомментировал волнующее событие Валера. – Ему теперь нужен абсолютный покой. Как можно дольше.

Математику у нас принимал сам заведующий кафедрой. Конкретный, как таблица умножения. Строго оглядев аудиторию, объявил: «Что вас спрашивать, если вы всё знаете лучше меня. Объясняю процедуру. Подходите быстро, берёте билет, называете номер. Чётко говорите оценку. Повторяю: чётко и громко говорите оценку. Подаёте зачётку. Заполненную. Я ставлю автограф, и мы прощаемся».

Возвращались в общежитие втроём. Ни радости, ни облегчения от того, что наконец-то разделался с высшей математикой, не испытывал. На душе было пусто.

Мирабчик цокал языком и всю дорогу сокрушался:

– Савсэм нэрви ни к чьёрту, вимоталь этот виши матэматыка. Сон Берия вижю. Ночь кричал хэндэхоххь...

Валера, как всегда, был немногословен. У входа показал зачётку. В графе напротив «высшей математики» стояло «Отл»:

– Надо съездить в больницу, поддержать Азария...

Каравеево, 1987 – Очаков, 2016

Дмитро КРЕМІНЬ

«Я ВСТАВ З КОЛІН І НЕБО ВЗЯВ ЗА ЗОРІ...»

I

Великий поет плакав.
Сам Микола Вінграновський!
У сльозах, на сцені...

Незабутньої весни 1997 року я вперше і востаннє бачив поетові сльози. Живі, як роса на ружах, оспіваних ним. І як огненний розчерк падаючої зорі – падаючої, палаючої. Як зоря. А в голові дзвеніло: *«Летить зоря, як молодий Шевченко, і золоте обличчя у зорі...»*

Я сидів у залі монументально-циклопічного Будинку культури в м. Первомайську – це на Миколаївщині, бо й у самому Миколаєві Вінграновський бувати не любив. Уперше – з газетою «Літературна Україна», де його надрукували з легкої руки Павла Загребельного, тоді головного редактора (та й «ЛУ» тоді називалася «Літературною газетою», а добірка була оглавлена – «Із книги першої, ще не виданої»), – Миколу Вінграновського побачив у Миколаєві Еміль Январьов, іще молодий поет і студент-заочник Літературного інституту імені М. Горького в Москві. Сам Еміль іще не мав першої книги – «Переправа» вийшла в рік появи «Ста поезій» Вінграновського, та великий і заворожуючий шум довкола молодих московських поетів і молодих – київських – долинав і в далеку провінцію, в «закритий» Миколаїв, де суворі, режимні умови «міста корабелів» збереглися мало не дотепер. А тоді юний і красивий, як бог, Микола постав перед очима Емілія з купою газет і з тією неповторною інтонацією, яка зачарувала людей з першої з'яви богопільського генія з-над річки Синюхи, на берегах якої народилися два генії української поезії ХХ століття – Євген Маланюк і Микола Вінграновський. Тільки класик діаспорної музи в Архангелогороді на Єлисаветградщині, нині Кіровоградщині, а кінобог Іван Орлюк із «Повісті полум'яних літ» і поет Микола Вінграновський – у місті над Південним Бугом і Синюхою з пролетарським іменем Первомайськ. Із школи на Богополі (Ольгопіль, Богопіль і Кінецьпіль – три основні частини самого міста, мілітаризованого донедавна, бо тут стояла ціла ракетна армія, яка за лічені хвилини могла зруйнувати пів-Америку), школи номер 17 (тут іще така дивина – в Первомайську дві школи з одним номером, а «Миколи-на школа» – по вулиці Шолом-Алейхема, великого єврейського письменника, що увічнив легенду про дерев'яний козацький собор, який запорожці з захопленого ворогом берега вночі перетягли на «свій» берег, – цей храм уже в часи поетичного тріумфу Вінграновського розтягли земляки в екстазі від уже хрущовської боротьби проти «опіуму для народу»), і рушив Микола в широкий і великий світ. У парусиновому костюмі, парусинових туфлях, начищених зубним порошком, із фанерним чемоданчиком. У Києві, вступивши до театрального інституту імені Івана Карпенка-Карого, він зазнався з Олександром Довженком, який жив у сестри, а в інституті проводив «майстер-класи», кажучи по-сучасному. Геніальний Довженко забрав юного Миколу до Москви, в свою групу до ВДІКу – про це хвилююче написано самим Вінграновським у його меморії «Рік з Довженком», і краще ніхто не напише. Мертві Довженко та Юлія Солнцева, яка саме Вінграновського зняла в кінофільмі за сценарієм О. Довженка, померлого перед тим, і мертвий (до цього часу не віриться, Боже праведний!) – Микола Вінграновський, який пішов у вічність рік тому, 26 травня, на іменини Віталія Коротича, одного з тієї «зоряної плеяди» українських шістдесятників, яких помітив і підніс великий Максим Рильський. У своїх «Вечірніх розмовах», опублікованих наприкінці 50-х у газеті «Вечірній Київ», уцілілий за сталінського режиму поет-академік переживав третю поетичну молодість, і як поет сприйняв появу нової когорти, написав зворушливі статті про молодих Івана Драча, Миколу Вінграновського, Євгена Гуцала...

Та я про сльози Миколи Вінграновського. Напровесні 1997 року. На сцені Первомайського міського Будинку культури, який після цього вечора згорів, поцілений чи то блискавкою, чи незбагненою здатністю горіти всім закладам культури в Україні – театрам, книгарням і книгосховищам, клубам і будинкам культури. Поет сидів за столиком на сцені, мовби в закутку, а на сцені співали юні

красиві дівчата, землячки Вінграновського. Співали пісню на слова видатного земляка – «Не говори, не говори про світанковий яр...» Написаний іще в п'ятдесяті, цей вірш був опублікований аж у другій книзі молодого поета – «Сто поезій». Другу книгу Миколи Вінграновського я прочитав раніше за першу – «Атомні прелюди», бо неможливо було дістати «Соняшник» або «Протуберанці серця» Івана Драча, «Атомні прелюди» та «Сто поезій» поета-кіноактора

Миколи Вінграновського, як і книги Віталія Коротича «Золоті руки» та «Вулиця закоханих волошок» (їх і возніс Максим Рильський у ранг поетичних відкриттів, і ми, юні поети, студенти Ужгородського університету, буквально марили великим словом і великою славою тих, кого вже величали «шістдесятниками», – ні Ліна Костенко, ні Дмитро Павличко до цієї плеяди не входили – старші! Простіть нашій молодості, метри поезії – ХХ...).

Пісню на слова Вінграновського написали самі землячки великого поета, мелодія була трепетною, як і слова, дівчата були схожі на тих красунь, які можуть лише приснитися в молодому парубочькому сні, – тож і заплакав поет, уже перейшовши шістдесятилітній рубіж. А час Микола Степанович відчував, як ніхто з його поетичних ровесників...

О, хто тоді не прагнув прилучитися до сяйної слави великого земляка! Причому – тільки постати в його ореолі, не гадаючи про якийсь зиск, хоча й часи були вже комерційно-капіталістичні, а в Первомайську влада засідала у збудованому ще Дем'яном Коротченком будинку, що мав (і має) форму серпа і молота. Перед ним – серпомолоткастим – Ленін, який колись у Миколаєві стояв. Ленін – маленький і мовби схожий на мумію з анатомічного театру на медичному факультеті. Але довкола вже буяли приватні кафе, ресторани, совєцькі забігайлівки набирали вигляду стриптиз-барів, а «нічні метелики», місцеві красуні-путани, посміхалися звабливо, манили таїнством купованої любові. Тепер уже й це не нове: комерційний секс в Україні, як продажні політики і навіть куплені экс-президенти, – така ж театральщина, як у аматорському театрі кінця ХІХ століття. Але наприкінці століття ХХ Україна була ще нібито й не державою, але вже державою, йшла перша каденція другого Президента, владу передав Кучмі Кравчук з елегантним вихилем, аж у світі здивувалися такій культурі – виграшу-програшу держави.

А Микола Вінграновський у рідному місті справляв ювілей. Шістдесят! «Не говори, не говори, – співали красиві дівчата на сцені, – про світанковий яр», – і поет, елегантний і красивий, і ще зовсім не схожий на дідугана, Микола Вінграновський підносив до очей білосніжну батистову хустинку, а в залі плакали люди. Плакали читачі Вінграновського, бо плакав сам Вінграновський. І ніколи, ніколи, ніколи не зітреється з моєї пам'яті та сльоза та образ Поета, чий посмертний барельєф уже сьогодні, нині, тепер висить на рідній школі. Школі за номером сімнадцять по вулиці Шолом-Алейхема, п'ятдесят шість, у місті Первомайську Миколаївської області. В Україні й прах поета – на престижному Байковому цвинтарі. Але душа його – в його творах, і ця душа з нами дотепер, хоча душа красивого чоловіка й актора, поета і прозаїка світового рівня упокоїлась на київському некрополі.

Чорну троянду-ружу я там поклав недавно...

II

Банкет у готелі був і справді розкішний, і люди були – справді залюблені в Миколу Вінграновського. Первомайські керівники проголошували вельми людяні тости, шампанське, вина сухі та десертні, коньяки і горілки доповнювали багатющий стіл, заставлений чудовими, смачними українськими стравами – всього не злічити... Та пив Микола Степанович із мініатюрної чарки, та й

недовго сидів за столом і віддавався спогадам. У певну мить із родичами від'їхав до отечької чи братньої господи на нічліг. А гості – гостилися до готельної одинадцятої. З Миколаєва прибули на свято поет Валерій Бойченко та художник Андрій Антонюк – уже тоді лауреат Шевченківської премії та премії імені Василя Стуса, та ще не кавалер почесного знака «Золотий тризуб» од Євгена Марчука, заслужений художник України. Приїхав до знаменитого земляка Микола Шелест, який закінчив ту ж іменну школу, що й Вінграновський та маестро Антонюк: уже тоді в Миколаєві Шелест зумів створити нині знаменитий обласний шаховий клуб... Окремо приїхав заступник начальника обласного управління культури, прекрасний знавець і читець поезії Миколи Вінграновського і його тезко Микола Журмій, і підполковник міліції Юрій Савинов, один із книголюбів у погонах, та ще й офіцер кримінальної міліції. Свято відлунювало до ранку, я пройшов нічними «злачними місцями», аби набратися поетичних вражень і помилуватися нічним містом у зорях та рекламних огнях...

А що свято відбувалося після справжньої дати народження Миколи Вінграновського, то це мало кого хвилювало: кожен приїзд поета в рідне місто ставав святом, у Первомайську життя культурне, духовне, літературне буяло завжди – зоряний злет великого земляка ставав за духовний приклад багатьом...

«Я встав з колін, і небо взяв за зорі», – цитував я сам собі незабутні слова молодого Вінграновського, повертаючись до готелю в супроводі осяяних знайомством уже зі мною первомайських красунь. Але то був ще час поетів, а не олігархів-графоманів, і все було природним і красивим. І не була продажною мимовільна любов у провінційному місті. Як у Вінграновського:

*Готель. Сюди прибув і вибув,
Рука пальова на стіні, –
Це все немов далекий вибух,
Мов пам'ять втрачена мені.*

Прощалася, прощалася літературна епоха з нами, а ми цього ще й не усвідомлювали, все ще думали, що з епохою літературних міфів пора попрощатися і нам. Але саме «на границі епох» (П. Скунць) і відбуваються великі події.

На лезах ножів і бритв, і на кордоні свободи й неволі. Тому й тепер не зникає з пам'яті «Ніч Івана Богуна» ще з тієї, далекої книги «Сто поезій»:

*...Ми знаємо, куди йдемо,
Як наші ночі йдуть за днями,
І України знамено
Горить і корчиться над нами.*

Ці рядки часто читав у поетичному екстазі великий друг Миколи Вінграновського поет Валер'ян Юр'єв (1937–1980), коли ми з ним козакували в миколаївському світі богемної свободи. Але знайомство з самим Вінграновським у мене відбулося ще в мої нелегкі й красиві студентські літа. В Ужгороді.

Закінчував Ужгородський університет студент Дмитро Кремін'я у таких умовах. До обіду – візит на вул. Калініна, в управління КДБ УРСР по Закарпатській області, після обіду, якого не було, як і сніданку, бо стипендії в мене вже не було після обшуку влітку 1974 року, – лекції та семінарські заняття на філологічному факультеті Ужгородського держуніверситету. Про ці мої «пригоди» я вже розповідав тогоріч у мукачівській газеті «Старий замок» напровесні, в «Україні молодій» – у числі за 30 вересня.

Золотої ужгородської осені, по секрету, мені повідомив поет Петро Скунць, опальний автор поеми «Розп'яття», тираж якої «порізали» (нині покійний поет Дионізій-Микола Матола дещо вкрав буквально з-під ножа) ще 1972 року, приголомшливу новину: «Завтра в Ужгороді буде Микола Вінграновський – давай, приходь на «корзо» (тоді це була вул. Суворова, але всі називали її малярським іменем). Була це осінь 1974 року, року трагічного для всієї української інтелігенції, а письменників – у першу чергу. Два роки тому в Петра Скунця пустили «під ніж» уже видану поему «Розп'яття», яку рецензією «зарівав» для ЦК ЛКСМУ Микола Нагнибіда. Нібито Микола Львович і любив поета, ще молодого, в дев'ятнадцять прийнятого в СПУ разом із Василем Симоненком, але... Але була осінь 1974 року, з Москви вже вислали О. Солженіцина, з Ленінграда – Й. Бродського, чекав арешту Олесь Бердник у Києві, то й приїхав по захист до опального Івана Чендея, чию книгу «Березневий сніг» іще 1968 року почали громити, а прозаїка перестали друкувати...

Але по в'язницях сиділо багато українських бунтарів і дисидентів, атмосфера була гнітюча. Та страху не було в поета Петра Скунця, в поета-студента Дмитра Креміня: я поводи́в себе з гідністю та з викликом. Думав: будь що буде, а вмирати краще поетом, аніж зламаним покаяльником. А тоді «Літ. Україна» друкувала покаяльні листи – одного за одним українських письменників, і калялися там учора́шні мої кумири...

На велелюдній, аристократичній «корзо» другодня я й побачив уперше Миколу Вінграновського в дружньому колі ужгородця Петра Скунця, киянина Юрія Сердюка з дружиною, творця поетичного театру зі Львова Святослава Максимчука. Для такої зустрічі та для майбутнього «товариського суду» на факультеті мені подарував американський костюм геній андеграунду, художник Ференц Семан, близький друг Сергія Параджанова, маляр з українським серцем, який у своєму підвалі так і вмер, не дочекавшись визнання вже від української влади в особі шкурного керівництва. Гай-гай, а тоді...

Височенний, плечистий поет із невеселими очима загнаного високого коня прострелив мене блискавичним поглядом і подав руку юному поетові-дженджурику в американському срібному костюмі:

– Вінграновський.

Рука була широка і тепла, та я відчув у долоні: вона – без вказівного пальця. Потому, вже потому дізнався звичний для дітей воєнної пори сюжет: у степу Микола-пастушок із ровесниками знайшли набой, патрони, міни та снаряди, поклали їх у багаття...

Микола Вінграновський тієї осені уже був опальним поетом, автором «Атомних прелюдів», книги «Сто поезій» і вибраного «Поезії», яке мало вийти у «Молоді», та з'явилося в «Дніпрі»: комсомольським вождям було діло до всього, воно, це комсомольське начальство, а нині – капеушне вождівство, «зарубало» в серії видань «із трояндою» у видавництві ЦК ЛКСМУ «Молодь» і книгу вибраних поезій Миколи Вінграновського, й Петра Скунця. Тоді Микола Вінграновський активно працював у кіно, а писав поезії для майбутніх уже книг, які вийшли аж у вісімдесяті: «На срібному березі», «Губами теплими і оком золотим»...

Ореол великого поета вживався мені довкола високого чола з зализинами на сльотавій ужгородській вулиці й тоді. Хоча зауважив для себе його на диво скромний костюм і пересічний плащ: ужгородські поети ходили в модних тоді лавсанових костюмах, і лише потому Петро Скунець відкрив, що на буржуазний Захід радянських людей не пускають саме тому, що вони – в лавсані, а це матеріал для... сидінь в автобусах. Отже, що лавсан, що кирза, що галстуки на гумових шнурках – «невійзні» в Європу. Навіть соціалістичну.

Як зараз пам'ятаю: сиділи ми на другому поверсі, літньому поверсі ресторану «Верховина» (тепер – «Корона»), пили з маленьких чарочок горілку та з мініатюрних чашечок – ужгородську знамениту каву. Микола Вінграновський відлюдкувато мовчав, зацьковано оглядався по боках, а Скунець і я розказували нашим гостям, за яким столиком за нами дивляться «сексоти»...

Потому піднялися всі й подалися в гості до Скунця: гості ще мали їхати на літературні виступи червоними «Жигулями» Юрія Сердюка далі. Випили на прощання в двокімнатній квартирі Петра Скунця пляшку горілки, Микола Вінграновський щось записав Петрові та його Оленці на спомин...

Але поет Микола Вінграновський був із молодими тоді ужгородцями постійно: шукали його публікації, переклади в «Дніпрі», зрідка – у «Вітчизні». Читали в напівопальному журналі «Дукля», українському журналі, що виходив у Пряшеві, в Словаччині, вірші Миколи Вінграновського, і читали його трепетно-ніжні поезії в українських календарях, які приносили-привозили наші друзі з Польщі, львівський наш друг Грицько Чубай розповідав про велике кохання Миколи та його львівської обраниці... Іван Дзюба сидів у слідчому ізоляторі КДБ УРСР у Києві, а Дионізій-Микола Матола потай давав мені читати журнал «Дукля» за 1968 рік із статтею Івана Дзюби про «Сто поезій» Миколи Вінграновського, про велику гармонію в поезії його та про скімливу дисгармонію – в поезії Івана Драча...

Друзі-нафтовики Володя і Богдан розказували мені, як Микола Вінграновський перебуває опалу: матінка його привозить йому мішок гречки з Первомайська та барило сала, а горілку вже купляє сам поет і кіноартист. А що було в цьому правдою, що вигадкою, хто скаже? Схожі мотиви є в поезії Миколи Вінграновського, проте мені й за чаркою було ніяково питати поета про те, звідки в нього таке меню для поетичного рядка: «насмажимо з підчеревини шкварок». А мо', свині прямо по Хрещатику бігають? Або на кіностудії імені Довженка? Та сам я обідав у кафе «Ліра» біля кіностудії, тоді там пахло українським Голлівудом...

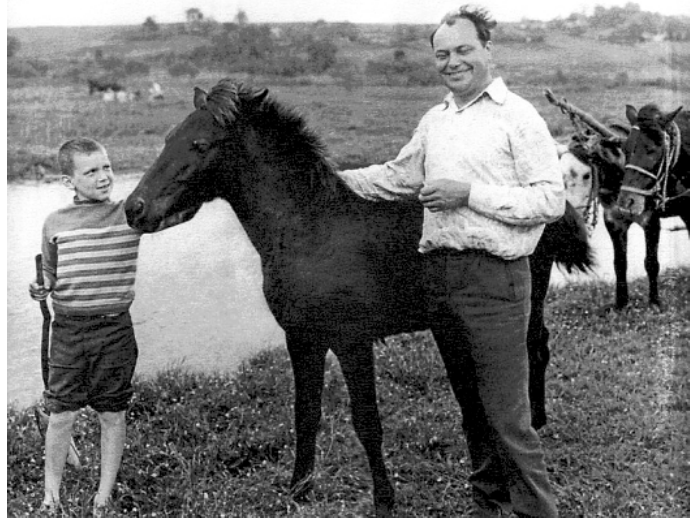
А приголомшила мене перша повість, проза поета – «Сашко і сіроманець». У журналі «Дніпро» показав мені цю повість мій друг і співтрапезник, тезко Дмитро Кешеля. Він тоді квартирував у мого колишнього вчителя німецької мови зі школи-інтернату номер 2 по вулиці Гагаріна, 36, напроти стадіону, де я колись побачив у грі з великого тенісу великого американського кіноактора (він помер, а ще недавно був чоловіком Елізабет Тейлор) – Рода Стайгера, Наполеона з кінофільму Сергія Бондарчука «Ватерлоо».

З Дмитром і Василем Степановичем пили ми «Старку», закушуючи оленятиною, яку Кешеля привіз із відрадження, підробляючи на обласному радіо. Дмитро мене знайомив із прозовими новинками – «Каналом» Івана Григурка, страшно розхваленим романом молодого херсонського газетяра, з яким я подружився вже в Миколаєві, де й сам жив після Ужгорода, чотирирічної «опали» в Казанці і вже ставши членом Спілки письменників СРСР, і повість Миколи Вінграновського «Сашко і сіроманець» у «Дніпрі» показав мені Кешеля...

Страшенно цікавою, химерною видалася мені та повість, од першого рядка про те, що зовсім недавно, триста років тому (?!), над великим степом і пірамідами Хеопса пролітала ворона, і сам сюжет, у якому піонер Сашко осліпленого вовка провадить в Одеську клініку для сліпих імені знаменитого академіка Філатова...

Коли я був у Польщі з Миколою Вінграновським року 1988, то я вже знав: він пише роман «Северин Наливайко». Оселившись у готелі при Свенжеку пісажів пультських на Королівській площі у Варшаві, Микола Степанович водив мене на те лобне місце, де стратили Северина Наливайка. Розказував мені й харківському поету, тоді головному редактору журналу «Прапор» («Березіль» нині) Юрієві Стадниченку, про те, як мучили козацького ватажка і сотника королівського війська перед тим, аби на віки й віки ніхто в Україні не повстав проти ясновельможного панства. Але повстання йшли та йшли...

У місті Лодзь у готелі часто ми частувалися «винком крайовим» і «пивком крайовим» після зустрічей і застоль із Станіславом Тельнюком, але зазвичай переходили на історичні теми і козацьку горілку. Коли її не ставало, то до гамазеї рушав наймолодший поет, і я купляв то «Виборову» за тодішні 30 000 злотих, а то в наших земляків під магазином – «Столичну» з-під поли. Йшла велика перебудова, з'їзди нардепів СРСР, і був у фаворі Михайло Горбачов, а велика барахолка з СРСР уже почалася: гори телевізорів у Польщу ще Войцеха Ярузельського, але вже й Тадеуша Мазовецького та живого-здорового Леха Валенси везли поляки, а наші співвітчизники – горілку й праски, аби виручити тут американські долари. Справді, за червінець із Леніним можна було купити хіба що пляшку «винка крайового», горілка була дорогою. Що за злоті, які міняли на долари, що за рублі. Та говорили ми про інше. Про те, як живе українська діаспора в Польщі. Про історичну несправедливість і «операцію «Вісла». Про єдину в Польщі українську гімназію в м. Білий Бір аж під Балтійським морем, куди вигнали зі споконвічних земель бойків і лемків унаслідок операції «Вісла». Ми бачили пам'ятники поляку Феліксу Дзержинському на радянській службі, главі ЧК, по лікті замальовані червоною фарбою, як кривавому кату. «Армія Крайова», «Солідарність» – уже все це було на вустах у гордих поляків. А ще в Лодзі показав нам Дмитро Павличко, глава нашої письменницької делегації (до її складу входили також Роман Лубківський і Павло Мовчан, Галина Турелик і Ганна Чубач, Володимир Панченко та Станіслав Чернілевський, Сергій Бурлаков і Яків Оксюта з СПУ, Юрій Стадниченко і Степан Пушик, – пробачте, колеги, якщо кого забув або кого згадав лише побіжно, спогади – про самого М. Вінграновського), могилу Айри Олдріджа, американського актора-коміка, якого малював Тарас Шевченко. Саме тут, у Лодзі, обірвалося турне актора-негра... Ну, а про уродженця міста Юліана Тувіма було говорено-переговорено теж багато. Та найбільше, крім дискусій із польськими колегами, цікавилися ми життям українців у Польщі, їх церквами, умовами діяльності товариств і клубів, газетами і календарями тощо. Вже в Білому Бору Микола Вінгранов-

ський так читав свої поезії вчителям на чолі з пані Марією Мандрик-Філь, учителькою і великим знавцем української літератури з материкової України, що ридали і діти, і вчителі. Не раз по тому потай говорили ми з Миколою Степановичем про те, як живемо ми самі, чому так сталося, і чому такі написи зустріли нас у гімназії: «Мати велика Україно, – писали діти, – забери нас до себе, бо нам тут дуже тяжко...»

Плаче українська душа тепер уже не тільки в Білому Бору, коло Білого моря, проте уроки того незабутнього поетичного турне в пам'ятку всім учасникам його. Всім живим і діяльним іще українським письменникам. І будемо сподіватися, що бодай тепер нас не одурять. Уже за прикметних часів після Помаранчевої революції та тріумфу Віктора Ющенка. Ще є віра в людей у те, що відродимось у славі, а не в ганьбі. Мертвий Микола Вінграновський не простить і мені, і вам.

III

Мені випало зустрічатися з великим українським поетом і прозаїком, кіноактором і кінорежисером, а назагал – унікальною людиною, яких у нас і за сто років народжується лічені одиниці, – кілька разів. Але це пам'ятні зустрічі. Скажімо, письменницький з'їзд 1986 року проходив у сесійній залі Верховної Ради УРСР. У страшенному режимі після чорнобильської трагедії та в умовах подолання її. Не в запланованому травні – в спекотному і вже без дітей Києві. Які сміливі були тоді наші письменники, тепер би їм той пафос, звитягу, та законодавчий геній, та просту людську порядність і чуття міри в обранні фракцій і многолітнього сидіння в українському парламенті.

За банкетним столом у Варшаві, в польській прорадянській спілці письменників, уже тоді з українських письменників народжувалися великі політики: Дмитро Павличко домовлявся зі Степаном Пушиком про голоси електорату! У цій хитрій комбінації до Верховної Ради СРСР потрапляв Дмитро Васильович (і потрапив, і виступив із трибуни – ого-го!) – Степан Григорович тоді ставав депутатом Верховної Ради УРСР (ледь одбув одну каденцію поет і прозаїк, а коли переконався, *хто* там зібрався, кинувся додому, за письмовий стіл). У тодішній буремній Польщі почався великий політичний шлях і поета-перекладача-есеїста Павла Мовчана, лідера «Просвіти», і Володимира Панченка, нині проrektора відродженої Києво-Могилянської академії. Залишається лише пошкодувати за тією атмосферою майбутнього українського ренесансу. За тими нічними бесідами на вулицях Лодзі зі Станіславом Чернілевським, який тоді знімав документальний фільм про Василя Стуса. В трьох серіях. І про все трепетне й хвилююче, що бачили ми на дорогах Речі Посполитої, нашої високопатріотичної сусідки. В кафедральному костелі Варшави, куди ми зайшли з Вінграновським і Мовчаном, побачили в крипті серце Федеріка Шопена і серце Владислава Раймонта, прах Адама Міцкевича, – он як шанують сусіди своє минуле, без якого немає майбутнього в жодного народу. Час уже показав: дух непокори не вмер і в козацького народу!

Але я – про Миколу Вінграновського, з яким я вийшов із сесійної зали Верховної Ради УРСР і поїхав із ним у письменницький дім на вулицю Чкалова. Коли ми вийшли з білої «Волги» з «шашечками», з базару поверталася немолода жінка: «Тамара вже все купила, – сказав мені Микола Степанович. – І горілоньку теж. І чумацьку тараню купила Томочка...»

Я досі не знаю, хто ця Тамара. Ота романтична перша любов Миколи, стюардеса, котра спилася, за слухами? Але ж Андрійко Вінграновський із Америки не встиг на похорони батька, а від другого шлюбу дітей у поета не було вже...

Все це було в стилі Вінграновського: Тамара з кошиком, яка купила все в Марії, що «на базарі рученьки ісклала», стара жінка, яка була героїнею шедевра «Я сів у той літак...» – і не була героїнею любовного роману на все життя... Як усі, кого люблять мільйони, Микола був самотнім і в любові.

У березні 1986 року Микола Вінграновський приїхав до Миколаєва на відкриття нового пам'ятника Т. Г. Шевченку, – в такому запорошеному березневим снігом дні він у пам'ятку мені й досі, читає і читатиме вічно вірша біля бронзового Тараса Григоровича. В пам'ятку мені цей казковий чоловік і з нашого козацького, нашого гіркого застолля чорнобильського літа 1986 року, – тоді я подарував йому свою авторучку з золотим пером, коли йому просяяло натхнення, й він почав імпровізувати за столом із чарками, горілкою і чумацькою таранею...

А яким обнадійливим був перший (і останній) фестиваль української поезії – всесвітній фестиваль! – і виступ уже на закритті Миколи Вінграновського в Палаці «Україна»! Поет читав зі сцени своє «Слово» («Вночі, серед ночі хтось тихо до мого серця підійшов...»), – через півтора десятка років усе так і вийшло, так і справдилося: дихнуло лихо, час прийшов – і полетіла зоря Миколи

Вінграновського з небосхилу, як зоря молодого Шевченка в його поетичному шедеврї молодих, вінграновських літ.

У мені й зі мною живе цей тасмничий поет, і його невмирущий голос усе звучить серед степу і серед моря, серед серця і серед космосу, бо небо впаде на землю, якщо ми забудемо це ім'я.

Простіть нас, Миколо Вінграновський...

МЕМОРІЯ

Постскриптум

IV

Микола Вінграновський помер і похований на Байковому кладовищі. Його похорони зібрали біля Будинку письменника тисячі людей – це був іще травень 2004 року, від Банкової, 2, де ще й досі Національна спілка письменників України, до якої все ближче підступає «дім з химерами», до Банкової вулиці, 11, де тоді була Адміністрація Президента Леоніда Кучми, як тепер Державний секретаріат нового Президента, пролягла смуга відчуження і ненависті, неприйняття автаркії місцевого походження. Гнівні монологи виголосили класики тієї літератури, до якої належав

і сам небіжчик, – і хоч-не-хоч, а класифікація давніх часів і віртуальна «табелю о рангах» залишилася й досі, як рудимент тоталітарної системи та автаркії часів недавнього режиму. Прах поета впокоївся на аристократичному плацдармі перед штурмом вічності, а меморіальна табличка – на школі, в якій він колись навчався. Вже посмертно вийшов том поетичних і прозових творів Миколи Вінграновського в бібліотеці Шевченківського комітету, тритомник його творів у одному з регіональних видавництв...

Поет умер – поет воскресає, він продовжує жити своїми творами. Беріть, читайте, випростуйте зігнуті спини! Але українське бунтарство – специфічно національне, як минулі президентські вибори. Як у часи Северина Наливайка чи й навіть Богдана Хмельницького, страшна і грізна потуга народних мас закінчується то Берестечком, то Переяславом, а то й катастрофою Полтави та Батурина. З народних улюбленців постають люди з такими символічними іменами, що краще б і не гортати з бромом українську історію, помножену на українську географію, а тим паче на нинішню українську топографію, де навіть не змінили з Южноукраїнської АЕС на Південноукраїнську АЕС, як це писалося за ненависного колись Щербицького, назву атомного монстра, що знищить усю «землю Вінграновського», від Первомайська до Братського. Як мінімум. Але нині слово поета, навіть такого видатного, як Вінграновський, уже, здається, нічого не значить – епоха масових видовищ і рокова глобалізму надворі!

Українська література, українська історія народила теперішню політичну систему, реальний і потаємний конструкт якої навряд чи доступний і сучасним імпровізаторам од великої політики. Політики перейняли від літераторів усі масові «бренди», маючи за собою фінансові «тренди», – справді, навіщо тепер сучасні перебенді з яворівськими?

І мій високоосвічений син, із болем і стражданням за мою патріархальну сентиментальність і повну неуспішність у новому політикумі та невміння користуватись Інтернетом, таки прямо виказує претензії до мого розуміння «феномену Вінграновського»:

– Такі спогади міг би написати і будь-хто з науковців. А тебе Вінграновський любив, писав такі листи, надсилав фотографії, рукописи всіх своїх творів дев'яностих років: і «Наливайка», і «Манюню», і «Чотирнадцять столиць України», запрошував порибалити на річку Рось...

Усе це, звичайно, так. І з'ява великої літератури в Україні ґрунтувалася на бунтарському несприйнятті реальності, як узагалі «золотий вік» будь-якої цивілізації – поетична фантазія. І лиш. Але яка красива! Поетичні візії самого Шевченка, особливо його конгеніальний цикл «У казематі»

– як українська свангелія, як еталон українського життя поза простором і часом. Але це ще не пояснення того магічного поетичного феномена, який і сформував українську націю що напередодні революції 1917-го, що революції 90-х років ХХ століття, і недавно революцію на Майдані.

Один із літературних критиків, уже з покоління мого сина, справедливо зауважив: літературна епоха закінчилася 1991 роком, а далі почалася епоха політтехнологій. І поет утратив своє місце в душі народу як пророк і страдник, як месія й медіум. І не лише в Україні. В Росії – книжковий ренесанс, але великої літератури, за думкою самих росіян, немає й там.

І це справедливо, хоча й жорстоко. Ні телебачення, ні радіо, ні тим паче книгописання в Україні не дають підстав думати про потенційний духовний розквіт, про новий ренесанс в Україні. Але чим тоді пояснити непоясниме, як збагнути неймовірний інтерес до художнього слова ще недавно? І чому нині спілка письменників – чи то НСПУ, чи то АУП – бачиться вже новій владі, прикликаний і породжений саме літературними символами, такою ж

архаїкою, як шкільний гурток авіамоделювання, коли в ці речі можна погратися в першому-ліпшому Інтернет-кафе?

Немало з літературних перевесників самого М. Вінграновського, з плеяди шістдесятників, зробили із літературної кар'єри – політичну. Ім'я їм, звісно, далеко не легіон, і на всіх не вистачить віп-залів і персональних пенсій, зарплат і посад у системі влади. Микола Вінграновський ніколи не був ані при владі, ні з владою, яка його то лякала, то приручала, не став і в нові часи речником і творцем двох режимів поспіль: у всі часи він уявно або явно захищав свою суверенну територію творчості. Чи то знімаючи фільми, чи знімаючись сам. А найголовніше – пишучи свої неповторні поезії та повісті, есеї про втрачені, як і сама держава, столиці України.

Один із плеяди шістдесятників, і то в молоді літа – з найяскравіших і з тих, кому на старість не треба заробляти на репутацію і на хліб мітингами коло парламенту чи письменницькими з'їздами на вулиці, достатньо «інтегрований» у міжнародний літературний істеблішмент іще з тих же 60-х, – недавно написав мені вистражданий й суворі у своїй правдивості слова: «...Вам важче й легше, ніж було моєму поколінню. Ми малою групкою проскочили крізь малу шпариночку, й цілком можливо, що слідом за нами перед стіною, що зійшлася й замурувала усі шпари, лишилися люди, талановитіші за Драча, за мене, за Вінграновського (покійного, аж не віриться досі). Нам шалено поталанило; хоча над нами чатували цензори з ножицями, але були й читачі! Нас слухали, ми збирали стадіони й театральні зали – те, чого у такому обсязі не маєте ви. В передмові до своєї американської книжки я писав, що така популярність могла бути лише в країні, де люди зневажають свій уряд і не вірять йому. На нас сподівалися, як на порятунок з усіх неподобств, більше, ніж на парламент чи Раду Міністрів. Згодом це минуло, але Ваше покоління, талановите, збережене в повному складі, з усіма своїми геніями й усіма ідіотами, потрапило в період народної утоми. Все одно пишуть; у Ваших віршах про Майдан є відчуття того, що пече й мені: люди виходили, знаючи, *проти чого* вони, й не знаючи докладно, *за що саме...*» Я свідомо ризикую не виправдати надій і мого улюбленця-сина, і його академістів-друзів, друзів-академістів: у нашій історії, а не лише історії літератури, бували й не такі правителі, як ті, кого ми привели на Олімп із Майдану. І я беру на себе сміливість означити всю нашу епоху як середньовіччя з Інтернетом – не заради красивого лише образу. Так воно є. Доки я збирався на риболовлю з Миколою Вінграновським, із ним рибалили інші, та не впіймали ні золоті рибки од близькості з генієм, ані впіймали великого поета в нетрі своїх далекоглядних ловецьких «проектів», як модно нині говорити. Доки ми плекали читацьку рибку-Україну, вона відпливла до Стамбула та на Апенніни й по Гібралтару: як у середньовіччя України, в Руїну та в Роксоланію співвітчизники наші трудилися на галерах і в гаремах, так і нині мовчки, по-волячому трудяться, а на політичному Олімпі соромляться державної мови, яку зазвичай і про себе, і про людське око вважають сиволапою, мужичою, вигадкою ворогів такої рідної Москви. Але й це відомо: переможець не отримує нічого. Садок вишневий коло хати зрубали, хату спалили – та це «бренд» іще Тараса

Шевченка, об ім'я та пам'ятники якого хто лише не витирав свої графоманські й інтернет-чоботи та безтрепетні рученята. Хай і так. У далекі заморські краї відлетіли і «гуси в сірім кімоно» Миколи Вінграновського, і в Україні, цих «Старостинцях з лободою», діди-прадіди ліричних монологів уже не проголошують. І вся ця поетична земля пішла на торг до нових глитаїв опісля героїчної епохи національних змагів. Уся земля?

Але є ще територія Слова, якому перед смертю висповідався, яким причастився Микола Вінграновський. І я чомусь усе не можу звільнитися від думки, це таке моє «дежа вю», що посмертна книга, том вибраних творів його – з інтригою книжки «Сто поезій». Іван Дзюба, найглибший поціновувач і дослідник поезії М. Вінграновського, ще в тій напівзабороненій рецензії на другу книжку «Сто поезій», один-єдиний підрахував кількість віршів і відкрив: у книзі... тільки 99 творів! А сотий де? Може, поет символічно означив отой сотий вірш – іще не написано? Бо тяжко зізнатися, що його просто викинув редактор. І ця інтрига житиме й далі, я думаю: де сотий вірш із книги «Сто поезій»? Але том вибраного для бібліотеки Шевченківського комітету Вінграновський формував сам – і викинув багато поетичних шедеврів, як на мене! Лише двадцять віршів було в книжечці «Губами теплими і оком золотим», і чи не єдиним справжнім шедевром для мене був і залишається вірш «Поїхали у Сквиру по гриби...» А в томі мало не на тисячу сторінок ця болісна й незабутня елегія відсутня! Чому? Для чого поет сюди включив і раніше без ентузіазму зустрінуті читачем вірші? А цей – «списав»?

Але в священному колі найулюбленіших поетичних шедеврів Вінграновського, які зі мною живуть і не вмирають, як сам поет, і потепер мені звучить, тихо голосить, голосно шепоче незабутній Везувій-голос:

*Поїхали у Сквиру по гриби,
На свіже слово, на меду на темні.
Поїхали за тіннями орди,
Що здавна знані, здавна навіжені...
Там дядько крише підсвинкам буряк.
Там тітка гусям:
– Гиля, гуси, гиля...
Там жовтими квітками коров'як
по наших, по козацьких, по могилах
Цвіте і плаче жовтими слізьми.
.....
Ми ж карасів наловим до обіду,
Та ще й горілки вип'єм, як на те.
І так поїдемо, і зникнемо без сліду,
Що й коров'як по нас не зацвіте!*

Цей вірш написано ще тоді, коли було далеко не тільки до незалежної України – ніхто не думав про Чорнобиль 1986 року, на якому заробили «до» і «після» мнози та мнози колеги Миколи Вінграновського. Та й після всього високого й трагічного саме він проголосив істинну правду про незнищенність України: що б там не було з нами, але бджола своє співає над малиновим буряком, а якщо не замело – не замете: була б колиска – будуть діти...

Свої діти і в поетів стають відлюдними й чужими, а чужі Миколі Вінграновському зведуть пам'ятник у душі, як увесь народ України став дітьми вічного парубка Тараса Шевченка. Та це тема вічна...

ПОЕТ ЗОРІ – ОБЛИЧЧЯМ ДО ЗОРІ

Постпостскриптум

V

Тема ця – вічна. Поет і цар. Поет і вічність. А коли Микола Вінграновський і справді тепер на «срібному березі», на березі вічності, березі Лети – його творчість уже мені бачиться не сузір'ям у небі, не зорею в плеяді зоряних імен, він уже сам – як зоряне нічне небо.

І коли читаєш підряд однотомник із бібліотеки Шевченківського комітету, знаходиш оті шедеври, без яких уже не мислиш ані себе, ані своє покоління, яке доходить зоряного шляху в небуття і посмертну славу...

У томі вибраних творів одичний вірш «Поїхали на Сквиру по гриби...» вміщено під 1980-м роком, а я його шукав під роком виходу книги «Губами теплими і оком золотим». В авторській, отже, – канонічній, редакції цей вірш увічнено так:

*Поїхали на Сквиру, по гриби,
На свіже слово, на меду на темні,
Поїхали за тіннями орди,
Що вічно юні, вічно і зелені.
Де дядько крише підсвинкам буряк,
Де тітка гусям – гиля, гуси, гиля! –
Де жовтими стрічками коров'як
На наших на козацьких на могилах
Цвіте і плаче жовтими слізьми,
Очима жовтими – одна-єдина квітка!
Любове дорога моя бездітна,
Моя удово, вибачте, – це ми.
Ми карасів наловим до обіду,
У балачки полізем як на те,
І так поїдемо і зникнемо без сліду,
Що й коров'як на нас не зацвіте.*

Мені шкода хоча б отого другого рядка четвертої строфи, але автор – це автор, а я не люблю самозваного редакторства класики. Та й мало хто пам'ятає, що ставили на стіл до карасів у часи живого Брежнєва: горілку чи газету «Правда». Тим паче, мова про посмертну редакцію, посмертну книгу.

Пам'ятного 1986 року до 50-річчя Вінграновського вийшов солідний однотомник його вибраних поезій і прози, ще без роману «Наливайко», без есеїв «Чотирнадцять столиць України», екранізувати які вдалося автору лише частково (в мене в архіві зберігся знімок із дарчим написом: Микола Степанович – перед картиною, де бурхливе море гойдає козацьку «чайку», це знімався документально-історичний фільм про Батурина), і без інших творів, які ввійшли в посмертний том. А найбільше мені в пам'ятку те, як у нашій обласній газеті «Радянське Прибужжя» (тепер уже – «Рідне Прибужжя»), лише дух абсолютно радянський і підневільний, під кермом уже «помаранчевих» русоп'ятів і правнуків «інтеграторів» часів Северина Наливайка та Буджацької орди) ми друкували все нове, що виходило з-під пера великого сучасника нашого. За підтримки великого друга самого Вінграновського, журналіста й поетолоба Всеволода Ільїна, на газетних шпальтах з'явилися ці фрагменти роману «Северин Наливайко», всі «Чотирнадцять столиць України», вся «Манюня», пізній прозовий шедевр Миколи Степановича! Та це були вже 90-ті роки, а в 1986 році я кілька разів бував у колі знаменитого чоловіка!

У престижному «обкомівському» готелі «Інгул» жив Микола Вінграновський у номері «люкс», і приймав гостей, і на столі були не лише чумацька тараня та мінералка, незважаючи на горбачовсько-лігачовську кампанію супроти «зеленого друга», як єхидно літературна богема величала «зеленого змія». Та п'ятдесятилітній поет у білосніжній, випрасуваній сорочці пив з усіма лише «за кумпанію», пригубивши гранчак, і брав із папки білосніжні аркуші паперу, покриті його крупними буквами. За стінами номера, в якому жив Микола Вінграновський, шуміли якісь цигани, бриніла гітара, нетверезі голоси наспівували плаксивий романс, але вони стихали водномить, коли верховний, господній голос починав:

*У Старостинцях з лободою,
Де гуси в сірім кімоно,
Де молодію ще любов'ю
Говорить літо у вікно,
Де з гарбузами таракуца
Пригріла боки на горбку,
Де мак об вітер лобом буца
І діжка мокне у ставку,
Де стежка оббігає хату*

*Попід криницю в споришах,
Де у відрі нетямкувато
На себе дивиться лоша,
Де хмар – одна за одну вища –
Іде обвіяна теплінь,
Де липа й дуб, де клен і вишня
Не розберуть, чия де тїнь, –
Там дід із прадідом на пару,
Напившись з медом кисляку,
Сидять удвох і під гітару
Співають тихо в холодку...*

Я тепер опускаю дві пісні, прочитані в готелі, аж цигани замовкли, діда, прадіда та їх дует – усе головне вихлюпнулося в фіналі цього віртуозного поетичного твору:

*...У Старостинцях з лободою,
Де гуси в сірім кімоно,
Де молодію ще любов'ю
Говорить літо у вікно,
Де дітлашня чека гостинця, –
З базару мама он, дивись!..
У тих веселих Старостинцях,
Де вперше плакав я колись...*

«Сіль» поезії – в цьому контрасті: Старостинці веселі – поет уперше плаче. Проте інтрига вірша – затаєна: мені не віриться, що поет плаче од того, що дід із прадідом не почастивали його кисляком. А любовна драма лише помислюється, а любовних драм у житті Вінграновського мало бути немало. Лише велика і вірна любов у нього була одна, і вона тепер – вдовою...

Навесні 1986 року – великий том у «Дніпрі», з прекрасною передмовою Івана Дзюби, однотомика у перекладах російською мовою – в «Советском писателе», миколаївське поетичне турне, читання «Слова...» біля пам'ятника Т. Г. Шевченкові – бронзового Кобзаря, подарованого (дух часу!) місту Миколаєву скульптором Ганною Ковальчук і архітектором Володимиром Щедровим, і великі надії на оновлення, перебудову, гласність. А в квітні, мало не на Великдень, – чорнобильська катастрофа. Головний письменницький з'їзд у будинку Верховної Ради. І наше з М. Вінграновським застїлля на двох, і його миттєва імпровізація, зі сльозами на очах, у постчорнобильському трансї, з мукою на прекрасному, неповторному обличчі найкрасивішого українця столїття й одного із найбільших українських поетів за всю історію нації.

Навесні – ніжне, ліричне, сентиментальне «Сеньйорито акаціє, добрий вечір» у покинутому дїтьми Києві, в письменницькому домі – згорьоване, трагічне:

*Я б тебе заховав за коня чи могилу,
Та могилі й коню де ховатись самим?
Я б тебе заховав за Дніпра тиху спину,
Та Дніпрові самому сховатись за ким?
Я б тебе заховав, та за що і за кого?
Чи за серце своє, що в гуді цїй гуде?
Я б тебе заховав серед неба у Бога,
Але небові й Богу сховатися де?*

1986

Химерне літочислення України ХХ–ХХІ столїть. У день народження Віталія Коротича – 26 травня 2004 року – вмирає Микола Вінграновський. Усе менше їх, істинних поетів, усе менше й менше тієї України, за скорботними датами якої не видно її справжніх синів.

А народився Микола Вінграновський 7 листопада 1936 року, тепер ця дата – як дата сходження українського Данте в українське пекло. Микола Вінграновський уже пройшов свої пекельні дев'ять кіл, а ми все ще в дорозі. Куди?

2004–2016

Александр МИТРОФАНОВ

ГОВОРИТ «РАДИО НИКОЛАЕВ»

*Нам не дано предугадать,
Как слово наше отзовется...*
Ф. И. Тютчев

Первые воспоминания о радио связываются у меня с большой чёрной тарелкой, висевшей в нашей квартире на улице Мархлевского в Николаеве. Как сейчас слышу бодрый голос диктора, призывающего присесть, разводить руки в стороны, потягиваться, ну и так далее... Утренняя зарядка. Наверное, это был 1952 или 1953 год. Тогда уже я потихоньку начал осознавать окружающее. И не последнее, ох не последнее место в нём занимало радио. Навскидку вспоминаю наиболее популярные радиопрограммы, без которых тогда мы просто не могли представить себе жизнь: «Радионяня», «Сказка за сказкой», «Пионерская зорька», «Театр у микрофона», позже «С добрым утром» и многие другие. А футбольные репортажи, доводящие слушателей до белого каления?! А сообщения ТАСС, при которых замирали все в доме – слишком свежа была в памяти недавняя война.

Радио... Нам, мальчишкам пятидесятых, казалось, что оно было всегда: сначала в виде чёрной тарелки, потом в форме небольших тёмных деревянных коробок-радиоточек, потом появились солидные агрегаты с загадочно мерцающей шкалой настройки и вариометрами, затем и вовсе – комбайны с проигрывателями, транзисторные приёмники, помещающиеся в мыльнице. Но всё имеет своё начало и, увы, конец. До конца, будем надеяться, нашему радио ещё далеко, а вот что касается начала, то у Николаевского радио оно было очень даже интересным.

Всем! Всем! Всем!

26 июня 1914 г. «Николаевская газета», кстати, довольно информированная, интересная и профессиональная, писала о том, что по распоряжению окружного управления по квартирному довольствию войск Одесского военного округа планируется постройка в городе Николаеве радиотелеграфной станции и артезианского колодца при ней. Работы решено было начать немедленно, чтобы закончить их к 15 ноября текущего года. Общий расход по сооружению указанных построек, согласно утверждённой смете, составлял около 30 тысяч рублей. Неумолимо приближалась роковая дата – 28 июля – начало одной из наиболее кровопролитных в истории человечества Первой мировой войны. И радио, собственно, и рождённому как средство связи между военными кораблями, пришлось уже в начале существования выполнять далеко не мирные функции, служить уникальным оружием военной разведки.

В царской России тогда была в короткие сроки создана мощная система сухопутной и морской радиоразведки. Эта система предполагала наличие мощных радиостанций, часть которых находилась в тылу и должна была путём засечек радиолокационным оборудованием определять местонахождение неприятельских радиостанций и отслеживать их перемещение. Радиостанции большой мощности обязаны были перехватывать радиосообщения Берлина, Вены, Будапешта, Софии, Мадрида, Северной Америки.

Стационарные радиостанции – Московская, Царскосельская, Николаевская, Тверская – должны были осуществлять перехват дипломатической переписки, коммерческих радиogramм, переписки главного командования противника. Анализом радиоперехвата сообщений войсковых радиостанций противника на фронтах занималась радиоразведка штаба Верховного Главнокомандующего. Об этом довольно подробно и увлекательно пишет в своей книге «Золотое ухо» военной разведки М. Болтунов.

В 1914 году в Николаеве, в районе Ракетного урочища, начала действовать мощная радиостанция. В Государственном архиве Николаевской области хранятся документы, свидетельствующие о наличии и успешной работе этой радиостанции. Это был комплекс, состоящий из 16 стометровых антенн и радиоаппаратуры фирмы «Маркони», мощностью 100 киловатт. Благодаря этому оборудованию радиостанция могла принимать и передавать сигналы на расстоянии семь тысяч вёрст.

К сожалению, мне не удалось обнаружить документы, свидетельствующие о конкретных результатах деятельности николаевской радиостанции в годы Первой мировой войны, да это и не удивительно, принимая во внимание сугубо секретный характер этой деятельности. Зато последующий период и в архивных документах, и в печати отражён достаточно полно. 25 октября 1917 года в Николаев пришла первая весть о событиях в Петрограде: «Петроградский гарнизон и пролетариат низвергли правительство Керенского, восставшее против революции и народа...» Эта новость была принята по радио.

В областном архиве хранится папка с документами и комментариями нашего земляка, известного военного историка П. Д. Мушинского. Он работал и в местном, и в центральных архивах. Из его изысканий можно узнать, что после победы советской власти на юге Украины мощная радиостанция обслуживала Совнарком РСФСР и Совнарком УССР. Одновременно Николаевская радиостанция служила Южному бюро Коминтерна, входила в связь с международной, прежде всего европейской, общественностью, передавала позывные: «Всем, всем, всем!...»

Летом 1919 года Николаевская радиостанция имела двустороннюю связь с Каиром, Мадридом, Парижем, Науэном (Германия) и другими городами. Десятки радиogramм передавались из Николаева в Будапешт и, в свою очередь, из Венгерской советской республики в Николаев.

Николаевская радиостанция по своей мощности была первой на Украине и второй (после Московской) в стране. Московская радиостанция имела радиус действия 12 тыс., а Николаевская – 7 тыс. вёрст. Существовала и третья радиостанция под Петроградом, но её возможность радиобмена достигала только 3000 вёрст.

Следовательно, Николаевская радиостанция не имела себе равных в Украине. Архивные документы (Фонд Совнаркома УССР) хранят уникальные материалы, переданные из Николаева в Будапешт. 29 июня 1919 г. в журнале радиобмена значится: «Принимали шифрованную депешу из Будапешта на имя Подвойского». Он был одним из организаторов Октябрьской революции, членом Военно-революционного комитета, его бюро и оперативной тройки по руководству Октябрьским вооружённым восстанием, а в дни восстания – зампредседателя ВРК и одним из руководителей штурма Зимнего дворца. В период ликвидации мятежа Керенского – Краснова командовал Петроградским военным округом. Бесспорным подтверждением роли Николаевской радиостанции может служить распоряжение председателя Совнаркома Украины, датированное июлем 1919 г.: «Передайте немедленно комиссару радиостанции Николаева для срочной отправки в Будапешт товарищу Бела Куну...» Далее следует шифрованный текст. Б. Кун был венгерским и советским коммунистическим политическим деятелем и журналистом. В марте 1919 года он провозгласил Венгерскую советскую республику, просуществовавшую 133 дня. В ноябре 1920 года после установления в Крыму советской власти Б. Кун был назначен председателем Крымского ревкома. На этом посту стал организатором и активным участником массовых казней в Крыму.

Для радиопередач государственного и международного значения

Вот несколько документов из фондов Государственного архива Николаевской области, свидетельствующих о характере и масштабах деятельности Николаевской радиостанции.

«Из Будапешта Нр/370/27/6 11.45. Подвойскому и Раковскому.

Революционное правительство Словакии объявило мобилизацию трудящихся. Рабочие 35 фабрик явились к освидетельствованию с манифестацией, они были немедленно вооружены и отправлены на фронт. Ефимов, Юкельзон. Расшифровал 4 июля 16 час. 40 мин. Шостаковский».

По распоряжению управделами т. Моде копии посланы т. Петровскому. Г. И. Петровский – председатель Всеукраинского ЦИК с 28.11.1918 по 03.1938 (с перерывами). Председатель Всеукраинского революционного комитета (11.12.1919 – 19.02.1920). Им был подписан Договор об образовании СССР со стороны УССР, он являлся одним из сопредседателей ЦИК СССР, а также был председателем Всеукраинского ЦК «незamoжних селян» (неимущих крестьян) в 1920–1923 гг., занимал важные посты в Коминтерне.

1919 год складывался драматично. Власть несколько раз переходила от белых к красным, от красных к белым, к интервентам. Интересно то, что в какой-то момент немецкие войска после революционных событий в Германии подписали соглашение, по которому обязались соблюдать нейтралитет и передать николаевцам своё оружие: 6 батарей лёгкой артиллерии, орудия тяжёлой

дивизионной артиллерии, броневой дивизион, около ста тысяч винтовок, патроны к ним, обмундирование, и что для нас особенно интересно, – радиотелеграфную станцию.

Оставляя Николаев, деникинцы в январе 1920 г. вывели из строя радиостанцию у Ракетного завода. Однако николаевцам удалось быстро её восстановить. На заводе «Наваль» отремонтировали силовые установки, компрессоры и т.д. О быстром восстановлении радиостанции свидетельствует донесение начальника Николаевской радиостанции Евгения Чертка на имя уполномоченного Наркомата почт и телеграфов: «13 марта был установлен приёмник, а 21 марта в присутствии представителей Соввласти гор. Николаева было сделано первое испытание, которое дало блестящие результаты».

21 марта, к годовщине провозглашения советской власти в Венгрии, Николаев возобновил передачи во все европейские города. 30 апреля того же 1920 года Совет Труда и Оборона РСФСР, определив место Николаевской радиостанции в государственной жизни, вынес постановление. Его подписал В. И. Ленин. В постановлении есть такие слова: «Мощная радиостанция в Николаеве находится в ведении Наркомпочтеля и предназначается для передачи радиogramм государственного и международного значения». Имеется и второй документ, завизированный В. И. Лениным, касающийся Николаевской радиостанции.

«Заседание Малого Совнаркома от 10 сентября 1920 г. Слушали:

2. Об отпуске 150 000 000 р. на радиостроительство (Николаев). Докладчик Миховидов.

Постановили:

2. Отпустить Н. К. почт и телеграфов сверх сметным кредитом сто пятьдесят миллионов рублей на радиостроительство. Принято единогласно при согласии докладчика.

Председатель Совета Народных Комиссаров В. Ульянов (Ленин).

Председатель Малого Совета Козловский.

Члены Малого Совета: Аникст, Якубов, Чуцкаев, Сыромолотов, Галкин».

Работая в архиве, не мог не обратить внимание на документы, свидетельствующие о беспрецедентном внимании к николаевской радиостанции со стороны руководства Украины и страны в целом. В то время, как люди нуждались в самом необходимом, умирали от голода, потребности радиостанции, её сотрудников удовлетворялись максимально. Особенно ярко это видно из Постановления Совнаркома УССР от 7 мая 1921 г., касающегося исключительно Николаевской радиостанции. Она играла большую роль при установлении контактов с зарубежной, и прежде всего европейской, общественностью. В 1921–1922 гг. наши представители находились в Италии, Германии, Чехословакии, Польше. Связь с ними поддерживалась через Николаевскую радиостанцию. Вот одна из многих радиogramм, поступивших от правительства в Николаев: «Николаев. Заведующему радио мощной... Примите меры по установлению связи с представителями украинского правительства в Праге...» В июле 1921 г. была установлена связь с Варшавой.

В 1922 г. Николаевская радиостанция принимала информацию из Генуи, где находилась советская делегация во главе с Г. В. Чичериним. Лишь в мае, когда была построена правительственная радиостанция в Харькове, аппаратура из Ракетного Урочища начала перевозиться в тогдашнюю столицу УССР, Николаевская мощная, сыграв свою роль, постепенно закрылась.

Уже с лета 1925 года в местной прессе стали появляться публикации о необходимости организации систематического радиовещания в Николаеве.

17 июня 1925 г. газета «Красный Николаев» писала о том, что есть возможность устройства широкопередаточной радиотелефонной станции в Николаеве. Стоимость такой станции 16000 рублей. Для решения этой проблемы необходимо было обеспечить содействие со стороны государственных и общественных организаций. Приём сигнала центральных и областных станций требовал установки радиоприёмника с усилителем, высокими мачтами, общей стоимостью от 350 до 750 рублей. Значительно оживилась к этому времени работа по распространению и внедрению в повседневную жизнь знаний о радио. В Николаеве было создано отделение Радиообщества Украины, объединявшее усилия радиолюбителей. Заработала радиоконсультация Николаевского радиообщества Украины. Ей было даже выделено отдельное помещение.

К концу 1925 года радиолюбительство в Николаеве получило широкое развитие, в городе работали уже около 30-ти радиолюбительских станций. Особую нужду в своей радиостанции ощущал Николаевский порт, но только к концу 1925 года он получил средства в размере 48000 рублей на установку радио и центральной метеорологической станции. Примерно тогда же работники портовой конторы приступили к установке радиоприёмника с громкоговорителем на 2000 человек. Радио решено было установить в клубе связи.

Тем временем процесс создания собственной радиовещательной станции набирал темпы. С начала 1926 года радиомания принимает ещё большие масштабы. Большой интерес к радио проявляют крестьяне. Радио привлекает не только молодёжь, но и пожилых людей. Например, в Сухом Еланце появился кружок любителей радио, куда вступили граждане 50–60 лет. Записалось более 50-ти человек. В Новом Буге кружок был реорганизован в райотделение РОУ и проводил работу в окружающих сёлах. При райсельбуде (районный клуб крестьянина) силами энтузиастов был установлен радиоприёмник с громкоговорителем, он позволял слушать концерты до 100 человек.

На смену приходит радио

В воскресенье 6 апреля 1926 года в Николаеве состоялось общегородское собрание радиолюбителей. Николаевское общество друзей радио решило открыть запись желающих вступить в общество. С 1 мая 1926 г. Николаевская почтово-телеграфная контора приступила к выдаче разрешений на установку любительских радиостанций. По городу уже насчитывалось 42 радиоустановки. Велась строгая борьба с радиолюбителями, устанавливающими приёмники без разрешения почтово-телеграфной конторы. У граждан, не имевших разрешения на установку, аппаратура изымалась.

К 1 мая радиоприёмники были установлены в Новой Одессе. В селе Ландау, где проживали немецкие колонисты, во время приёма радиоконцерта из Берлина крестьяне были настолько поражены, что вылезли на крышу удостовериться – нет ли там человека с граммофоном. И лишь после разъяснения радиотехников успокоились. В общество «Друзей радио» поступали многочисленные запросы от селян, как устроить радиоприёмники. Как-то один из крестьян сообщил, что для покупки принадлежностей к радиоустановке решил продать лошадь. И всё-таки задача создания в Николаеве ширококвещательной станции так и не решалась. Об этом постоянно писала местная пресса. К лету 1926 года в области было зарегистрировано 62 радиоустановки. Из них 5 приходилось на село.

Для обслуживания Николаевского округа необходимо было установить передатчик мощностью в 1 квт. Такая мощность обеспечила бы приём центральных и зарубежных станций на самые доступные приёмники. В июне 1927 года начались пробные трансляции приёмной радиостанции Окрисполкома на Советскую площадь. Это были ретрансляции центральных радиостанций.

А тем временем процесс создания собственной николаевской ширококвещательной радиостанции шёл полным ходом. В городе и области продолжается активное обсуждение вопроса: что даёт постройка радиостанции? Общее мнение сводилось к тому, что открытие собственной радиостанции послужит большим толчком к широкому развитию радиолюбительства. С появлением передающей станции появится возможность слушать радио, затратив на изготовление аппарата радиоприёма от 3–4-х до 20 р. Каждая установка представляла собой четырёхламповый приёмник с репродуктором (громкоговорителем) «Рекорд» и двумя сухими батареями «Майера» с антенной, укрепленной на 20-метровых мачтах. Одна лампа даётся сверх 4-х, как запасная. В последний день установки радиотехник обучал местных радиолюбителей обращению с приёмником. Учреждения местной торговли для радиофикации Николаевщины заготовили запасные детали к 200 детекторным приёмникам.

5 октября 1927 г. «Красный Николаев» сообщал: «Радиофикация подвигается. Из 21 радиоприёмника, устанавливаемого по округу, 7 уже установлено. Работа по изготовлению частей для окружной радиостанции продолжается. Прибыли мачты, устанавливаются антенны. На сегодняшний день в городе насчитывается 175 радиоустановок». А вот выдержка из публикации, говорящей о настроении наших земляков накануне рождения радиостудии:

26 октября «Красный Николаев»: «Умиравший телеграф».

Как ни странно, но это факт. Телеграф стоит перед коренной реорганизацией. Частично на вокзале телеграф заменяет радио. Все распоряжения и внутренняя служебная переписка передаются по радио. Отвечать же пока вокзал не может, но и тут принимаются все меры к установке радиопередатчика. Кроме того, на всех промежуточных станциях также будут установлены радиоаппараты с приёмкой и отправкой. Так что в недалёком будущем телеграф отойдёт в вечность. Его накроют колпаком, как музейную древность. На смену ему приходит радио».

10 ноября 1927 г. «Красный Николаев»: «...В деле культурной связи город Николаев равняется по другим крупным советским центрам. Мощная передаточная станция уже сверлит небо своими высоченными антеннами. В ближайшие дни она официально известит округ о своём рождении и заставит биться сердца радиоприёмников на волне 710 метров. Кстати, в последнее время антенный лес буйно разросся на крышах».

27 ноября 1927 г. «Красный Николаев»: «Закончена постройка новой радиостанции Окрисполкома. Через несколько дней заканчивается оборудование студии, где будут происходить концерты. Студия находится в помещении кабинета политпросветработника и приступит к работе в ближайшее воскресенье. Телефонная станция ведёт подготовительные работы для передачи концертов своим абонентам по телефону за плату 1 рубль в месяц».

Наконец, 23 декабря 1927 г. «Красный Николаев» сообщил о завершении строительства радиовещательной станции и начале трансляции радиопередач. В программе доклады и концерт. Судя по поступившим сведениям от радиолюбителей, передача была слышна не только в городе, но и приёмными станциями районов. А в первые дни уже нового 1928 г. передачи Николаевской радиостанции принимали радиолюбители Винницы, Бобруйска, Херсона. О хорошей слышимости станции «Радио Николаев» сообщали радиолюбители г. Глухова Московской губернии и Ростова-на-Дону.

7 февраля 1928 г. «Красный Николаев» опубликовал заметку «...Деньги на ветер или на «Радио Николаев»?»

«Захотели отдельно выслушать информацию о местной радиостанции. Три месяца строилась она. Затрачено 12 тыс. рублей. Это немного. Это в несколько раз меньше стоимости других окружающих станций, но её мощность, пожалуй, даже больше. Станция работает. Почти ежедневно вечером она расправляет свои лёгкие и говорит так, что слышат её в разных местах Украины. Но условия работы ещё тяжёлые. Нет средств. Нет главного вдохновителя концертных номеров – червонца. Были бы эти самые червонцы, можно было бы пригласить лучших концертантов, составить лучшую программу передачи, лучше оборудовать станцию, чтобы избежать микрофонного шума и целой кучи трансформаторов, увеличить предварительное усиление. Можно было строго приказать сердцу станции биться на определённой волне, но нет волномера и волна растягивается, как вязаный чулок. Заведующий станцией тов. Тюпиков сознаётся: мы сами возмущаемся нашими концертами, но у нас нет денег. Мы тянем в студию того, кого поймаем. Хорошо ли это? Очень плохо. И есть только один выход – местные организации должны поддержать станцию... Надо привести в более благообразный вид и нашу студию. Она где-то за погребом, в грязном дворе, в загоне, где случайно подвернувшийся беспризорный с минуту поковыряет в носу, подумает и скажет: «Наверное, туды»...

* * *

Проблемы, проблемы... Сколько их было при подготовке нашего радио к первому эфиру! Думаю, вы, уважаемые читатели, получили об этом представление. А сколько их будет впереди в нелёгкой, но славной, как оказалось, почти 90-летней истории «Радио Николаев»! Ведь мы с вами теперь знаем, что наше николаевское радио впервые заговорило своим голосом 24 декабря 1927 года. А значит, именно эту дату следует считать днём рождения Николаевской ОГТРК, сегодня – филиала Национальной Телекомпании Украины.

***Митрофанов Александр Александрович.** Родился в Николаеве 21.10.1950 г. Окончил филфак Николаевского государственного пединститута. Работал преподавателем, телевизионным журналистом, редактором художественных программ Николаевского ТВ. Был главным редактором и ведущим «Телекома-1» (1990). Создатель и ведущий популярных циклов Николаевского ТВ: «Світанок», «Відлуння», «Крапки над «і». Генеральный директор Николаевской областной государственной телерадиокомпании (с 2000 г.). Заслуженный журналист Украины (1997). Награждён орденом «Рождество Христово – 2000» Украинской православной церкви. Удостоен звания «Горожанин года» в номинации «Средства массовой информации» (2000).*

Інна БЕРЕЗА

ПОВЕРНЕННЯ СПИРИДОНА ЧЕРКАСЕНКА

Зазвичай, коли йдеться про повернення самого митця або його спадщини на батьківщину, то маємо бути налаштовані на нові відкриття і нові зустрічі з минулим. Так і з творчістю нашого земляка з Нового Буга Спиридона Феодосійовича Черкасенка.

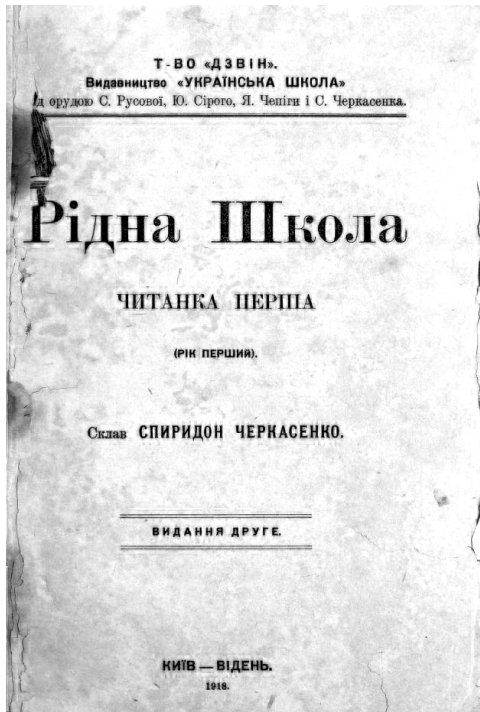
Його ім'я пересічному українцеві до 1991 року нічого не говорило. І саме з настанням нових часів в Україні з'являється довгоочікуване для фахівців-філологів та учителів-словесників двотомне видання оригінальних різножанрових творів цього письменника. Тридцятитисячний тираж його прози, поезії і драматургії побачив світ у київському видавництві «Дніпро» 1991 року і вже став бібліографічною рідкістю. До видання немало сил і професійної наснаги доклав Олекса Васильович Мишанич, на той час завідувач відділу давньої та класичної літератури, заступник директора Інституту літератури імені Т. Г. Шевченка АН України. І мені, тоді аспірантці цього відділу, пощастило читати вступну статтю до видання творів Черкасенка і однією із перших придбати ці два томи. Тож для повернення письменника в моє сприйняття літературного процесу України кінця XIX – перших десятиліть XX ст. була дуже сприятлива атмосфера. Пізніше, у 1993 році, Олекса Васильович подарував мені і свою книгу літературно-критичних статей і нарисів «Повернення», яка починалася зі статті «В безмежжя зим і чужини... (Повернення Спиридона Черкасенка)».

Отже, для викладача історії української літератури повернення імені і творчості нашого земляка було знаковою подією, пов'язаною у часі з незалежністю України і моїм захистом кандидатської дисертації в Інституті літератури, де працював видатний вчений-медієвіст, дослідник і популяризатор творчості багатьох забутих і репресованих, серед яких і С. Черкасенко.

Це повернення принесло українському читачеві можливість ознайомитися з частиною літературної спадщини письменника. І вже 1994 року миколаївські дослідники у посібнику-хрестоматії «Література рідного краю» подали інформацію про життєвий і творчий шлях Спиридона Черкасенка, тексти рекомендованих для вивчення школярами поезій («Вечір у степу», поезії з циклів «В царстві праці», «Тихої ночі», «Золоті пожари» та «На чужині») і оповідання «Яма». Але, на жаль, у рекомендованих Міністерством освіти у 90-х роках XX ст. посібниках про забуті імена творчості Спиридона Черкасенка не розглядалася. Миколаївські ж автори, зокрема Людмила Старовойт, продовжили студії над його творчістю у 2003 і 2007 роках, а також у книзі «Живлюща сила емігрії: літературна антологія Миколаївщини» (2014). До цього часу в бібліотеках з'явилися інші видання творів, що продиктовано було і змінами в шкільних програмах з літератури. Зокрема у видавництві «Український письменник» побачив світ роман «Пригоди молодого лицаря» (1993), збірка творів «Батьківська бандура» (2013). Серед миколаївських учителів-методистів, дослідників слід назвати В. Купцову, Ю. Оришаку, А. Ситченка та Л. Ржепецького, статті яких сприяли поверненню С. Черкасенка до рідної Миколаївщини. Але найґрунтовніша праця про творчість С. Черкасенка належить В. Школі – доктору філологічних наук із Бердянська, яка у Києві 2001 року видала результати своїх студій – «Драматургія Черкасенка (еволюція індивідуального стилю)». Відразу зауважимо, що при житті письменник був відомий перш за все як драматург. Його доля зв'язувала в цій царині ще з одним театральним діячем, нашим земляком – М. Садовським.

Спиридон Черкасенко

Обкладинка читанки
«Рідна школа»

Короткі біографічні довідки про С. Черкасенка доступні й у Вікіпедії, і включені до методичних матеріалів для учителів. Нагадаємо, що народився він 24 грудня 1876 року в м. Новий Буг Херсонської губернії (тепер Миколаївської області) у селянській родині. Професійну освіту учителя народних шкіл отримав у рідному містечку в Новобузькій учительській семінарії. Там же, дякуючи самодіяльності, навіки залюбився на красному слові і драматургії. Подальша доля письменника була пов'язана зі школою, театром і літературою. Хоча й були у нього спроби додати до своїх досягнень у мистецтві і живопис. Як згадує в автобіографії, у 1899 році, розрахувавшись із посади завідуючого школи в с. Ульянівка (Катеринославщина), він їздив до Москви, щоб здати іспит на вільного слухача Училища Живопису. Але не склалося, бо, за свідченням самого Черкасенка, він переоцінив свою готовність до екзамену, а конкурс до закладу був великий. Далі учителює на Донеччині – вчить шахтарських дітей, до яких прив'язується всім серцем і долі яких стають матеріалом його віршів та оповідань. Педагогічну діяльність продовжив у київській часописі «Світло» та товаристві «Українська школа». З початку I Світової війни вимушений був через закриття українських видань піти працювати адміністратором у театр М. Садовського, з яким 1919 року разом із урядом УНР переїхав до Кам'янець-

Подільського. Саме йому, досвідченому педагогу, уряд УНР доручив підготувати серію підручників для українських шкіл у Відні. Більше в Україну він не повертається – пала УНР. Якийсь час працював у театрі Садовського, де, окрім театральної діяльності, займався і літературною. У цьому періоді згадує С. Черкасенко важливий для своєї творчості факт: «У Відні сталася подія, може, найважливіша за всі попередні 15 літ моєї літературної праці, а саме: видання трьох томів моєї поезії, видання, про котре я до того тільки мріяв...» Письменник не повірив радянській владі і залишився на еміграції. До Чехії він переїхав у 1927 році й оселився в селі Горні Черношіце під Прагою. На початку II Світової війни, отримавши звістку про загибель єдиного сина (1939) у боротьбі за українську державність, С. Черкасенко захворів і 8.02.1940 року відійшов у вічність.

Серед повернень Черкасенка є і така частина його творчості, як пісні. Справедливо зауважила Л. Старовойт, «для лірики автора характерна мелодійність, закоханість у народну пісню, легкість поетичних форм, віртуозність в оволодінні версифікаторською технікою». І як результат – на його вірші писали музику і пісні ці ставали народними, як, наприклад, «Ніч», «Над річкою», «Ой чого ти, дубе». Часто самодіяльні колективи виконували ці чудові пісні без вказівки автора слів. Хоча у збірниках пісень 60–70-х років ХХ ст. уже повернулося ім'я їхнього талановитого автора.

Інтерес С. Черкасенка до історичного минулого України, його видатних людей теж скеровує до процесу повернення нас як у недостатньо прочитані сторінки літературного процесу в Україні кінця ХІХ – перших десятиріч ХХ ст., так і щодо перепрочитання історії своєї країни. Наприклад, звернімося до твору, виданого 1937 року у Львові, «Пригоди молодого лицаря: Роман з козацьких часів». До читача підрадянської України твір не дійшов. На півдні, півночі і сході його прочитали більше як через півстоліття. Перевидано ж твір було у Вінніпезі 1952 року та уже по незалежності України – 1991 та 2011 років. Цей історико-пригодницький роман був досить популярним читанням і на Заході України та серед емігрантів США і Канади, і зараз має свого читача, про що свідчить запитуваність книги в бібліотеках нашого міста. А 2000 року на екрани вийшов поставлений О. Янчуком за мотивами роману С. Черкасенка «Пригоди молодого лицаря» фільм «Дорога на Січ».

І фільм, і сам роман працював і працює не лише на повернення прозового доробку С. Черкасенка до українського читача, але й дає можливість повернутися обличчям до своєї історії, в якій ми ще так багато не засвоїли. Згадаймо, що йдеться про події 1615–1625 рр. Автор зосередив увагу на простеженні шляху козака Павла Похила до Запорожжя, його навчання військової справи та звичаїв, участі в походах та козацьких битвах. Письменник не ідеалізує козацтво, не захоплюється його по-

двигами, а показує його в дії, в бойових буднях. Є у творі й лірична лінія кохання Павла Похила-Жбурля з Орисею, яку наш герой забирає з рук польського гетьмана й одружується з нею, ставши статечним господарем і батьком. Як справжній козацький лицар, він готовий на поклик іти до козацького війська, щоб боронити народ від польсько-шляхетських загарбників. Про те, яка подальша доля козака Похила-Жбурля, письменник розповів у ненадрукованому романі «Блиснем шаблями, як сонце в хмарі».

Гадаю, що особливий інтерес становить творча спадщина С. Черкасенка для учителів та викладачів. Письменник любив дітей, був відданий справі виховання і навчання українських школярів. Особливо це яскраво проступає в його оповіданнях та поезіях про шахтарських дітей. І ось нещодавно у журналі «Кур'єр Кривбасу» (№ 311–313) за 2015 рік було опубліковано частину збереженого листування львівського літературознавця і редактора Володимира Дорошенка із Спиридоном Черкасенком у 1929 році. З листів письменника дуже яскраво оприявнюється щира турбота і любов його до своїх учнів, які так само були закохані у свого педагога. Зокрема він наводить такий епізод зі своєї учительської праці на Донеччині: коли йому довелося перейти працювати на сусідні з Юзівкою Лідіївські шахти, то його юзівські школярі відвідували вчителя і він сам, «як тільки зазеленіє степ», ходив на зустріч зі своїми колишніми вихованцями. Отже, ми маємо можливість повернути у свою скарбничку педагогічні праці як взірць набутий досвід С. Черкасенка у справі етичного та естетичного виховання.

Звернімося до такого аспекта, як популяризація художньої літератури серед дітей та юнацтва й акцентування духовності українських митців у творах для дітей самого письменника. Так, із розумінням непроминальної ролі Кобзаря в національному духовному розвої, С. Черкасенко впродовж усього життя послуговувався шевченковою темою в педагогічній та мистецькій діяльності. Його розвідки «Шевченко і діти» та «Шевченко педагогам» дають психологічно-педагогічний стимул спочатку вчителям. Йдеться про трансформацію, втілену в творчості загальнолюдської гуманістичної ідеї про любов до дитини, праці навколо її духовних запитів, передачу дітям і юнацтву поваги та любові до рідного слова, інтересу до культурної спадщини українського народу. Прикметно, що до статті «Шевченко і діти» взято епіграф з поезії без назви 1849 року, написаної Кобзарем у Косаралі:

*У нашім раї на землі
Нічого кращого немає,
Як тая мати молодая
З своїм дитяточком малим.*

Черкасенко-філолог наголошує, що половина шевченкових творів присвячена різним нюансам людських стосунків з дітьми. Акцентується думка про те, що «виховання малих дітей поет уявляє собі нормальним тільки при матері». Та і в Черкасенкових оповіданнях з життя шахтарських дітей червоною ниткою проходить думка про важливість материнської любові й опіки для дітей. Зокрема, бачимо це в оповіданні «Маленький горбань».

Не обійдено у статті «Шевченко і діти» тему сирітства, нелегкої долі дитини, яка залишена без батьківської і материнської опіки. Перегукується із цими студіями і його оповідання «Герасків Великдень» та «Безпритульні». І в першому, і в другому оповіданні герої замість радості від свята отримують несподівано важку душевну травму. У статті «Шевченко педагогам» йдеться, зокрема, про відгомін шевченкової діяльності щодо дітей та продовження кобзарєвої традиції у народній освіті, просвіті в цілому, а також про роль митця в цьому процесі. Письменник апелює до творів Кобзаря, в яких наголошується сила правдивого поетового слова та значення мови народу. Черкасенко підкреслює: «Любов до рідного слова виходила у поета з органічної, стихійної любові до рідного краю. Він ганьбив усіх тих, хто цурався його, й безсмертними віршами, повними палкого обурення, навіки затаврував т.зв. перевертнів».

Власне, турбота про можливість українських дітей навчатися рідною мовою, мотив плекання своєї мови відлунується і в діаспорній творчості С. Черкасенка. Так, захист рідної мови лейтмотивом проходить через поезії «Нашим поетам» та «Будуємо». Спрямовуючи учителів на розвиток здібностей школярів, він піклується про формування у дітей понять сутності і джерел творчості, звертаючись до фольклорних прийомів. Наприклад, в оповіданні «Як зродилася пісня» подає три легенди про народження пісні трударями різних професій. Він акцентує увагу юних читачів на «гарній музиці степовій», коли йдеться про прояви творчого натхнення вівчара: «І захотілося вівчареві вили-

Могила Спиридона Черкасенка

ти свій смуток у пісні – такій тихій, як шепотіння очерету, сумній, як кування зозулі, чарівній і щирій, як тьохкання соловейка, дзвінкій, як срібний спів жайворонка, ласкавій і ніжній, як поцілунок раннього вітру». Характерно, що мить народження пісні Черкасенко згадує і пізніше в романі «Пригоди молодого лицаря».

Прикметним у педагогічній та й у письменницькій роботі С. Черкасенка є його щире захоплення талантами, особистостями і спадщиною своїх попередників. Зокрема він неодноразово звертається до образу Т. Шевченка в поезії, прозі і драматургії. Згадаймо його п'єсу «До світла, до волі» (1925), поему «Наша твердиня» (1936). А в читанці «Рідна школа» (1912, 1917) подає відомості про життя і творчість не лише Т. Шевченка, а й Б. Грінченка, Л. Глібова та М. Коцюбинського.

Стосовно ж драматургії С. Черкасенка, то повернення її на рідні терени, до нашого регіону, вже на часі. У двотомнику надрукована частина п'єс: «Жах», «Повинен», «Хуртовина», «Казка старого млина», «Про що тирса шелестіла», «Северин Наливайко» та «Ціна крові». А їх він написав більше двадцяти. І крім того, працюючи в театрі М. Садовського, інсценізував «Чорну Раду» П. Куліша,

«Страшну помсту» М. Гоголя, «Гайдамаки» Т. Шевченка. Також опрацював відомий світовий сюжет про Дон Жуана у п'єсі «Дон Хуан і Розіта». Він писав лібрето для опер Ярославенка і Стеценка, перекладав чужі оперетові лібрето, п'єси, романси та арії для співців. Його оригінальні драми позначені філософським заглибленням у матеріал, художньою об'ємністю, інтелектуалізмом. Він створив як реалістичні, так і символістські п'єси, вершинами яких є драма «Казка старого млина» (1913) та трагедія «Про що тирса шелестіла» (1916). Остання річ повертає нас до історичних часів України середини XVII ст. Головна дійова особа – кошовий отаман Запорозької Січі – Іван Сірко. У нещодавно опублікованих листах Черкасенка є рядки, які свідчать про оцінку сучасниками символістських п'єс драматурга. Зокрема він згадує: «Колись навідав я у віденському шпиталі Є. Х. Чикаленка, й він попрохав принести йому мої п'єси – «Казку» й «Тирсу»; коли я прийшов удруге, то він довго дивився на мене, потім промовив: «Які гарні Ваші п'єси! Читав, упивався красою Вашої мови й дивувався, як це сталося, що я раніш не звертав на них уваги...» Тож і нашим режисерам, гадаю, необхідно до репертуарів українських театрів задіяти високохудожню драматургію С. Черкасенка.

Отже, повернення художньої спадщини нашого видатного земляка, майстра художнього слова, педагога і патріота триває, і зустрічі з новими виданнями його творів, науковими і популярними студіями щодо його творчості наразі актуальні в ювілейний 160-й рік від дня уродин Спиридона Феодосійовича, 24 грудня, – переддень свт. Спиридона.

Александр КАРМАНОВ

ОПЯТЬ НАД ПРОПАСТЬЮ ВО ЛЖИ

«На этом месте мистер Смит, полагая, что он прав, не уступил дорогу. И он действительно был прав. Господи, упокой его душу!»

Плакат на одном из лондонских перекрестков

Ну что, дорогой мой соотечественник, украинец любого происхождения, сельский горожанин среднестатистического возраста, доволен ты своей жизнью? Устраивает ли тебя состояние твоего села или города (нужное подчеркнуть), твоей улицы или твоего дома? Как тебе светлые перспективы, открывающиеся перед нашим евроинтегрируемым отечеством?

Если бы было можно одним словом описать происходящее в Украине, то наиболее подходящим было бы: «деградация». Действительно, оглянёмся вокруг: остался ли в нашей стране хоть один регион, хоть одна область человеческой деятельности, которая бы не находилась в состоянии тяжёлого упадка? И хуже всего, что основа жизни народа и государства – экономика – у нас не только полуразрушена, но и продолжает разрушаться и дальше. Украина единственная страна постсоветского пространства, которая не вышла на показатели валового внутреннего продукта, бывшего у неё до обретения независимости. В этом отношении нас опередили даже такие страны, как Таджикистан и Молдова. И дело вовсе не в событиях двух последних лет. Ещё до Майдана ВВП «неньки» составлял только 70% от уровня 1991 года. Теперь он упал, по некоторым оценкам, ещё процентов на 20. Самым кардинальным образом изменилась структура ВВП. Вот наглядный пример: за годы независимости доля продукции машиностроения в украинском экспорте уменьшилась с 82% до 15%. Зато выросла доля продукции сельского хозяйства, экспорта сырья и полуфабрикатов, а также продукции металлургии первого передела. То есть упала доля продукции с высокой добавленной стоимостью, а возросла с низкой. Существуют так называемые ценовые ножницы между высокотехнологичной продукцией и сырьём. В самом примитивном виде они выглядят так: изготовленный трактор на рынке стоит существенно дороже, чем равное ему по совокупным трудозатратам количество произведённого зерна. И с каждым годом эти ножницы всё шире раскрываются. Трактор, таким образом, стоит всё больше и больше тонн зерна, которое нужно вырастить, чтобы его купить. Этот механизм является одним из источников благополучия (далеко не единственным) стран «золотого миллиарда». Он же объясняет, что «аграрная сверхдержава», которую нам напроорочил американский посол Джеффри Пайет, – это короткий и прямой путь к нищете и дальнейшему упадку.

Зато наша страна входит в призовую тройку мирового чемпионата по сокращению населения. Каждый месяц с территории Украины исчезает такой примерно город, как Вознесенск. Нас давно уже не 52 миллиона, как было накануне развала Союза. Каково население сейчас – можно сказать сугубо приблизительно, уже давно никто не считал. По показателю потребления хлеба (а этот базовый продукт потребляют все и примерно в равном количестве) можно судить, что нас от 37 до 38, но уж никак не больше 40 миллионов едоков. Разумеется, не все эти 12 миллионов потеряны безвозвратно. Часть украинских граждан, входящих в это число, просто постоянно проживает за границей. Может быть, они когда-нибудь вернуться, может быть, вернуться частично. Но свой труд они вкладывают в благосостояние совсем иных государств.

Ах, какие надежды возлагались на подписанное президентом Порошенко соглашение об ассоциации с Европейским Союзом, которое у нас сгоряча приняли за евроинтеграцию. Прошло 2 года, и уже можно подвести некоторые итоги. Торговля с ЕС не только не выросла, а заметно сократилась. Качество товаров, которое должно было приблизиться к европейским стандартам, как минимум, не изменилось, а, по моему субъективному мнению, стало повсеместно хуже. Впрочем, не буду настаивать, может, это только мне попадается всякая дрянь. Подписывая соглашение, украинское руководство надеялось, что это только первый шаг на пути к полноценному членству в ЕС. Однако

политически Европа не стала ближе. Голландия даже провела референдум против ратификации соглашения с Украиной. Премьер Яценюк, помните, под фанфары и литавры обещал, что евроассоциация принесёт инвестиции не менее 15–20 млрд евро в год и примерно столько же кредита. Ну и где они? Даже такая простая и ни к чему не обязывающая вещь, как безвизовый режим, для украинских граждан многократно обещанный на самом высоком уровне, два года барахтается в бюрократической трясине, конца которой не видно.

Как бы ни было печальным наше евроинтеграционное настоящее, там ещё витают какие-то надежды. На северном политическом и экономическом фронте всё намного хуже. Сам президент Порошенко определил потери на российском направлении в 15 млрд долларов. Кое-кто из украинских экспертов считает эту цифру завышенной. Но видя, как нынешние власти готовы извертаться на пупе ради какого-то одного миллиарда долларов (только запредельное повышение коммунальных тарифов по требованию МВФ чего стоит), ясно, что в любом случае это гигантские недополученные средства. Не станем подвергать сомнению слова президента о «российской экономической агрессии», виновной в столь гнусном положении дел. Хотя принадлежащая ему кондитерская фабрика в российском городе Липецке никакой агрессии, кажется, не подвергалась.

Но, может быть, в области духа и общественной морали произошёл невиданный подъём? Так сказать – нас бьют, мы летаем, как поёт Алла Пугачёва. Но нет. Из кругов, которые невозможно заподозрить в антипатриотизме, доходят вполне достоверные слухи о неимоверном воровстве на всех этажах государственной лестницы. А о весьма вольном обращении с законом властей предрежащих мы узнаём чуть ли не ежедневно. В результате – уровень доверия к важнейшим государственным институтам в обществе до крайности низок. Впереди по антирейтингу на лихом коне Верховная Рада. Президент с премьером и со всеми правоохранителями недалеко от неё отстали. А главное, надежда и опора любого государства – молодые люди в возрасте до 32 лет, – по данным опросов, в большинстве не связывают своё будущее с Украиной. Не менее 58 процентов из них готовы покинуть родину временно или навсегда при любом удобном случае.

Дорогой соотечественник, брат мой во Христе и налоговой декларации, как мы докатились до жизни такой?

Оглядываясь назад

Казалось бы, ну чего нам, сволочам, не хватает? Имеем обширное, размером с Францию, государство, с хорошим умеренным климатом, с плодороднейшей землёй и образованным народом. Географическое положение – крайне выгодное с древнейших времён. Государственное устройство – вполне современное и одобренное международным сообществом. Так почему же Украина перегружена проблемами настолько, что уже раздаются голоса сомнения в её будущем?

Различные объективные факторы отбросим сразу. Выгодное географическое положение проблемой быть не может. Институты государства, ныне практически унифицированные по всему миру, – тоже. Видимо, закавыка кроется в факторах субъективных, оказывающих, тем не менее, своё пагубное влияние. Для начала давайте вспомним, что есть государство. Оно, как утверждали великие французские гуманисты-энциклопедисты в своём XVIII веке, есть общественный договор. Договор этот существует, прежде всего, в сознании людей, населяющих определённую территорию и составляющих некую общность. А лишь потом в виде государственных учреждений, сложным образом организованных. Представьте, что все люди в какой-то стране вдруг по неизвестной причине (комета пролетела с ядом) сошли с ума. Ну и где все эти государственные атрибуты, принципы разделения властей, армия, полиция где? То есть государство – это прежде всего представление (вполне себе субъективное) граждан, как они, граждане, должны взаимодействовать между собой в процессе жизнедеятельности, как справедливо решать спорные вопросы, кому следует подчиняться и в чём именно подчиняться. А в чём никому и никогда подчиняться не следует. Представления такие существуют столько, сколько существует человек, и лишь сравнительно недавно (по историческим меркам) они были записаны, обобщены и формализованы в виде нормативных актов, законов и правил. Но рядом с писаными законами всегда существовали и неписанные. История учит, что чем больше зазор между ними, тем больше в обществе проблем.

Жизнь меж тем идёт своим чередом. Промышленные предприятия, созданные для нужд огромного 300-миллионного государства, внезапно провалившись из плановой экономики в свободный (если не сказать дикий) рынок, барахтались, как рыбы на суше. Кому-то по инерции удавалось со-

хранить прежние связи, кто-то осваивал побочное производство (кастрюли вместо ракет), но у очень многих начали поразительно быстро накапливаться долги и неизвестно куда исчезать оборотные средства. Предприятия фактически становились банкротами, работники оставались без зарплаты, росло социальное напряжение, доходило и до бунта. И тут появлялся ОН – благодетель и спаситель с программой превращения государственного предприятия в акционерное общество. Благодетелем выступал бывший директор или (что реже) кто-то ещё из высшего руководства. Очень часто с ним в связке действовал местный деятель из так называемого партхозактива.

Хорошо ещё, если собственником предприятия становился бывший директор. Он хотя бы знал производство, руководящие документы и требования к продукции. То есть был каким-никаким профессионалом в своей отрасли. Хуже, когда собственником активов становился человек или группа лиц, умеющих только отбирать деньги у лохов и родного государства. Эти ничего не смыслили в профильном назначении предприятия и быстро доводили его до своего, весьма невысокого, уровня. Оставляли некоторую территорию и строения под аренду, оборудование (даже новейшее) пускали на металлолом. Украина стала мировым лидером производства металлолома! Иногда на месте бывшего завода открывался торговый центр, а чаще оставался просто пустырь. Посмотрите на место, где раньше была «Дормашина». К периоду позднего Кучмы, по данным Фонда госимущества, такой голгофный путь проделали не менее 27 тысяч предприятий. Украинское государство от приватизации получило сущие крохи – около 60% приватизированных объектов дали в казну всего около 2 млрд долларов, при реальной их стоимости во многие-многие сотни миллиардов.

Теперь эта система вполне сложилась и достигла своего апогея под девизом: «Стесняться некого!» Мы, народ, привыкли, что уже в порядке вещей, когда губернатор публично называет министра вором, а тот его в ответ болтуном и проходимцем. Мы знаем, что оба правы, и не удивляемся. Нам нисколько не странно, что самые толстые рожи не у коррупционеров, а у борцов с коррупцией. Когда в результате международного скандала выяснилось, что у высших должностных лиц нашего государства есть офшорные счета (в любой цивилизованной стране – подсудное дело), наша страна не только не вздрогнула, а даже не почесалась. Мы смирились с тем, что главный атрибут политики – враньё. Украина – страна многократно обманутых людей, которые покорно ждут, когда их обманут в очередной раз. Что обманут – в этом не сомневается никто. У нас снова двойная мораль. Мы знаем, что положено произносить с трибуны, и знаем цену этих слов. Дома, на кухне, между своими, произносятся совсем другие слова. Не понятно только, почему мы надеемся на то, что благословенный Запад завалит нас инвестициями и кредитами. Ведь в капиталистической системе государство, даже при самом благожелательном правительстве, неспособно скоординировать частному бизнесу вложить деньги в страну, где процветает тотальная нечестность. Для легального бизнеса это слишком рискованно. А вот для всякого рода проходимцев – это родная среда. Вот только приходят они не для того, чтобы что-то создать, а совсем наоборот.

Все эти проблемы, в той или иной степени, присущи всем постсоветским странам. Особняком, правда, стоят некоторые откровенно диктаторские режимы, где коррупция старательно вытаптывается вниз, и при этом вознесена на самый верх. Но для Украины характерна ещё одна напасть. С момента обретения независимости Украина строит... Украину. Суть этого строительства можно выразить в кратком лозунге: «Геть вид Москвы!» Конечно, любое вновь создаваемое государство нуждается в некой главной идее, призванной объединять усилия всего общества. Хотелось бы заметить, что было бы лучше, если бы такая идея имела положительный посыл. Например: «Сделаем так, чтобы наши дети гордились своим отечеством и нами». Однако по различным причинам возобладала идея, более годящаяся для развода осточертевших друг другу супругов, чем для строительства державы. Не будем касаться политических, культурных и исторических аспектов этого процесса. Сосредоточимся на экономике. Будучи частью единого экономического организма Советского Союза (лучшей частью, надо сказать, но только частью), Украина была связана множеством хозяйственных нитей со всеми без исключения республиками и с Российской Федерацией, естественно. Так вот, наши доморощенные идеологические гуру считали и считают до сих пор величайшим благом обрыв этих нитей и немало преуспели в этом благородном деле. Казалось бы, в капиталистической экономике вопрос вопросов – это сохранение старых рынков и завоевание новых. Но революционный романтизм, граничащий с детской безответственностью, диктовал иное поведение. Считалось, что чем быстрее Украина избавится от всего советского, тем быстрее к нам придёт Запад. То, что это «быстрее» может растянуться в такую яму, из которой страна потом просто не сможет выбраться, об этом никто не думал.

Если, начиная с Кравчука, в нашей стране каждый год прекращала существование одна отрасль экономики, то правительство Азарова-Януковича поставило рекорд, угробив за год целых четыре. Сменявшие друг друга правительства проматывали советское наследие с лёгкостью необыкновенной. Оно оказалось столь огромным, что полностью не истреблено до сих пор. И оно же дало возможность вырасти и стать на крыло поколению, которое с подачи старших товарищей искренно полагает, что оставшиеся ещё советские заводы «никому не нужны». Стоп. Это кому они не нужны? Работникам, которые там зарабатывают себе на жизнь? Малому и среднему бизнесу, которому в оплату за товары и услуги эти работники понесут свою зарплату? Или государственному и местному бюджетам не нужны налоговые поступления? Кому не нужны? Другое дело, что товары, производимые этими заводами, могут отставать от требований рынка и не выдерживать конкуренции с более качественными и передовыми. Но для купирования таких проблем существует государственная промышленная политика. Однако украинский правящий класс вместо того предпочитал бить себя пятаками в грудь с криками о своей любви к «неньке». Почему пятаками? Потому что ручки были заняты.

Наша большая беда в том, что вопросы формирования нового общественного договора были отданы на откуп романтикам и политическим недорослям. Вроде известного персонажа, который как начал с революционной голодовки на Майдане, будучи студентом, так и добрался до поста министра, ни дня, по сути, не проработав. Серьёзные люди предпочитали этими глупостями не заниматься. Они успешно «осваивали» государственную собственность, грызлись между собой за лакомые куски и за власть и не заметили, как в деле государственного строительства романтики национальной революции поставили телегу впереди лошади. Особенно эта нежизнеспособная конфигурация стала заметна теперь, когда вступление в ЕС и НАТО было объявлено целью украинской внешней политики. Вот как, не средством достижения благосостояния, безопасности и прогресса, а именно целью.

Причём, как становится всё ясней с каждым днём, целью недостижимой в обозримом будущем.

Там, там, за бугром...

Нереалистичные приоритеты, неспособность правящей как бы элиты к консолидированным действиям ради общих интересов привели к серьёзным ошибкам не только во внутренней, но и во внешней политике. В свою очередь, внешнеполитические факторы стали оказывать негативное влияние на внутривнутриполитические и экономические процессы в Украине. Важнейшей и наиболее тяжёлой ошибкой нынешней политической верхушки стало предоставление своей территории для схватки между собой мощных иностранных игроков. Ведь то, что официальный Киев представляет как агрессию России против Украины, а официальная Москва – как гражданскую войну внутри Украины, на самом деле является борьбой между Москвой и Вашингтоном, и всё, что происходило в Крыму и происходит сейчас на Донбассе, лишь эпизоды этой борьбы. Без осознания этого факта невозможно объяснить кажущиеся странности политики как противников Украины, так и её союзников. Давайте разберёмся.

Военные действия на востоке, конечно же, изматывают страну. И прежде всего, изматывают экономически. Ещё больше, чем сами бои, изматывающее действие оказывают военные приготовления. В этом и заключается суть войны на истощение. С нашей стороны признаки истощения ресурсов уже вполне заметны. С другой стороны, объявленный противник – Россия – таких признаков не подаёт. Ни один из масштабных проектов, объявленных Путиным до 2014 года, не свёрнут. Армия активно модернизируется и буквально набивается новейшим оружием, что и показали боевые действия в Сирии. К немалым государственным тратам добавлены строительство моста через Керченский пролив, содержание непризнанных республик Донбасса и бомбёжки сирийских мятежников. И это при том, что российская экономика стагнирует, доходы граждан падают, медленно, но уверенно растут безработица и социальное напряжение. Правда, падение российской экономики оценивается примерно в 3% с тенденцией к уменьшению. Прогнозы наших многочисленных экспертов о том, что Россия в будущем квартале непременно развалится, а Путин будет свергнут, упорно не сбываются.

А самое для нас неприятное, что поведение коллективного Запада в отношении Украины более всего напоминает реакцию сослуживцев того славного итальянского капитана, который во время ливийской войны (колониальной войны столетней давности, не путайте с современностью) с саблей наголо и с криком «Вперёд!» выскочил на бруствер окопа. Доблестные камрады разразились криками «Браво!» и аплодисментами, но никто и не подумал покидать безопасные траншеи. Согласитесь,

сходство имеет место, с той разницей, что аплодисменты в адрес Украины в последнее время потухли. Ну нельзя же считать реальной помощью жалкие 300 млн долларов от Пентагона и не менее жалкие 1 млрд зелёных от МВФ за весь год. Тем более что 400 млн из этого миллиарда нужно сразу же отдать назад в погашение предыдущих заимствований. Вот Греции дали сразу 350 миллиардов. Израилю дают 38 миллиардов безвозмездно. То есть даром. Мы же рассчитывали на сопоставимые суммы! Или хотя бы на такую же дотацию, которую по программе структурного выравнивания получает Польша – не хилые 9 млрд евро в год. «Где деньги?!» – раздаётся вопль украинского патриота над просторами отечественных степей. И эхо ему отвечает... Ну, вы знаете, что ему отвечает эхо.

Когда в 1991 году по причине морального банкротства правящей коммунистической партии распался Советский Союз, Запад неожиданно для себя оказался в положении победителя в «холодной» войне. Это обстоятельство привело к определённой психологической травме. Триумфаторство и эйфория затуманили коллективный разум. Синдром триумфаторства между тем продолжал своё разрушительное действие. Рассказывают, что когда накануне вторжения в Ирак кто-то из маститых и информированных журналистов заметил чиновнику аппарата Белого дома Карлу Роуву, что их видение иракской проблемы нереалистично, тот ответил: «Мы теперь империя, и когда начинаем действовать, то создаём свою собственную реальность». И они действительно создали свою собственную реальность, символом которой стала пробирка со стиральным порошком, которой потрясал на заседании Совета Безопасности ООН госсекретарь Колин Пауэлл. А сообщения мировой прессы о ста тысячах расстрелянных сербами албанцев! Пентагон тогда перенацеливал спутники-шпионы на поиски массовых захоронений. И все эти события красной нитью пролегли через умы бывших украинских студентов, а ныне активистов общественных организаций – потребителей грантов, а кое-где и чиновников или депутатов различных уровней...

Но прошло время, и гадостная реальная реальность пришла и взяла за шиворот созданную виртуальную тётку и, предварительно ткнув носом в продукты жизнедеятельности, выбросила на помойку. Творцы иракской авантюры или в отставке, как Карл Роув, или под судом, как бывший британский премьер-министр Тони Блэр. А бывший верховный комиссар ЕС по балканским делам Бернар Кушнер чуть конфузливо замечает: «Нам тогда платили не за то, чтобы мы говорили правду». Но в головах наших доморощенных политиков, политических консультантов и политических журналистов идея виртуальной реальности, которой можно вертеть, как цыган солнцем, нашла свой дом, свою крепость, покой и отдохновение. Ведь она так соответствовала атмосфере, воцарившейся в стране. И так грела инфантильную душу не привыкших к ответственности «активистов». Достаточно лишь что-то не замечать, а кое-что придумать – и сразу всё становится замечательно... Потом придёт Майдан и сделает из этих ребят министров, депутатов Верховной Рады, советников президента, военных деятелей. И они ухитрятся не заметить, что время изменилось. Что Соединённые Штаты вовсе не всемогущи. Что денежный поток в западные банки с территорий постсоветского пространства из полноводной реки стал хилым ручейком и «обратным назадом» поступает всё меньше и меньше. Вот и программа структурного выравнивания заканчивается в 2019 году, бедные поляки и прибалты! Что государственный долг США вырос до невообразимых 20 триллионов долларов и что те меры, которые в 2008 году позволили миру выбраться из тяжёлого кризиса, перестают действовать. Уже и Евросоюз зашатался – Британия из него вышла, а за ней в очереди ещё как минимум пять государств. И в этой обстановке новое украинское руководство складывает яйца в одну корзину. Ему померещилось, что корзина принадлежит могучему триумфатору. А оказалось на деле, что это лишь всё та же виртуальная реальность. Уже и председатель Еврокомиссии господин Юнкер поставил точку над «і», сказав, что в ближайшие 25 лет членство Украины в ЕС невозможно. В переводе с дипломатического на общепонятный это означает – никогда. Ведь господин председатель не знает, что будет с самим Евросоюзом через год, а тут четверть века.

Что же дальше?

Итак, подведём итоги и сделаем выводы. Неутешительные выводы. Первое: главным источником бедственного положения страны являются факторы внутреннего происхождения. Внешние факторы лишь усугубляют проблемы, но никак их не определяют.

Второе: факторы эти имеют субъективный характер. Объективно мы не должны были так провалиться. Начальные условия старта независимой Украины были достаточно хорошие.

Третье: источником факторов, обусловивших общую деградацию нашей страны, явились своекорыстие, инфантилизм и дилетантство украинского правящего класса.

Третий вывод нуждается в дополнении. С царских времён украинская элита активно инкорпорировалась в общеимперскую, достигая при этом больших высот. В Киеве оставался «второй эшелон» похуже качеством, который так же был не против, при возможности, перебраться «в центр». Эта традиция отсутствия национально ориентированной элиты сохранилась до сих пор. Поменялся только «центр». Ведь правят бал у нас люди, для которых Украина не более чем источник обогащения, зона «свободной охоты». А сердца их вместе с капиталами, а иногда и с семьями, находятся далеко. С ними в связке идут бывшие революционные романтики, а ныне вконец изолгавшиеся политики, так же обросшие «маетками», но за все годы независимости так и не научившиеся ответственности государственного управления.

Возникают вопросы: что дальше, и есть ли выход? Будущее многовариантно и зависит от самых различных обстоятельств объективного и субъективного характера. К сожалению, общий фон объективных факторов для будущего Украины носит скорее негативный характер. Важнейший из них – мировой финансовый кризис, связанный с исчерпанием возможностей кредитной эмиссии мировыми финансовыми институтами, продолжается в тлеющей форме. Экспертное сообщество уже вполне сходится во мнении, что новый масштабный кризис, ещё более мощный, чем кризис 2008 года, практически неизбежен. Вопрос лишь в том, когда он начнётся. В преддверии потрясений никто не готов вкладывать значительные средства в рискованные проекты. Лишних денег просто нет. Поэтому украинскому обществу необходимо уяснить – халява закончилась. Нашим будет лишь то, что мы заработаем сами. Считать победой получение очередного транша от МВФ – глупость. Само по себе выделение таких траншей является сигналом для международных инвесторов (а в инвестициях Украина нуждается крайне), сигналом красным: «не ходи туда, опасно!» Мало того, выделение кредитов МВФ обкладывает такими условиями, которые фактически запрещают нам экономический рост, поскольку донельзя уменьшают внутренний покупательский спрос и стимулируют дальнейшее сокращение населения.

Другим объективным и крайне неблагоприятным фактором является исчерпание общего ресурса украинской инфраструктуры и энергетики. Инфраструктура – это не только мосты и дороги, но и трубопроводы с электросетями. Все инфраструктурные объекты находятся на грани физического износа, поскольку за последние лет 25 финансировались по остаточному принципу и в объёме где-то 4% от минимально необходимого. То же самое можно сказать об объектах энергетики. В условиях постоянных перебоев с поставками энергоносителей (вот и опять не хватает угля) на тепловые электростанции половину нагрузки, точнее 57%, взяли на себя АЭС. Но в ближайшие 4 года заканчивается ресурс у 7 из 15 украинских атомных энергоблоков. Ещё через 4-5 лет закончится ресурс у остальных. Для продления ресурса одного реактора необходимо 300-350 миллионов долларов. То есть только для поддержания мощностей АЭС хотя бы на нынешнем уровне потребуется около 5 млрд долларов в ближайшие 10 лет. И это только по атомным станциям. С тепловыми станциями и угольными шахтами дела обстоят примерно так же. По этим причинам Украина из экспортёра угля и электроэнергии становится импортёром. Есть все основания полагать, что к 2019 году может прекратиться транзит через Украину российского газа. И дело не только в злобности «Газпрома», реанимирующего «Турецкий поток». Но, опять-таки, из-за физического износа трубопроводной системы, которая просто не по карману слабеющим украинским структурам.

Последним стратегическим ресурсом Украины остаётся земля. Несмотря на мораторий продажи, земля уже давно поделена между собственниками и находится в обороте. По непроверенным, но упорным слухам, очередным требованием МВФ под новый транш является отмена этого моратория. Таким слухам легко поверить. Пока правительство рассчитывалось со старыми долгами, делая новые. Ясно, что такое положение вечным быть не может. Поскольку отдавать нечем, то настанет очередь чернозёма. В итоге будет, как сейчас в Аргентине: десятки километров высокого забора, за которым почти нет местного населения и местной юрисдикции, но зато есть «Монсанто» и прочие транснациональные компании. И, конечно, с продовольственной независимостью Украины будет покончено.

Перейдём теперь к факторам субъективным. Думается, что уже никто из здравомыслящих людей не рассчитывает на членство Украины в Евросоюзе. И правильно, полноценное членство нашей страны, как теперь очевидно, не предусматривалось изначально, а к настоящему моменту невоз-

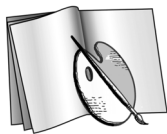
можно чисто физически. Ну не может страна с африканской экономикой стать частью объединённой Европы. Да и будущее самого Евросоюза в долгосрочной перспективе весьма туманно. С этим вопросом всё ясно. Иначе обстоит дело с ассоциацией, которая стала для нашей страны откровенно разорительной. Спрашивается: что это за зона свободной торговли, если в ней Новый год для Украины начинается в марте, а по кукурузе и вовсе 8 января? Требуется решительный пересмотр условий этого соглашения, а ещё лучше – односторонняя денонсация. Украина также нуждается в рычаге давления на европейских партнёров, а иначе она попадает в полуколониальную зависимость. Ах, да, ты, мой дорогой и безденежный соотечественник, рассчитывал на безвизовый режим с Евросоюзом и боишься, как бы он не пострадал от таких резких действий. Посмотри на соседку – Молдову. У молдаван уже есть безвизовый режим, и сильно он помог? Да и как ты со своей зарплатой (если она у тебя есть) будешь чувствовать себя в странах, где чашка кофе стоит 5 евро? И объективно – крайне сомнительно, чтобы, несмотря на обещания, безвизовый режим был предоставлен стране, где идут боевые действия.

Для начала необходимо уяснить, что Украине нужен не евроатлантизм, а прагматический украиноцентризм. Национальный эгоизм, если угодно. Нужно прекратить таскать каштаны из огня для заокеанского дяди и начинать налаживать отношения со всеми соседями, исходя из собственных интересов. Со всеми, я сказал, и с северным соседом тоже. Конечно, в построении лучшего будущего нам не обойтись без опоры на внешние силы. Но с обязательным условием сохранения суверенитета. Соединённые Штаты здесь далеко не лучший вариант. Дядя Сэм далеко и к тому же слишком озабочен борьбой за сохранение мирового господства. В этой борьбе он слишком часто рисковал стабильностью и благополучием других государств, в том числе и союзных.

Опору нужно искать в том, кому сам сможешь стать опорой. В этом основа взаимности. Американцам мы не опора, и тем более не россиянам. А вот туркам мы могли бы помочь. Турция сейчас в очень сложном положении. Она также оказалась за бортом Евросоюза, у неё серьёзные проблемы на границах, она пытается как-то переосмыслить своё место в Европе, на Ближнем Востоке и в мире. Вместе с тем это развитая страна с большим населением и ёмким внутренним рынком. Ей есть что предложить нам, а мы можем поддержать соседку политически и экономически. С Турцией, в отличие от Китая, нет нужды налаживать какие-то дополнительные транспортные потоки – они уже есть. Сближение Украины и Турции не должно вызвать негативную реакцию Запада. Требуется только, опять-таки, политическая воля, настойчивость и трезвый расчёт. Началом диалога могло бы стать уже объявленное президентом Турции непризнание российской аннексии Крыма. Сможет ли нынешнее руководство отрешиться от односторонней ориентации на Евросоюз? Не знаю, но в любом случае надежда лежит к югу от наших границ, там, где украинские товары в своей ценовой нише могут быть востребованы, и это однозначно не Европа.

Свои надежды в долгосрочной перспективе я возлагаю на новое поколение элиты, которое очень нужно стране. Уже сейчас в обществе огромный запрос на новые лица и идеи. Новым лидерам придётся учесть ошибки и промахи предшественников, а главное – ей предстоит стать подлинно национальной.

Карманов Александр Александрович. Кораблестроитель, ведущий конструктор вертолётно-носца пр. 10200 (шифр «Халзан»). Журналист, заместитель главного редактора николаевского журнала «Новый векЪ» (1998–2003).

ДВЕ ЖИЗНИ ВЛАДИМИРА ЗЕБЕКА

Документальная повесть

В начале «нулевых» годов я заканчивал сборник автобиографических рассказов и повестей о репортёрской своей судьбе, даровавшей сотни невероятных поездок, тысячи встреч с людьми, неординарными, харизматичными.

Рассказ о многочасовых беседах, ночных чаепитиях с выдающимся художником-маринистом современности, личностью яркой, противоречивой, эмоциональной – Владимиром Евгеньевичем Зебеком, по моей задумке, должен был открывать книгу.

Книга вышла – рассказа о Зебеке в ней не было. Трижды начинал о нём писать, и трижды что-то останавливало: не «то», не «то»...

К счастью, за четверть века нашего общения (боюсь сказать – дружбы) я отснял о художнике три полнометражных документальных фильма. Казалось бы, чего проще – сценарии объединить в рассказ. Но мне всегда казалось, что самого главного в его натуре и, что важнее, – его творчестве, я не уловил; что надобно осмыслить невероятную судьбу художника; уловить связь буйной натуры Мастера с его не менее буйными, мистическими маринами... Да и куда спешить?

Зебек-то – вечен! В том нисколько не сомневались ни я, ни все, кто был с ним близко знаком. В свои 80 «с хвостиком» лет Зебек так «подзаряжал» окружающих своим жизнелюбием и оптимизмом, что рядом с ним ты ощущал себя нудным, брюзжащим стариком... Про гениальные марины, что так и брызжут с холста невероятной, космической (или мистической?) энергетикой, говорить нечего.

И вот его не стало... По сей день трудно поверить. Как так? Как может враз не стать моря? Или – исчезнуть Кинбурнская коса? Нет, они остались... Но для меня (не только для меня) Кинбурн без Зебека – что роскошный багет без картины... Что – человек без души.

Кинбурн осиротел. Осиротела мировая маринистика. И не только...

* * *

Сегодня образ творца обрастает легендами, мелкобравчатыми деталями быта, фантастическими подробностями его биографии (к чему, замечу, сам Мастер приложил руку), мифами о невероятных выходках художника и прочей шелухой, что сопровождает при жизни (и особенно после смерти) каждую выдающуюся личность. Но! Соразмерно, – нет, опережая! – слухи и сплетни в геометрической прогрессии, приходит осознание величия его кисти. Произведения Зебека встали в один

ряд с лучшими маринистическими полотнами Айвазовского, Тернера, Судковского... Но никто – даже дилетант! – не спутает его мистико-энергетическую кисть с творчеством выдающихся предшественников. Ибо маринист Владимир Зебек – явление в живописи уникальное и неповторимое. Поистине – космического масштаба. Гении, истинные таланты всегда нисходят с небес в «единственном экземпляре» и – ...не распознаются... Так и должно быть, ибо гении всегда опережают Время... Может, на десять, может – на сто лет...

* * *

Призвание, судьба Зебека были predeterminedены свыше. Скажете – мистика? Остаюсь при своём. Не потому ли ангел-хранитель не единожды спасал его от верной смерти (в Голодомор, годы войны), вызволял из советской тюрьмы, как мог, до последнего, оберегал от хворей... Доподлинно знаю, что распознав смертельный недуг, врачи отпускали ему 3-4 месяца, а он прожил ещё целых 8 лет, не меняя образа жизни, не соблюдая диету, не отказываясь от маленьких слабостей. При том иступленно, как и прежде, писал. Писал ночами марины, натюрморты, в последние годы – философские абстракции...

Владимир Зебек исполнял свою миссию, с которой был явлен на эту землю. Кто-то исполнил её к 37 годам, Зебек – к 83-м... Да и нам, простым смертным, предписано свыше что попроще. Кому-то детей нарожать, сад посадить, дом построить, познать любовь или хлебнуть горя. Избранным – божественный след на земле оставить. Провидческий след.

Кто-то из мудрых сказал: «Истинные таланты от посредственностей отличаются тем, что чувствуют и предвидят то, что ещё не случилось».

Иногда (только – иногда!) глядя на зебековское разъярённое море, обессиленные призрачные паруса, пронзает чувство: «А не будущее ли это нашей планеты? Не дай Бог – Украины?...» Нет! Нет! То был утомлённый душевный настрой...

* * *

Как славно, благородно, по-христиански, чтоб при жизни Творца его уникальный талант оценили по достоинству! Нет, Зебек-художник не стал бы творить лучше-хуже... А вот Зебеку-человеку сделалось бы радостно и лестно. Я не встречал ни одного художника, актёра, писателя и т.д., которых б не вдохновляли добрые слова, сказанные в его адрес. Непременно – искренние слова.

Откровенная лесть, фальшь вызывают обратный эффект. Талант – он чуткий!

...Позволю небольшое отступление.

Я много раз бывал в Армении, всем сердцем полюбил этот древнейший христианский народ – со своими традициями, глубокой верой, семейными ценностями. Но более всего меня восхищает отношение армян (от президента до садовника) к людям искусства. На протяжении веков (!) у первоначальной нации выкристаллизовывалась, вошла в кровь, гены такая философия: искусство исходит от Бога.

Значит, человек творческий (писатель, художник, композитор, актёр и т.д.) озарён особым Божественным светом. Через него Всевышний говорит о вечных духовных ценностях, Любви, Вере, Доброте, Красоте, напоминая как бы: «не хлебом единым...». Люди, чьими устами он глаголит, – избранны Богом.

И в Ереване, и в городах малых памятники просветителям, людям искусства (от Маштоца до Параджанова и Мкртчяна) установлены на каждом квартале. Почитаются те Творцы как святые.

...Будет ли установлен памятник Зебеку на Кинбурнской косе? Честно говоря, сомневаюсь. В создание музея живописи Владимира Евгеньевича Зебека в Николаеве верю больше. Слава Богу, есть люди, поставившие открытие подобного музея едва ли не целью жизни. Красочное издание альбома-каталога художника; две выставки его живописи, пожалуй, что и эта книга, – суть, конкретные предпосылки на тернистом пути создания музея. Хотелось бы дожить...

* * *

Не стану пересказывать родословную, комментировать факты невероятной биографии художника. Про то в этой книге предостаточно.

И всё же... Что побудило его, успешного московского живописца, испившего сполна славы, денег, покровительства высоких партийных благ («как же! Ленин кисти Зебека – это классика соц-реализма!»), получившего в центре Москвы мастерскую, не успевавшего выполнять заказы, вдруг плюнуть на богемную, обласканную жизнь и оказаться чёрт знает где, на краю земли, на берегу безлюдного дикого моря. По сути – в «Тьмутаракани», хоть и в райском обличье...

Разные версии бродят. Мол, выкрал молодую невесту, спрятался от долгов и т.п.

Больше верю словам самого Володи: «А пошла она, эта Москва!...» Дерзкая аналогия напрашивается: не так ли первые христиане (избранные!) уходили в пустыни, становясь отшельниками? Не так ли Чацкий, устами Грибоедова, воскликнул: «Вон из Москвы! Сюда я больше не ездук!» Или Гоген, уплывший творить на острова? Или писатель Астафьев, создавший всё лучшее в глухой деревушке на Енисее? Примеров – несть числа. И самый яркий – жизнь выдающегося художника, поэта Максимилиана Волошина в Коктебеле. Поводы для затворничества у всех различны. А причина одна. Вынужден повториться: всем им был дан знак: исполнить свою Миссию. В награду – обрести подлинную свободу. Помните, гениальное: «Минуй нас пуще всех печалей и барский гнев, и барская любовь...» Многие ли способны повернуть на 180 градусов свою жизнь, отказаться от уютного быта, признания в обществе? То-то! Впрочем, нам это не грозит, ибо ни редким талантом, ни Знаком мы не отмечены. Кто отмечен – тот обречён сполна познать счастье, муку, любовь, Божественное Вдохновение. А придёт время – на небесах спросится, строго спросится, как ты распорядился последним.

Думаю, Зебек на уровне подсознания это понимал и работал еженощно, испулённо работал. Более полувека. И если бывал день-другой перерыва, то он затем наверстывал вдвойне. Свои полотна он создавал так, будто каждая из картин – последняя. Не потому ли столь высок уровень его творений.

* * *

Что б не писали о Володе Зебеке, он был вполне земным человеком – со своими слабостями, страстями, эмоциями. В нём жил мятежный дух. А поскольку личность он творческая, незаурядная, то все те качества возведете в квадрат. Тогда получите эскизный портрет художника. С ним общаться было... по-разному. Но – интересно. О чём бы он ни говорил: о заблудившейся корове, о притягательной красоте блондинок, ценах на сено, зловещих фигурах Гитлера и Сталина, отвратительном качестве водки, мудрости Корана, целительных свойствах прокисшего молока, о пересохшем подле его дома озере, где прежде зимовали лебеди, о величии гомеровской «Одиссеи...».

Зачастую то были велеречивые, страстные, но сбивчивые монологи с неперменным рефреном, обращённым ко мне: «Ну что, хе-хе, разве я не прав?» «Прав...» – соглашался я. Лишь со временем понял, что наши беседы как бы ни о чём (умные, дурашливые, высокие, с матюками и без, спокойные, бурные) служили для него необходимым выплеском избыточной энергии, эмоциональной разрядкой (или – подзарядкой?) для другой, таинственной и горней, жизни. Подлинная жизнь Зебека, которую он истово оберегал, таил, пребывала там, – в ином, загадочном и мистическом мире; в ночном творении морских стихий, подвластных лишь его кисти; в кровавых сполохах закатного неба или в голубой умиротворённой неге предрассветного моря; гордом величии обречённых, но не сдавшихся парусов; в призрачных кладбищах кораблей, выброшенных на остров, пожираемый свирепыми волнами. Вот-вот – и обрушатся в бездну и остров, и останки парусников... И вся жизнь... Но что это? Вдалеке на горизонте, едва различимый, виднеется одинокий парус, что вырвался из объятий жуткого шторма и продолжает свой путь! Нет, то не корабль – то сам Мастер! Призрачный, далёкий, гордый, он держит свой курс наперекор всем стихиям. И правит против ветра...

Никто (никто!) не смел в его жизнь вторгаться, когда он творил. Не раз, не два во время съёмок фильмов (с перерывом в 10 лет!) я умолял его подойти к мольберту и хотя бы сымитировать прикосновение кисти к холсту. В ответ – гневный, категоричный отказ: «Сворачивай камеры... к такой-то матери!» И он был прав.

...Что бы нынче не говорили, не показывали в кино, момент зачатия ребёнка, как и его рождение, априори задуман творцом как Великое Таинство. Зебек это очень тонко чувствовал. Да, бывало (мне говорили), он чудил на людях с кистью. Так кто ж не чудил? Один Параджанов чего стоит! А ведь что-то в их судьбах сродни. Тяга к актёрству, эпатажу, шумному общению. Случайно ли?

* * *

О своих картинах Зебек всегда говорил неохотно, одними и теми же словами: «Вот написал... Чепуха, правда? Что – нет? Ну, может быть... Но картина не закончена! Видишь – здесь волна не прописана, и правый угол картины сырой... Что-то надобно усилить...» и т.п. Или: «Ты говоришь, цветы как живые. Скажи ещё – пахнут... Ни хрена они не живые... Вот кувшин под букет, может, и получится...» Здесь Володя хитро улыбался, прикуривая очередную сигарету.

– А ручки-то дрожат, Володя, – говорю я.

Зебека задевают мои слова:

– Ты, блин, напиши такую розу дрожащими руками! Когда надо – не дрожат...

На том разговор о его живописи закруглялся. Зебек прав. Анализировать, трактовать, проводить аналогии, выискивать скрытые смыслы, философские подтексты в творчестве такого мастера, как Зебек, – дело искусствоведов, критиков, публицистов. Думаю, не одна диссертация будет основана на его работах. Даже на «соцреалистическом» периоде мастера! Его знаменитый «Лукич» с бревном на субботнике (Ленина Зебек упрямо называл «Лукичём») – представьте, тоже объект для искусствоведческого исследования. Как и его ранние этюды, зарисовки, акварели. Мастер – он всегда мастер! Был бы под рукой карандаш, уголёк...

* * *

Думаю, ничто полнее и ярче не передаст образ Володи Зебека, чем наши беседы (по сути, его мини-монологи), как вошедшие, так и оставшиеся за кадром, в моих документальных фильмах «Одержимый» и «Зебек». Все выше- и нижесказанные слова о мастере не стоят двух-трёх его метких, подчас парадоксальных, суждений о мироздании, литературе, искусстве. И даже на вполне бытовые темы.

Поэтому после долгих раздумий я решил включить диалоги в эту повесть. Если увидите в них живой, неповторимый образ мастера, – значит, я не ошибся.

О счастье

(Август. Зной. Тишина. Мы идём вдоль берега пересохшего озера неподалёку от его дома. Зебек, как обычно, в шортах, расхристанной футболке, едва прикрывающей всё ещё могучую грудь. И на ходу руки Зебека заняты делом: в левой руке кружка с крепчайшим чаем, в правой, конечно, сигарета).

А.Т.: За эти годы ты сроднился с Кинбурнской косой?

В.З. Сроднился – не то слово! Здесь, куда ни глянешь, такая красота! Тебе никогда не бывает скучно! И не нужно никаких зрелищ. Такого места на земле не найти!

А.Т.: Я иногда говорю: если есть рай земной, то он должен выглядеть именно так...

В.З.: Верно, верно... Такая здесь девственность, первородность, такая чистота! И народу мало. Скажу тебе по секрету: для меня чем меньше людей, тем лучше... На косе ты – везде, везде! И – свободен! По-моему, это и есть счастье для человека.

О славе

(Сидим в его «гостиной»). Съёмки идут второй час. Зебек устал, нервно чешет бороду, но виду не подаёт. Вопрос, что приберёт я напоследок, неожиданно его взрывает).

А.Т.: Сейчас о тебе статьи стали появляться – в журналах, газетах, в Интернете. Они тебя раздражают или всё-таки приятно?

В.З.: Давай не будем лицемерить! Вот я тебе журнал показал, где мои картины... Конечно, мне... ну как бы не противно. Но это – не цель, понимаешь? Ведь есть творческие особи, то так себя любят – ух! (Зебек всё сильнее заводится). А ты всё равно относишься к себе строго! Как только будешь доволен собой – всё!

А.Т.: Ты сам свой высший суд...

(Володя неожиданно, с великолепным актёрским мастерством подхватывает великое стихотворение Пушкина).

В.З.: *...Всех строже оценить сумеешь ты свой труд.*

Ты им доволен ли, взыскательный художник?

Доволен? Так пускай толпа его бранит.

*И на алтарь плюёт, где твой огонь горит
И в детской резвости колеблет твой треножник!*

(О, как разошёлся мастер! Слова «на алтарь плюёт» он сказал дважды, да с таким смыслом! Я незаметно бросил взгляд на оператора Юрия Трегубова. Он меня понял и кивнул головой. Эпизод записан. И сегодня я считаю этот фрагмент лучшим в фильме. Конечно – после самих картин Зебека).

О семье

В.З.: У меня семь детей. Шесть сыновей и дочь. Всё, как положено. Ведь семья – это «семь и я». Пятерых детей вырастил, выкормил на косяке! И Лизочка, последняя, родилась здесь.

А.Т.: Жаль, что её не повидал. Она уже выросла. Красавица, должно быть. Я её совсем маленькой помню...

В.З.: Дети все красивые, крепкие...

А.Т.: Прошло несколько лет, как умерла жена Оля... Ты живёшь один, а тебе уже 77... (беседа состоялась в 2009 году. – А.Т.). Ну, словом, ты понял, о чём я...

(Художник воспринял мои слова почему-то буквально).

В.З.: Я что, по-твоему, сексуальный маньяк? Но, конечно, когда нет женщины в доме, получается отсутствие чего-то такого... (Зебек чрезвычайно артистичен. Особенно выразительны движения его рук, которыми в тот момент он сказал более, чем словами), чего-то такого... пластичного, мягкого... Но что поделать, знать, судьба такая. У неё, у меня... (тема для Зебека болезненная, он красиво уводит разговор в иную плоскость) ...Последнее время я писать стал как-то особенно свободно. И питаться стал иначе – всё больше сырым – молоком, яйцами, мёдом. Да и зачем мне готовить? Для себя, что ли?

О таланте

В.З.: Я не верю, что талант – такое уж счастье большое. Талант не зарабатывают, как думают некоторые. Вот Шаляпин родился с голосом. Так ему тот голос Богом даден!

А.Т.: Талант требует постоянного труда...

В.З.: Это – ответственность! И ещё. Неизвестно зачем, для чего ты тем талантом награждён... Талант может ведь и голову разорвать! И мучиться всю жизнь можно с тем талантом... Нести его ох как тяжело! И – неблагоприятно...

О весёлых наших аналогах

Демонстрацию своих картин Зебек превращает в премьеру театра одного актёра, где он, конечно, играет главную роль.

Вначале – отбираются работы, устанавливается мольберт с шикарным багетом. По словам художника, «картина без багета – что генерал в бане». Зебек грациозно пританцовывает у треножника, как фокусник, быстро и изящно меняет картины, при этом одну из них пытается незаметно задвинуть в угол. Далее происходит следующий диалог (цитирую дословно, по расшифровке видеозаписи).

А.Т.: Что ты там прячешь? Покажи.

(Зебек неохотно вставляет картину в багет).

А.Т.: А зачем же ты проткнул эту картину в двух местах ножом? Разозлился на себя, – скажи честно...

В.З.: Нет, не злился. Она сама проткнулась.

А.Т.: Так не бывает!

В.З.: Бывает! Смотри – вот другая картина. (Кричит): И отойди от света! Загородил всё! И ты, оператор, отойди (чуть успокаиваясь). Смотри, странная работа... Или – ничего?

А.Т.: Прекрасная картина! Как и предыдущая, которую ты испортил.

В.З.: (Бурчит): Ничего я не портил... А как насчёт этой? Я вчера её мучил, мучил всю ночь – и недотянул.

А.Т.: По-моему, она закончена...

В.З.: Нет! Нет! Над ней надо работать. Я же говорю – я её гонял из угла в угол... Но нет удовлетворения! Вот здесь ещё будут белые лошади, они выйдут из морской пены... Может быть. А может – и нет.

А.Т.: Слушай, продай мне эту работу, если у меня хватит денег. Без лошадей. Сознайся, ты ведь всё равно к этой картине не прикоснёшься. Я же тебя знаю.

В.З.: (Волнуясь) Никогда! Никому не продам! Я оставлю её себе! Вот тебе крест! Как перед Богом клянусь – не отдам!

(В следующий мой приезд этой картины я, конечно, не увидел. Да Зебек и забыл о нашем разговоре. – А.Т.).

А.Т.: Хорошо, эту картину не продашь... А, предположим, – эту?

В.З.: Не знаю, не знаю. Что ты ко мне прицепился?

А.Т.: Цену набиваешь?

В.З.: А пошёл ты!.. Со своим фильмом, оператором... С тобой даже выпить нельзя. Что ты за человек – если с другом выпить не можешь? Не понимаю я трезвенников... Подозрительны мне они...

А.Т.: Ещё поговорка есть украинская: «Людина, що не п'є, – або дуже хвора, або дуже велика падлюка». Я кто по-твоему?

В.З.: Кто тебя знает... Пошли чай пить... Говоришь, новые работы понравились?

А.Т.: А то! Высокий класс! Без дураков...

В.З.: Все они сырые. Надо дописывать, дотягивать...

Зебек редко доводил свои работы. Нет, не ленился, он был одержим уже следующим сюжетом. Дописать картину для него значило остановиться. Мастер не мог изменить своей натуре, что соткана из творческого движения.

О лаконизме в живописи

В.З.: ...Недаром греки ценили лаконизм. Лаконично выражаться очень сложно. Много говорить легче. А вот сформулировать двумя словами суть явления – это искусство. Между морем и небом такой лаконизм! Порой я не могу справиться. Ведь есть только море и небо. Ничего более! Два отношения! И я бросаю на холст какие-то предметы, чтобы тоном, деталями обозначить границы...

В море есть какая-то бесконечность мысли. Когда выходишь к морю, смотришь на него – и твоя мысль льётся, льётся... И нет той мысли границ!

А в лесу как-то замкнуто всё. Красиво, – но замкнуто. Потому я лес не пишу. А на море всё раскрепощённо, свободно, вольно... И мысль необъятна...

О небе

В.З.: Я как-то вспомнил чьи-то слова: земля – это плоть, вода – кровь, небо – душа. Вот потому-то небо так сложно писать. Оно же не материально! Волны, живые волны мне написать – это запросто! А небо...

А.Т.: Оно же меняется...

В.З.: Так и души, наверное, в разных состояниях пребывают... Но остаются душами. И состояние то уловить крайне сложно... Я чувствую, что мне вновь нужно писать с натуры, так как иногда повторяюсь.

А.Т.: Ты не повторяешься.

В.З.: Это тебе так кажется. Я лучше знаю. Без натуры художник обречён на повторы. Даже – удачные.

А.Т.: Не знал, что ты столь критично к себе относишься...

В.З.: Стоит возмнить, мол, я – мастер, классный маринист, – тут тебе... *** пришёл! Кажется, у Веласкеса была картина: победитель на коленях принимает у побеждённого ключи от города. На коленях! Победитель должен быть очень скромным. Иначе...

А.Т.: Это ты про себя?

(Зебек не ответил).

Необходимое авторское отступление

Можно ли человека считать цельной натурой, если он высказывает диаметрально противоположные взгляды на своё творчество? Думаю – вполне. Ибо, что бы он ни утверждал, основополагающим, вечным, единственно цельным и значимым для потомков останутся его произведения.

Выходит, его слова, противоречивые, сбивчивые мысли от лукавого? В данном контексте основополагающее понятие – мысль. Мысль бьётся, ошибается, негодует, ищет, заблуждается, свершает открытия, прорастает чувственным, уходит в глубины, выплескивается на поверхность, опровергает мысль предыдущую, наконец, благостно утверждается в правоте и... забывается на другой день. Каким-то чудом та, казалось бы, шальная, ушед-

шая мысль (либо битва тех мыслей, чувств, ощущений), – выплёскивается на холст, порождая неповторимое творение искусства. А слова, что вчера были со знаком «да», сегодня – со знаком «нет»... Представьте, что те и другие искренни, правдивы! Просто в то мгновение творец думал, чувствовал именно «так». В другой раз – иначе. Это – о Зебеке. Как подтверждение – последующие (документальные!) диалоги, относящиеся, правда, к разным годам наших встреч. С камерой и без камеры.

О повторях

А.Т.: Доводилось слышать, что Зебек только и делает, что копирует свои работы...

В.З.: (Вздохнул седую гриву, забегал по комнате): Где ты у меня видел повторы? Где?! У меня просто тема одна и та же. Ты попробуй, повтори! У меня даже просят иной раз повторить удачную работу, говорят: хорошие деньги заплатим! А мне деньги как раз позарез нужны – купить сено для коровы... Я говорю: это невозможно! Совершенно! Другую картину написать – пожалуйста! Объясни мне: как можно родить второго ребёнка, стопроцентно похожего на первого?

А.Т.: Родить близнеца...

В.З.: Близнецов я делать не умею! Детей – умею. Сколько угодно! Близнецов – нет!

О мельнике

А.Т.: Для себя я давно нашёл ответ, но как ты считаешь, должен ли художник пояснять свои картины?

В.З.: У Льва Толстого мне нравится рассказ (по сути, притча) про мельника. Тот мельник молотил муку, а потом решил узнать, как там в мельнице всё устроено, как работает жёрнов, колёса, как вода крутит колесо... А мука становилась всё хуже и хуже. Вот тебе ответ.

О вдохновении

В.З.: Представь, что кувшин, переполненный водой, падает. И тот миг, когда из него выплёскиваются первые капли воды, ещё не ставшие потоком, – это такие драгоценные секунды! В те мгновения что-то рождается. Необъяснимое! Уловил тот миг – и создал «нечто»...

О свободе

В.З.: Я тебе так скажу... Нет, лучше Чехова в «Чёрном монахе» не скажешь: «хочешь быть здоровым – иди в стадо! Там, в стаде, все здоровы и нормальны!» И они судят, что – хорошо, что – плохо; кто прав, кто – не прав... Не обижайся, но ты – из стада.

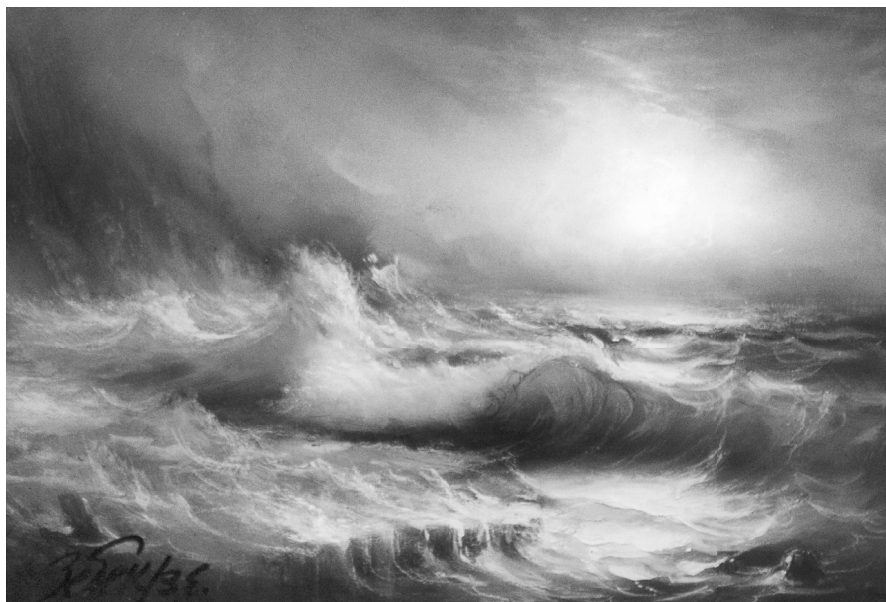
О парусах (в разные годы)

* * *

А.Т.: Володя, ты такой светлый человек. А большинство марин твоих печальны и даже зловещи...

В.З.: Они не печальны! Они говорят о моей, банально говоря, розовой мечте. В них много светлого! И вообще у меня больше всего белых работ... (?! – А.Т.)

* * *

А.Т.: Ты написал тысячи состояний моря. И почти везде – мистические паруса.

В.З.: Паруса – это иллюстративная часть... Мы столько шлялись, столько повидали на этом свете... И вот, наконец, приплыли к последнему причалу. И – что? Вопросов много... А ответ один: не нам судить, во имя чего мы столько блуждали...

А.Т.: Гршили?

В.З.: И гршили, и заблуждались. И – заблудились в итоге...

* * *

В.З.: Знаешь, я больше всего кладбища кораблей пишу. Ну, это как уставшие люди, образно говоря. Я людей редко вставляю в пейзажи... А корабли – они шлялись, долго шлялись, и нашли последний причал. Паруса очень романтичны. В них много одиночества...

* * *

В.З.: Мои паруса – это грехи наши неотмоленные.

О творческой ошибке

В.З.: Если вправду признаться – мне не надо было учиться на живописца.

А.Т.: ?!

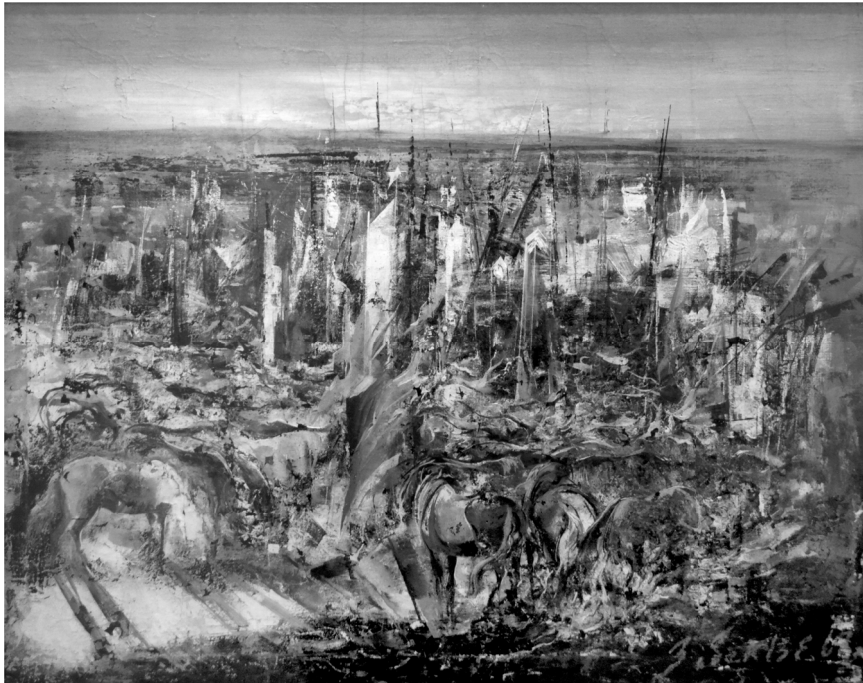
В.З.: Да-да. Совсем не надо. Учёба в другую сторону увела. Я согласен с Львом Толстым – художнику вообще нельзя учиться. Что Бог дал – и так проявится. В училище на традициях учат – классических образцах Древней Греции, эпохи Возрождения. И ты где-то им следуешь, сбиваясь со своего курса в творчестве. Теряешь индивидуальность...

Об абстракциях и натюрмортах

В.З.: Мои абстракции – это не совсем абстракции. Это отсутствие какой-то иллюстративной части. Когда я ничего не говорю, но говорю одной гармонией: как «это» относится к «этому», а «то» – к «тому». Абстракция – это когда ищешь один ответ, а находишь совсем другой. Понятно?

А.Т.: Когда ты так доходчиво объяснил, то – конечно. И натюрморты в последние годы у тебя появились. С чем это связано?

В.З.: Натюрморты – как разрядка. Иной раз так сильно устаёшь от моря, неба, что теряешь полтона... А в цветах много ярких колеров. И ты бросаешь краски туда и туда, и сюда. Вот так! (Забек руками в воздухе написал натюрморт и остался доволен). Натюрморт – почти абстракция. Его нужно писать быстро, смело, даже нахально. Мне не по душе, когда движения (мазок? – А.Т.) вялые, прилизанные... Я люблю экспрессивное движение, энергетическое. Пусть даже не всегда точное...

Табуны, уносимый парусами снов

О себе

В.З.: Когда мне говорят: «Зебек, ты неправду говоришь». Или – «вчера обещал, сегодня не сделал...» Я могу заблуждаться. Под впечатлением чего-то... Но чтоб сознательно... Сознательно – нет, никогда. И, знаешь, каюшь потом... Но не это главное. Я часто задумывался: а что после нас должно остаться? И вот к чему пришёл: живи чистой, нравственной жизнью, не помышляя о будущей славе: мол, помру – и меня признают, обо мне заговорят... Мыслишка такая подленькая заведётся – ни хрена после тебя не останется. Гордыня – самый смертный грех. Короче, каждый несёт свой крест. Пронести его достойно, гордо – назначение человека... И не сбиться с пути...

О выставках

А.Т.: Ты не думал о своей персональной выставке? Столько прекрасных работ у тебя накопилось...

В.З.: Да были у меня выставки в Москве! Такой успех имели, ты не представляешь!

А.Т.: Так то давно было...

В.З.: Ну, давно... Так и что? Мне предлагали и в Союз украинских художников вступить, и выставиться в музее Верещагина... Там, кстати, две моих работы есть.

А.Т.: И что?

В.З.: И то! Выставка – это забота, хлопоты, оформление картин... Менеджера, который бы это всё организовал, у меня нет. Самому не потянуть. Ты знаешь, сколько потребуется времени на эту канитель? Нет, нет! Художник не должен заниматься своими выставками! Кто-то другой, – может быть. Впрочем, мне обещали. Поглядим...

Сейчас (беседа состоялась в 2012 году. – А.Т.) у меня новая волна пошла, и я берегу энергию. Такой приток сил, идей... А может, я, как электрическая лампочка, перед тем, как перегореть, начинает светить ярче? Что ты думаешь?

А.Т.: Успокойся, Володя. Ты – вечен.

Об одиночестве

В.З.: Я не знаю ни одного настоящего художника (придворные – не в счёт), который бы жил и писал в городской суеде. Каждый день общаться с кем-то, даже разговаривать, – это сколько энергии уйдёт в свисток. Я всего этого хлебнул в Москве. Нет, изредка с кем-то беседовать, рюмочку выпить,

Об искусстве

В.З.: Искусство – очень тонкая материя. Оно не прощает фальши. Если лицемерить начинаешь, подстраиваться под заказчика, под модные течения, подражать кому-либо – оно не будет долговечным. Остаются те, кто шёл против течения, ломал каноны и был уверен в себе. Тот же Врубель... Он следовал своим путём, творил без подлога. И – остался. Единственным и неповторимым.

А.Т.: И не о себе ли ты, в том числе, говоришь?

В.З.: !..

конечно, надо. Но чтоб каждый день! В столице суета меня раздражала, как гнойный нарыв. Он наливался всякой мерзостью, наливался... пока не лопнул.

Когда я оказался на Кинбурне, сразу пошёл на море... И – всё! Боже мой, свободная жизнь, оказывается, здесь! Этот дом, где мы сейчас, я его увидел первым. Потом смотрел другие дома, более симпатичные, с садами, пристройками (они тогда копейки стоили), но вернулся к этому дому. Почему? Может, потому, что он на пригорке, на берегу озера, где лебедей тогда было невидимо...

Или нашёл энергетическое место? Не знаю. Домик-то саманный, стоит на песке, развалюшка... А я его как любил, так и люблю. И отсюда – ни ногой! Поверишь, в Васильевке уже лет 15 не был...

А.Т.: Ну а продукты – там, соль, спички, керосин?

В.З.: Я же не на острове. И мир не без добрых людей. Что-то покупаю – привозят под заказ, что-то могу обменять на картины...

А.Т.: Слышал, слышал, натуральный обмен. За воз сена – картину...

В.З.: Да какая разница! Я здесь живу свободным человеком! Тебе этого не понять! Я никому ничего не должен! Никто мне ничего не должен!

А.Т.: Чего ты кричишь? Я что, посягаю на твою свободу?

В.З.: Посягаешь!

А.Т.: Так мы ж просто беседуем. Без камеры. И вечер прекрасный. Был.

В.З.: Уже – ночь!

А.Т.: Ну и перепады у тебя настроения! Какая муха тебя укусила?

Зебек как-то сразу успокоился, подобрел. Лишь много позже я понял, что раздражителем стали мои слова про «воз сена». И ещё – какая-то статья про него, которая ему резко не понравилась и к которой я не имел ни малейшего отношения.

В.З.: ...Так о чём это мы? Ах, да, – о небе. Такого неба, как на Кинбурне, нигде не встретишь. Тут такие бывают закаты, что напиши я небо с природы, люди бы сказали: такого в природе не бывает! А ночью...

А.Т.: Говорят, НЛО на Кинбурн садится...

В.З.: Не знаю. Торнадо под Тендрой как-то видел... И сполохи какие-то, наподобие полярного сияния... Даже на картине их написал.

А.Т.: Покажешь ту картину?

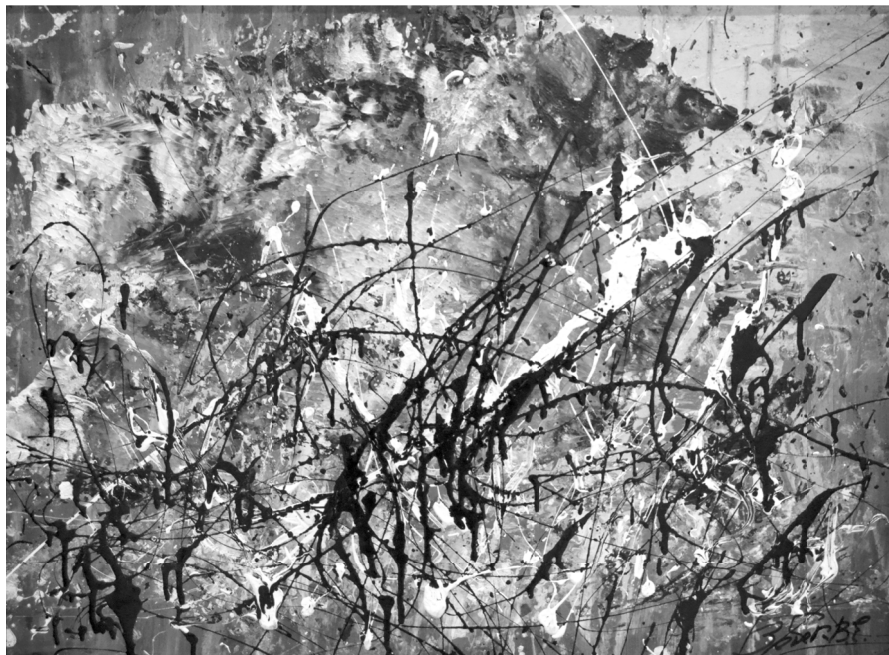
В.З.: А где она? Надела башмачки и ушла. За сотней других...

А.Т. За тысячей...

В.З.: Бери, наверно, больше. Не считал никогда, не отслеживал. Я их родил, а кто воспитывает, лелеет... Хочу верить, что в хороших руках...

А.Т.: А в плохих руках они не приживутся. Сбегут...

Зебек улыбнулся. Сравнение ему понравилось.

Внимая музыке Шопена

В.З.: Вот-вот... Выпрыгнут из дорогого багета – если окружение будет пошлым. Или – тупым, злым...

(Помолчали. Я собрался уходить).

Помню, маленький Денис, возвратившись с Олей из Москвы, всё приставал: папа, почему Москва большая, а неба там мало? А здесь кругом небо, небо...

(Стояла глубокая августовская ночь. Луны не было. Небо светилось яркими звёздами. Звёзды серебряно перемигивались под оглушительный стрекот цикад. Млечный Путь, изогнувшись светлой дымкой, мягко распушил небосвод. Высматривали падающий метеорит. Но августовский звездопад отдыхал. Закурили по очередной сигарете. От крепчайшего чая меня слегка трусило).

Это хорошо, что ты пришёл без водки... – после долгого молчания сказал Зебек. – Я ещё работать пойду.

А.Т.: Завязывать надо... Сердце, – оно, знаешь...

В.З.: Как ты завяжешь. Сейчас – лето, сезон. Одни придут, другие приедут. И все – не с пустыми руками. Зимой – красота! Никого! И – без соблазнов... Вот когда пишется!

А.Т.: Зимой одиночеством не страдаешь?

В.З.: Ни зимой, ни летом, никогда! Одиночество – самый кайф. Потому здесь живу. Свобода и одиночество – моя стихия.

А.Т.: Будь здоров, Володя. Звони, если что...

(За годы нашего знакомства Зебек позвонил единожды, да и то по ошибке).

* * *

Мельчайший песок, смешанный с пылью, забивает глаза. Старенький мотоцикл с коляской надрывно ревет, с трудом пробиваясь по глубокой песчаной колее. Три километра пути кажутся бесконечностью. Илья Зебек ведёт мотоцикл уверенно, но лихо, газуя перед очередным кучугуром так, что, кажется, ещё мгновение – и я вылечу из коляски вместе с фотоаппаратом и двумя букетиками полевых цветов, собранных по дороге к дому Зебека. Колоритного, бородатого, седого красавца-старика в доме уже нет. Володя Зебек навсегда перебрался сюда, на Покровский погост. Его душа вознеслась к тем небесам, которые он боготворил, пред которыми преклонялся, которые, как и море, воспевал. Певец небес ушёл на небеса. Его могила видна издали. Он лежит на самой вершине пологого кладбищенского кучугура, откуда виден его дом. И – море.

Он умер в конце зимы. Умер тихо. В два дня. Так говорят сыновья. За несколько часов до смерти попросил детей оставить его одного. Ушёл без завещания, прощальных напутственных слов, последней просьбы. Без долгов, без паспорта. На косяке паспорта у Зебека не было. Зачем свободному человеку паспорт? Ведь он не из «здорового стада»...

Три вещи подкосили Мастера. Старая болезнь, что должна была отобрать жизнь ещё восемь лет назад; загадочный, опустошительный пожар в новом доме, который он выстроил рядом с хатынкой-мастерской; отъезд с косы самого младшего сына Кирилла. Пришло время, и последняя родимая птичка порхнула из зебековского гнезда. Он остался совсем один... Может, то были знаки: миссия на земле исполнена? Уходим мы – когда? Когда на земле ничего не держит. Когда перестаем улыбаться, радоваться, переживать. Когда созерцание жизни сродни равнодушию и жуткой усталости. От всех. От всего...

Зебек устал. И – ушёл. Впрочем, может, я ошибаюсь. Уход, как и рождение, – вековые тайны. Так задумано Всевышним.

...Могильный холмик из песка изрядно растрепал ветер. Несколько венков у изголовья, как ни странно, не выцвели под палящим кинбурнским солнцем. Словно их вчера возложили. Рядом с могилой Зебека могила его друга, тоже москвича, переехавшего на Кинбурн вслед за Мастером, талантливого художника Спасоломского. Он умер на полгода раньше Володи. Четвёртый знак? И сколько их было?

Не догадался узнать у сыновей Зебека: что он начертал на последней своей картине? Впрочем, дети вряд ли были посвящены – творческую кухню он таил ото всех. Никто толком не знал, что написал он вчера, что – десяток лет назад. Среди бытовой ли суеты, визитов прошеных-непрошеных гостей, до застолий, после застолий...

Да разве важно? Он оставил великую Живопись.

...Возлагаем скромные цветы к последнему приюту художников.

Я делаю несколько фотоснимков, солнце клонится к закату, высвечивая море, сосновый песок, пожухлые степные травы. Ни ветерка, ни людей. Звонящая тишина. Вечность. Илья Зебек откуда-то из-под венков извлекает стаканчик, из фляги наполняет его красным вином, прячет стаканчик на место. Это – для отца.

– Памятник будете ставить? – спрашиваю я.

Илья кивает, думая о чём-то своём.

Над нами несколько раз стремительно проносятся ласточки. Обычно молчаливый, слегка угрюмый Илья говорит:

– Отец как-то рассказывал, что в детстве нечаянно убил ласточку, и до сих пор не может простить себе этого.

Я огляделся. Птица так же внезапно исчезла, как появилась. Может, то его душа мелькнула перед нами? В абстракциях Зебека я иной раз нахожу дивные очертания неких райских птиц. Его натюрморты возвращают к забытым запахам детства. Его марины вселяют мне подрастерянное с годами упрямство, укрепляют мой дух – нет, не все песни пропеты! Живопись Зебека раскрывает глаза на небо и море, заставляя ими восхищаться. Исцеляет от душевной хандры. Возвращает в ребячество. Воскрешает забытую любовь. Усмиряет гордыню. Наполняет душу прекрасным и светлым. На второй, десятый план перенося мелочный, суетный быт.

Так продолжается жизнь Мастера. Нет! Начинается вторая его жизнь. Перейдя в иное измерение, она пребывает на Земле и на Небе. На Небе – у Бога, на Земле – живёт в человеках, открывших для себя его неповторимое, высокое, настоящее Искусство.

Твоя жизнь продолжается, Володя, она вечна, – потому что вечно твоё великое творчество.

Топчий Александр Витальевич. Родился в 1951 году в Николаеве. Окончил филологический факультет Киевского государственного университета (1975). С 1975 года и по настоящее время работал в Николаевской государственной облтелерадиокомпании: редактор молодёжных программ, старший редактор общественно-политических передач, заместитель генерального директора. С 1992 года – автор, руководитель, режиссёр и ведущий телепередачи «Открытый сундук». Неоднократный победитель областного конкурса «Тележурналист года». Лауреат областной республиканской журналистской премии «Золотое перо» (1996). Победитель телеконкурса «Калинові острови» за видеофильм «Кинбурн – планета людей» (2001). Заслуженный журналист Украины (2001). Удостоен звания «Горожанин года» в номинации «Телевидение» (1999).

ЖИВОПИСНЫЕ СИМФОНИИ

В прошлом году ушёл от нас гениальный художник и мудрый человек – Владимир Евгеньевич Зебек. Ещё в далёкие 60-е годы двадцатого века он уехал из Москвы на Кинбурн. Казалось бы: Москва – центр общественной и культурной жизни, тогда ещё Советского Союза, и прекрасный, но очень отдалённый, труднодоступный полуостров, почти пустынный, где в то время не было даже электричества. Можно только гадать, почему молодой (около 40 лет), талантливый, уже получивший признание художник выбирает для себя такой путь? А он, на мой взгляд, поступил очень мудро и зрело: не пожелал гоняться за призрачным счастьем, за успехом, славой, гонорарами... Обладая редкостным пейзажным мышлением, выбрал то место, где был совершенно свободен творчески и жил в окружении удивительно могучей, прекрасной природы.

Многовековая человеческая культура выработала умение за природными формами видеть духовный смысл: небо, солнце, луна, море, закаты, рассветы, лес, луга, дороги – все бытийно-философские категории претворялись мастером в эпические, одухотворённые пейзажи Кинбурна. Это и «Призрачные паруса, исчезающие при восходе солнца», где светлеет сине-голубое море и наливаются золотисто-алым небо, подсвечивая паруса, плавно и музыкально уходящие за горизонт. Словно души кораблей, бороздивших когда-то морские дали, то они стремятся к берегу мистической ночью, стремясь найти покой; то – уходят за горизонт с рассветом. Мастер создаёт в работах некую свою реальность, иной, зебековский мир. Посмотрите на работу «Грезит старый баркас» – композиционным центром её является тень баркаса, проплывающая в бело-голубом просторе неба и моря, а в нижней части работы, почти не видимый, на лилово-чёрном краешке берега стоит заброшенный старый баркас, его почти не видно, он тёмный и разломан, но это его грёза проплывает в небесах над морем, символизируя непобедимую силу и волю к жизни.

Очень интересна и полна символов работа «Художник и время». Мастер написал своё отражение в большом зеркале, он сидит за столом, сложив перед собой руки; свет падает слева, но лицо находится в глубокой тени и не видно. Прямо перед художником изображены часы, на которых – пять минут седьмого. Формы упрощены и отличаются певучей линейностью, а настроение – глубокой сосредоточенностью, недосказанностью. Сам художник говорил, что процесс творчества должен быть тайной, мистикой, и никогда не показывал, как пишет.

В ярких, часто мажорных красках абстракций проявляется неукротимая энергия Владимира Зебека, в них он свободно и сильно изливал душу; нужно только уметь читать эти работы. Как горит свеча на призрачном утёсе в композиции «Сумеречные миражи», как оплывает она тёплыми пастозными струйками в холодные воды моря, неустанно атакующего утёс! Что это? Может, это плач души художника, который всегда остаётся не понятым, одиноким в творчестве. Ведь создавая картину, образ, он должен преодолеть сопротивление мёртвой материи, создать живой образ из ничего, из вещей неодушевлённых: холст, картон, оргалит, краски – во всё это нужно вложить душу, оживить своей творческой энергией, только тогда рождается произведение искусства, а не холодная безжизненная мазня.

Старинная легенда мироздания

Грезит старый баркас

Мастер шёл за этой свободой и одиночеством – в пустыню, на Кинбурн, где край света, где с одной стороны – залив, с другой – море, а между ними – песчаная коса, покрытая лесом и лугами, и голубоглазыми озёрами, и продуваемая ветрами, и покрытая бескрайним небом...

В абстрактных композициях сюжет, если он намечен, служит лишь дополнением к цвету, для которого нет границ. Разливая, разбрызгивая краски, он выпускал на холст или картон свою могучую энергию, делился со зрителями своими душевными силами. Кроме того, среди абстракций мастера очень много работ космического масштаба. Глядя на работу «Старинная легенда мироздания», вспоминаешь архаические мифы о создании вселенной.

Хаос, описываемый в них, как нечто «неразлично текучее», является центром композиции, из него рождаются воды – первый план работы, который написан в удивительных сине-бирюзовых тонах; из этой же субстанции появляется и небо – это восхитительная цветовая растяжка в верхней части работы: от оранжевого, через жёлто-серый к голубому.

Композиции мастера обладают удивительной внутренней гармонией. Насыщенный небесно-голубой фон, текучие формы в картине «Гармония сотворения вод и утренней зари» – символизируют спонтанный выброс экспрессивной энергии, рождающей воды (синий, голубой) и утреннюю зарю (розовый с оттенками красного).

В «Огненных крыльях, разверзающих тьму» главным является пламенно-алый, раздрающий или, вернее сказать, разверзающий коричневато-чёрную космическую мглу, подобно крыльям Серафима. Среди ангелов есть те, что называются Серафимами (Пламенными), так в работе, подобно пламенеющему ангелу, огненно-красный врывается во мрак и освещает его собою, выплёскивая солнечно-жёлтые лучи, расходящиеся вокруг.

Есть в арсенале творчества мастера и работа «Рука художника – рука творца», где он чувствует себя истинным творцом, творящим нечто совершенно новое, никогда раньше не бывшее, тем самым, преобразовывая материю, подчиняя её своей воле, он оставляет отпечатки ладоней в верхней части композиции.

Владимир Евгеньевич Зебек мог управлять цветом: разбрызгивая, разливая, растирая краску, он владычествовал над ней; цветные пятна перемежаются с участками белого, не заполненного краской

листа, создавая рефлексы, фоны. В абстракциях мы соприкасаемся с миром «чистых» эмоций художника, спонтанного движения руки, он раскрывается здесь перед зрителем полностью, нужно только уметь видеть и чувствовать.

*Любовь Омельченко,
заведующая Галереей искусств
Черноморского национального
университета имени
Петра Могилы*

Художник и время

Наталья САПАК

ГРАНИ ЕГО ТАЛАНТА

Юрий Корнюков. Это имя николаевского художника хорошо знакомо любителям искусства. Он неизменный участник выставок, творческих симпозиумов, автор художественного оформления интерьеров общественных зданий и большого числа произведений живописи и графики. При его непосредственном участии вышел ряд поэтических сборников и городских журналов. Он автор многих афиш и приглачительных билетов к выставкам, культурным событиям. Художественный образ журнала «Соборная улица» также обязан мастеру.

Корнюков Юрий Константинович. Художник-график, член Национального союза художников Украины (1987). Творческие направления: станковая графика, графический дизайн, живопись, фотография. Родился 9 июня 1952 года в Николаеве. Окончил Украинский полиграфический институт им. И. Фёдорова по специальности «Иллюстрация и оформление книги» (1982). С этого времени – постоянный экспонент областных, республиканских, всесоюзных и международных выставок. В 1970-80 гг. принимал активное участие в проектировании и оформлении Николаевского краеведческого музея, музея истории судостроения и флота, детского городка «Сказка», Южноукраинской атомной станции, Глинозёмного завода. Работал художником творческой квалификации на Николаевском художественно-производственном комбинате ХФ СССР (1975-1990). С 2000 г. – участник симпозиумов живописи и графики международного ТО «Искушение». С 2001 г. – старший преподаватель кафедры реставрации и графического дизайна Николаевского филиала Киевского национального университета культуры и искусств. Лауреат областной премии им. Аркаса в номинации «Профессиональная деятельность» (2012). Его работы находятся в Николаевском художественном музее им. В. В. Верещагина, Дирекциях выставок министерств культуры Украины, России, НСХУ, галереях и частных коллекциях Украины и за рубежом (США, Канада, Польша, Израиль, Франция, Германия, Голландия).

Это лишь малая толика того, что создано за десятилетия творчества. График и живописец, мастер художественной фотографии и педагог – таков профессиональный портрет нашего земляка, члена Союза художников Украины, лауреата областной премии имени Н. Аркаса.

Сам Юрий Константинович считает себя графиком не только по образованию, но и по сути творчества. С этим трудно не согласиться. Особенно когда (уже в который раз) рассматриваешь работы художника. Графика его призвание. Он с равным мастерством владеет искусством плаката, станковой графики и книжной иллюстрации. Именно с иллюстраций к произведениям классической литературы начинал художник свой путь в большое искусство. Было это в уже далёкие 70-80-е годы, время, когда книга была если не единственным, то главным источником познания мира. Художник-график, оформляя, иллюстрируя литературное произведение, выступал соавтором писателя. И от того, насколько знание эпохи и образное видение героев совпадало с их литературной трактовкой, во многом зависел успех книги.

Корнюков – художник высокой культуры, талантливый рисовальщик и тонкий психолог, способный проникнуть в мир прошлого или передать современность через выразительные образные ассоциации. Профессиональное образование он получил во Львовском полиграфическом институте имени И. Фёдорова. Львовская школа графики известна своими традициями, они сформировались не без влияния европейских модернистических течений, византийского и национального искусства. А имена наиболее ярких её представителей – Л. Левицкого, Е. Кульчицкой, И. Остафийчука, Ю. Чарышникова, О. Денисенко – известны не только украинскому, но и европейскому зрителю. Здесь книжная иллюстрация и эстамп сохраняют преемственность и находят дальнейшее развитие в творчестве молодой генерации художников. Интересом к графике, пониманием её технических возмож-

ностей художник обязан своему педагогу, известному художнику В. Овчинникову. Во многом благодаря опытному наставнику успешным стартом Корнюкова в искусство оформления книги стала дипломная работа – иллюстрации к книге К. Станюковича «Морские рассказы». Художника заметили и предложили выполнить для молдавского издательства «Художественная литература» иллюстрации к лирической фантастике украинского писателя В. Дрозда «Три волшебные жемчужины». Книжная иллюстрация настолько увлекла мастера, что в течение 1980-х годов он оформляет серию листов к 150-летию смерти А. Пушкина («Биография А. С. Пушкина» и «Дуэль»), обращается к ранним произведениям Н. Гоголя «Вечера на хуторе близ Диканьки», «Вий» и «Миргород». Потом создаёт графические листы к повести братьев А. и Б. Стругацких «Трудно быть богом». В этом значительном ряду оформленных меньше чем за десятилетие книг особое место занимают иллюстрации к сатирической поэме С. Бранта «Корабль дураков», к которым художник приступил ещё в год окончания института.

Поэма привлекла Корнюкова тонким пониманием сути человеческого бытия, извечной проблемой человеческих пороков, необычайной актуальностью и современностью. В XVI–XVII веках в Европе книга пользовалась огромной популярностью. А устойчивое выражение «корабль дураков», появившееся ещё в средние века, стало символом безумного человечества, которое плывёт без руля. Современник С. Бранта А. Дюрер украсил её гравюрами, и несколько столетий никто не осмелился вновь переложить поэтическое произведение на язык графического искусства.

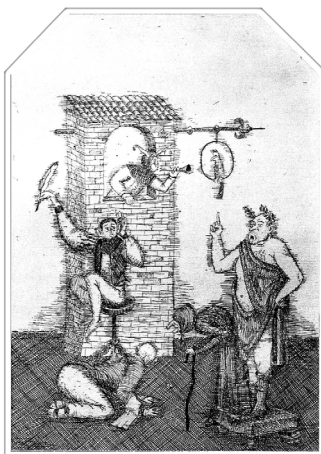
Корнюков иллюстрирует книгу, опираясь на художественную культуру средневековья с её богатой образной символикой. Он следует за автором и подчиняется его здравому смыслу, прямоте и остроумию. В каждом листе раскрывает отдельную разновидность людского порока, объединяя прозаическую реальность, граничащую с гротеском, и вымысел. находкой художника стали персонажи, помещённые на втором плане каждого листа. Эти фигуры, поднятые на импровизированный пьедестал, представляют своего рода апофеоз душевного уродства.

Большинство иллюстраций Корнюков создаёт в технике офорта. Этот вид гравюры на цинковой основе появился в начале XVI века в Германии и вплоть до XX столетия широко применялся в книжной графике благодаря богатству выразительных средств как по характеру линий рисунка, так и по тональной глубине. Художник в совершенстве овладел традиционной техникой, которая позволяет передать с максимальной точностью мельчайшие детали, столь важные в художественном оформлении литературных произведений. А спустя годы творчества, опираясь на выразительные возможности гравюры, художник пришёл к авторской технике, где рисунок, тактично усиленный цветом, несёт более эмоциональный художественный заряд.

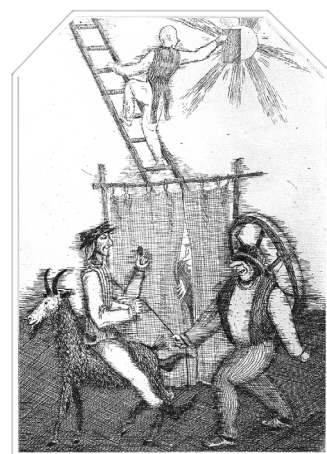
Внимание, казалось бы, к незначительным деталям, а через них к созданию цельного образа – характерная черта творческого метода художника. Главного персонажа или главное действие он подаёт так, что зритель невольно «входит» в мир, предложенный автором, постепенно постигая его философскую глубину. Так, используя приём противопоставления с известной долей сарказма, он созда-

«О самовлюблённости»

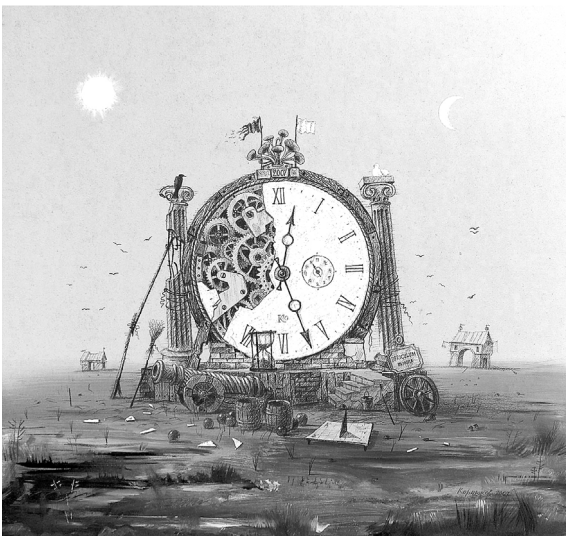
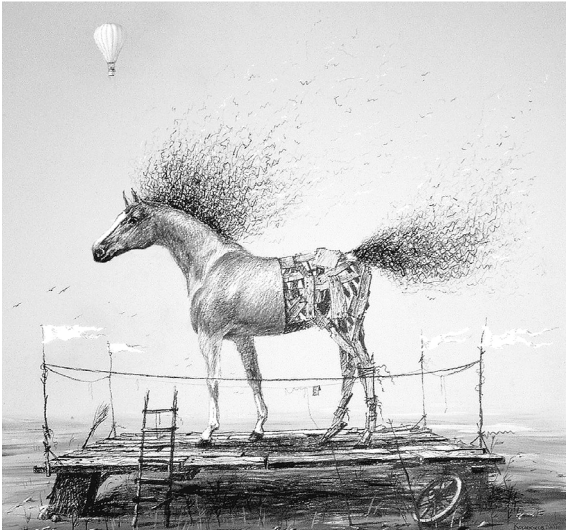

«О болтунах»

«Дурак остаётся дураком»

Иллюстрации к книге С. Бранта «Корабль дураков» (офорты, 1982)

Цикл «Фундаментальная ирония»

ментальной иронии». В иносказательной образной форме он размышляет о человеческой деятельности и разрушающей силе времени. Вне стилия, без посыла на страну и народ, возвышается над безлюдной равнинной местностью с признаками цивилизации большой несуразный дом, построенный представителями не одного поколения. Не имея мощного основания и конструктивного единства, он

ёт серию графических листов «Фундаментальная ирония» (2004–2014). Серия стала своеобразным размышлением о сути нашего земного бытия. Традиционные образы-символы, преломленные сквозь призму художественного восприятия, приобретают здесь новое и часто неожиданное толкование. Таким приёмом художник склоняет зрителя к размышлениям о жизни, времени, человеческой природе.

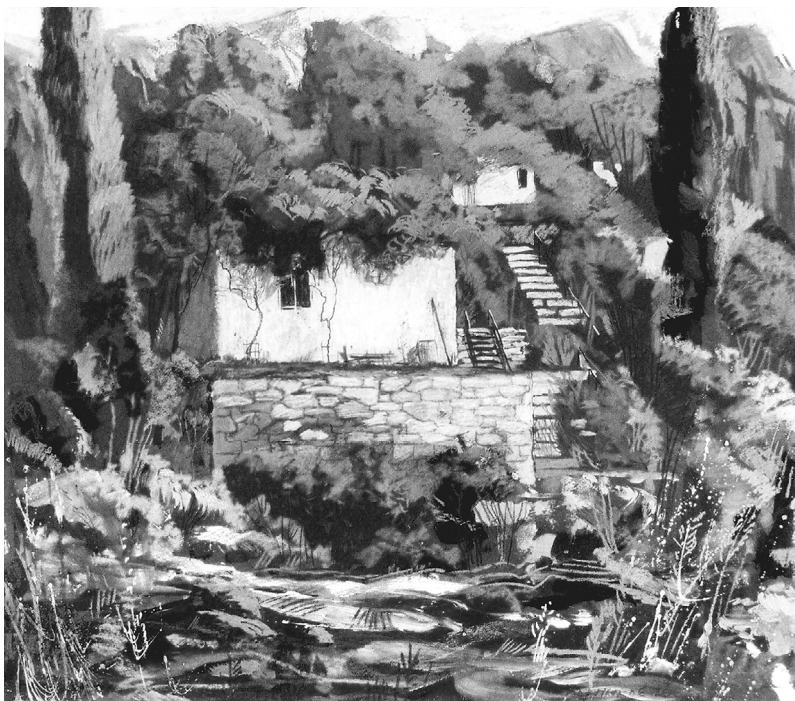
Более известен лист серии, в котором художник вывел символический образ коня. Традиционно конь олицетворяет интеллект и мудрость, знатность и динамичную силу, быстроту мысли и бег времени. В работе первое впечатление о коне как о прекрасном грациозном животном, с развевающейся гривой и пышным хвостом, который через секунду помчится навстречу ветру, резко меняется при его детальном рассмотрении. Становится очевидным, что это подделка с прекрасным фасадом, но, увы, с фанерной обшивкой вместо туловища и задних ног. Да и стоит он на прогнувшейся деревянной платформе с отваленным колесом. И вся его грациозность лишь миф. На самом деле он топчется на месте и создаётся лишь видимость красоты. Образное сравнение достаточно красноречиво. Не так ли и мы, создавая видимость деятельности, часто стоим на месте. А наши мечты улетают, как воздушный шар у художника. В каждом листе «Фундаментальной иронии» психологически точно разработана каждая тема, каждый образ. Вот часы, образ времени («Фундаментальная ирония V»), отсчитывающие неумолимый его бег, стирая из памяти эпохи и народы и превращая историю в разрушающиеся образы прошлого. Вот парусник («Фундаментальная ирония II» и «Фундаментальная ирония IV») – искатель приключений. Он преобразуется в безлюдное судно, которое, на первый взгляд, стремится по волнам с раздутыми парусами. Но присмотревшись, замечаем, что никуда оно не несётся, а стоит на оголённом морском дне, продолжая раздувать паруса, может быть, по инерции, а скорее всего, в наивном осознании собственной значимости. Серия «Фундаментальная ирония» стала значительной творческой вехой биографии художника и явлением в современной украинской графике.

В русле концептуального искусства мастера, но несколько обособленно, стоит работа «Этот странный дом» (см. 3-ю страницу обложки). Художник обратился к волнующей его теме ещё до «Фунда-

разрушается, несмотря на многочисленные подпорки. Но странный дом живёт, и признаки этой жизни достаточно красноречивы. Первые варианты работы Корнюков выполнил в традиционной карандашной технике. Но тема не оставляет мастера, и он неоднократно обращается к ней и в графике, и в живописи.

Живопись – ещё одна грань творческого дарования художника. Корнюков участвует в пленэрных симпозиумах, много работает с натуры. Хорошо известны его серии пейзажей «Крым», «Симеиз», «Грушевка». Каждая работа – это своего рода завершённый рассказ-образ. Он любит Кинбурн и ежегодно привозит много видов заповедного уголка нашей области.

Выразительны в своём безмолвии маяк в одноимённой работе и старый баркас в листе «Списали...». И где бы ни работал художник, он остаётся верен себе: отталкиваясь от конкретного мотива, создавать цельный выразительный законченный образ. Корнюков много работает пастелью. В совершенстве владеет техникой, много экспериментирует. Сам художник говорит, что искусство – это не только возможность максимально реалистично передать определённые предметы, натуру, пейзажи – это, в первую очередь, система мышления. А цвет является обязательным компонентом этой системы – как выразительное средство в отображении мира.

Старый Гурзуф. Пастель

На Кинбурнской косе. Холст, масло. 2007

Каждая работа Юрия Корнюкова – это не только образец визуального искусства, но и философская загадка. Ведь он выражает себя не только как художник-график, но и как оригинальный мыслитель, воплощающий своё видение мира в художественном творчестве.

Сапак Наталья Викторовна.
Кандидат искусствоведения,
доцент кафедры дизайна НФ
КНУКиИ. Автор более 30 научных
публикаций по истории и теории
искусства. Её лекционные курсы:
«История изобразительного искусства»,
«История декоративно-прикладного искусства»,
«Искусствознание».

Андрей СЛИВА

ПАРУСА ЮРИЯ ПЕРШИНА

Последнее, что он увидел в своей жизни, были паруса, закрывавшие часть неба. Паруса, приведшие его в эту трагическую точку – «здесь и сейчас». Последнее, что он пытался сделать, – спасти фотоаппаратуру и отснятый материал... 8 октября 2016 г. Юрий Першин находился на яхте «Адмирал», где проводил фотосъёмку мемориальной регаты на Кубок им. Суэцкого. Из-за качки и ветра не удержался и упал в воду. По словам свидетелей, вместо того, чтобы спасти себя, Юрий поднял руки с фотоаппаратом над водой, чтобы не замочить технику. И мгновенно начал тонуть. В том месте глубина достигала восьми метров, при сильном течении. По мнению спасателей, у него не было шансов спастись... Тело Юрия нашли только через две недели, 23 октября, около берега Южного Буга в районе микрорайона Намыв.
А.Т.

Юрий Першин начал увлекаться фотографией в школьные годы. Как и многие советские подростки, он снимал на чёрно-белую плёнку, проявлял её и печатал фотографии в магической «красной комнате», в которую превращалась ванная. Дефицита в чёрно-белых материалах в те времена не было; плёнку, бумагу, проявитель, фиксаж, да и увеличитель с ванночками можно было купить в ближайшем магазине. Естественно, первыми моделями Юры стали родственники и друзья. С тех пор он стал штатным фотографом на всех дружеских мероприятиях, и вопроса: кого позвать запечатлеть неповторимые моменты жизни? – просто не возникало, все знали, что есть Юрий Першин.

Уже в студенческие годы Юра начал осваивать обработку цветных материалов, и всё так же этот процесс проходил в ванной комнате. Постепенно увлечение начало перерастать в занятие всей жизни. Следуя словам Генри Форда «Лучшая работа – это высокооплачиваемое хобби», Юрий начал зарабатывать фотографией. С ванной комнатой было покончено, он начал пользоваться услугами

профессиональных печатников, которые воплощали его задумки в визуальный продукт. В середине 90-х годов Юрий Першин стал инициатором организации в Николаеве мини-фотолаборатории с профессиональным оборудованием фирмы FUJI по обработке цветных материалов и массовой печати фотографий, а также магазинов по продаже фототехники и сопутствующих товаров. В 1997-м была основана сеть фотолабораторий и фотомагазинов «Кольоровий світ», которая вскоре стала в Николаеве лидером в своей об-

ласти. Её исполнительным директором в течение десяти лет был Юрий Першин.

Имея под рукой возможности современных технологий и качественную продукцию, Юрий Першин становится одним из лучших фотографов города Николаева. Общение с лучшими представителями в отрасли фотографии, творческими людьми, опытными и признанными мастерами своего дела, а также пылкий ум и высшее техническое образование позволили Юрию существенно повысить фотографическую грамотность и статус фотографа. Но, вместе с тем, Юра никогда не гонялся за суперсовременной техникой, не тратил сумасшедшие деньги на новинки производителей аппаратуры, а выжимал максимум из того, что было в наличии. Он был живым воплощением фразы: «Снимает не камера, а фотограф». Его легендарный плёночный фотоаппарат Praktica помнят многие коллеги.

Изначально позиционируя себя как дорогой коммерческий фотограф, со временем Юрий начал приобщаться к безграничному миру художественной фотографии, впоследствии умело сочетая бизнес и творчество. Он мог сфотографировать что угодно и кого угодно; для него не существовало в области фотографии неразрешимых задач. А если чего-то не умел, старался в кратчайшие сроки изучить и освоить не поддающийся доселе приём или способ съёмки. Практически никогда не отказываясь от работы, он всё время был в делах, всё время куда-нибудь спешил. Невероятная коммуникабельность позволяла Юрию на протяжении всей жизни заводить новые знакомства, быть своим среди людей разных профессий и социальных категорий. Никогда не унывал, никогда не отказывал в помощи, если мог помочь. Находил общий язык практически со всеми, умудрялся дружить даже с прямыми конкурентами по бизнесу. Его имя было известно половине города Николаева. Кроме фотографии, он серьёзно занимался волейболом, даже выступал на соревнованиях за команду завода «Заря». Любил послушать русский рок и бардовскую песню, за свою жизнь прочёл много книг, любил фантастику, рыбалку и хождение под парусом, путешествия и футбол.

С приходом в наш мир цифровых технологий Юра легко освоил новые способы съёмки и обработки фотографий. В этой области для него открылись почти безграничные возможности. Он легко справлялся как со съёмкой детишек в садах, так и со съёмкой требовательных депутатов, фотографировал концертные выступления и парусный спорт, сотрудничал с многими творческими, государственными и общественными организациями. Мог, например, по дороговому тарифу снять свадьбу состоятельных людей, а на следующий день совершенно бесплатно запечатлеть какое-нибудь городское мероприятие. Он чётко разграничивал виды съёмок на те, где нужно зарабатывать и где не

стоит. Юрий Першин принял участие во многих коллективных выставках художественной фотографии, провёл несколько персональных. Его активности позавидовал бы любой – он успевал всё. И оставил после себя богатое творческое наследие.

Писать о нём можно долго, в памяти будут всплывать только положительные эмоции, связанные с этим ярким человеком. К сожалению, жизнь его оборвалась в самом расцвете жизненных и творческих сил. Многие жители Николаева были знакомы с ним лично, многие слышали о нём. Он производил приятное впечатление, был любим женщинами, уважаем друзьями, коллегами и клиентами, был своим парнем и серьёзным профессионалом. Всем нам будет очень не хватать его, но светлая память о Юрии Першине останется в наших сердцах.

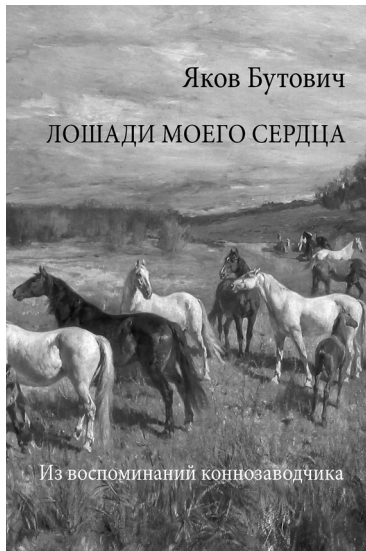
Першин Юрий Станиславович. Родился в Николаеве 11 апреля 1968 года. Окончил Николаевский кораблестроительный институт (факультет машиностроения). Занимался спортом (волейбол), служил в армии (ЗАС – засекреченная аппаратура связи). Фотографией занимается со школы. В 1990-х годах совмещает творческую фотографию с коммерческой деятельностью. С 1996 г. исполнительный директор одной из первых в Николаеве фотолабораторий, затем – сети фотомагазинов «Кольоровий світ» (1997). Член народного фотоклуба «Корабел» имени Б. Панова (с 2004). Кандидат в члены Национального союза фотохудожников Украины (2012). Участвовал в качестве члена жюри в нескольких региональных фотоконкурсах, в т.ч. «Семь природных чудес Николаевской области» в рамках всеукраинского конкурса «Семь природных чудес Украины» (2007–2008). В качестве официального фотографа уча-

ствовал в фестивалях экстремальных видов спорта «Ветер свободы» (Очаков, 2010); байк-слётax «Назад в детство» (Рыбаковка, 2012), «Пять дорог» (Умань, 2012), «Одесские байки» (Одесса, 2014); регатах Николаевского яхт-клуба (2010–2014). Работал в различных жанрах творческой фотографии: репортаж, жанр, портрет, пейзаж. Участник многих городских и областных коллективных фотовыставок, в том числе выставок фотоклуба «Корабел». Участвовал в отчётных выставках НОО НСФХУ «Южный Альбом» (2013–2015). На его счету четыре персональных выставки фотографии: «Надихає Миколаївщина» (2012), «Фотографія Юрія Першина» (2013), «Николаев – парусная столица Украины» (2013), «Шоу должно продолжаться!» (2016).

ЛОШАДИ МОЕГО СЕРДЦА

Мемуары

Яков Иванович Бутович родился 7 (19) октября 1881 года в селе Касперовка-Николаевка ныне Баитанского р-на Николаевской области. Его родители принадлежали к богатому украинскому казачьему роду, владевшему 40 тыс. десятин земли в Херсонской губернии. Учился Яков в гимназии Одессы, а после окончания Николаевского кавалерийского училища (Санкт-Петербург) вышел в запас и вернулся в Касперовку, посвятив себя коннозаводскому делу. По приглашению Я. Бутовича здесь гостили многие деятели искусств, писали и лепили скульптурные изображения рысистых скакунов (более 100 портретов).

В 1909 г. Я. Бутович перевёз свой касперовский табун лошадей в Тульскую губернию, где познакомился с писателями, окружением Л. Н. Толстого, художниками И. Репиным, В. Серовым, Н. Самокишем, Б. Кустодиевым, мастерами украинского пейзажа К. Крыжицким, С. Васильковским, приобрёл известность как издатель журнала «Рысак и Скакун». К началу XX века он обладал уникальным собранием картин, акварелей, рисунков (более 2 тыс.)

*с изображением лошадей. Вскоре после Октябрьской революции ему пришлось отдать советскому государству и конный завод, и картинную галерею. Страстью всей жизни этого незаурядного человека было желание сохранить для потомков орловского рысака. Он стал составлять каталог своей иппической (от франц. *Hippique* – конный) коллекции, описывать существующие конные заводы, взялся писать мемуары и не оставлял этого занятия даже в тюремном заключении после ареста в 1928 году. Бутович провёл три года в Соловецких исправительно-трудовых лагерях, а в 1937-м стал жертвой нового ареста и приговора «особой тройки» – к расстрелу.*

Известны три тома «Воспоминаний» Я. И. Бутовича, опубликованные в различных российских издательствах. Новое издание «Лошади моего сердца» (2013) включает его очерки, рукописные и иные материалы, достойные сравнения с классическими произведениями русской прозы. Читая сохранившиеся строки земляка, нельзя не выразить чувства благодарности тем, кто воскресил и сделал доступной для нас историю его жизни. Мы публикуем отрывок из воспоминаний Я. И. Бутовича.

Е. Г.

КАСПЕРОВКА И КАДЕТСКИЙ КОРПУС

Картины далёкого прошлого

Мой отец, Иван Ильич Бутович, был уроженцем или, как тогда говорили, столбовым дворянином Полтавской губернии. Он отличался большой предприимчивостью, а потому ещё молодым человеком продал свои полтавские земли и купил большое имение в Новороссии, тогда мало ещё заселённом крае. Имение находилось в 454 верстах от города Николаева, в Херсонской губернии, называлось Касперо-Николаевка. Моя мать, Мария Егоровна Сонцова, тоже происходила из помещичьей семьи, родилась в Екатеринославской губернии (в гремевшем во время войны Гуляйполе, где подлец Махно имел свой штаб). Среди помещиков Херсонской губернии отец был одним из богатейших. Он был замечательным хозяином: у него было громадное даже для того времени овцеводство, два винных завода, конный завод, рогатый скот украинской породы, черепичный завод, паровые мельницы и прочее. В молодости отец служил по выборам и одно время избирался не только уездным, но и губернским Предводителем, однако общественная деятельность его не притягивала, увлекался исключительно хозяйством и последние 35 лет жизни почти безвыездно прожил в Касперовке – его создание, его детище.

Яков Иванович Бутович

Отец был очень строг, люди его боялись как огня. В семье – деспот. Мы, дети, мало знали отца и старались не попадаться ему на глаза. Зато мать была доброй и гуманной женщиной, полной противоположностью отца. Сколько она претерпела от ужасного характера Ивана Ильича – одному Богу известно. Детей она любила, и ей мы обязаны многим. Трудно сказать, что было бы с нами без её самоотверженных забот. Это была святая женщина, и дай Бог, чтобы земля ей была пухом.

У отца было тринадцать душ детей, девять выжили, остальные умерли малолетними. Роста отец был громадного, черты лица имел крупные и некрасивые. Мать, наоборот, была красавицей и в своё время блистала на балах и в обществе. Это была замечательная во всех отношениях женщина, она любила литературу и всё изящное. У матери собралась очень хорошая библиотека, и мы, дети, проводили много времени с книгами. Отец решительно ничего не читал, кроме «Новороссийского Телеграфа»¹. Думаю, от отца я получил любовь к лошади. Его дед был крупным коннозаводчиком, имел один из лучших заводов так называемых малороссийских лошадей. Любовь к литературным занятиям и искусству я, несомненно,

наследовал от матери: Сонцов, её дед, был коллекционером, имел картинную галерею.

Отец любил лошадей, но интересовал его не столько завод, сколько выезды и быстрая езда. Жизнь в Касперовке была устроена так же, как в большинстве дворянских усадеб того времени. Дом большой, барский, с колоннадами, в несколько десятков комнат. «Парадные» комнаты, зал, диванная, голубая и жёлтая гостиные, будуар матери и библиотека наполнялись шумом и весельем только во время съезда гостей; в обычное же время всё береглось: мебель, картины и бронза стояли в чехлах. Вся жизнь семьи шла во внутренних комнатах и вокруг комнат матери. У отца была отдельная половина, состоявшая из кабинета, приёмной, спальни, ванной и гардеробной. Мы, дети, никогда не ходили туда, а когда нас вызывал отец, со страхом проникали на его половину.

Обстановка дома была роскошной: всё, что можно было достать за деньги, имелось здесь. Кроме того, немало было и старины; нас, детей, особенно влекли сундуки кладовой, которые раз в год открывались и проветривались. В сундуках хранилось приданое бабки, матери отца, большой богачки. Там лежали платья, ткани, вышивки. Когда поднимались крышки сундуков, открывалась выставка драгоценностей женщины XVIII века. Громадные деньги дали бы теперь антиквары за содержимое тех сундуков, но, увы, всё погибло во время революции. Это было каких-нибудь 30 лет тому назад. Как была тогда богата Россия и как беден теперь Советский Союз республик! Вчера мы с моим помощником ломали головы, где купить сани-розвальни. Нигде нет: ни в учреждениях, ни на лесосеках, ни на базаре – а если и есть, то никуда негодные и просят за них, без кресел и оглобель, 18 рублей!

Прислуги в доме было очень много: несколько лакеев, дворецкий, горничные и две гувернантки – обязательно француженки или швейцарки. Немок у нас не было, что удивительно, ведь моя бабушка со стороны матери и мать хорошо говорили по-немецки. Видной персоной среди всех слуг считался повар. Отец любил поесть, и стол у нас был изысканный. Ежедневно за стол садилось 15-16 человек – и это без гостей. Разумеется, повару помогали, кроме поварят, два помощника. Повара менялись редко, ибо отец только с ними и считался, платил им большое жалованье и дорожил ими.

Главного повара я помню как сейчас, звали его Мироном Павловичем. Настоящий артист своего дела. Когда государь был на Юге, то именно МIRON Павлович готовил кушанье в Дворянском собрании и удостоился высочайшей похвалы. Он носил медаль, которую ему пожаловали якобы из кабинета. На заказ к матери МIRON Павлович являлся в ослепительно белоснежном колпаке, такой же куртке и фартуке; медаль неизменно красовалась на левой стороне груди. Характером хуже чёрта, личность невозможная, кроме того, большой поклонник прекрасного пола. Все полтав-

¹ «Новороссийский Телеграф» был рупором консервативного радикализма: обличение местных непорядков сочеталось в газете с травлей инородцев. Здесь и далее примечания составителей.

ки, так называемые «сроковые» девушки, приходившие из Лохвицкого уезда Полтавской губернии работать срок с первого апреля по первое октября, буквально преследовались им. Отец, сам ловелас первой руки, доставивший матери много горя, был очень строг к амурным делам служащих, однако Миرونу Павловичу прощал и это. Ещё трёх слуг ценил отец, многое им прощая: кучера Степана Васильевича Шпарковского, выездного гайдука Чеповского и старшего садовника-француза.

Отец любил садоводство, Касперовку украшали три сада: старый сад, новый и пасека. Старый сад, собственно парк при доме, с партером, фонтанами, гротами, цветниками, беседками, островами и двумя большими прудами, был гордостью не только нашей усадьбы, но и губернии. По преданию, его разбил француз в XVII веке. При парке были оранжереи и теплицы персиковых деревьев. Новый сад насадил отец, там были только фруктовые деревья и виноградник. Фруктовые деревья росли правильными куртинами, каждая была отделена от другой аллеей каштанов, лип, белых акаций. Этот замечательный фруктовый сад находился в двух верстах от усадьбы. Наконец, на пасеке, где имелось около тысячи колод пчёл, росли только «дички» – сливы, груши, вишни. Это удивительное, живописное место отец оставил таким же нетронутым, каким оно было ещё при Васильчикове², у которого он купил имение.

За хозяйством наблюдало несколько садовников, а руководил ими садовод, привезённый отцом из Франции. Тоже был мастер своего дела, и неудивительно, что садовая часть хозяйства подерживалась на недосягаемой высоте. Сады обходились отцу в 10 000 рублей ежегодно, что было громадной суммой. По вечерам после трудового дня отец любил садиться на террасе, тогда открывали фонтаны, благоухали цветы, отец отдыхал, беседуя с французом. Помимо жалованья, француз ежедневно получал к столу бутылку красного вина. По тем временам это было такое баловство, что о нём говорили во всей губернии. Однако на иных условиях садовник не согласился бы покинуть Францию.

К числу любимцев отца принадлежал и выездной гайдук Чеповский, поляк огромного роста. Кажется, за рост его и любил отец. Чеповский носил фантастический костюм: широкие шаровары и высоченную меховую шапку. Он всегда ездил с отцом. Мы, дети, его очень любили, так как он был добрейший человек, и прозвали его Чапо-Тапо. Прозвище так понравилось отцу, что с тех пор Чеповского иначе и не называли.

Благодаря любви отца к резвой езде и красивым выездам каретный сарай и сбруйная напоминали каретное заведение и шорный магазин. Сбруя, богатая и самых лучших мастеров, помещалась в двух особых комнатах каретного сарая. Сбруя была только русского образца. Несколько десятков экипажей, заграничных и работы известных московских каретников, тоже были лучшими, какие только можно получить. Свой любимый экипаж, сработанный одним из московских мастеров, отец купил в Москве, на промышленной выставке 1882 года³. Теперь такой экипаж уже никто не сумеет сделать. Лошадей на конюшне держали около сорока, все жеребцы, за исключением тех, что ходили на пристяжках, – те были мерины. Отец не любил ездить тройкой, всегда ездил парой – по хозяйству, четвериком в ряд – по делам и в гости. Тройка подавалась только матери и для катания гостей во время больших съездов.

Я. И. Бутович в табуна на лошади своей любимой масти. 1912 г.

² Князь Илларион Илларионович Васильчиков (1805–1862), генерал, киевский генерал-губернатор в 1852–1862 гг., член Государственного Совета Российской Империи.

³ Назначенная на 1881 год XV Всероссийская промышленно-художественная выставка из-за покушения на императора Александра II в марте 1881 года состоялась на год позднее. Выставка занимала обширное пространство на Ходынском поле, там, где находились Бега – Московский ипподром.

Тройка была удивительно съезженная, масти серой в яблоках. Все другие лошади – вороные, я не помню ни одной рыжей или гнедой. Исключительно рысаки, ведь отец любил ездить очень резво, а дороги в Херсонской губернии этому вполне благоприятствовали. Любимая пара отца именовалась «короли», потому что одну из лошадей пары звали Королём. К сожалению, я не помню, чьего завода лошади. Были страшно злы, необыкновенно резвы, вороные без отмет, на высоких ходах, очень густы. Ребёнком у меня, бывало, дух захватывало, когда я видел, как отец мчится на паре «королей». Хорошо помню и знаменитую четверню отца; на пристяжках ходили орловские красавцы завода Коноплина Ужас и Грач⁴.

Когда отец завёл свой завод, то из него и пополнял конюшню, а до 1885 года лошадей ему поставлял харьковский конноторговец Феодосий Григорьевич Портаненко, крупнейший барышник на юге России. Это он собрал и продал отцу все пары и четвёрки. Отец любил Портаненко и часто повторял: «Феодосий – плут, но в лошадях толк знает». Портаненко был родом цыган, жил постоянно в Харькове, где располагались его торговые конюшни и дом на Конной. Далее Харькова уже не проникало влияние барышников Центральной России, и от Харькова весь Юг был в руках Портаненко, на Юге он был королём этого дела. Молодым офицером я навестил его, он сам *по-охоте*⁵ показал мне «лошадок». Тогда Портаненко был уже на покое и, как сам говорил, баловался, однако на конюшне держал 30-40 лошадей. Торговал только рысистой сортом. Словом, у отца была замечательная выездная конюшня, и не в Москве или Петербурге, а в деревне.

Когда мне исполнилось одиннадцать лет, я прочёл повесть Льва Толстого «Холстомер». Судьба злополучного, но великого пегого мерина так повлияла на моё детское воображение, что я полюбил пегих лошадей. С тех пор я мечтал завести пегий завод, но наш заводской наездник, когда я поделился с ним своими мечтами, стал смеяться, говоря, что пегих рысистых лошадей не бывает. Это очень меня огорчило и заставило призадуматься: как же Толстой написал, что Холстомер, знаменитый рысак, был пегим? В это время случилось событие, которое привело меня в восторг и надолго взволновало. Портаненко прислал отцу с Ильинской ярмарки, которая собиралась ежегодно в Полтаве, четвёрку вороно-пегих лошадей. Когда об этом доложили отцу, он рассердился, выругал Портаненко цыганом и сказал, что в жизни не ездил на «сороках» и ездить не будет. Услышав о том, что привели пегую четвёрку, я устремился в конюшню и буквально обомлел от восторга. Это была четверня вороно-пегих лошадей, удивительно подобранных, рослых и таких красивых, что мне казалось, лучших лошадей на свете и быть не может. Четверню запрягли в шарабан и выехали со двора, чтобы показать её отцу. Я стремглав бросился в дом сообщить о событии, ибо в моих глазах это было событие, и вся наша семья с отцом во главе вышла посмотреть новую четвёрку. Первая езда этой четвёрки и сейчас стоит перед моими глазами, словно это было вчера... Пристяжные вились кольцом, белые и чёрные ноги пегарей мелькали, вся четверня была необыкновенно эффектна и всем понравилась. «Подлец Портаненко, – добродушно сказал отец. – Уж очень хороши пегари – придётся оставить». Судьба четверни была решена, и отец подарил её моей матери, а сам так ни разу и не захотел поехать на «сороках». Эта четверня стала любимой четвернёй детей, и мы часто на ней катались. Я всегда взбирался на козлы и не переставал любоваться красивыми пегарями. На конном заводе решили, что четвёрка не иначе как заводская, и наездник, уверявший меня, что нет пегих рысистых лошадей, был посрамлён.

Отец, настоящий любитель езды и городской охоты, конюшню держал не на показ, а для себя. Естественно, что при таких лошадях и конюшне вопрос о кучерах был очень важен. Кучеров служило много, но отец ездил только со своим любимцем Степаном Васильевичем Шпарковским, гигантом и красавцем, кучером божьей милостью, истинным талантом в своём деле. Отец взял его от князя Кугушева, что было не так-то легко, ибо злые языки говорили, что Шпарковский жил с женой Кугушева, чего князь, конечно, не знал. Впрочем, жена князя была «полтавка». Когда отец умер, Шпарковский не захотел служить и, поселившись в Елисаветграде, начал торговать лошадьми. Вскоре он, конечно, проторговался и кончил свои дни на службе у моего старшего брата в той же Касперовке, присматривая за полукровками и вспоминая лучшие дни.

⁴ Орловские рысаки названы по имени графа А. Г. Орлова-Чесменского. «Орловцы» были выведены скрещиванием пятнадцати различных кровей: арабской, английской, голландской, датской, донской, мекленбургской, туркменской и др.

⁵ По словарю В. И. Даля, «охота» – хотение, страсть, бескорыстная и слепая любовь к некоему занятию. В данном случае слово определяет отношение лошадиников к своему делу – без понуждения, исключительно из любви к лошади.

Нельзя не упомянуть, что отец мой любил евреев и постоянно прибегал к их помощи. Херсонское дворянство, да и не оно одно, трунило над пристрастием отца, а Император Александр III иронически называл отца «еврейским царьком». В Касперовке перебивало немало еврейских коммерсантов, они всегда находили там хороший приём. Про отца они говорили: «У Ивана Ильича еврейская голова», делая этим отцу комплимент. Действительно, отец блестяще вёл дела, имел успех во всех своих предприятиях и оставил многомиллионное состояние. Евреи помогали ему в делах, вероятно, давали советы, служили маклерами. Буквально ежедневно приезжали представители этой предприимчивой нации, предлагая разные дела, или «гешефты», как тогда говорили в нашей семье. В Николаеве, Одессе, Елисаветграде, где отец имел крупные хлебные и другие дела, все закупки шли через его еврейских представителей. Из них я особенно запомнил елисаветградского Ильюшу Томберга. Когда отец приезжал в Елисаветград, Томберг безотлучно находился при нём, сопровождая везде. Он точно знал, когда отец должен быть, и все имевшиеся дела справлялись у него до приезда. Это был уже пожилой, приятный человек. Кроме того, в Касперовке жили две еврейские семьи: Левонтины и Животовские. Для них отец выхлопотал право жительства, они держали лавки и выезжали за всеми покупками в Николаев. Лавки были необходимы, потому что в Касперовке в летнее время жило до тысячи душ народу. Мы любили, несмотря на запрет, бегать в еврейские лавочки и брать там сладкие рожки, дешёвые конфетки, которые нам нравились, вероятно, потому, что были запрещены. Из семейства Животовских вышел знаменитый делец и миллионер, а у нас жили его дед и его отец, Мотя Животовский, который имел уже кое-какие средства и торговал в Бобринце. Отец любил Мотю и всегда говорил Животовскому-старшему, что Мотя – великий человек и далеко пойдёт. Отец не ошибся, ибо сын Моти стал действительно крупнейшим финансистом, нажил миллионы и во время Октября благополучно уехал с ними за границу. Я от кого-то услышал, что уехать ему помог Троцкий, который или знал его, или был с ним в родстве. Это весьма вероятно, так как семья Бронштейнов, из которой вышел Троцкий, жила неподалеку от Бобринца, и вполне возможно, что старики Животовский и Бронштейн имели общие дела.

Касперовка славилась своей живописностью. Особенно хороши были плавни, по-здешнему заливные луга, а их было 6000 десятин. Ранним утром касперовские плавни становились так хороши, трава в них вырастала так высоко и густо, что здесь ещё в тридцатых годах XIX столетия водились дикие табуны. Время сенокоса было лучшим временем в плавнях. Ночью горели костры косарей, которые располагались по всем плавням таборами по сто человек. Днём ровные удары косы клали прямые ряды травы, а косари мерно, в такт подвигались вперёд. Запах стоял одуряющий, отовсюду слышалось пение. Конечно, теперь уже нигде не увидеть ни такой картины, ни такого приволья.

Плавни орошались тремя реками: Громоклеей, Ингульцом и ещё одной речонкой, название которой я забыл. По берегам стояли высокие камыши, а в реках водилась пропасть рыбы и раков. Рыбная ловля была одним из любимых наших занятий, особенно прельщали наше воображение и пугали большие сомы, о которых нам рассказывали разные ужасы: мы верили, что сомы едят людей. Были случаи, когда попадались действительно гигантские сомы и щуки, тогда нередко к месту рыбной ловли подходили косари и тоже получали рыбу; раки в Громоклее водились особенно большие и вкусные, их ловили у камышей по берегам сетками.

Небольшой лес Касперовки отстоял от усадьбы на 15 вёрст. Поездки в лес составляли целое событие, и к ним готовились задолго. Ездили обыкновенно с утра, причём вперёд уходили кухня, прислуга и подводы с провизией; затем ехали мы с гувернантками и гостями. Возвращались только вечером. День, проведённый в лесу, служил предметом долгих разговоров в детской.

К числу красот Касперовки относились и парк, и сады, но наиболее живописна была пасека. Жужжание пчёл, таинственный дид пасечник, большие омшаники для пчёл, подвалы для мёда – всё настраивало воображение на особый лад. Пасека была любимым местом прогулок моей матери: здесь стояла особая беседка, куда никто не ходил и где она любила молиться.

Собственно жизнь деревни, то есть жизнь крестьянства, нам, детям, оставалась почти неизвестной, так как при Касперовке были не деревни, а обосновались так называемые колонисты, не более 20-30 семейств, преимущественно немецких, кои арендовали у отца землю и за это были обязаны особыми работами при винокуренном, черепичном, кирпичном заводах и слесарных и других мастерских. Так же далеко от нас жили рабочие и проходили сельскохозяйственные работы. А работы эти были громадны: засеивались, затем убирались тысячи десятин земли. Работы мало нас интересовали, вернее, нас не пускали и не возили на них. Зато с жизнью отар мы познакомились хорошо.

Одна из наших гувернанток, M-lle Julie, очень любила овец и не могла себе представить, что у его отца их сорок тысяч. Пока M-lle Julie не увидела бескрайние отары, она не верила в легендарную цифру. Даже по нашим, русским, меркам овцеводство отца держало третье место в Херсонской губернии и Таврии. Благодаря M-lle Julie мы часто ездили кататься в степь: она любила смотреть на овец и давала нам объяснения. Всё же меня больше привлекала живописная, чем деловая сторона отары рамбульен-не-гретти. Я любил уже самый подъезд к отаре, когда с громким лаем мохнатые овчарки бросаются к нам, а пастух спокойно и важно отзывает их. Он величественно стоит, облокотившись на свою «черлычу» – палку с деревянным крючком на конце для ловли овец за ногу, сосасывает трубку. Тут же поодаль его избушка – большой ящик с крышей на оба ската, на двух колёсах. Эта передвижная избушка называлась чабанкой и возилась парой украинских волов; в ней жил, отдыхал и укрывался от непогоды чабан, возле неё он готовил пищу. Красивую картину являли собой эти суровые черномазые люди, когда они раз в неделю, по субботам, съезжались в Касперовку, где вытягивались возле продуктового магазина, дабы получить провизию на неделю. Рядом с каждой чабанкой стояли волю, лежали собаки, а хозяин терпеливо ждал своей очереди. По субботам таких чабанок собиралось до двадцати штук.

Овцеводство меня никогда не привлекало, я оставался к нему равнодушен даже тогда, когда во время стрижки овец M-lle Julie теряла голову от удовольствия, а в Касперовке всё приходило в движение. Мы часто ходили на стрижку и смотрели, как ловко, быстро стригли особыми ножницами тяжёлых баранов и овец, как постепенно грязная шерсть отваливалась пластами и обнажалась тонкая кожа, покрытая лёгким слоем шерсти цвета сливочного масла. Остриженная овца вскакивала, не понимая, где она; её провожали, держа за ногу, в загон; там особый чабан ловко и быстро, ударом особой кисти на длинной палке мазал ей поражённые места дёгтем, и затем её пускали. Кругом стоял стон блеющих овец, шум ножниц и разговоров. Пахло тяжело и приторно – шерстью.

После стрижки наступало время продажи шерсти. Запакованная в большие тюки шерсть хранилась в кошарах, где её караулили от поджога особые сторожа. Из Москвы ждали покупателя. Обыкновенно приезжал Алексеев⁶, один из представителей этой богатой купеческой фамилии, давшей трагически погибшего городского голову Москвы⁷. С ним приезжали управляющий этого торгового дома барон Бухгейм и один старый опытный приказчик. Алексеев много лет кряду покупал у отца шерсть, и в моей памяти остались его приезды. Приезд Алексеева был, конечно, событием, ведь москвичи выкладывали за шерсть сто тысяч рублей. В день его приезда всегда был большой съезд, потом парадный обед, а вечером иллюминация. Позднее, когда в Касперовке построили свою электрическую станцию, иллюминировали буквально весь парк. За обедом произносились тосты и речи, и обыкновенно Бухгейм, человек воспитанный и вполне светский, после речей подносил моей матери ценную безделушку из сакса или севра, а раз – лукутинский ларец. На другой день Алексеев, Бухгейм и отец ездили по отарам, и лишь на третий день сделка заканчивалась и москвичи уезжали домой. Ещё день-другой, и перед кошарами появлялись подводы соседних крестьян, тюки грузились, шерсть уходила в Харьков к Алексееву. Не только овцеводство, но и скотоводство оставляло меня до известной степени равнодушным, тогда как мой отец очень любил скот и, как коренной малороссиянин, разводил только серую украинскую породу. Мы, дети, любили ходить в загон, где вечером доили коров (их было свыше двухсот голов), и часто пили там парное молоко...

Вчера я долго не мог заснуть, и так как начал писать эти воспоминания, то, естественно, мысли мои вращались вокруг далёкого прошлого. В памяти воскресла картина, почему-то с полной ясностью и во всех подробностях: мать, две старшие сестры и я едем в ландо в лес; подъезжая к местности, называвшейся Привольное, мы увидели на бугре стадо коров. Зелёный фон земли, голубое южное небо, эти белые красавицы с огромными рогами представляли картину удивительной красоты. Я не мог её забыть, и почему-то вчера она вновь воскресла в моей памяти с поразительной ясностью. Это было каких-нибудь тридцать лет тому назад...

⁶ Видимо, Сергей Владимирович Алексеев (1836–1893), возглавлявший семейное мануфактурное дело – Товарищество «Владимир Алексеев», отец Константина Сергеевича Станиславского (Алексеева).

⁷ Николай Александрович Алексеев (1852–1893), московский городской голова, двоюродный брат К. С. Станиславского, в своём кабинете в Городской думе был смертельно ранен душевнобольным и скончался через два дня.

Адриан ТОПОРОВ

ФАРТ

Рассказ

В нынешнем году исполняется 125 лет со дня рождения Адриана Топорова. Последние 35 лет жизни он провёл в Николаеве и здесь похоронен. В городе знали и любили «деда», а в 2000 году по опросу общественного мнения, проведённому одной из ведущих социологических служб, земляки назвали его имя среди десяти выдающихся граждан города XX века. Его знаменитая книга «Крестьяне о писателях», вышедшая шестью изданиями, нашла своих почитателей и далеко за пределами СССР – в Австралии, Швейцарии, Польше, Франции и т.д. Её и поныне бережно хранят тысячи библиотек по всему свету: от Николаева до Библиотеки Конгресса (The Library of Congress) в столице США Вашингтоне. Книге посвящена специальная статья в электронной энциклопедии «Википедия». Её до сих пор обсуждают в литературных журналах, на научных конференциях, чтениях и пр.

Юбилей А. М. Топорова – прекрасный повод для размышлений о роли печатного слова в наше непростое время. Повод и для того, чтобы вспомнить об уникальном опыте «последнего рыцаря культуры минувшего столетия». Публикуемый рассказ-воспоминание «Фарт» написан в 1962 г. во время посещения А. М. Топоровым родных мест на Старооскольщине.

Он малоизвестен почитателям таланта писателя, так как сам автор не считал себя новеллистом и практически не работал в этом жанре. Впервые рассказ увидел свет в газете «Южная правда» 24 августа 1982 года – незадолго до смерти писателя. К юбилею А. М. Топорова «Фарт» опубликовал и «толстый» русскоязычный журнал «Дружба народов» (2016, № 9).

Игорь Топоров

В пяти-шести верстах на север от города Старый Оскол, что на Белгородчине, разметалось большое село Каплино. В нём до революции была второклассная учительская церковноприходская школа. Такого рода учебные заведения были детищем обер-прокурора Святейшего Синода К. П. Победоносцева, бурсами последних десятилетий российского самодержавия. В них готовились подпорки под прогнивший трон – учителя церковноприходских школ, школ грамоты, псаломщики и дяконы. Самые дошлые выпускники вскоре выходили и в священники.

В учительские второклассные школы принимались недоросли из привилегированных сословий, часто – верзилы с усами, по разным причинам изгнанные из реальных, городских и духовных училищ, семинарий и гимназий, да дети сельских торговцев и служащих. Но попадали туда и смышлённые ребята из бедных крестьян.

Осенью 1905 года и я очутился в Каплинской бурсе. Воспитанники её, кроме местных, жили в общежитии. Там же и питались.

Когда я учился во втором классе, в бурсу поступил Петя Золотухин, восемнадцатилетний переросток, сын сидельца винной лавки¹ в селе Лебедях. В спальне моя и его кровати стояли рядом. Мы оба любили пение и музыку, оба играли на скрипке. Любовь к искусству и сдружила нас.

¹ Продавец в казённой водочной лавке.

В летние каникулы Петя наезжал ко мне в гости на велосипеде «Дукс»², вызывавшем всеобщее изумление моих односельчан. А детвора оравой гналась за Петей, когда он слезал с велосипеда и не спеша, гордо вёл его по селу...

Весной 1908 года в моих руках было уже свидетельство на звание учителя школы грамоты. Петя пригласил меня в Лебеди. Отец его, занятый служебными делами, был всегда угрюм и молчалив. Зато мать Пети, стройная, румяная брюнетка, почти неизменно улыбалась, несмотря на свои пятьдесят шесть лет и уйму семейных забот. А голос у неё был такой трогательно ласковый, будто она не говорила слова, а пела их.

Старшей из четырёх дочерей, Нине, шёл восемнадцатый год. Она недавно окончила прогимназию³.

Семья Золотухиных была интеллигентной, а я ещё никогда не бывал в таких семьях и не знал, как надо себя вести в них.

Увидев Нину, я оторопел. Она была чуть-чуть пониже матери ростом, но, как и та, стройна, румяна и грациозна. Большие тёмно-голубые и как бы усталые глаза её с поволокой напомнили мне слышанное в школе выражение Гомера «волоокая богиня». Две косы, сверкавшие, как антрацит, спускались ниже осиной талии и резко оттеняли молочно-белые шею и плечи. Одета в простенькое розовое платье и облитая солнечными лучами, Нина казалась насквозь светящейся. В детстве я себе такими представлял ангелов.

За обеденным столом Нина исподлобья посматривала на меня, и эти её взгляды мучительно-сладостными стрелами вонзались в моё сердце. Разговор с молодой красивой женщиной для меня – сушая мука. И потому я, по большей части, молчал и только иногда коротко спрашивал Нину о каком-нибудь пустяке. Она односложно отвечала – и всё.

Дядя Пети, старый революционер-народоволец, был скрипачом. Оглохнув на каторге, он подарил племяннику свою скрипку. Как-то под вечер все куда-то отлучились из дому. Я взял скрипку и, став у открытого окна перед палисадником, заиграл «Элегию» Эрнста⁴. Мне рассказывали, что она была сымпровизирована автором на могиле его невесты.

Я играл – и вдруг букетик из бархаток, петуний, иммортелей и ещё каких-то цветов упал на струны скрипки. Я кинулся к окну и увидел только, как за углом дома мелькнул подол розового платья.

Вскоре судьба разлучила нас с Петей. И навсегда. Я уехал учительствовать в Сибирь, а он погиб на первой русско-германской войне. Но где бы потом я ни был, образ Нины неотступно преследовал меня...

Через 36 лет я вернулся в родное село Стойло⁵. В стойленских лесах и логах исстари росло много дикого тёрна. Его нещадно ломали, вырубали, корчевали, жгли, а он, как назло людям, разрастался всё шире и гуще. Только что сорванные с колючих веток ягоды тёрна нестерпимо кислы, но люди понемногу заготавливали его в зиму на кулагу⁶. Хваченный морозом, он становился сладким с кислинкой и удивительно вкусным. Недаром бабы и девки даже из отдалённых сёл приходили в стойленские лога и леса и уносили отсюда полные сумки тёрна.

Однажды соседка моей квартирной хозяйки, разбитная старуха Фёкла Семёновна, пригласила меня:

– Айда, Андриян, со мной в большой лог за тёрном! Там он хрушкой да сизый!.. Толька ты обуйся в тюни да портки надёрни дерюжные, а то весь в колючках обремкаешься.

Я обмундировался по инструкции Фёклы Семёновны, и мы пошли. Был конец сентября, а дни стояли ещё тёплые, золотые. Во всей природе было разлито настроение покоя и удовлетворения.

Осторожно раздвигая кусты терновника, мы с Фёклой разошлись в разные стороны. Чтобы не потеряться, то и дело аукались:

– Ау-у! Фёк-ла Се-мё-нов-на-а-а! Где ты-ы-ы?!

– Тута я-а-а-а!

² Завод «Дукс» (Dux) – императорский (до 1917 года) самолётостроительный завод в Москве. Завод производил также велосипеды, мотоциклы, дрезины, автомобили, аэросани, дирижабли.

³ Общеобразовательное учреждение в Российской империи с программой младших классов гимназии. Прогимназии учреждались в городах, где не было гимназий.

⁴ Генрих Вильгельм Эрнст (1814–1865) – австрийский скрипач и композитор.

⁵ А. М. Топоров вернулся на Старооскольщину, в с. Стойло, в 1944 году – после отбытия несправедливого наказания в ГУЛаге.

⁶ Славянское народное кисло-сладкое блюдо из ржаной муки и солода, мучная каша.

Часа через два, когда сумка моя уже была набита тёрном, Фёкла Семёновна закричала:

– Ан-дри-я-а-а-н, ва-ляй сю-ды-ы-ы! Ско-ре-и-ча-а-а!!

Я пошёл на голос. Фёкла Семёновна сидела на полянке, а рядом – другая старуха.

– Глянь-ка на кого я напала в кустах! Не узнаёшь?

– Нет.

– Голова, два уха! Да это ж Варя... Мещерякова Варя! Помнишь Яшку да Захарку, что с тобою ходили в Бродчанскую школу?.. Ужли забыл?!

– Их помню, а её нет.

– Да это ж их родная сестра, Варя!

Сияясь вспомнить Варю Мещерякову, я пристально смотрел на сухопарую, седую старуху с землистым, морщинистым лицом. Её руки были до крови исцарапаны терновыми шипами. Из-под изорванной блёкло-синей юбки высывались костлявые ноги с шелушащейся кожей.

Старуха пытливо всматривалась в меня мягко смеющимися глазами.

– Ну, Андриян, и я тебя не признала бы, кабы Фёкла не сказала, что это – ты! Мы с нею не царевны-королевны, да и ты не князь! Ишь, как жизнь-то нас всех измотала!..

Нахлынули волны воспоминаний... Аллах мой! Передо мной сидела Варя Мещерякова, та самая Варя, которая слыла в Стойле «слободской», умывалась с духовитым мылом, долго не шла замуж за деревенских ребят – всё ждала городского жениха. Она была чванлива и не водилась с «простыми» девками-одногодками. Зимой ходила в «благородном саке»⁷, руки держала в муфте⁸, а в церкви стояла рядом с попадѣй и её дочкой, епархиалкой⁹.

– Что же с тобою было, Варя? – спросил я.

И она долго рассказывала свою тяжёлую историю и заключила её словами:

– Так-то вот и вышло хомут да дышло... Чепурилась я, чепурилась и закисло в девках. Стали мною люди гребовать. И выскочила напоследок замуж за тюху-матюху, за вдовца. Он пропил весь наш общий живот. А посла тово захворал, да и окапутился. Я осталась мыкаться с его горбатой сестрой... Детей не было. Так и век векую...

– А где ж теперь живёшь?

– Да всё там же, в Лебедах.

– А не знала ли ты в этом селе семью Золотухиных?

– Винопольщикову-то?! Да как же не знать?! Через двор от них мы жили. Я ж помню, как ихний Петя ездил к тебе на лисапете.

– А сестру его, Нину, помнишь?

– Господи, да как же не помнить?! Я к ним ужожа была, как свойская... А Нина та – та была кра-савицей на весь Лебединский приход!

– Знаю... Где же она теперь?

– У-у-у, стрянулся! Давно уж она на том свете!..

Я умолк. Точно понимая моё состояние, Варя тяжело вздохнула и, обвивая вокруг пальца травинку, продолжала:

– И у ней тоже не было фарту в жизни. Вышла она замуж за барина Сверчевского. Он служил в Петербурге, при царе каким-то прихлебателем. А видный был из себя, картиночка! И Нина джоже любила его. Раз приехали они на лето к барину в гости попрохлаждаться на деревенских воздухах. Ну, на радостях старый барин назвал гостей со всей округи, музыку из города достал.

Бесились тут господа ден пять. Вечерами в саду огни разные запусщали вверх, катались по пруду на лодках и всякое вытворяли. А то ещё задумали охотиться в лесу на волков. Оборудулись и поехали. И уж как это там приспелось, только один барин бацнул из ружья и уложил Нининого мужа наготово. Тот и не копыхнулся! Вернулись охотники домой. Нина выбежала на двор встречать своего дружечку, а он лежит на линейке¹⁰ пластом.

Грохнулась Нина на него – и давай на себе волосы полосовать! А когда хоронили, она рванулась сигать за ним в могилу. Насилу оттащили. А после того дела у ней начались в голове памороки. Ну, матери и отцу жалко же свои кровя, взяли они Нину к себе, в Лебеди. А их дом, ты же помнишь,

⁷ Широкое и длинное женское пальто.

⁸ Принадлежность женской одежды – род открытого с двух сторон мешочка, обычно из меха, для согревания рук.

⁹ Воспитанница епархиального училища.

¹⁰ Многоместный конный экипаж с боковыми продольными сиденьями.

был прямо-прямо против церкви, через зелёный выгон. На святой неделе у нас по старинке целый день на колокольне ребятишки трезвонили, а прочие люди коло церкви гуляли, на каруселях кружились, песни играли. Все разряженные! Сам знаешь: праздник! И тут-то и приключилась беда. Отец Нинин уехал по делам в город, а мать умаялась по дому, легла отдохнуть и уснула. А в ту пору на Нину, видно, и нашло. В длинной белой рубахе, простоволосая, выскочила она из дому и бегом к церкви. Мигом взялась на самый верхний ярус колокольни. Ребятишки испужались её отуманелых глаз – и все ссыпались оттуль по лестнице. Нина встала в окно колокольни и чебурахнулась вниз на кирпичный настил. Подбежал народ к ней, но она уже не дышала.

– А где же похоронили Нину?

– На кладбище, тут же, за оградой церкви...

Фёкла Семёновна тронула ладонью плечо Вари и заговорила:

– Эх, Варюха, Варюха! Ты помянула, что ни у тебя, ни у Нины не было фарту в жизни. А мне так кажется, что его ни у кого не было, нету и до веку не будет! Вот те крест! И я не видела фарту! Шишнадцать детей родила, пятнадцать померли от разной хвори, остался живой один, да и тот калека. Ушиб на работе ногу, она и гниёт от чахотки. А мужика моего задавила двойная кила¹¹ – и пупочная и паховая. Ты, Варюха, кинь глазами по всяким людям – и увидишь, может, кому-то и на кой-то годок выпадет радость, а дале всё горе и горе. Сколь коло нашего Стойла бар жировало! А ливарюция их – шарк! – и скovyрнула минтом к лихоманке. И попов, и купцов, и енералов, и самого царя! Враз ихнему фарту пришла крышка...

Рассказ Вари не выходил у меня из головы.

Прошло ещё восемнадцать лет. Снова мне довелось увидеть родные места. В памяти живо воскресли образы далёкого прошлого. Меня неодолимо потянуло в Лебеди. И в один тёплый майский день, взяв палку, я пешком отправился туда. Но от былых Лебедей теперь почти ничего не осталось. На их месте гремел и гудел отуманенный пылью грандиозный Лебединский рудник Курской магнитной аномалии. Не видно было и следа дома Золотухиных. А от церкви уцелели лишь стены, от которых большими шматками отвалилась штукатурка. От этого руины казались пегими.

Сняв кепку, я долго в трепетном молчании стоял возле колокольни, угадывая место, где лежала разбившаяся Нина. Потом побрёл на кладбище, как будто осевшие могильные холмики да покосившиеся деревянные кресты без надписей могли сказать, где тлели кости моей первой, никому не высказанной любви...

¹¹ Грыжа, опухоль.

Елена Иваненко: «ЗАДАЧА – ПОДДЕРЖАТЬ НИКОЛАЕВСКИХ АВТОРОВ»

Иваненко Елена Олеговна. Заместитель начальника управления информационной деятельности и коммуникаций с общественностью Николаевской облгосадминистрации – начальник отдела развития информационно-издательской сферы. Родилась в Николаеве. Окончила Николаевский филиал Киевского института культуры и искусств по специальности «книговедение, библиоведение и библиография», квалификация – «книговед-менеджер издательской сферы». Ранее работала в управлении по делам прессы и информации, где также возглавляла отдел по развитию информационно-издательской сферы. Курирует направление книгоиздательства с 2010 года.

– Елена Олеговна, тема нашей беседы – «Программа поддержки отечественного книгоиздания, книгораспространения и популяризации украинской книги в Николаевской области», которой, собственно говоря, обязан своим появлением на свет журнал «Соборная улица». Как и при каких обстоятельствах она была разработана?

– Первая программа появилась ещё в 2004 году. К тому времени Николаевская область практически единственная в Украине сумела сохранить коммунальную систему книгораспространения. Среди целей программы значились и поддержка этой системы, и поддержка талантливых авторов.

К моменту обретения Украиной независимости на Николаевщине была только одна серьёзная типология – областная, но она специализировалась на издании периодики – газет. А дальше это направление стало активно развиваться, ежегодно регистрировались новые субъекты издательского дела.

Первоначально областная программа, о которой мы ведём речь, не предусматривала финансирование книгоиздания – только проведение мероприятий, таких, например, как конкурс на лучшую николаевскую книгу, другие конкурсы, выставки.

Наконец, в 2007 году в программе появился новый пункт – помощь авторам в издании новых книг. Размеры финансирования каждый год были разными, но в целом благодаря этой программе, принятой облсоветом, удалось издать большое количество книг. Только за 2011–2016 гг. нам удалось издать 31 книгу местных авторов общим тиражом около 28,6 тысячи экземпляров и подготовить к печати ещё 5 оригинал-макетов. Это историко-краеведческие, литературно-художественные издания и книги для детей.

– Речь идёт только о местных авторах?

– Верно. Одно из условий участия – автор, выпускающий книгу, должен быть местным, из Николаевской области, и издательство – тоже николаевское. И другое условие – 10 % тиража, отпечатанного за деньги бюджета, автор получает в качестве вознаграждения, а остальное мы передаём в библиотеки. Таким образом, мы работаем сразу в трёх направлениях: поддерживаем местных авторов, поддерживаем николаевские издательства и пополняем фонды библиотек, прежде всего, в районах области.

– Насколько востребованы книги, выпускаемые при бюджетной поддержке?

– Ещё в 2012 году по всем городам и районам области проводилась выставка «Николаевщина информационная». Тогда мы объездили всю область, все городские и районные библиотеки, пооб-

щались с большим количеством взрослых и детей и воочию убедились, что книги, выпускаемые при финансовой поддержке облсовета, пользуются большим спросом. При этом их не хватает, читателям приходилось записываться на эти издания.

– Какая из этих десятков книг для вас «самая-самая», произвела на вас наибольшее впечатление?

– Каждая книга по-своему уникальна, но бывали настоящие неожиданности, поразительные открытия. Например, детская книга «На грани яви и мечты» Вячеслава Качурина, которого мы знаем как, в общем-то, «взрослого» поэта, барда. Запала в душу «Тимоня» Ирины Грунської, по которой в театре был поставлен замечательный детский спектакль. Произвели глубокое впечатление на читательскую аудиторию «Річка, річка, яку маєш назву?..» Вячеслава Кулакова, прекрасные книги Дмитра Креминя, Веры Марущак, Людмилы Чижовой и многих других авторов. Каждая из таких книг чем-то значима, важна и нужна читателю. А в 2014 году вышла антология «Живлюща сила ємигеї» – сборник прозы и поэзии местных авторов. Книга сразу стала добрым подспорьем для уроков литературоведения в школах.

Что касается журнала «Соборная улица», идея его создания принадлежала творческой общественности, а реализовать её удалось с помощью депутатов областного совета. Так появился новый, добротный литературно-художественный журнал, к слову, единственный во всей Украине, издававшийся за бюджетные средства. Тут и проза, и поэзия, и краеведческие публикации на украинском и русском языках. Убеждена, что любой, даже самый взыскательный читатель найдёт здесь для себя что-то новое, интересное. Журнал тоже передаётся в фонды библиотек.

– Как проводится отбор авторов для издания книг за средства бюджета, по каким принципам и предпочтениям?

– Для этого существует специальный консультативный совет, состав которого формируется распоряжением главы облгосадминистрации. Порядок его работы регламентируется соответствующим Положением.

Разумеется, за эти годы состав менялся, кто-то работал активно, кто-то – не очень. Мы стараемся, чтобы совет был сугубо профессиональным, подключаем к работе филологов, историков, литературных критиков, сотрудников библиотек, хорошо знающих читательский спрос. Положение позволяет нам публиковать и украинских, и русскоязычных авторов, мы считаем, что главное – это содержание, общественная значимость книги, читательский интерес. Иначе зачем тратить деньги налогоплательщиков?

В ноябре облсовет продлил срок действия программы на 2017–2021 гг. Депутаты живо интересовались: каков механизм отбора авторов, кто имеет приоритет, сколько нужно средств и т.д. Глава нашей профильной комиссии Надежда Иванова – человек в теме, она сама помогает издавать книги и понимает, что те суммы, которые выделяются, – крайне незначительны (на поддержку авторов в нынешнем году нам выделили всего около 80 тыс. грн.), понимает необходимость этого процесса. Поэтому есть надежда, что при её поддержке мы сумеем увеличить финансирование. Ведь люди годами ждут издания уже отобранных книг. К слову, если за время ожидания финансирования книга была опубликована за счёт других средств тиражом свыше 500 экземпляров, она исключается из «списка ожидания» в пользу других неопубликованных авторов.

– А какие издательства вы привлекаете к сотрудничеству?

– Автор сам определяет издательство, для нас важно только то, чтобы бюджет был скромным. Всего в области в Госреестр издателей, изготовителей и распространителей печатной продукции включены 57 субъектов, но далеко не все из них активно работают. Таких издательств мало, их можно пересчитать по пальцам. В основном это «Илион», «Дизайн и полиграфия», Павел Шамрай, Ирина Гудым, Василий Торубара, издательский центр Николаевского национального университета кораблестроения и ещё один издатель из Вradiевки. В последнее время развивается и сотрудничество с вузовскими издательствами, есть конкуренция и среди издателей, и среди авторов.

В этом году мы издали две книги в издательстве И. Гудым, одну – в «Илионе», одну – на предприятии инвалидов «Літопис», одну – у П. Шамрая и ещё одна практически готова в издательстве ЧГУ им. П. Могилы.

– *Какую работу, помимо издания книг, вы ещё проводите в рамках программы?*

– Таких мероприятий немало. Например, на базе Центральной городской библиотеки им. М. Кропивницкого в рамках выставки николаевской книги ежегодно проводится конкурс «Лучшая николаевская книга». И обычно, хотя бы в одной из номинаций, «выстреливает» книга, изданная по нашей областной программе. Согласитесь, это свидетельствует, что мы работаем не зря. Всего у нас шесть номинаций, и по каждой мы проводим совет экспертов с привлечением опытных специалистов, в том числе и полиграфистов, которые, в отличие от других, дают оценку не содержанию, а уровню полиграфического исполнения.

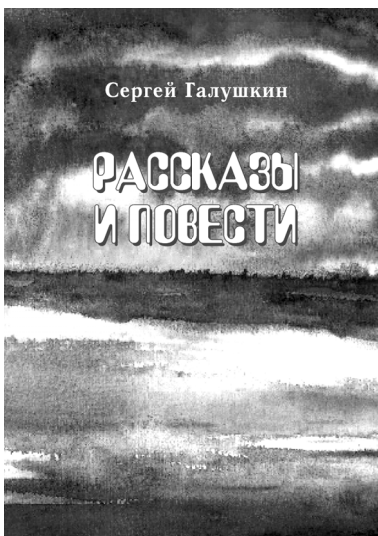
– *А сколько вообще в области издаётся книг?*

– Согласно данным Книжной палаты Украины, в 2011–2015 гг. в области издано 812 наименований книжной продукции общим тиражом 275,5 тыс. экземпляров. Однако следует учесть, что часто книги выходят очень маленьким тиражом и издатель не отправляет контрольный экземпляр в Книжную палату для статистики, хотя обязан это делать. По моей оценке, официально приведённую цифру можно смело умножать на два. Вот это и будет реальная статистика.

Беседовал Станислав Козлов

Обзор с Евгением Мирошниченко

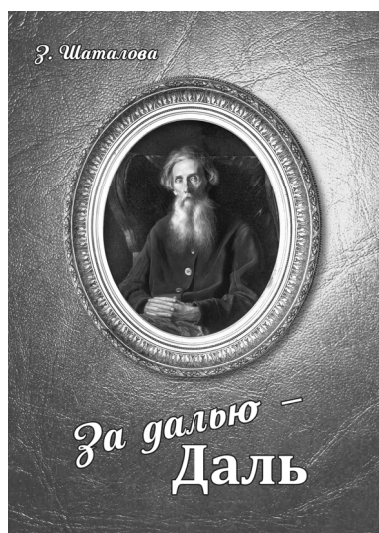
ИЗДАТЕЛЬСКИЙ ПЕРЕКРЁСТОК

Сергей Галушкин. Рассказы и повести. – Николаев: Издательство Ирины Гудым, 2016. – 192 с.

Справочник 2010 года «Николаевский литератор» сообщает такие сведения об авторе: окончил Николаевский пединститут, работал в Южнославянском институте Киевского славистического университета (Николаев). Прозаик, редактор историко-литературных изданий. Дебютировал в газетно-журнальной периодике, автор сборников очерков и рассказов «Николаевский детектив» (2005) и «Кинбурнские рассказы» (2007). Редакционные аннотации говорят об этих книгах, как о своеобразных воспоминаниях, лирических этюдах об улицах, домах, а главное – о том, «чем жили тогда и чем живут сейчас николаевцы...».

Новое издание прозы С. Галушкина даёт основание для более полного представления о его творчестве. Во-первых, сказывается фактор времени, прошёл почти десяток лет, и мы можем с поправками судить о том, как и чем сейчас живут николаевцы, и, во-вторых, можем лучше понять постсоветский мир и художественную позицию автора. Ностальгические мотивы его рассказов выходят за рамки биографической мемуаристики, писатель берётся за исследование прошлого и настоящего, его интересуют характеры и обстоятельства, следы литературных героев И. Тургенева и Н. Лескова на берегах Южного Буга. Особого внимания заслуживает повесть «Герой Транснистрии». Её персонажи – почти не вымышленные хуторские жители, выпускница педучилища и унтер-офицер румынской армии, который пришёл на заповедную очаковскую землю вместе с оккупантами германского вермахта. История их любви – драматическое повествование, в котором доброта и тоталитаризм, обусловленные советской эпохой 30-х годов, оборачиваются человеческой трагедией.

Шаталова З. И. За далью – Даль: научно-популярное издание. – Николаев: Илион, 2016. – 208 с.

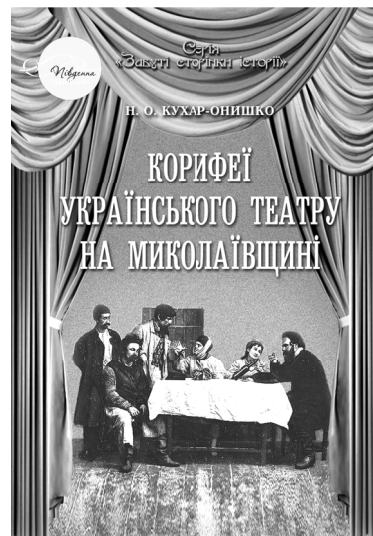
Владимир Иванович Даль – популярная фигура в краеведческих изданиях, что вызвано его биографическими и творческими связями с Северным Причерноморьем. Хорошо известно: более 15 юношеских лет он провёл в Николаеве, а после окончания Петербургского морского кадетского корпуса получил назначение на Черноморский флот. Учитель русского языка и литературы З. И. Шаталова, энтузиаст изучения литературы родного края, подготовила авторский сборник материалов, посвящённый выдающемуся учёному-энциклопедисту XIX в., создателю знаменитого «Толкового словаря русского языка». Издание включает биографический очерк, методические материалы, адресованные всем, кого интересует уникальная личность В. И. Даля – фольклориста, моряка, военного врача и учёного; исследование сказки В. Даля «О курочке Рябе» и пушкинской сказки «О рыбаке и рыбке». Автор предпринимает попытку собственного изучения причин и следствий судебного дела мичмана Даля, его конфликта с главным командиром Черноморского флота А. Грейгом, комментирует современную полемику вокруг сложных вопросов биографии писателя.

ке Рябе» и пушкинской сказки «О рыбаке и рыбке». Автор предпринимает попытку собственного изучения причин и следствий судебного дела мичмана Даля, его конфликта с главным командиром Черноморского флота А. Грейгом, комментирует современную полемику вокруг сложных вопросов биографии писателя.

Кухар-Онишко Н. О. Корифеї українського театру на Миколаївщині. – Миколаїв: Видавництво Ірини Гудим, 2016. – 64 с.

Это краеведческое издание напечатано в рамках областной программы поддержки национального книгоиздания. Книга снабжена перечнем литературы, основных источников, он включает около двадцати наименований по избранной тематике. Текст содержит ещё более тридцати ссылок на публикации мемуаристов, исследователей и материалы Государственного архива Николаевской области.

Такой мощный пласт свидетельств современников и документов в исследовании истории региональной культуры можно считать оправданным, ибо речь идёт о выдающихся актёрах, театральных деятелях И. Карпенко-Каром, М. Кропивницком, М. Старицком, Н. Садовском, М. Садовской-Барилотти, М. Заньковецкой, А. Саксаганском, чьи биографии, творчество и сценическая жизнь связаны с южным краем. Именно они стали основателями украинского национального театра и по праву названы его корифеями. Выступления великих земляков в Николаеве (последняя четверть XIX – начало XX ст.), утверждает автор, сыграли важную роль в становлении культуры города, развитии любительского драматического искусства. Очерк Н. А. Кухар-Онышко может стать авторитетным учебным пособием по школьным и вузовским программам филологических и культурологических дисциплин.

ИСТОРИЯ – ЯЗЫКОМ ОРИГИНАЛА

Старина николаевская и очаковская. Антология. (Источники по истории городов Николаева и Очакова с конца XVIII до начала XX века): В 2-х т. / Авторы-составители В. В. Шукин, А. Н. Павлюк. – Николаев: Издательство Ирины Гудым, 2016.

Признаюсь, давно хотелось такой книги. Тома, в котором под одной обложкой были бы собраны тексты непосредственных очевидцев, свидетелей и участников событий 200-летней давности – о первых годах существования нашего родного города Николаева.

Статьи и книги историков, конечно, полезны. Но субъективные заметки очевидцев дополняют систематизированные научные изыскания живым непосредственным взглядом, красноречивой деталью, неповторимыми красками. А если сюда добавить тогдашнюю манеру изложения, индивидуальные интонации путников, побывавших в наших краях на заре рождения города и освоения края, – то сухая история очеловечивается, её можно вообразить и как бы заново пережить, прочувствовав колорит эпохи.

Ну, скажите, какой нынешний учёный-историк рассказал бы о новорожденном городе таким высоким слогом! «Местоположение Николаева величественно и красиво: он стоит на высокой утёистой горе, при подошве которой сходятся навстречу две большие реки Буг и Ингул, впадающий в первую. Ингул, извивающийся удивительными излучинами, обтекает переднюю часть города; Буг же, обойдя его с правой стороны и сзади и составя из Николаева полуостров, влечёт горделиво стремительные струи свои в Лиман». Это – из книги «Путешествие по всему Крыму и Бессарабии в 1799 году». Её автор Павел Сумароков – писатель, сенатор и академик, племянник известного писателя – побывал в Николаеве и Очакове в мае 1799 года, а через год издал в Москве свои путевые записки, посвятив книгу Варваре Голицыной. Той самой, которая основала заречную Варваровку, одарив новорожденное селение своим именем.

Вот характерный фрагмент из заметок Сумарокова. Званный обед у Салих-аги – турка, приехавшего по приглашению Потёмкина и имевшего на русской службе почти генеральский чин бригадира, начальника турецкой колонии Терновка, где были поселены пленные турки из-под Очакова (позже их отправили на родину, а в Терновку заселили болгарских переселенцев). Наблюдательный Сумароков отмечает особенности быта турецких поселенцев, перечисляет яства и напитки. И вдруг... «Скоро поставили перед нас водку с разными закусками, в числе коих рыба бычки была весьма вкусна. Эта рыба внутри России неизвестная, величиною вершков пяти, бывает тёмно-синего цвета с пятнами и походит с головы на налима». Отборными, надо сказать, бычками угощал столичный гостя отставной бригадир Салих-ага: пять вершков – это более 20 см!

В сборник включены отрывки из путевых заметок отечественных и иностранных авторов, описаний, документов конца XVIII – начала XX вв. Многие из них не переиздавались более столетия после их первой публикации, в том числе и знаменитый «Исторический очерк столетнего существования города Николаева при устье Ингула (1790–1890)» Г. Н. Ге.

Не менее замечательна и часть книги, посвящённая истории Очакова. Чего стоит хотя бы фрагмент из воспоминаний (а точнее – баек) Карла Фридриха Иеронима барона фон Мюнхгаузена (да-да, того самого!) о штурме Очакова 1737 года. Помните, как его разгорячённая лошадь после боя пила воду, но никак не могла утолить жажду? Потому что, как оказалось, ей оторвало всю заднюю половину – и «вода вытекала сзади по мере того, как она поглощалась спереди». Так вот, это невероятное происшествие, по словам легендарного барона, случилось именно в Очакове.

Необходимо добавить, что оба тома, размещённые под одной обложкой, снабжены историческими и биографическими справками, комментариями, богато иллюстрированы. Остаётся выразить благодарность Центру социальных программ компании «РУСАЛ» в Николаеве за помощь и поддержку в издании этой очень интересной и нужной книги.

Поэтическая полка с Алексеем Торховым

РЦЫ МЯГКО

Ксана Коваленко. Книга ангелов и стрекоз: поэтические произведения. – Николаев: Илион, 2016. – 93 с.

«Книга ангелов и стрекоз» – вторая в авторской библиографии Ксаны Коваленко. И первая – собственно поэтическая книга. Ей предшествовал поэтический сборник «Синие-яблоки-чёрные» (2008). Основное противоречие «Книги...» заключено в последних строках последнего стихотворения:

«хотела бы я жить /не удивляться /не вздрагивать от поцелуев мира /не быть наивной /полой /человечной – /рождённой в этот мир /как в первый раз» («рцы твёрдо»).

То есть, не хотела бы быть «рождённой как в первый раз»? Именно... Интересный комплект. Что это, как не качества, имманентно присущие поэту? В числе прочего, разумеется. И вот это автору хочется отринуть. Ради того, чтобы... просто жить? А может, это такая игра в сослагательное наклонение, зная, что история вопроса его не приемлет? «Хотела бы не быть поэ-

том!»... Что из этого следует? То, что каждое стихотворение написано в серьёзной внутренней борьбе. В диапазоне от душевного неуюта до боли телесной. Когда по большому счёту всё подвергается постоянному сомнению – даже поэтический дар. А нужен ли он? Какой прок в том? Действительно ли это дар или проклятие? Сказанное автором – не игра, а вопросы – не риторические. То, что для Ксаны Коваленко всё всерьёз, выдают её стихи. На этом противоречии держится большинство текстов книги. Это придаёт им пульс и нерв. И в то же время – осязаемую неровность. Сбивающееся дыхание и плавающий тембр голоса. А значит, книга обречена на разночтения. И это по-своему замечательно.

Наличие ангелов и некоторых библейских имён, нечастых упоминаний и даже обращений к Всевышнему не должно обманывать. Мир книги – не библейский. Ещё больше упоминаний имён античных и попросту неназываемо-языческих ощущений. Есть заимствования из других мировых религий (дерево Будды, колесо Сансары и др.), есть собственные заново создаваемые миры. «Поэт вообще стихийно религиозен...» – говорит Ольга Седакова. «Эклектично религиозен», хочется добавить мне в случае автора «Книги ангелов и стрекоз». «Но дальнейший разговор о вере и её переживаниях я считаю слишком интимным...» – говорит Седакова в той же беседе. Полностью согласен с ней.

Пространство и координаты новой книги определены. Время задано. Три раздела. Сорок восемь стихотворений. Небо – сверху и в начале времён (раздел 1 «Ангелы»). Земля – внизу и заметно попозже (раздел 3 «Стрекозы»). Фигурально книга имеет форму песочных часов, и самая узкая часть их – раздел 2 «И» – всего-то шесть стихотворений. И все они так или иначе – о... смерти. От призыва к будущему дню /человеку («Помяни нас, хороший /нас всех помяни»). Через «Монолог смерти», практически от первого лица, но в пересказе («я твоя самая точная правка сквозящая рифма /я ножевая я полостная твоя лучевая»). Через «Манок» её дудочки, пытающейся увести из детства во взрослость, где альянс со смертью уже обусловлен и даже обещан книжным детям литературоцентристской поры («Ей неймётся и рыщется, старой рыдальщице, /и ей хочется верить, что нам повзрослеется»). Через «Круговерть» череды вырождений-посмертий. И, наконец, – упираясь как в потерю верного жеребёнка детства – берёзового прутика – в «Смерть бумажного кораблика» («У нас в трюме дождевая вода – /вот-те брешь! /То живая, а то не живая, /и не поймёшь»). Возрастной разрыв – непоправимая утрата.

Наличие этого маленького раздела неожиданно создаёт уплотнение и напряжённость. Он, как Босфор и Дарданеллы, – упорядоченно пропускает сквозь себя, пусть не всех, но всё-таки это вы-

ход; это не Сцилла и Харибда, не пропускающие никого... Возвышающая грусть взгляда в природу вещей и событий. Но, несмотря на обилие умножающей печали, автор не воспеваает смерть. Скорее привыкает к её присутствию. И пока та ест с ладошки минуты и часы, которые мы транжирим «мимо жизни», Ксана пытается постичать каждый новый день. Идёт к жизни от обратного. Её исход – витальный.

Книга выстроена по нисходящей. Сверху вниз. Как самая известная часть жизни Икара – падение. Упасть вниз, не понимая в череде жизней, что падаешь. Постепенно вращать в земное, продолжая восторженно считать это полётом.

В текстах раздела 1 «Ангелы» – начало новой мифологии, начало всего. Интродукция. Облачные топи и разреженный воздух. Традиционно выстроенный сюжет: создание – выявление ошибки – попытка её исправить. Ангельские места книги – проталины в сером небе, куда они подныривают из выси, чтобы разглядеть землю. Успеваем ли мы разглядеть их? («смотри, /как луч танцует на воде /и не тонет, /слушай, /как птица плачет, /не пролив ни слезинки, //постигай, /как не оставить следа /в ранах этого мира»).

Собственно ангельское для меня начинается именно в этих строках. И далее. Ещё триоца прозрачных стихотворений – сплошь проталины (циклоид «Как не оставить следа»).

Невесомые. Не потому, что очень короткие. По-иному. Как ангельский лейтмотив.

*своего «я» не произнёс,
не заявил себя в этом мире.
а остаётся рядом – тихо:
мучительный, как затаённый вдох.
молчаливый, как вскрик сломанной ветки.
незамеченный, как голодный котёнок.*

Так и тянет последовать совету автора: посмотреть под корой дерева, поднять камень, поискать в себе.

А стихотворения раздела 3 «Стрекозы» напоминают привычное – черновик жизни, который ещё никому не удавалось сделать чистовиком. И в этой черновой попытке просто жить, как ни странно, возникает раскрепощённость – от права на ошибку. На взлёт и падение. На единственный прощаемый вид беспорядка – творческий. А уж если говорить о центральных текстах этого раздела, то таковыми для меня являются – «Имаго», «Синелька» и «Успеть к тебе». Они – как три опоры, на которых держится местный небосвод. Тематика их создаёт диапазон всего раздела, а строки – несут, как крылья.

Религиозность в книге, конечно же, есть. Но не та, этическая, что замыкает мир накоротко, перекрестив самые простые и непостижимые вещи/истины. Безрассудно закоротив на себя надежду и любовь, обретая веру. Религиозность в «Книге ангелов и стрекоз» – эстетическая. С названием и перебором вариантов (модусов). С осязаемой долей фэнтези и акцентированных эффектов – «Бог из машины» взбивает сливки облаков... сад роняет синие яблоки, скорбя о неумолимо взрослеющем мальчике... ангел делает операцию по обретению пола. Но проталины всё же не за яркими образами, они скорее ими заслоняются и маскируются. Они обнаруживаются не благодаря им, а вопреки.

Стоило бы сказать и о несовершенстве. О сбоях интонации, заданной тональности и филологичности отдельных текстов. О словах и фразах, которые бы попытались вычеркнуть многие редакторы. А я – не стану. В любом деле, в любом объёме всегда находится неделимый остаток, нерастворимый осадок. Милые сердцу безделушки. И «прочий предикат», говоря языком автора. То, чем немислимо жертвовать, несмотря на неудовольствие любого редактора.

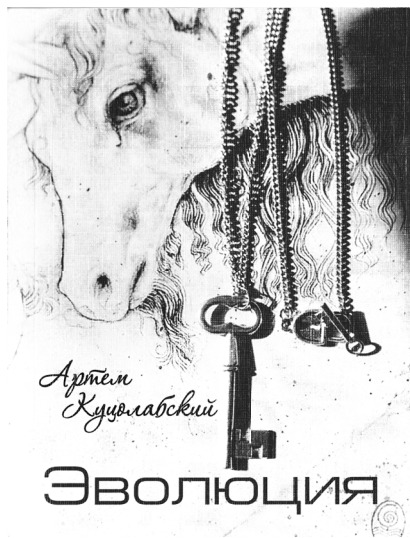
А ещё – «Книгу ангелов и стрекоз» можно читать без всяких правил. Наугад. Открывая на любой странице. Максимально погружаясь в случайное стихотворение, поскольку в каждом из них живёт автор. В угасшем времени или же предвосхищаемом – неважно. Ведь по большому счёту читатель ищет созвучий и совпадений с жизнью собственной.

Чего только нет в этой книге. Заговоры и причитания. Иногда целый причитанец слов и умолчаний. Каприччи-танец словодвижений по прихоти автора. Отсюда всего шаг до словотворчества, которого тоже – есть. А ещё – откровения и кодировки.

Пожалуй, нет лишь одного – повода. Для того, чтобы остановиться. Нет повода сожалеть о том, что родился поэт. Такое вот – «рцы мягко».

СКАНДИНАВЬ

Куцолабський А. Еволюція / Эволюция (вибрана поезія 2006–2016 рр.). – Миколаїв: Видавництво Ірини Гудим, 2016. – 92 с.

«Откуда у парня исландская грусть?» – такой вполне «светловский» вопрос возник у меня при первом прочтении книги Артёма Куцолабского. И ещё десяток других вопросов (сразу оговорюсь: половину из них я снял, получив ответы от автора в «Фейсбуке»).

Стихи Артёма Куцолабского более всего напоминают мне воду. Не ту уничтожительную субстанцию, разбавляющую смысл, не ту «соучастницу», в которой выплеснули ребёнка. Скорее, воду, из которой состоит человек; воду – средоточие информации. Подрагивающую в следе копытца серны, упоминаемой автором. И если уж использовать водную стихию в качестве развёрнутой системы аналогий, книга Артёма – медленные танцы на

дне. Она проступает в этих несуетливых движениях. При условии, что читатель также – не суетится в попытке понять автора, что эти попытки – есть. Вот в моих попытках прочтения (числом пять!) книга и проступала. Пока не стала понятнее и ближе. И тогда контакт с ней состоялся. Главным образом, благодаря принципу: уважать чужой космос и его право на существование. И находить чёрную кошку поэзии в тёмной комнате, особенно, если она там есть. Читай – замечать неочевидное.

Книга двуязычна, но украинский язык здесь формально факультативный, если обратиться к статистике (на нём написана четверть текстов книги). По сути, он не изменяет ситуацию кардинально. Разве что добавляет тепла в голос, но пальцы, ощупывающие пространство, по-прежнему холодны.

В славянском неоязычестве мироздание состоит из триады – Правь (мир истины), Явь (то, чем человек живёт в этой жизни, – настоящее) и Навь (мир мёртвых, мир наваждений). Похоже, последний компонент у Артёма звучит по-своему – Скандинавь.

*прожить смерть в Исландии,
у горячих гейзеров,
на остывших вулканах.
не знать жизнь, не видеть
разницы между рождением
и сходом лавины в горах.*

Скандинавь. Гипотетическая обетованная земля, возможно, максимально совпадающая с внутренним пространством автора, как уравнивающая полярность нашему яркому и жаркому южному краю. То ли дело там – неранящая глаз цветогамма; замедленное время, тяготеющее к эволюционному; просторы и минимум цивилизации – мечта интроверта. Оттого в словах автора нет суеты и стенаний, он знает: рано или поздно попадёт в свою Скандинавь.

Скрытая концепция книги не навязывается, но постоянно ощущается. Несмотря на преобладающий русский язык большинства текстов, это не поэзия адепта «русского мира», а напротив, явно европейская поэзия с украинским акцентом. (И там, где автор проговаривает желаемое, и там, где он проговаривается, не желая того). Это европейская поэзия хорошего уровня. «Эволюция» Артёма Куцолабского, по моему очень частному мнению, – лучшая дебютная книга этого года. И одна из пяти лучших на поэтической полке новинок от местных издателей, явленных в 2016 году. С чем и поздравляю автора. И, пользуясь близостью Нового года, хочу пожелать... Нам – чтобы вторая книга А. К. появилась раньше, чем через очередные одиннадцать лет. Ему – проживать не «смерть в Исландии», а «жизнь в Украине». Несмотря на неизбывность внутренней Скандинави.

И ещё. Желая, чтобы в новой книге было больше текстов предельного уровня. Таких, как стоящий особняком «Ангел з ДНР», будничную репортажность и прозаичность которого в финале пронзает метафизическая мольба, превышающая пацифизм. (Разумеется, он будет убит в первом бою, этот невозможный в окопе парень, читай – вознесётся после первого же боя).

*Може здатися, що у мене замало патріотизму, а може,
ви взагалі думаете: «Якого біса? Що це за гей лав-сторі?»
Але я звертаюсь до Тебе і прошу про одне-єдине, мій Господи:
«Не зазирај до прописки, бережи всіх своїх ангелів, всіх без винятку».*

И, разумеется, таких, как «Джихад», вмещающий в четырёх строках и одну из главных проблем нашей цивилизации, и авторское отношение к ней:

*правоверные правого глаза
выступают в поход против левого
всё это одинаково противно
сердцу, стучащему в обоих ушах*

Вместе с тем, хочется поразмышлять: всегда ли наличие хороших стихов является достаточным условием для явления органичной концептуальной книги. Оговорюсь: все последующие тезисы – не столько критика книги А. Куцолабского, сколько мысли о возможности «поэтической книги» на примере «Эволюции».

Так ли уж безобидна позиция: «Автор не должен ничего объяснять»? Допустим, не должен. А книга, живущая по законам литературы и канонам книгоиздания? Что объясняет отсутствие в ней некоторых элементов аппарата книги? Например, содержательной аннотации и предисловия. Возможно, кого-то и увлечёт поиск смысла и расшифровка аллюзий, но скольким затруднит осознанное прочтение. Или же небрежность в статусных определениях... После первого прочтения выводы были такие: книга не идеальная (а где таковые?), в ней хватает невнятных мест и очень мало ориентиров. Более того – есть метки сродни «болотным огням». Есть и подобие «культурного кода», но напоминающего скорее комплект паролей, по которым люди узнают себя или своё. Такая своеобразная система опознания «свой – чужой», которая меня поначалу отторгла. Да и название «Эволюция» вызвало недоумение. Прежде всего тем, что аналогично назван первый раздел книги (часть от целого), а второй и вовсе – «Революция» (которая, по моему разумению, является не венцом, а предельным исключением, разрушающим правило).

Повторю: дело не в высоте поставленной мною планки, речь – о потенциальной поэтической книге, которой, несомненно, все недостающие элементы пошли бы только на пользу. А взамен, при отсутствии подсказок, сбивающая с толку статусная надпись (один из «болотных огней») – «выбрана поэзия 2006–2016 pp.», заявляющая, что мы имеем дело со сборником избранных произведений (ни больше ни меньше). Такой вот жест: вместо первой книги поэта сразу – его избранное! На самом деле мы имеем обычный авторский отбор в первую книгу – из всего написанного за указанный период (из сотни текстов за одиннадцать лет, со слов Артёма).

Иногда очень хочется думать, что это именно ты чего-то не понимаешь. Иначе становится досадно за автора. Например, не понимаешь: почему один из лучших верлибров, лаконичный и самодостаточный «Джихад», встроен в сложную, местами откровенно прозаическую конструкцию (как если бы дорогие часы использовались в качестве обычного сегмента в браслете). Кстати, о прозе. Её в книге хватает. Семь текстов из семидесяти представленных (каждый десятый) – прозаические по форме. Как минимум, четыре из семи – прозаические и по содержанию. Нужны ли они в поэтической книге, или это важный элемент концепции автора?

Впрочем, игнорирование издательских канонов, по незнанию или в угоду собственным концепциям, никоим образом не влияет на качество стихотворений, помещённых под обложку. Возможно, они не очень и важны, если говорить о поэтическом сборнике, об этом сборище поэтических текстов – да хоть о ворохе стихотворений, нате! Но в том-то и дело: за небольшими формальными изъянами «Эволюция» – не сборник, а самая настоящая поэтическая книга, написанная, продуманная и явленная.

И заключительный штрих. Поскольку в конце книги открыто и положительно говорится о нарциссизме, скажу и я, не опасаясь навлечь возмущённые нападки. Есть в этом явлении и явно положительные черты. Но увидеть их можно только из-за рамки зеркала. «Я дитя, которое тебе вручили», – говорит автор себе внутреннему устами Нарцисса от Стивена Зеранса. И эти слова не случайно венчают «Эволюцию». Они мне видятся – программными. Особенно в контексте одной из самых важных библейских заповедей: «Возлюби ближнего, как себя самого». Как вы думаете, может быть, такие люди стоят на полпути ближе к данной цели, чем многие из нас, не любящих по большому счёту даже самих себя?

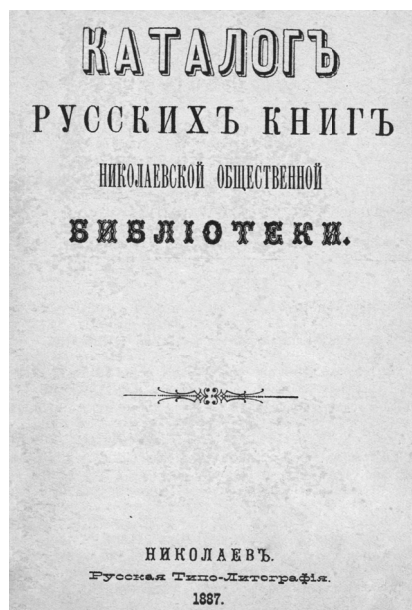
КОРАБЛИ МЫСЛИ

Книги – это корабли мысли, странствующие по волнам времени и бережно несущие свой драгоценный груз от поколения к поколению.

Фрэнсис Бэкон

Николаевская областная универсальная научная библиотека им. А. Гмырёва отмечает свой 135-летний юбилей. За многолетний период существования она собрала в своих фондах более 2 млн полезных, интересных и ценных изданий, которые были впервые напечатаны в Николаеве, на территории Украины и за её пределами.

Особое место принадлежит книгам, журналам и газетам, которые составили основу фонда в первые годы её работы. Фонд библиотеки формировался на основе заказов литературы по каталогам

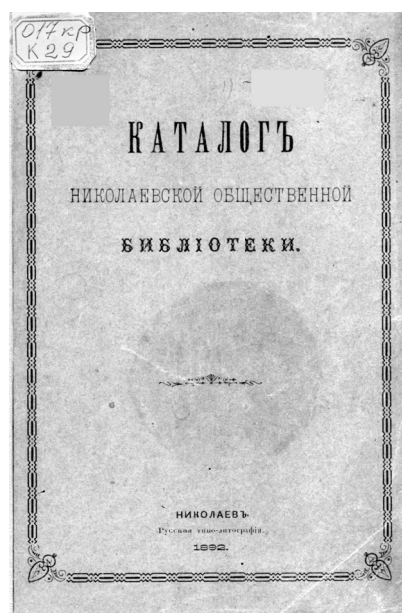

издательств и книжных магазинов Киева, Николаева, Одессы и других городов. Часть изданий была передана учебными учреждениями и общественными организациями. Кроме того, в становлении библиотеки принимали активное участие известные люди нашего края, они не только решали важные вопросы, связанные с её деятельностью, но и дарили литературу из своих личных книжных коллекций. Среди них – первый председатель дирекции библиотеки, городской голова М. П. Паризо-де-ла-Валетт, военный губернатор г. Николаева адмирал М. П. Манганари, врач-меценат А. А. Понятовский и другие жители города.

О том, какую литературу предоставляла библиотека своим читателям в этот период, свидетельствуют печатные каталоги, подготовленные сотрудниками-библиотекарями во второй половине XIX в. Первый «Каталог русских книг Николаевской общественной библиотеки» (Николаев, 1887) состоял из 13 разделов. В него вошли 2203 наименования книг. Благодаря данному каталогу можно утверждать, что в библиотеке собиралась литература по различным отраслям знаний: богословию, философии, логике, психологии, педагогике, правоведению, политике, истории и археологии, естественным наукам, медицине, технике, сельскому хозяйству, языкознанию, литературоведению.

Большую часть фонда составляли художественные произведения популярных на тот момент писателей: Ч. Диккенса, Ж. Санд, А. Дюма, Э. Золя, Я. Полонского, М. Салтыкова-Щедрина, А. Островского, И. Гончарова, Д. Мордовцева и многих других. Произведения этих авторов пользовались большим успехом у читающей публики второй половины XIX в.

Особого внимания заслуживают издания произведений украинских писателей, которые и сегодня хранятся в библиотеке. Среди них «Кобзарь» (Киев, 1877) П. Гулака-Артемовского, в него вошли его лучшие басни и рассказы юмористического характера. Благодаря этому сборнику творчество писателя стало известно широкому кругу читателей. Дело в том, что автор охотно читал басни знакомым, но никогда не думал их издавать и не оставил никакого распоряжения касательно своего творческого наследия. Ценность этого посмертного издания в том, что оно является первой попыткой собрать воедино произведения писателя.

В каталоге также представлены книги «Конотопська відьма» Г. Квитки-Основьяненко, «Орися» П. Кулиша, «Сорочинський ярмарок» М. Старицкого, «Пирятинська ластівка» Е. Гребинки, «Маруся» Марка Вовчка, сборники произведений Н. Гоголя, М. Кропивницкого, И. Котляревского и других украинских писателей, их творческое наследие сегодня является классикой отечественной литературы.

Кроме художественной литературы, в раннем библиотечном фонде достаточно хорошо представлены исторические сочинения. Среди них – труды известного историка и писателя Н. Костомарова. Мечтая о возрождении украинской литературы, он изучил все изданные на тот момент книги на украинском языке. Во время этнографических экскурсий по сёлам Украины собирал народные песни и предания. Результатом тщательной исследовательской деятельности учёного стала книга «Черниговка: быль второй половины XVII века» (Санкт-Петербург, 1881), где автор красочно описал жизнь украинского народа в славные времена запорожского казачества.

Не теряет также своей научной ценности многотомный труд «Исторические монографии и исследования» (Санкт-Петербург, 1863–1872), где Н. Костомаров образно воссоздал историю Украины, написал её живым, доступным языком, что обеспечило ему одно из первых мест среди историков XIX в. Описывая исторические события, автор часто обращался к литературным произведениям, поскольку, по словам Н. Костомарова, «литература есть душа народной жизни, – есть самосознание народности. Без литературы последняя – только страдательное явление, и потому чем богаче, чем удовлетворительнее у народа литература, тем прочнее его народность, тем более ручательств, что он упорнее охранит себя против враждебных обстоятельств исторической жизни, тем самая сущность народности является осязательнее, яснее».

Второй «Каталог Николаевской общественной библиотеки», изданный в 1892 г., по объёму был вдвое больше первого. Его содержание свидетельствует о том, что фонд библиотеки значительно пополнился художественной литературой, книгами по истории и естествознанию. Кроме того, его содержание было дополнено перечнем книг на иностранных языках. Их количество составляло 72 экземпляра. В основном это были издания на французском языке.

Комплектовался фонд библиотеки не только книгами, но и периодическими изданиями. Большой популярностью у читателей пользовались журналы «Артист», «Вестник Европы», «Исторический вестник», «Вокруг света», «Киевская старина», «Нива» и многие другие издания, на страницах которых освещались события общественно-политической, культурной, литературной жизни, печатались произведения известных писателей.

Сегодня книги и журналы, составившие основу фонда библиотеки во второй половине XIX в., стали библиографической редкостью. Они бережно хранятся и не теряют своей научной значимости. Для современных исследователей эти издания являются ценными источниками для проведения научной и поисковой работы в различных отраслях знаний.

*Татьяна Серебрякова,
заведующая отделом научно-исследовательской
работы с редкими и ценными изданиями
Николаевской ОУНБ им. А. Гмырёва*

МИКОЛАЇВСЬКА ОБСЕРВАТОРІЯ

У 1821 р. за ініціативою Миколаївського та Севастопольського військового губернатора О. С. Грейга на верхівці Спаського пагорба було закладено будівлю Миколаївської обсерваторії. Місце розташування об'єкта було не випадковим, оскільки це є найвища географічна точка в межах міста Миколаєва, її височина складає 56 метрів над рівнем Бузького лиману. Проект будівлі створений архітектором Чорноморського Адміралтейського департаменту Федором Івановичем Вуншем (1770–1836 рр.). Нагляд та керівництво над спорудженням обсерваторії здійснювали архітектор Людвіг Опацький та інженер Борис Васильович Фан-дер Фліс. У 1927 р. будівництво та обладнання обсерваторії було завершено, започатковані перші астрономічні спостереження.

Архітектор Ф. І. Вунш був прихильником стилю класицизму, який панував у європейській архітектурі з кінця XVIII ст. Будинок обсерваторії являє собою невелику одноповерхову прямокутну споруду, зведену з блоків місцевого каменю вапняку. Центр фасаду виділений портиком шести струнких колон коринфського ордеру та прямокутним фронтоном, над яким здіймається високий другий ярус – кругла галерея з численними вікнами. Будинок майже позбавлений декоративних деталей. Основний масив будівлі по периметру завершується простим карнизом, характерним для споруд стилю класицизму. Лаконічність та вишукана простота архітектурного образу є виразом високої професійної майстерності архітектора. Вражає гармонія нечисленних деталей і загального задуму. Створюється враження, що сам Спаський пагорб є масивним підмурком для всієї споруди, яка гармонічно виростає з цього природного масиву.

Ф. І. Вунш виявив себе майстром ансамблевого мислення. Будівля обсерваторії вдало вписана в оточуючий пейзаж і є його архітектурною домінантою. В I половині XIX ст. ця частина міста майже не була забудована, тому будівля проглядалася здалеку і лаконічною монументальністю своїх форм справляла враження храму, власне, вона й стала храмом астрономічної науки. Згодом сприйняття будівлі дещо змінилося. Сьогодні, коли комплекс обсерваторії оточений сучасною, не дуже виразною, міською забудовою та великими деревами, які виростили навколо будинку, він сприймається дещо загадково, таємничо, навіть екзотично, але, як і раніше, гармонійно вписується в навколишнє середовище, залишаючись острівцем нашої давньої історії.

Значною мірою збереглися внутрішнє планування та інтер'єри. Особливо вражає центральний зал незвичної круглої форми, прикрашений колонадою. В будівлі обсерваторії знаходиться унікальна бібліотека, архів, колекція старовинних астрономічних приладів та інструментів. Будинок Миколаївської обсерваторії є чи не єдиною спорудою архітектора Ф. І. Вунша, яка збереглася до нашого часу в тому ж вигляді, як її задумав автор. Так само це одна з найстаріших автентично збережених будівель нашого міста. Комплекс Миколаївської астрономічної обсерваторії має статус пам'ятки архітектури України національного значення. Географічні координати Миколаївської обсерваторії є одним з офіційних визначень місцеположення міста Миколаєва на світових географічних картах.

Володимир Шукін
Фото Олександра Сайковського

Рукописи не рецензуються і не возвращаются.

Редакция исходит из того, что авторы публикаций придерживаются действующего законодательства, несут ответственность за достоверность фактов, дат, имён, цитат и пр.

Мнение редакции может не совпадать со взглядами авторов.

Рукописи принимаются вместе с текстами, набранными на цифровых носителях.

Ответственность за содержание рекламы несёт рекламодатель.

Все права защищены.